

ДРЕВНОСТИ ЧАРДАРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

А. Г. МАКСИМОВА, М. С. МЕРЦНЕВ, Б. И. ВАЙНБЕРГ, Л. М. ЛЕВИНА

ДРЕВНОСТИ ЧАРДАРЫ

(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ ЧАРДАРИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА · 1968

В основу монографии положены результаты многолетней работы археологической экспедиции в зоне затопления Чардаринского водохранилища. В ней анализируется новый материал о культуре племен, населявших верхнюю часть среднего течения Сыр-Дарьи с I по XIII век.

Впервые описываются ранние поселения Актобе 2 и Шаушукум, материал с которых важен для выяснения вопросов о возникновении и путях развития оседло-земледельческой культуры на территории Казахстана. Исследуется процесс становления средневекового городища Актобе 1, которое в ранний период существования входило в круг памятников культуры Каунчи, а в поздний имело сходство с памятниками Средней Азии и Казахстана.

В книге дается характеристика курганных могильников, расположенных вблизи поселений. Они рассматриваются в сравнении с памятниками этого периода Средней Азии и Поволжья.

В специальном разделе освещаются вопросы хозяйства, быта, религиозных представлений, а также этнической принадлежности местных племен.

Книга предназначена для специалистов-археологов и историков, студентов гуманитарных факультетов и читателей, интересующихся прошлым Казахстана.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
К. А. АКИШЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Посвящается
строителям
Чардара ГЭС*

Территория, где когда-то находились памятники седой старины, которым посвящен этот труд, ныне является дном Чардаринского моря. Памятники навсегда ушли под воду, ушли из «жизни», но не погибли для науки.

Наше великое государство всегда стояло на охране памятников древности. В зону затопления будущей Чардаринской ГЭС раньше строителей пришли археологи. Ученые первыми проникли в тайны погибших городов и степных курганов, а гидростроители были первыми посетителями полевых музеев. Первая лопата земли выброшенная археологами, явилась началом строительства Чардаринского водохранилища, ибо по закону, существующему в нашей стране, только после разрешения археолога могут быть разрушены памятники былых цивилизаций.

Существует ли более гуманный закон, чем закон величайшего уважения к творениям рук человеческих, к памяти древнейших создателей? Этому советскому закону неизвестные строители и жители древних городов Актобе 1 и 2, Шаушукумтобе обязаны своей вторичной жизнью на страницах данной книги.

Такова предыстория появления коллективного труда «Древности Чардары».

Работа посвящена изучению одной из общих и актуальных проблем археологии Средней Азии и Казахстана — истории возникновения и развития оседлых поселений и средневековых городов.

Материалы, послужившие основой для изучения этой проблемы, представляют особый научный интерес, так как они получены при раскопке памятников, расположенных на контактной территории, где происходил интенсивный процесс соприкосновения и взаимовлияния двух больших культур древнего мира: земледельческой и кочевнической. Итоги изучения чардаринских древностей доказали своеобразие материальной культуры, возникшей на основе синтеза двух упомянутых культур.

«Древности Чардары» вводят в историческую науку новый, квалифицированно систематизированный археологический материал по истории одного из локальных районов Казахстана античного и средневекового периодов.

В книге сделана попытка проследить многовековую эволюцию от небольших оседлых поселений раннего типа к развитому средневековому городу, разработана хронология развития материальной и духовной культур. В ней также рассматриваются некоторые вопросы прогресса хозяйства и социальной истории древнего общества.

Авторы работы — казахстанские археологи А. Г. Максимова, М. С. Мерциев и их московские коллеги Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина — участники археологической экспедиции и исполнители договорных работ с Чардарастроєм.

К. Акишев

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий труд явился результатом археологических работ, проводившихся в 1959—1963 гг. в зоне Чардаринского водохранилища, точнее, в районе среднего течения р. Сыр-Дарьи, от Чиназского моста до центральной усадьбы совхоза «Чардара».

С целью археологического изучения территории, которую намечалось затопить, в 1959 г. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР организовал Чардаринскую экспедицию. В связи со строительством водохранилища археологические работы пришлось форсировать.

Свои работы экспедиция сосредоточила на исследовании поселения Актобе 2, городищ Шаушукумтобе, Актобе 1 и курганных могильников, расположенных поблизости¹ (см. карту). Для выяснения взаимосвязей могильников с поселением и городищами, а также восста-

---

¹ Работы на поселении Актобе 2 вели Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина, начальник отряда — Б. И. Вайнберг (научные сотрудники Ин-та этнографии АН СССР); на городище Шаушукумтобе — Г. И. Пацевич; на городище Актобе 1 — М. С. Мерциев и на могильниках — А. Г. Максимова, начальник экспедиции (научные сотрудники Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР).

новления картины исторического прошлого местного населения выбирались разновременные и разнотипные памятники.

Впервые район левобережья Сыр-Дарьи в 1951 г. обследовал Г. И. Пацевич в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции, руководимой А. Н. Бернштамом. Г. И. Пацевич дал краткое описание и схематический план городища Актобе 1, собрал подъемный материал, на основании которого продатировал его первой половиной I тысячелетия н. э. — IX—XI вв.² В том же году Е. И. Агеева в 10 км к северо-востоку от городища раскопала несколько курганов³.

В 1955 г. городище Актобе 1 посетила Н. Н. Вактурская и датировала его также по подъемному материалу, но поздним средневековьем⁴. В 1958 г. археологическая разведка была продолжена А. Г. Максимовой в основном по правому берегу. Она нанесла на карту могильники и поселения и собрала подъемный материал.

В античных, арабских и других письменных источниках имеются незначительные сведения о районе среднего течения р. Сыр-Дарьи, который издревле был заселен человеком, чему благоприятствовали природно-климатические условия.

Наличие зимних и летних пастбищных угодий способствовало занятию скотоводством и содержанию скота круглый год на подножном корму, а плодородные почвы поймы Сыр-Дарьи были пригодны для выращивания зерновых (просо, ячмень, пшеница) и бахчевых культур.

О Сыр-Дарье — главной водной артерии этого района — в сочинении Фазлалаха ибн Рузбихана ал-Исфахани «Михман-наме-йи Бухара» (начало XVI в.) говорится: «Ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сыр-Дарья; по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей... По берегам, утопающим в разнообразных цветах, обитают разнообразные пернатые... и животные, растут непроходимые даже для ветра и духов леса, заросли можжевельника»⁵. И ныне побережья Сыр-Дарьи богаты дичью, а река рыбой. Поэтому не случайно человек с глубокой древности, с эпохи неолита и бронзы, обжил эти места, о чем свидетельствуют находки

---

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология, 1958, стр. 116, 117.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Н. Н. Вактурская. О поездке в южные Кызыл-Кумы в 1955 г. В кн.: «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг.» (Материалы Хорезмской экспедиции), вып. 1, М., 1959, стр. 40, 51.

⁵ К. А. Пищулина. О роли и значении присырдарьинских городов в истории казахских ханств в XV—XVII вв. (Рукопись).

кремневых орудий (нуклеусы, скребки и сколы), обломков и целого сосуда на поселении Актобе 2 (см. рис.) и, наконец, погребение в ур. Жаман-Тогай. Небольшой материал, полученный при раскопке этого кургана, вместе с отрывочными сведениями античных авторов (Страбон — I в. н. э., Арриан — II в. н. э.) позволяет нам присоеди-

Глиняный сосуд эпохи бронзы с поселения Актобе 2.

ниться к высказанному предположению, что на рубеже VII—IV вв. до н. э. на этой территории жили племена, входившие в крупный племенной союз саков-абиев⁶ — позднейших яксартов⁷. Г. В. Григорьев на основании исследований приходит к выводу, что саки, жившие по Сыр-Дарье, были не только скотоводами, но знали и земледелие⁸. Начиная со второй половины II в. до н. э. в восточных источниках появляются сообщения о территории довольно крупного племенного союза — Кангюй. «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад» и «... имеет под собою пять малых владений, ... Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегань»⁹. Изучаемый нами район, по-видимому, был окраиной одного из владений Кангюй — Юни (Юени)¹⁰, которому, как полагает А. Н. Вернштам, соответствует Ташкентский оазис с культурой Каунчи¹¹. С Кангюй, вероятно, можно связать исследованные памятники: поселение и могильник Актобе 2, нижние слои городищ Актобе 1, Шаушукумтобе и могильник с тем же названием.

⁶ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 29, 30; Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М. Е. Сергеевко. М. — Л., 1962, стр. 133; Аммиан Марцелин. История. Перевод с латинского проф. Ю. А. Кулаковского, вып. 2. Киев, 1907, кн. XXII, стр. 187.

⁷ А. Н. Вернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI, стр. 348.

⁸ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1, стр. 58.

⁹ Н. Я. Вичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 150, 186; его же. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960, стр. 571.

¹⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 7; А. Н. Вернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Известия АН КазССР, серия археологическая, 1949, вып. 2, стр. 91.

¹¹ А. Н. Вернштам. Древний Отрар. Известия АН КазССР, серия археологическая, 1951, вып. 3, стр. 97; его же. Очерк истории гуннов. Л., 1941, стр. 84.

Судя по древним историческим сочинениям и археологическому материалу, с I в. до н. э. и по I вв. н. э. происходила инфильтрация кочевых племен (хуннов) из Центральной Азии в Казахстан и Среднюю Азию. Возможно, хуннам принадлежит могильник в ур. Жаман-Тогай и одиночное погребение на поселении Актобе 2. В VI—VIII вв. н. э. эта территория входила в состав Тюркского каганата. Как сообщает В. В. Бартольд, «вся страна между Аму-Дарьей и Чу в культурном отношении представляла одно целое; одежда жителей, письмена и язык были одинаковы»¹². После распада Западного тюркского каганата (737 г.) этот район стал частью тюркешского племенного союза. Через два года (739 г.) тюркешский хан Курсуль попал в плен к арабам где-то в районе средней Сыр-Дарьи¹³. В конце первой половины IX в. здесь господствовали саманиды. К этому времени можно отнести сооружение крепостных стен на городище Актобе 1.

Но уже в 999 г. государство саманидов рухнуло, власть перешла к родоначальнику тюркской династии Караханидов — Богра-хану. На этот период падает расцвет городища Актобе 1. Пока не известно, была ли данная территория под властью (IX в.) племенного объединения огузов, но несомненно, что связь с ними существовала, возможно, торговая, о чем свидетельствуют находки глиняных сосудов.

В XII в. в этом районе была весьма сложная политическая обстановка. Как указывают источники, с одной стороны, происходит проникновение каракитаев и распространение их власти на Казахстан и Среднюю Азию, а с другой — хорезмшах Мухаммед стремится присоединить эти районы к Хорезмскому государству¹⁴.

В начале XIII в. в связи с нашествием монголов жизнь в ряде городов Сыр-Дарьи (Бенакет, Юган-тепе и др.) прекращается, в том числе и на городище Актобе 1.

* * *

Предлагаемая работа состоит из пяти глав и введения.

Первая глава посвящена итогам изучения одного из ранних поселений — Актобе 2 (§ 2—4 написаны Б. И. Вайнберг, § 5 — Л. М. Левиной, § 1, 6 — совместно). Полученный материал позволяет заключить, что оно является типичным памятником каунчинской культуры Ташкентского оазиса и относится к I — началу IV в. н. э.

Во второй главе (автор Г. И. Пацевич) описываются раскопки на городище Шаушукумтобе. Изучение материала (остатков архитек-

¹² В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17.

¹³ Там же, стр. 19, 20.

¹⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни..., стр. 81; его же. Очерки истории..., стр. 33, 34.

турных сооружений, предметов материальной культуры) позволяет выделить на городище два периода: нижний — кангюйский (III—V вв.) и верхний тюркский (VI—VIII вв.). Анализ керамики с городища сделан [Е. И. Агеевой] .

В третьей главе (автор М. С. Мерциев) рассказывается о работах, проводившихся в цитадели, шахристане и оборонительных сооружениях городища Актобе 1 (IV — начало XIII вв.). Автор показывает процесс развития небольшого оседлого поселения в средневековый город.

Четвертая глава (автор А. Г. Максимова) знакомит читателя с погребальными сооружениями и инвентарем курганных могильников, которые, видимо, оставлены жителями ближайших поселений и городищ.

В пятой, заключительной главе (авторы А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина) рассматриваются вопросы хозяйства, общественного строя и религиозных представлений населения этого района.

На основании анализа всего материала авторы пришли к выводу, что поселение Актобе 2, городища Шаушукумтобе и Актобе 1, могильники относятся к памятникам Ташкентского оазиса, но не лишены своеобразия, которое объясняется периферийностью района, спецификой физико-географических условий и близостью к кочевой степи.

Большая часть рисунков и таблиц выполнена П. В. Агаповым, чертежей и планов могильников и городищ — Г. В. Демченко, фото — О. В. Медведевым.

Во время полевых исследований археологи часто обращались за помощью и получали ее от руководства Чардарастроя и строителей. Пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю благодарность начальнику строительства А. К. Касымову, главному инженеру А. А. Звонцову, заместителю главного инженера Б. Г. Рындину и всем товарищам, оказывавшим содействие в нашей работе.

В экспедиции сезонно принимали участие: Х. Арсланова, О. М. Грязнов, А. С. Дубровский, В. П. Карпенко, М. Т. Лепихов, Т. Н. Немнонова, И. Н. Фаддеев, А. А. Чариков; школьники Алматы и Чимкента и бесценный водитель автомашины ГАЗ-51 М. Сапрыгин, которым мы выражаем свою глубокую признательность.

Авторы благодарны также коллегам-историкам за советы, ценные замечания и пожелания, высказанные в процессе работы над рукописью.

1

ПОСЕЛЕНИЕ АКТОБЕ 2.

(I—начало IV в. н. э.)

1. Описание памятника

Поселение Актобе 2 находится на правом высоком берегу Сыр-Дарьи, в 15 км выше по реке от пос. Чардарастоя, размер его 325×115 м (рис. 1, 2). Оно построено на естественной возвышенности и делится на три постепенно возвышающиеся части: «город», цитадель и небольшой дворец (названия даны условно).

Городище обнесено с трех сторон (обращенных к степи) валом-стеной и с четвертой (со стороны реки) мощной стеной. В середине южной части имеется цитадель в виде площадки размером 75×90 м, вытянутой вдоль стены над рекой. Площадка хорошо видна, она на 2—3 м возвышается над остальной частью городища. У юго-восточной стены внутри цитадели (вдоль русла) расположено округлое тобе — развалины дворцового здания с более низкой застройкой на его восточной стороне. Тобе возвышается над цитаделью и достигает отметок +19,5—19,9 м. Южную часть дворца нарушила промоина, разрезающая часть построек и культурный слой. В этой, самой высокой, части городища первоначально и был заложен раскоп 1 (рис. 3), расширенный затем к востоку от стены цитадели¹.

¹ Всего за два полевых сезона (1961 и 1962 гг.) на территории городища было заложено четыре раскопа и несколько шурфов общей площадью около 1250 кв. м.

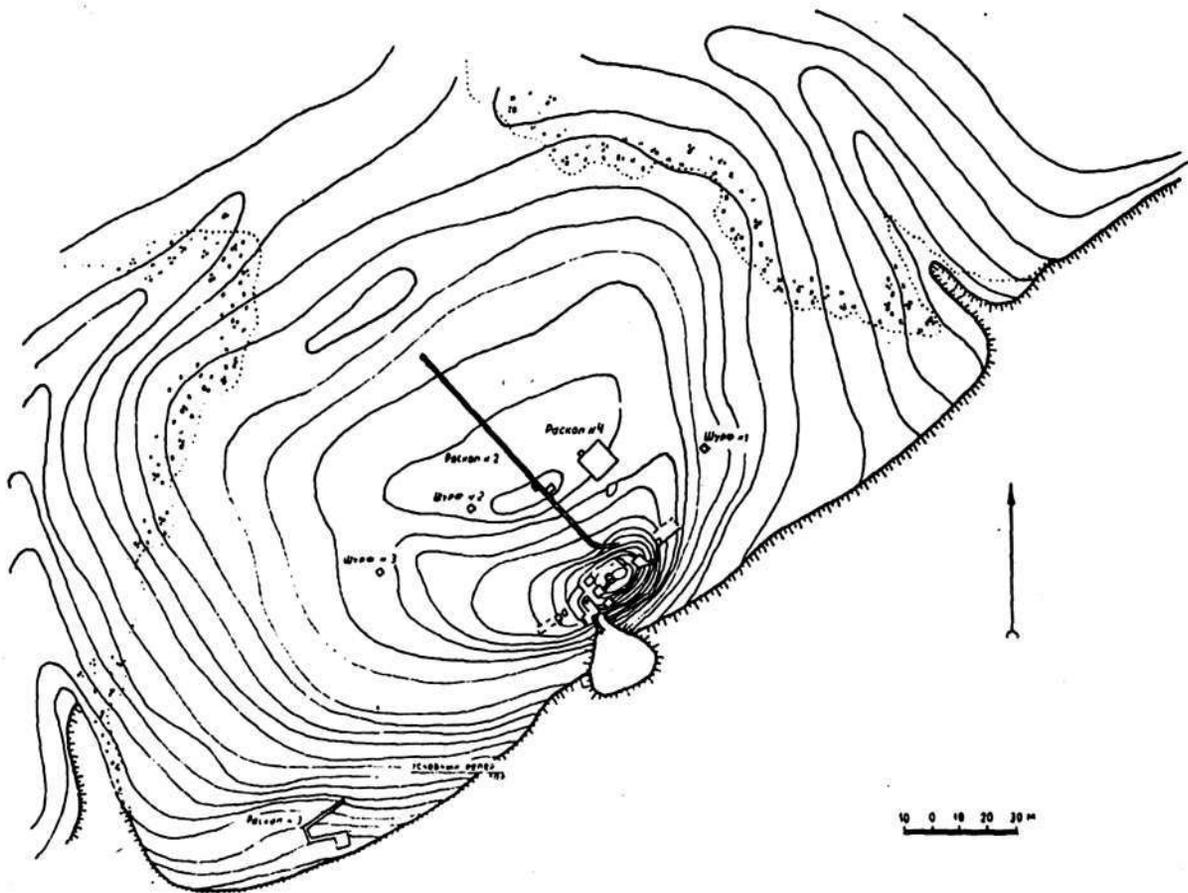

Рис. 1. Городище Актобе 2. План.

Для выяснения соотношения разных частей памятника была вырыта траншея (раскоп 2) от дворцового здания к северо-западу через цитадель и внешнюю часть городища. Ширина ее в местах интенсивной застройки 3,5 м, в других — 1,5 м (рис. 4).

Раскоп 3 был разбит у южного угла крепости для определения характера внешней крепостной стены.

Раскоп 4 (площадь 10×10 м) был заложен в северном углу цитадели для установления типа и стратиграфии жилых комплексов на цитадели.

К югу от раскопа 4, где случайно был найден хум, заложили шурф (раскоп 4а) размером около 20 кв. м, расчищенный лишь на глубину 0,5 м. Снятый слой содержал большое количество целых и раздавленных керамических сосудов.

Шурфы (1, 2 и 3) были сделаны в разных местах городища за пределами цитадели (рис. 1), чтобы выяснить застроенные участки. Раскопы одновременно позволили изучить стратиграфию исследуемого участка.

На основании полученных данных можно заключить, что поселение Актобе 2 — однослойный памятник. Дворец и цитадель пережили два строительных периода, но их вряд ли перепланировывали, скорее всего лишь ремонтировали и частично перестраивали. Постройки обоих строительных периодов дали обильный однородный керамический материал. Стратиграфическая траншея раскопа 2 показала, что дворец, цитадель и «город» были возведены одновременно на естественном возвышении, отметки которого над руслом, проходившим у подножья крепости, колеблются в пределах 12—13 м.

2. Оборонительные сооружения

Поселение Актобе 2 было сильно укреплено. По обрывистому берегу реки над руслом прослеживается мощная пахсовая стена, возвышающаяся над сухим руслом от 5—6 до 15 м (рис. 2). Стена сложена из тонких вертикальных блоков разных размеров, зачастую имеющих форму призмы, поставленной на треугольное основание. Пахса очень прочная, изготовлена из желтой зернистой глины, содержащей естественные белые примеси². Длина стены позволила сразу же определить границы поселения.

Раскоп 3 (рис. 5) показал, что пахсовая облицовка начинается несколько ниже уровня дна современного сухого русла протока Сыр-

² А. Г. Максимова считает то, что Б. И. Вайнберг принимает за кладку стены есть размытый водой и развеянный ветром отвесный в этом месте берег реки. [Отв. ред.].

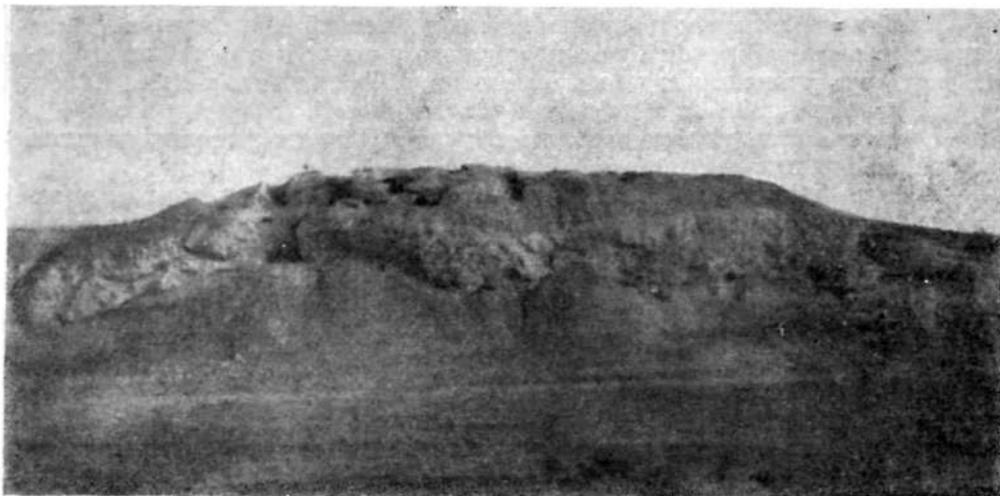

Рис. 2. Вид на поселение Актобе 2 со стороны сухого русла р. Сыр-Дарья.

Дарья. Она опирается на глинисто-песчаные намывные слои. Зачистка была произведена уже на сильно разрушенном участке, стена в этом месте облицована до высоты 9 м и идет с небольшим откосом почти вертикально. Вдоль стены (на ширину естественного откоса — от 3 до 8 м) шли намывные супесчаные слои с золистыми прослойками, угольками и культурными остатками. Здесь, на глубине 70 см от верхнего сохранившегося края стены, был найден целый сосуд — розово-глиняная лощеная кружка с ручкой в виде барана.

Зачистка внешнего южного угла крепости убедила в том, что каких-либо фортификационных конструкций стены «города», очевидно, не имели, так как даже угол крепости не был укреплен башней. Траншея, заложённая поперек юго-западной стены, позволила установить, что внешняя крепостная стена смыта, а сохранилась лишь облицовка естественного бугра, служившая ее основанием. По культурным слоям и небольшому перепаду в конструкции удалось проследить предполагаемую линию стены. Толщина ее у основания достигала 7 м, она строилась из пахсы на укрепленном естественном основании. Облицовка пахсой естественного бугра продолжена и в глубь городища (на расстоянии 5 м) уже небольшим слоем — до 20 см и подстилает культурные слои и полы каких-то построек.

Остатки внешней стены городища в виде вала прослеживаются в его северной и северо-западных частях, в восточной — следы ее теря-

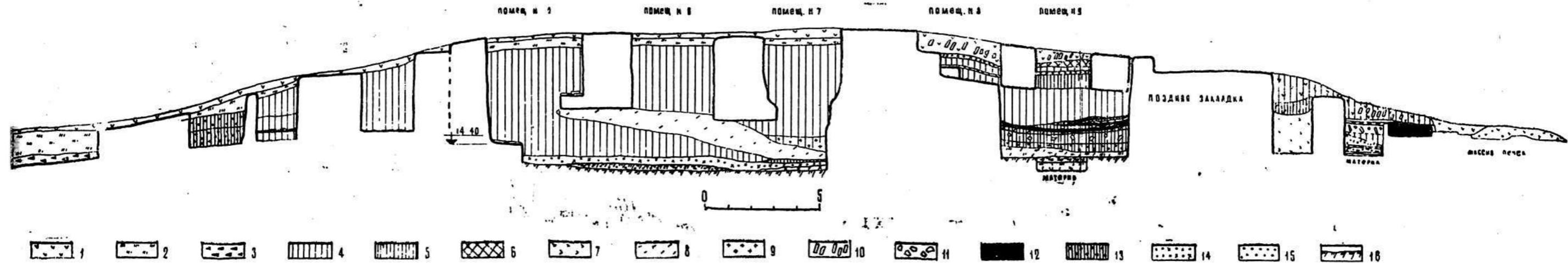

Рис. 3. Стратиграфический разрез раскопа 1: 1 — дерновый слой; 2 — глиняные намывы; 3 — гумусный слой; 4 — глиняно-кирпичный завал; 5 — рыхлая мелкокомковатая глина; 6 — слой остатков сгоревших деревянных перекрытий и балок; 7 — рыхлый глиняный слой с перепревшими остатками зерен и растений; 8 — песчаные намывы; 9 — комки обгоревшей глины; 10 — завальные кирпичи; 11 — крупные комки глины; 12 — зольные прослойки; 13 — завал из мелкокомковатой глины с керамикой, костями животных и угольками; 14 — культурный слой со следами камыша; 15 — зольные вкрапления; 16 — глиняная обмазка пола.

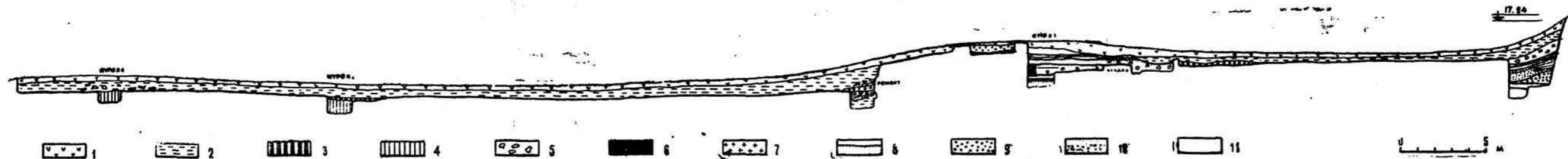

Рис. 4. Стратиграфический разрез раскопа 2: 1 — дерновый слой; 2 — песчано-глиняные намывы; 3 — слой интенсивно сгоревшего (пожара) с завалом конструкций из глины; 4 — материк; 5 — кирпичный завал; 6 — зольные прослойки и угли; 7 — слой с известковыми и угольными включениями; 8 — пол; 9 — песчано-глинистый слой с золой; 10 — песчаный слой; 11 — рыхлый слой с известковыми вкраплениями.

ются в большой промоине, далее границы городища можно определить лишь по южной стене, идущей вдоль обрыва.

Траншея раскопа 2, разрезавшая вал крепостной стены в северо-западной части поселения, показала, что под ним почти не сохранилось остатков строительных конструкций. Можно лишь условно определить границу основания стены (рис. 4), поставленной на материк, укрепленной тонкой пахсовой облицовкой (5—10 см). От самой стены остались лишь комки пахсы или кирпича.

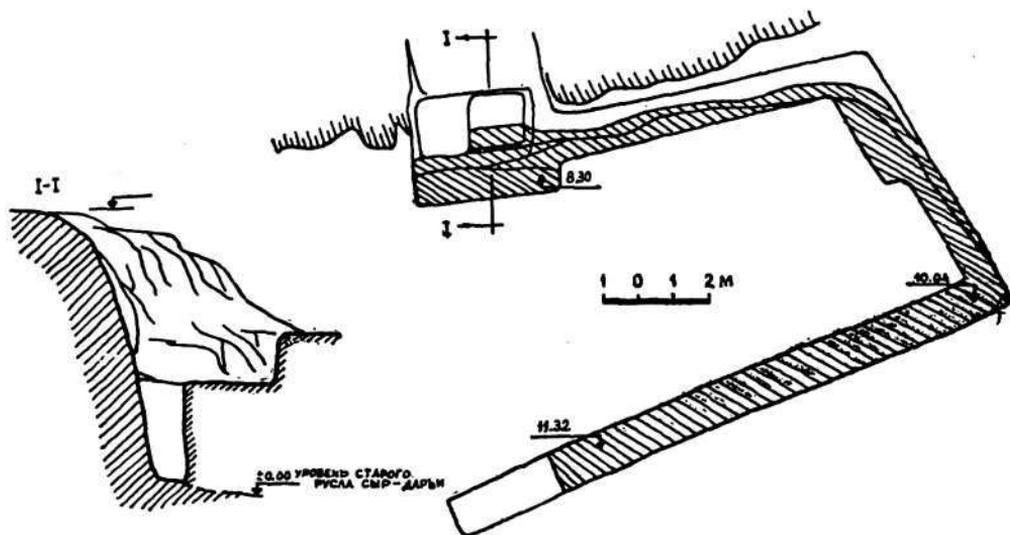

Рис. 5. Раскоп 3. План и разрез через стену.

Местонахождение городских ворот определить трудно. Вал, проходящий в западной и северо-западной частях городища, расположение южной стены по обрыву над рекой дают возможность полагать, что ворота находились в самой низкой северной или северо-восточной частях стены.

Обследование хорошо сохранившейся южной стены, укрепившей обрыв, показало, что она строилась одновременно для цитадели и «города». Это подтверждается и данными стратиграфии. Стена цитадели сложена из сырцового кирпича размером 40×40 и 50×30 см, который в отличие от кирпича жилых и дворцовых построек поселения приготовлен из той же желтой с белой примесью глины, что и пахса внешней стены «города». Такая кладка намного прочнее обыч-

ной. На участке, вскрытом траншеей, она переходит в кладку основания башни (рис. 6). Сохранилась лишь платформа основания башни высотой от 2,5 до 3 м. Башня овальной формы (вскрыта половина ее) и выступает из плоскости стены на 2,7 м. Толщина крепостной стены цитадели в районе башни без внутренних приставок 2 м. Зачистка показала, что платформу башни неоднократно ремонтировали. По рельефу цитадели (сравнивая его со вскрытым участком) можно сказать, что ее северо-западная стена имела скорее всего две башни (включая раскопанную). Вероятно, между ними и был вход в цитадель.

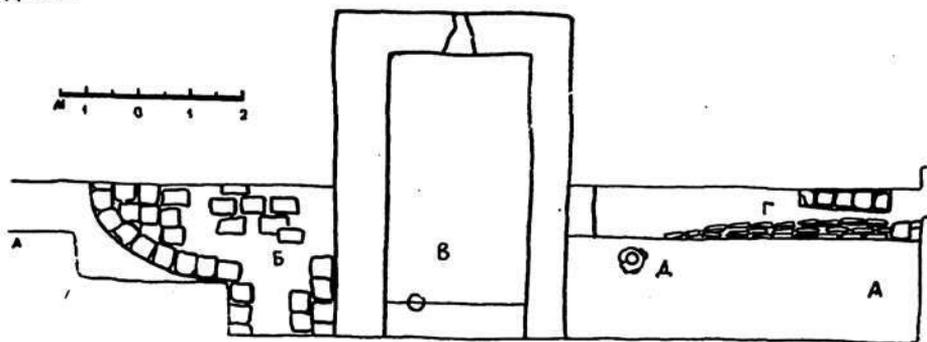

Рис. 6. Раскоп 2. План участка в районе стены цитадели: А — траншея раскопа; В — башня цитадели; В — помещение верхнего строительного периода; Г — стены помещений на цитадели; Д — печь.

Овальные в плане башни до недавнего времени считались более типичными для средневековой архитектуры. Раскопки последних лет выявили, что эта форма укреплений характерна для памятников Средней Азии с самых древних времен (округло-овальные башни Кюзели-Гыра в левобережном Хорезме, VI—V вв. до н. э.; овальной формы башни на городской стене Бабиш-Муллы I в низовьях Жаны-Дарьи, IV—II в. до н. э.³ и башни раннего строительного периода на цитадели Варахши в Бухарском оазисе⁴). Наиболее близки к башням Актобе 2

³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 97, 103, 158.

⁴ В. А. Ш и ш к и н. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахши (1947—1953 гг.). «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР» (ИИА), вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 40; С. К. К а б а н о в. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахши в 1953—1954 гг. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 109, 128.

по форме и принципу постройки башни городища Бабиш-Муллы I (у них такое же паховое основание, выступающее из плоскости стены до 3 м).

3. Жилые постройки

Жилые постройки вскрыты нами только в пределах цитадели и дворцового здания.

В цитадели они располагались по всей площади, непосредственно примыкая к крепостной стене. Раскоп 4 в северном углу цитадели (рис. 7) позволил обнаружить, что застройка ее началась сразу же после возведения крепостной стены. Помещения местами пристраивали вплотную к крепостной стене; кое-где они образовывали с ней небольшой угол, но и тогда пространство между ними закладывали кирпичом, строительным мусором и т. д. Шурфы, расположенные у внешней стены дворца, показали, что жилые постройки примыкали к дворцовому комплексу.

Раскопки жилого комплекса (рис. 7), где было вскрыто четыре помещения, дали возможность установить, что за все время существования поселения его перестраивали лишь один раз, в результате чего самое большое (длина около 7,7 м, ширина по нижнему слою неизвестна) помещение 1 было разгорожено на два (пом. 1 и 2). К этому времени крепостная стена цитадели, очевидно, утратила свое фортификационное значение, пришла в негодность и была либо разрушена, либо срублена на высоту от 1—1,5 до 2 м от основания; на ней возвели неширокие (около 3 м) помещения верхнего строительного горизонта, вытянутые вдоль стены (раскоп 2 и 4).

Стены сложены из сырцового кирпича плохого качества (размеры определить невозможно, видны лишь горизонтальные ряды кладки), положенного на толстый слой раствора (местами до 10—12 см), содержащего большое количество золы, угольков, гумусных остатков. Аналогичный строительный прием наблюдал Г. И. Пацевич в постройках Шаушукумтобе. Некоторые стены, чаще всего возведенные позднее дополнительные перегородки, сделаны из комков глины, обломков кирпича и по виду очень напоминают кирпичные завалы; примыкающие же к крепостной стене сложены из более качественных строительных материалов. В кладке встречается квадратный 40×40 (38—39×38—39 см) и прямоугольный (50—51×30—27 см) кирпич, скрепленный глиняным раствором.

Стены сохранились на высоту от 30—40 см (поздние) до 2 м (ранние). Штукатурки на них не обнаружено. Полы в помещениях глиняные и утопанные по чистому плотному слою супеси. Перекрытия, очевидно, были плоские, балочные. Почти во всех помещениях в зава-

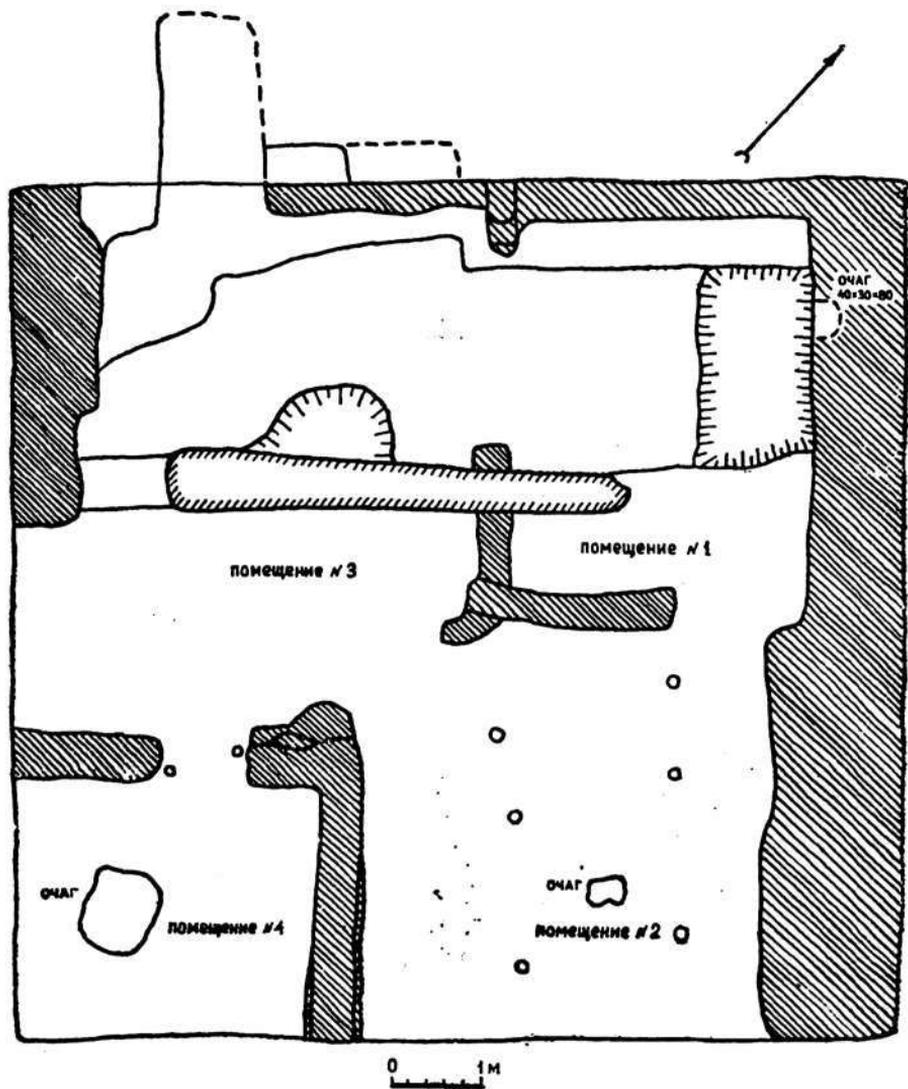

Рис. 7. Раскоп 4. План построек в цитадели.

ле над полом найдены обломки сгоревших балок перекрытия, солома и камыш, настилавшиеся на них, и куски слегка обгоревшей глины, которой было покрыто перекрытие сверху. Интересно отметить, что в помещениях, ширина которых более 3 м, в полу имеются ямки от столбов, поддерживавших, вероятно, балки кровли. В помещении 2 (раскоп 4) видны два ряда таких ямок, располагавшихся на 1,8 м друг от друга и на расстоянии более 1 м от стен. Ямки вырыты и в дверных проемах.

Кроме остатков очагов, никаких конструкций не обнаружено. Встречены очаги трех типов (собственно конструкцию имеют два типа). Самыми примитивными очагами были костры на полу, возможно, в небольшом углублении. Они, как и каминчики, вероятно, служили для обогрева. Один из каминчиков расчищен в восточной стене помещения 1 (раскоп 4) и относится к нижнему строительному периоду. Он устроен на уровне самого раннего пола в виде округлой формы пещерки в толще кирпичной стены. Ширина его 40 см, глубина 30 см, высота 90 см. По форме очаг напоминает печки, раскопанные Г. В. Григорьевым на Каунчи-тепе, но в прокаленных стенках нашего очага нет никаких отверстий для дымохода⁵. Под очага прокален слабо, на нем был слой белого пепла и золы толщиной около 15—18 см.

Очаги третьего типа предназначались для варки пищи. Это печки из кирпича и глины с отверстием, в которое вмазывался или вставлялся казан или горшок. С трех сторон у печи глиняно-кирпичная стенка, с четвертой находится устье топки. В противоположной стенке делался дымоход. Очаг имеет в плане подпрямоугольную форму. Хорошо сохранился очаг такого типа в четвертом помещении, хуже — во втором. Они располагались в центре помещения. Подобные печки распространены в различных районах Средней Азии до нашего времени.

От описанных жилых помещений несколько отличается помещение верхнего строительного периода, возведенное на крепостной стене и вскрытое нами в стратиграфической траншее раскопа 2 (рис. 6). Это узкое помещение вытянуто по направлению крепостной стены, размером 2,7 × 5,6 м. Проход расположен в северо-западной стене. Пол плотный, с хорошей глиняной обмазкой. Вдоль западной стены устроена лежанка — суфа высотой 30 см. Край ее выложен прямоугольным сырцовым кирпичом, как и стены помещения. Суфа заполнена обломками кирпича и комками сильно уплотненной глины. В северной ее части прослеживаются остатки глиняных обожженных стенок очага, предназначенного, вероятно, для варки пищи. В полу суфы против

⁵ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 17.

очага имелась ямка хозяйственного назначения. В центре помещения на полу обнаружено очажное пятно.

В жилых зданиях, очевидно, иногда располагались и небольшие производственные комплексы. Так, в верхних строительных слоях здания, вскрытого частично стратиграфической траншеей на цитадели, сохранились остатки круглой печки диаметром внутри около 20 см (рис. 6). Изнутри она сильно прокалена, наполнена обожженной глиной, золой, пеплом. Стенки ее вырублены в кирпичном массиве. Вся поверхность вокруг очага покрыта плотным слоем золы. Ни для варки, ни для обогрева столь небольшая по размеру, но интенсивно действующая при явно высокой температуре (стенки прокалены добела, а лежащий за ними слой 15—20 см — докрасна) печка служить не могла. Связать же ее с каким-либо определенным производственным процессом пока нет оснований.

Все постройки на цитадели, как прослежено в раскопах 2 и 4, погибли от пожара. Верхние помещения (второй строительный период цитадели) в настоящее время почти смыты, стены их сохранились на высоту от 20 до 50 см. Полы и стены перекрыты мощным слоем, образовавшимся во время пожара (от 20 до 60 см в отдельных местах), сплошь подстилающим дерновый и намывной слой на цитадели (рис. 4). В ряде помещений на цитадели и в раскопе 2 встречено большое количество обгоревших балок перекрытий, камыша и соломы. В некоторых местах даже нижняя часть стен слегка подпалена рухнувшей, но еще горевшей кровлей.

* * *

Траншея (раскоп 2) на городской пристройке не выявила сплошного культурного слоя. Золистый слой зафиксирован на протяжении лишь 1,5 м к северо-западу от башни цитадели и около 2 м к юго-востоку от крепостной стены. Между этими небольшими участками на высоту около 1—1,5 м над материком шел слой песчано-глинистого намыва с включением керамики, костей животных (рис. 4).

Аналогичный материал дали шурфы в северной и восточной частях пристройки. Очевидно, эти наиболее низкие части поселения не застраивались, они предназначались либо для устройства легких переносных жилищ, либо для загона скота. Золистый слой у крепостных стен также может свидетельствовать об этом.

Иную картину показал шурф в западной части городской пристройки и частично раскоп 3. К западному углу цитадели со стороны «города» примыкает большой бугор, одинаковый с ней по высоте; он занимает почти все пространство между стенами цитадели и «города». Шурф 3 (размер 2×2 м), заложенный на западном склоне бугра, вскрыл остатки здания из сырцового кирпича.

Траншея раскопа 3 на городской пристройке позволила выявить также две жилые поверхности с довольно интенсивными зольными слоями. Общая толщина культурного слоя более 0,5 м.

На основании этих, хотя и довольно скудных данных, можно заключить, что западная, юго-западная и южная части «города» были застроены в отличие от описанных низких частей города и, возможно, в то время, когда жилые постройки перекинулись через стены цитадели (второй строительный период).

4. Дворцовое здание

Большой интерес представляли раскопки крупного архитектурного комплекса, названного нами дворцом (рис. 1 и 8). Еще Г. В. Григорьев, описывая топографию келесских городищ, указывал, что большинство их имеет на самой высокой части обрыва бугор («вышку»), скрывающий остатки большого архитектурного комплекса⁶. Наше дворцовое здание — постройка именно такого типа. Вскрыто все здание.

По внешнему контуру оно представляло собой прямоугольник со скругленными углами размером 28×18,5 м (весь внешний контур здания нами не раскопан, но узловые места скругления стен и основные линии их направления выявлены).

Дворец состоял из крестообразно расположенных пяти небольших помещений, входного комплекса и двух коридорообразных помещений, огибавших с запада и востока все здание. С юго-запада к входному комплексу примыкала потайная лестница и колодец. В центре здания находилось квадратное помещение 6 размером 3,6×3,6 м (рис. 9), сообщавшееся высокими арочными проходами со всеми остальными помещениями. Оно сохранилось на высоту 6—6,25 м и, судя по покрытым штукатуркой стенам и отсутствию кирпичного завала перекрытия, имело плоскую кровлю, остатки которой обнаружены в нижних слоях завала. Почти в центре помещения, ближе к восточной стене, раскопан колодец (размер 1,2×1,2 м); он начинался с отметки +12,8 м и имел глубину не менее 13 м. Со временем за ненадобностью (по соседству существовал другой колодец в толще крепостной стены) его засыпали и соорудили невысокую (около 20 см) выкладку. По

⁶ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 15; его же. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 3; его же. Келеская степь..., стр. 47.

Нужно отметить, что топография и стратиграфия Каунчи-тепе и других памятников, описанных Г. В. Григорьевым, намного сложнее, чем поселения Актобе 2, так как все они жили более долгое время, но, несмотря на это, основные принципы членения городищ каунчинской культуры повторяются и в Актобе 2.

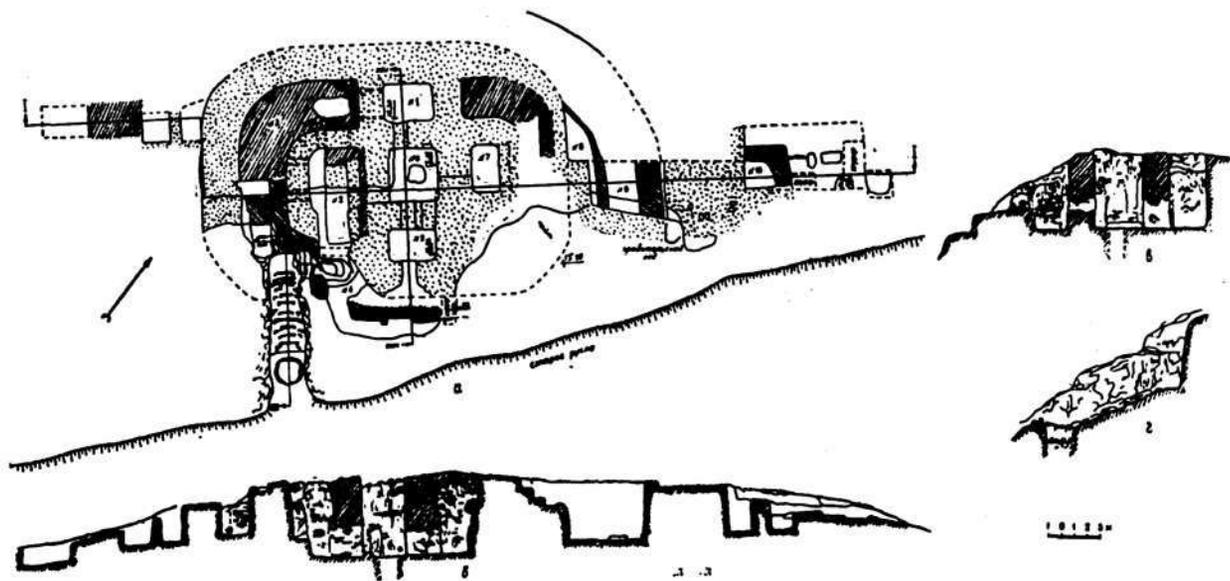

Рис. 8. Дворцовое здание: а — план; б — разрез I—I; в — разрез II—II; г — разрез III—III.

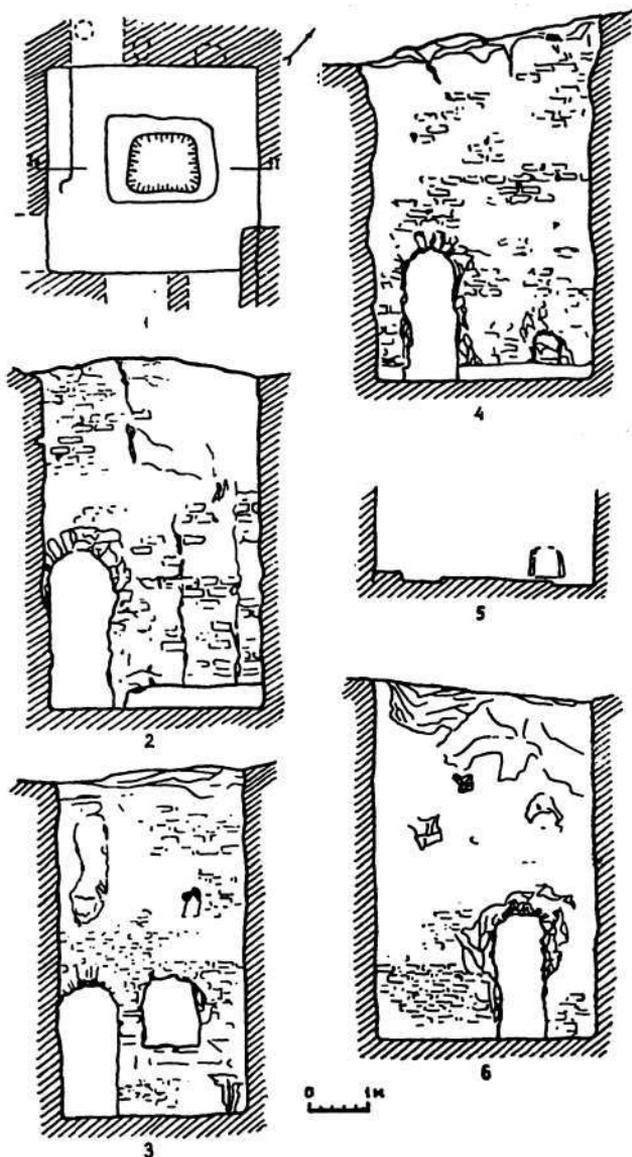

Рис. 9. Помещение 6. 1 — план; 2 — фасад западной стены; 3 — фасад южной стены; 4 — фасад северной стены; 5 — разрез I—I по верхнему полу; 6 — фасад восточной стены.

этой причине в помещении 6 оказалось два пола, разделенных слоем засыпки.

В южной стене кроме арочного прохода есть окно (размер 90×80 см), выходящее в помещение 5. Оно начинается на высоте 1 м над уровнем пола в двухметровой толще стены и перекрыто кирпичами, уложенными постельной кладкой, частично разрушенной.

Вдоль западной стены тянется кирпичная выкладка типа суфы шириной 40 см и высотой около 30 см. В кладке этой стены с северной стороны виден аккуратно заложенный кирпичом проход высотой до 3 м, верхняя арочная часть его сильно разрушена. Проход, очевидно, первоначально выводил на лестницу (этим объясняется и огромная высота арки) и затем на крышу. Вскоре его заложили и выстроили в северной части помещения 2, примыкающего к этой же стене, трехмаршевую лестницу со сводом. Она выполняла ту же функцию.

В северо-восточном углу северной стены помещения 6 на высоте 35 см от нижнего пола был сделан небольшой (30×30 см) камин без дымохода.

Помещения 1 и 5 симметричны по отношению к центральному помещению 6, одинакового размера ($2,7 \times 3,6$ м) и перекрыты сводами, пята которых располагались на уровне 3,5—3,6 м от пола.

Помещение 2, находившееся к западу от центрального (размер $3,7 \times 4,3$ м), представляет собой своеобразную «лестничную клетку» (рис. 8 и 10). Одна трехмаршевая лестница, занимавшая половину помещения и перекрывавшаяся сводом, вела на крышу. Отсюда же попадали во дворец, а по трехмаршевой лестнице (6 м глубины) спускались к потайному колодцу, помещавшемуся в юго-западном углу здания. Помещение 2 тоже было перекрыто сводом, сложенным поперечными отрезками.

Первый марш лестницы (ширина 1 м), вышедшей на крышу, насчитывал две ступени высотой по 30 см и шел вдоль юго-западной стены. Второй марш (самый короткий) был заложен. О третьем марше, проходившем над северо-восточной стеной, можно судить лишь по пяте свода, так как все конструкции лестницы в последний период жизни здания были срублены, тогда же, вероятно, и средний марш был заложен кирпичом. Лестница, очевидно, заканчивалась на крыше открытым люком. Никаких следов построек второго этажа нет.

Арочный проход, имевшийся в юго-восточной стене и сохранившийся лишь частично, вел на верхнюю площадку потайной лестницы (помещение 4). Первоначально лестница была сложена из той же пахсы, что и внешняя крепостная стена, через толщу которой она проходит своим нижним маршем. Затем по мере износа ряд ступеней был сделан заново, но уже меньшей ширины и глубины, а позже все про-

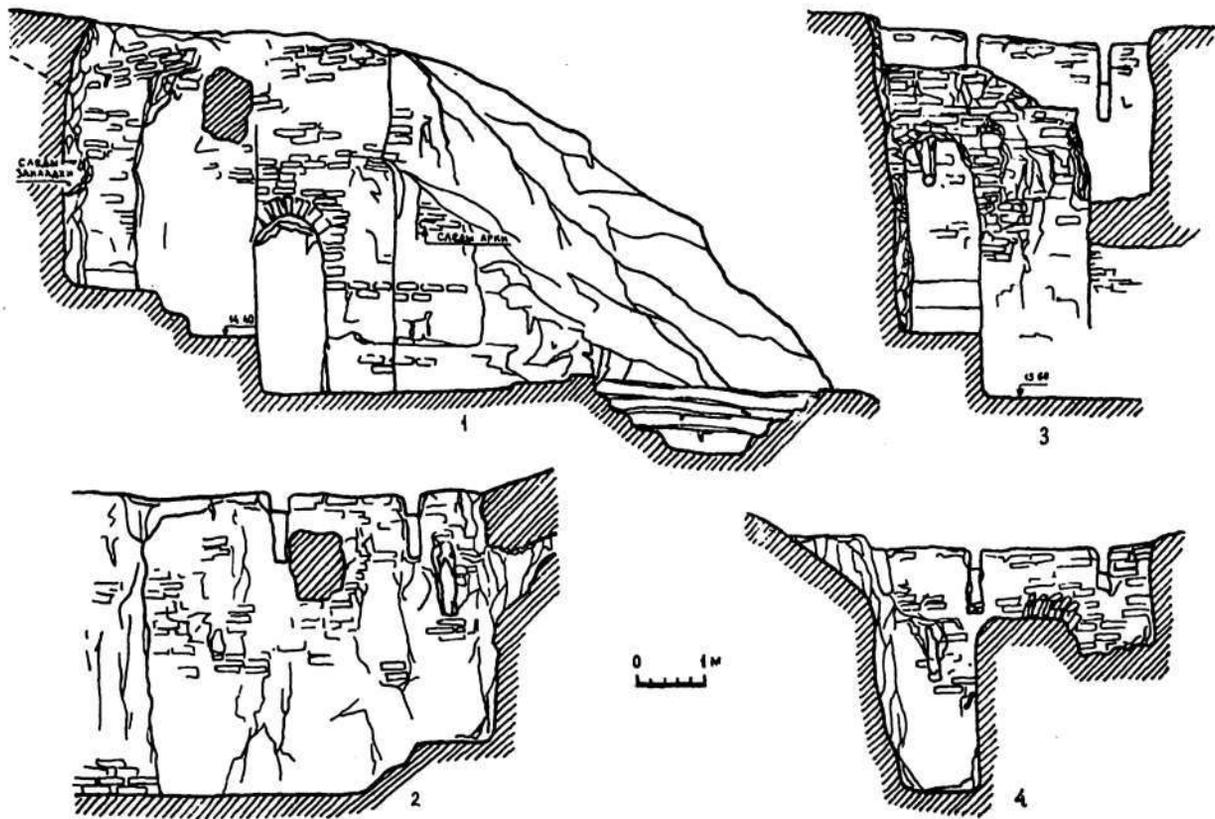

Рис. 10. Помещение 2. 1 — разрез через помещение по линии С—Ю с видом на восточную стену; 2 — разрез через помещение по линии Ю—С с видом на западную стену; 3 — разрез по линии З—В с видом на лестницу, ведущую на крышу; 4 — разрез по линии З—В через закладку второго марша лестницы, ведущей на крышу.

странство заложили кирпичом. В кладке толщиной от 40 см в нижней части лестницы и до 1,1 м в верхней были выложены новые ступени. Ни конструкция лестницы, ни направление ее не изменились. Она шла от пола помещения 2 (отметка +13,7 м) вниз до колодца, край которого находился на уровне +7,96 м. На глубину около 6 м лестница имела три марша и немногим более 20 ступеней. Первый марш после ремонта имел четыре ступени общей высотой 1,2 м, затем лестница поворачивала под прямым углом (марши разделяли прямоугольные площадки) вниз. От площадки между этими маршами шли четыре ступеньки вверх и к юго-востоку и создавали таким образом двойной верхний марш. Средний марш имел глубину 1,76 м и длину 2,5 м; в ранний период он делился на две параллельно идущие лестницы. Уровень площадки перед нижним маршем +10,84 м. Ниже, между двух паховых стен, сохранившихся на высоту 2,9 м, устроена лестница шириной 2,4 м и длиной 6 м. Она ведет к колодцу (диаметр сверху 2 и 2,3 м), перегораживающему лестничный коридор и вырубленному (вернее выложенному) во внешней крепостной стене. Общая толщина стены в этом месте около 11 м. За колодцем идет ровная площадка.

Восточнее помещения 6 расположено небольшое, но интересное помещение 7 размером 2,2×3,5 м (рис. 11). Оно в отличие от других перекрыто куполом на примитивных конических тропках типа тех, что были обнаружены в замке Ак-тепе под Ташкентом (раскопки А. И. Тереножкина)⁷. Тропки и небольшая часть купола сохранились лишь в северной части помещения. Система возведения его такая же примитивная, как и в замке Ак-тепе, где, по мнению В. Л. Ворониной, купольное помещение принадлежит более раннему строительному периоду, чем остальные постройки замка⁸. На высоте 3,3 м над полом в западной и восточной стенах сделан уступ в глубь стены (ширина его в западной стене 55 см, в восточной 75 см), в результате чего на этой высоте помещение стало квадратным в плане (3,5×3,5 м). С этого же уровня начинаются тропки — это коническая (а не усеченно-коническая, как в Ак-тепе) ниша, «утопленная» в стене. Тропк выполнен обычной постельной кладкой (высота его 1,7 м, ширина по основанию 1,7 м). Над ним начинается кладка купола.

Как видим, купол на Актобе 2 аналогичен куполу замка Ак-тепе и несомненно конструктивно является его предшественником. Оба они относятся к начальным этапам развития купольных конструкций в

⁷ В. Л. Воронина. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным археологических работ 1941 г. Сб. «Материалы по археологии Узбекистана». Ташкент, 1955, стр. 140, рис. 1.

⁸ Там же, стр. 146.

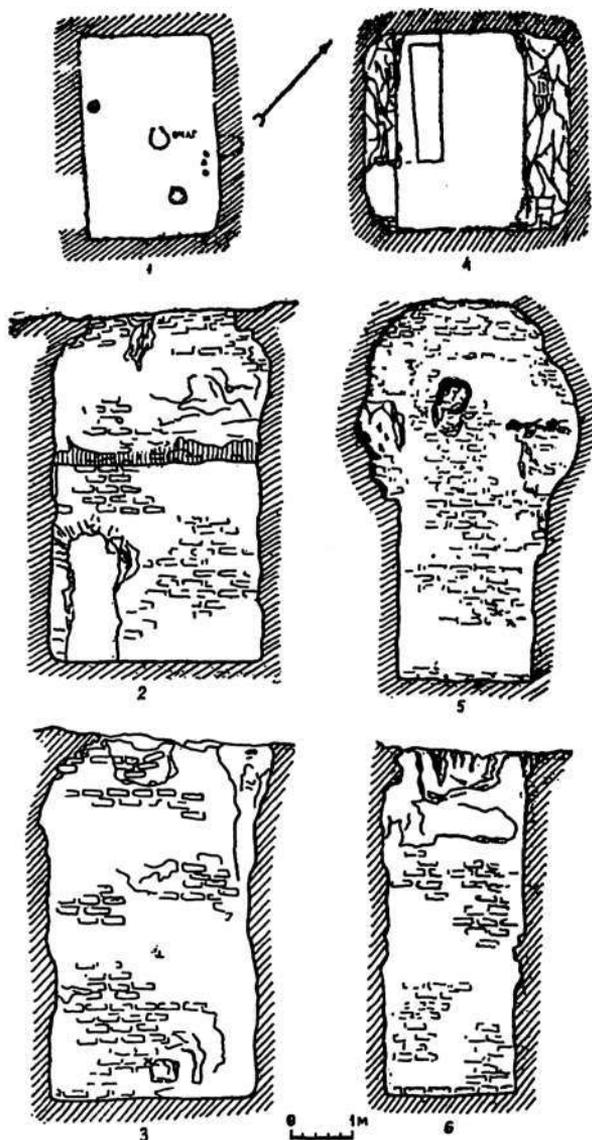

Рис. 11. Помещение 7. 1 — план; 2 — фасад западной стены; 3 — фасад восточной стены; 4 — план помещения с погребением; 5 — фасад северной стены; 6 — фасад южной стены.

самом восточном районе Средней Азии, причем это наиболее ранние типы из зафиксированных в настоящее время⁹.

Коридорообразные помещения, начинающиеся от торцовых стен помещения 1, огибали помещения 2 и 7 и выходили, очевидно, к входному комплексу (рис. 8). Ничего более определенного сказать о них нельзя, так как в настоящее время на глубину не менее 5 м они сплошь заложены кирпичом на глиняном растворе. Закладка была произведена во втором строительном периоде, когда к стенам дворца пристраивали новые комплексы. Мы полагаем, что и прежде коридорообразные помещения не были связаны с основными помещениями здания.

Вход во дворец находился между крепостной стеной и зданием. Первоначально шел коридор шириной 1,6 м, северной стеной для него служила внешняя стена здания. Против юго-западного угла помещения 5 он поворачивал к площадке над потайной лестницей (помещение 4), а оттуда через арку в помещение 2. Южная стена коридора, как и крепостная стена, в этом уровне почти совсем смыты.

Все конструкции дворца: стены, своды, арки — сложены из сырцового кирпича, причем арки и своды — только из квадратного, а стены — из квадратного и прямоугольного. Размеры квадратного кирпича колеблются в пределах 38—42×38—42×10—12 см, прямоугольного — 47—52×28—32×10—12 см (стандарт 40×40×10 и 50×30×10 см). Кирпич сделан из глины высокого качества (хорошо выдержанной) с примесью мелко порубленной соломы (самана). При кладке, которая велась вперевязку со смещением кирпича на треть или половину, клался небольшой слой глиняного раствора. Толщина стен помещений не менее 2 м.

Стены дворца покоятся на метровом слое чистой супеси, служившей осадочной подушкой для массивных кирпичных конструкций. На этот слой намазывали глину (пол), либо клали камышовую или соломенную подстилку (помещение 5).

Стены помещений, своды и арки были покрыты тонким слоем глиняной штукатурки. Она сохранилась лишь частично. В некоторых помещениях видно несколько ее слоев (помещение 2). Штукатурка хорошо заглажена, местами закопчена, вероятно, за время жизни помещений или во время пожара.

В арках и сводах расклинка сделана с помощью раствора. Кривая арок многоцентрового построения, высота подъема их от 65 до 80 см при общей высоте 1,9—2,4 м; они сложены продольными отрезками, ширина арочных проемов 90 см — 1 м. Кривую сводов трудно опреде-

⁹ Мы не учитываем здесь ложный купол Баланды-3 на нижней Сыр-Дарье. См.: С. П. Голстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 134.

Рис. 12. Северная часть помещения 2.

лить, так как сохранились лишь их фрагменты и завалы. Пяты сводов в помещениях расположены на высоте 3—3,6 м над уровнем пола. В помещении 1 ширина пяты 50 см. Свод поднимался, если судить по остаткам его и глубине раскопанных помещений, минимум на 2,5 м. Такая высота его при ширине перекрывавшегося пространства не более 3 м свидетельствует о невысокой строительной культуре, сохранившей архаические черты. Своды, как показал завал в помещении 1, двойные, оба сложены поперечными отрезками. Возможно, что над ними были легкие навесы на крыше, так как туда почти в течение всего периода существования памятника вела одна из монументальных лестниц. Никаких других доказательств этому нет.

Помещения освещались по-разному. В первом имелось два световых проема шириной 20 см и высотой не менее 1 м, расположенных на расстоянии 2 м друг от друга в юго-западной торцовой стене. Проемы устроены в углах помещения, под самым сводом. В помещении 2 (рис. 8 и 12) они первоначально находились в юго-западной и северо-западной стенах (шириной также 18—20 см и высотой от 0,6 и 1,2 м) и шли в два ряда в шахматном порядке, прорезая нижнюю часть свода и торцовую стену. Световые проемы нижнего ряда доходили до основания верхнего. Дно их поднимается вверх (к внешней стене) под углом 35—45°. После возведения в помещении 2 лестницы часть проемов была закрыта новыми конструкциями и утратила свое значение.

Совсем иначе освещалось крайнее со стороны обрыва помещение 5 (рис. 8 и 13). Через него свет попадал в центральное помещение. Для этого в юго-западной стене на уровне пяты свода сделали окно шириной и высотой не менее 80 см с наклоненным внутрь дном. Против него в противоположной стене рядом с арочным проходом устроили окно в центральное помещение.

Несмотря на то, что высота помещений дворца около 5—6,5 м, заполнение их довольно однородно (рис. 3). Это обычно небольшой (5—15 см) культурный слой над полом, состоящим из глиняных обмазок (15—20 см), над ним перемежающиеся слои кирпичных завалов и намывов. В редких случаях в верхних слоях заполнения помещений встречались небольшие остатки от временных кострищ, не давшие никакого материала (помещения 1, 5, 7). Кроме того, в заполнениях помещений 1 и 2 обнаружены четыре «впускных» погребения без инвентаря — одно взрослое и три детских. Одно из последних (помещение 2) было перекрыто камышом, а взрослое (помещение 1) — некрупными палками и камышом. Все покойники лежали вытянуто, на спине, ориентированы головой на ССВ.

Принципиальное значение для стратиграфии и датировки памятника имеет помещение 7, перекрывавшееся куполом. Уже после

Рис. 13. Вид на окно между помещениями 6 и 5.

гибели поселения, когда все постройки либо были разрушены, либо заброшены, в нем сделали захоронение. Дворцовое здание тоже было заброшено, о чем свидетельствуют большое количество разбитой посуды, обнаруженной в культурном слое на полу, и перекрывающий их небольшой (от 15 до 25 см) слой запустения. Судя по отсутствию завалов, перекрытия в помещениях еще не были разрушены и не имели существенных повреждений. Слой запустения состоял из рыхлой глины, включающей мусор и фрагменты штукатурки со стен и перекрытий. На него в помещении 7 вдоль западной стены (прямо от входа до угла) был поставлен деревянный решетчатый гроб с покойником, который не был засыпан землей. Вероятно, помещение рассматривали как большую погребальную камеру типа катакомбы. История захоронения, на наш взгляд, такова: в соседнем помещении 6 (его, очевидно, принимали за яму или дромос) сразу же после захоронения, возможно, обрушилась кровля, и завал закрыл вход в помещение 7. С этого момента началось образование намывов в помещении 6 и соседних, где кровля была еще целой. Разрезы по заполнениям помещений, окружающих центральное помещение 6, показывают, как постепенно намывы глины с песком из этого помещения через проходы распространялись во все остальные (рис. 3). Под давлением намывов, воздействием воды и т. п. завал у входа в помещение 7, ставшего теперь погребальной камерой, несколько уплотнился, в результате чего открылась верхняя часть арочного прохода. Через это отверстие помещение стало заполняться намывами, имеющими явный наклон с запада на восток, т. е. от помещения 6. Образовавшийся слой толщиной 45—47 см лег на слой запустения, так что гроб оказался закрытым почти на всю высоту. Уже позднее обрушился купол, на что указывает мощный завал кирпичей сверху намывов, заполнивший помещение почти на всю сохранившуюся в настоящее время высоту (около 5,5—6 м).

Постройки дворца не представляется возможным разделить на строительные периоды, так как ни сооружение лестницы на второй этаж, ни ремонт потайной лестницы к колодцу, сопровождавшийся закладкой коридора, ни засыпка колодца в помещении 6 и т. д. не изменили в принципе облика здания (рис. 8).

Во дворце были произведены следующие изменения: отремонтирован угол справа от прохода из помещения 6 в 7, заложены коридорообразные помещения и перестроен вход в здание (функционировавший в первом строительном периоде коридор был заложен, и эта закладка стала служить северной стеной нового коридора, который был построен на месте южной стены более раннего). От коридора второго строительного периода сохранилась лишь северная стена, небольшие участки пола вдоль нее (поэтому ширину его определить нельзя) и

небольшие кирпичные пилоны, примыкающие к стене коридора и делящие его на участки. Аналогичен нашему по архитектурно-планировочному приему обходной коридор замка Ак-тепе под Ташкентом¹⁰.

В культурном слое над полом было найдено большое количество керамической посуды и других бытовых предметов, зафиксированы очаги и камин, что свидетельствует о жилом характере вскрытых помещений. Обилие керамики, особенно кувшинов, кружек и чаш, находки бус, печати, золотых и бронзовых ювелирных изделий, монументальная архитектура позволяют говорить о дворцовом характере комплекса. Очевидно, это был дом местного правителя.

Находившийся к востоку от дворцового здания строительный комплекс, несомненно, был связан с ним. Помещения 8 и 9 (нижний строительный период), составляющие одно целое, представляют собой часть большого помещения, вытянутого вдоль восточной стены дворца. Длина его, очевидно, не менее 9 м, ширина в основной части 7,5 м. Стены сложены тоже из сырцового кирпича ($40 \times 40 \times 10$ — 14 см) и покрыты отличной глиняной штукатуркой. Полы в этом помещении имеют хорошую, плотную глиняную обмазку. По ней, как показали шурфы, проходит местами закультуренный слой супеси (около 50 см), а дальше материковый слой.

Южная часть помещения сужена на 1,5—1,8 м из-за мощного пилона, примыкающего к основной внешней стене дворцового сооружения (кладка пилонна осуществлена вперевязку с основной стеной

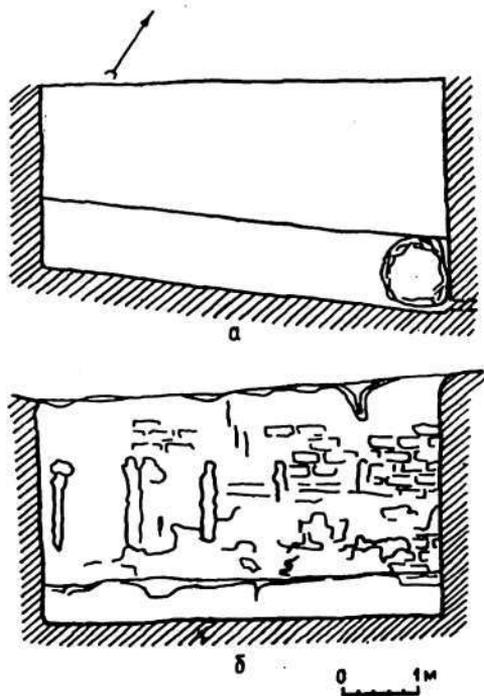

Рис. 14. Помещение 9: а — план; б — фасад южной стены.

¹⁰ В. Л. Воронина. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 140, рис. 1.

здания). В результате образуется как бы огромная ниша глубиной в средней части 3,5 м и шириной 5,8 м. Эта часть помещения раскопана нами целиком (рис. 14). Она сохранилась на глубину до 5 м. Южная стена поставлена под тупым углом к внешней стене дворцового здания, все остальные идут параллельно. Вдоль южной стены помещения сделана суфа шириной 1 м и высотой 0,6 м. В юго-восточном углу суфы вырыта яма диаметром около 70 см, вероятно, для хума. В стене, к которой примыкает суфа, обнаружено под штукатуркой пять узких (ширина 10—12 см) световых щелей (высота их 120—130 см). Они устроены приблизительно на равном расстоянии друг от друга. Стены и суфа покрыты хорошо затертой глиняной штукатуркой. На линии окончания ниши под разрезом раскопано, очевидно, глиняное основание для столбов, державших перекрытие, но возможно, что это база для колонны. Высота его 30 см, длина 1,4 м. Оно находится на расстоянии 1,2 м от восточной стены. Помещение перекрыто, поэтому на полу нет намывного слоя. Перекрытие при таких пролетах было плоское.

Ко второму строительному периоду на этом участке относятся узкие и длинные помещения к востоку от дворца. Стены их строились по дуге, так как следовали первоначальному контуру внешней стены дворца (рис. 8). Они покоились на бугре, перекрывавшем слой завала над полами первого (нижнего) строительного периода (рис. 3). Строительным материалом служил сырцовый кирпич (размер 50×30×10 см).

В юго-восточном углу цитадели были обнаружены производственные комплексы: часть керамической печи, выгребные ямы с золой и печь неясного назначения с очажками диаметром около 15—18 см, заполненными золой. Все печи перекрывают первый строительный горизонт и подстилают второй. Они функционировали, очевидно, во время разрушения нижнего строительного периода и возникновения верхнего.

Как свидетельствует заполнение помещений второго строительного периода, печи погибли от пожара. Над полами лежал слой сгоревшего перекрытия (балки, камыш, обожженная глиняная обмазка).

Слабая изученность архитектурных памятников начала I тысячелетия нашей эры в Средней Азии не дает возможности привести сколько-нибудь обоснованных аналогий описанному комплексу. Строительный материал — в основном квадратный кирпич (40×40 см) — был распространен в Средней Азии в эпоху античности, а прямоугольный (50×30 см) или близких к нему размеров встречается в памятниках низовьев Сыр-Дарьи с IV в. до н. э. до VIII в. н. э., Ташкентского оазиса, Ферганы и других южных районов Средней

Азии — до VIII в. н. э.¹¹, и поэтому он не может служить основой ни для датировок, ни для определения культурных связей. Аналогий архитектурно-планировочному решению здания, к сожалению, установить нельзя. Сравнивая дворец Актобе 2 с более поздними постройками, следует отметить, что ряд его конструктивных приемов известен в архитектуре Ташкентского оазиса и некоторых соседних районов. В замке Ак-тепе под Ташкентом, как уже указывалось, получила дальнейшее развитие своеобразная конструкция купола на примитивных конических тропках и ряд других строительных приемов, а в зодчестве Актобе 1 — некоторые элементы архитектуры.

Своеобразный прием освещения через узкие щели, расположенные в толще стен и сводов, можно найти в раннесредневековых памятниках северных склонов Каратау (раннее здание на городище Баба-ата)¹² и Согда¹³.

Учитывая значительную принципиальную близость архитектуры дворцового здания Актобе 2 и замка Ак-тепе под Ташкентом, можно, на наш взгляд, сейчас уже говорить о существовании чачской строительной школы, во всяком случае с начала I тысячелетия нашей эры¹⁴.

---

¹¹ См.: В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», 1953, вып. 3, стр. 8—9.

Интересно отметить наличие такого формата кирпича в слое Тали-Барзу IV, в Кампыр-тепе, Усрушане и в ряде памятников Исфаринского района. Такого типа кирпич авторы раскопок датируют III—V вв. См.: Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XXXV, 1955, стр. 183, 144; Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XCI, 1959, стр. 80.

Наиболее ранние памятники с подобным кирпичом встречаются в низовьях Сыр-Дарьи и датируются IV—II вв. до н. э. См.: С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 158, 161 и сл.

¹² Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-ата). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 122—123.

¹³ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 194 и сл.

¹⁴ По поводу строительных (архитектурных) школ в Средней Азии см. статью Г. А. Пугаченковой («Архитектура среднеазиатской античности». «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 185 и сл.) и В. Л. Ворониной («Проблемы раннесредневекового города Средней Азии по данным археологии». Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1960, стр. 357—358).

Нельзя согласиться с В. Л. Ворониной в вопросе о строительных школах. Она различает их в Средней Азии лишь две — согдийскую и хорезмийскую. В основу деления автор кладет различия в стандарте кирпича (прямоугольный и квадратный). Дворцовое здание Актобе 2 построено из квадратного кирпича (40×40 см), но по своей архитектуре оно весьма отличается от хорезмийских памятников, сооруженных из такого же кирпича.

5. Находки

Наиболее многочисленным и характерным материалом является керамика. Так как поселение Актобе 2 погибло в результате катастрофы, удалось собрать обломков от 1000 сосудов, а подобрать и склеить их в целые формы только 300 экземпляров.

Подавляющая масса керамики изготовлена ручной лепкой, несколько сосудов было станковой работы.

Всю посуду можно разделить на две большие группы: 1) сосуды очень грубой лепки, с плохо промешанным и слабо отмученным тестом, обычно рыхлым черепком напольного обжига¹⁵ и 2) сосуды горнового обжига, обычно сделанные тщательно ручной лепкой при помощи вращающейся подставки, реже станковой работы, с хорошо промешанным и отмученным тестом. К первой группе относится «кухонная» керамика, ко второй — сосуды, предназначенные для хранения и переноски воды, вина, зерна и т. п., и «столовые».

Сосуды первой группы (около 30% всей керамики) были встречены во всех раскопах как на цитадели, так и в «городе» в обоих строительных периодах.

По назначению ее можно подразделить на несколько видов.

Горшки составляют более 73% керамики первой группы. Они изготовлены ленточной техникой (ширина полос не превышает 8—9 см), тесто с большим количеством примесей крупнодробленой дресвы, кварцитового песка, реже известковых включений и шамота. Поверхность покрыта сероватым, реже серовато-беловатым ангобом и часто закопчена. Выявлено несколько горшков, у которых на светлом ангобе видны следы темно-серых мазков и потеков, что перекликается с приемом ornamentации керамики второй группы. По форме горшки делятся на несколько типов. Все они в большинстве имеют вытянутое округлое тулово с покатыми плечиками, несколько отогнутый наружу простой край, диаметр которого обычно равен диаметру дна.

Среди горшков небольшой процент (1,5%) сосудов без ручек.

Сосуды с двумя вертикальными ручками, прикрепленными верхним концом к краю, а нижним к плечикам, составляют около 87% всех горшков (рис. 15, 2—5, 12, 58—63). Размеры их различны. Так, диаметр венчиков и донышек в среднем колеблется от 12 до 20 см, иногда сосуды превышают по высоте 40 см. Все ручки петлеобразные, удлиненно-овальной, овальной, реже круглой в сечении формы. Бли-

¹⁵ С подробным описанием техники обжига знакомит Е. М. Пещерева. («Гончарное производство Средней Азии». М.—Л., 1959, стр. 40—42).

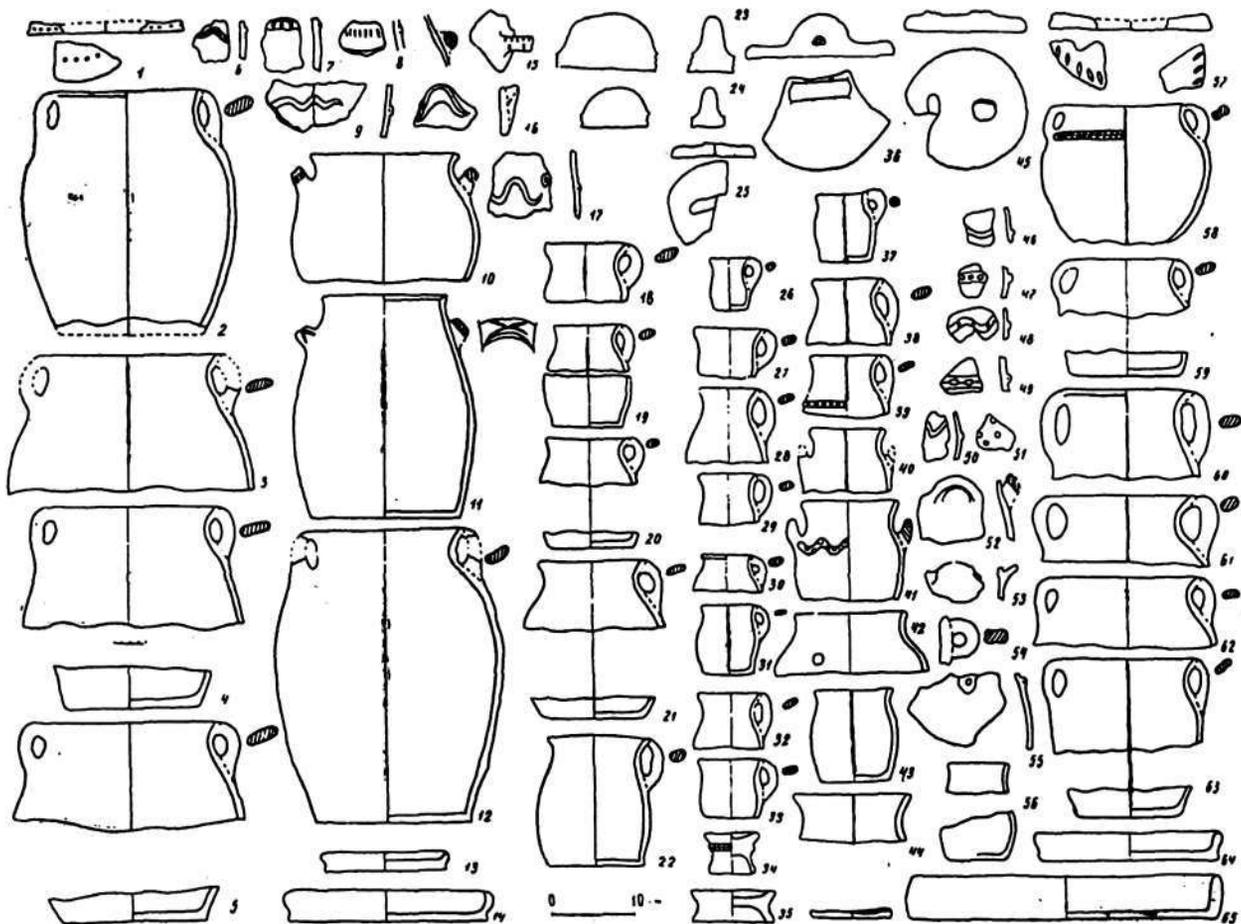

Рис. 15. Кухонная керамика. Раскоп 1, дворцовое здание; раскопы 3, 4, верхний строительный период.

жайшие аналогии горшкам находим в материалах Ташкентского оазиса, прежде всего городища Каунчи-тепе¹⁶. Подобные сосуды встречаются и в катакомбных погребениях Чаткальской долины (местности Узун-Булак, Миян-Кол и Чукурчак) и Центральном Тянь-Шане (местность Айгырджал)¹⁷.

Небольшую часть горшков украшают круглые ямки у места прикрепления верхнего конца ручки (рис. 15, 61). Они обнаружены только в верхнем строительном периоде и полностью отсутствуют в нижнем. Такая орнаментация типична для городища Шаушукумтобе, датируемого III—VIII вв. н. э. Здесь она распространена на кухонных сосудах с круглыми или овальными в сечении ручками, часто сжатыми с боков. На Актобе 2 найден лишь один экземпляр подобного сосуда (на верхнем полу помещения 6 дворцового здания), но несколько иных пропорций (рис. 15, 58), с шаровидным туловом и чуть сжатыми с боков ручками. Между нижними концами ручек тулово опоясано наклепным валиком, на котором тонкой палочкой сделаны глубокие нарезки еще по сырой глине. Подобный орнамент в виде налепов, гладких или с насечками, прямых или волнистых, идущих по тулову от низа ручек, на двуручных горшках и кружках верхнего строительного периода зафиксирован несколько раз (рис. 15, 6—9, 17, 41, 46—51, 58).

На некоторых горшках от нижней части ручек или по тулову проходят волнообразные жгутыки, вероятно, имитирующие рога барана (рис. 15, 4). Иногда они сопровождаются налепами-пишечками, изредка на тулове сосудов имеются одни пишечки (рис. 15, 17, 42, 54).

Сосуды первой группы с орнаментом в виде наклепных валиков в большом количестве найдены при раскопках Каунчи-тепе¹⁸. Аналогичный орнамент на подобных сосудах, типологически, безусловно, связанных с актобинскими, широко представлен на посуде Шаушукумтобе. В то время как на Актобе 2 такой орнамент есть лишь на некоторых сосудах и довольно однообразен, в слоях Каунчи II и Шаушукумтобе он является характерным и имеет многочисленные варианты.

Орнамент в виде пишечек отмечен и на многих памятниках

¹⁶ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 63, табл. II (15).

¹⁷ А. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. «Труды Ин-та языка и литературы и Ин-та истории» (далее ТИЯЛИ), вып. V, 1956, стр. 7, рис. 2; его же. Археологические памятники Чаткала. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции» (далее ТКЭ), т. II, М., 1959, стр. 10, рис. 6; его же. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. ТКЭ, т. II, стр. 120, рис. 22.

¹⁸ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 16, рис. 17; стр. 17, рис. 19; его же. Келесская степь..., стр. 71, табл. X, рис. 72—73.

нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи¹⁹. Кухонные сосуды с валиками и защипами по ним и шишечками найдены и в Бухарском районе²⁰.

Намного реже попадались горшки с двумя горизонтальными петлеобразными ручками на плечиках (около 10% горшков от общего количества). Наряду с сосудами с несколько вытянутым туловом (рис. 15, 11) имеются сосуды с приземистым, сферическим туловом (рис. 16, 10). Ручки у них часто украшены тонкими насечками, нарезками по краям или на наружной стороне, иногда в виде косоугольного креста (рис. 16, 11, 15). Часть горшков с парными ручками-ушками, слегка приподнятыми кверху, со сплошными или небольшими отверстиями (рис. 15, 40, 41, 53).

Несколько отличается от описанных сосудов из нижнего строительного периода помещения 9 раскопа 1 (рис. 21, 12). Он горшкообразной формы, небольшой, с двумя фигурными ручками-ушками, туловом, покрытым темно-серым, местами до черного цвета ангобом и лощением; точных аналогий пока не имеет. В этом же слое в помещении 8 встречен фрагмент сосуда с двумя маленькими ручками и отверстием в них (рис. 21, 13). Посуда с двумя горизонтальными ручками, петлеобразными или сплошными, также находит себе прямые аналогии в материале с Каунчи-тепе.

Кружки (рис. 15, 18—22, 26—33, 37—39) составляют около 20% сосудов первой группы. Они такого же качества, что и горшки, снабжены овальными или округлыми в сечении ручками, прикрепленными верхним концом к краю устья и, как у горшков, не выступающими над краем. Изредка на верхнем конце ручек имеются неглубокие ямки. Кружки с такими ручками (3 экземпляра) выявлены исключительно в верхнем слое Актобе 2. Размеры кружек варьируют: диаметр венчиков и доньшек колеблется от 6 до 12 см, высота — от 6 до 16 см.

Сковороды (рис. 15, 13, 14, 64, 65; рис. 21, 15, 29—30) обнаружены в обоих строительных периодах, во всех раскопах на цитадели и в «городе». У них чрезвычайно рыхлый черепок, тесто с примесями крупнодробленой дресвы, песка, иногда шамота или известковых включений. Сосуды покрыты беловатым или светло-серым ангобом. Диаметр их колеблется от 22 до 31,5 см с некоторыми отступлениями, высота — от 3,7 до 6,5 см. Такие сковородки распространены в

¹⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология, 1958, стр. 165, рис. 84; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 38, рис. 3, 12, 31, 38, 39.

²⁰ В. А. Нильсон. Кызыл-Кыр (Результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, вып. 1, 1959, стр. 60—78; Экспозиция Музея истории г. Ташкента, № 43 (265/173).

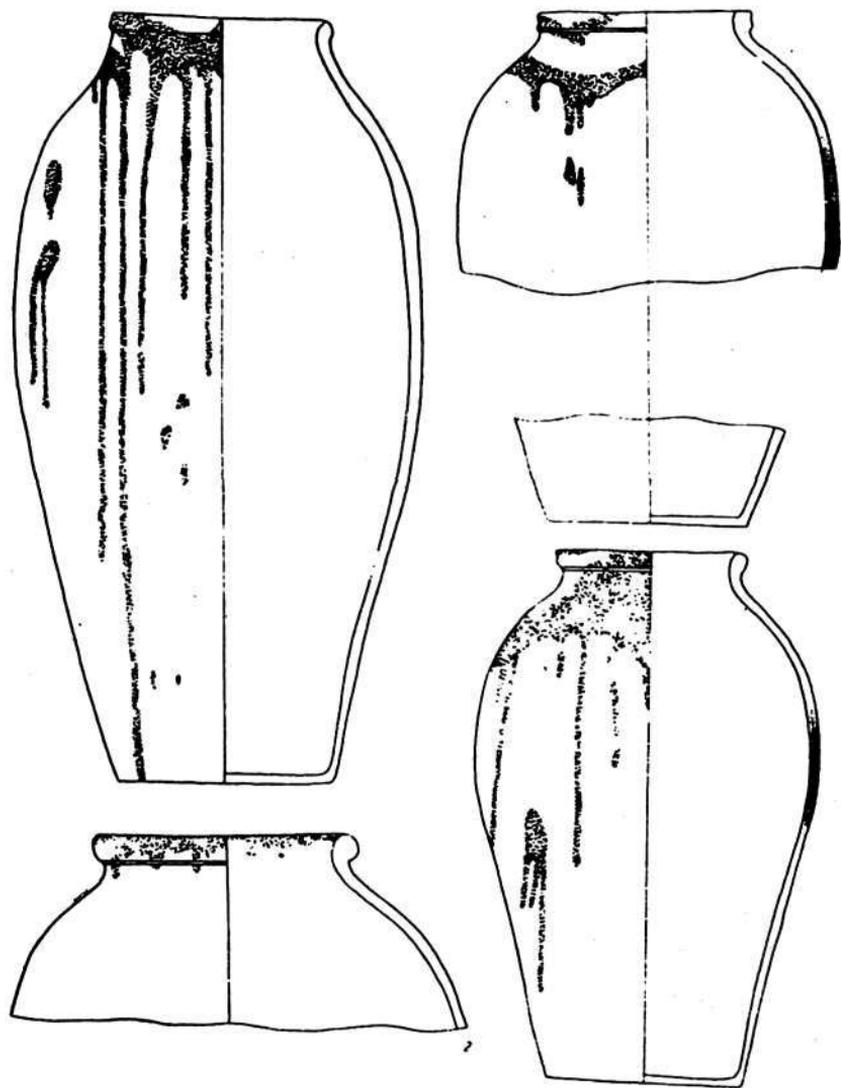
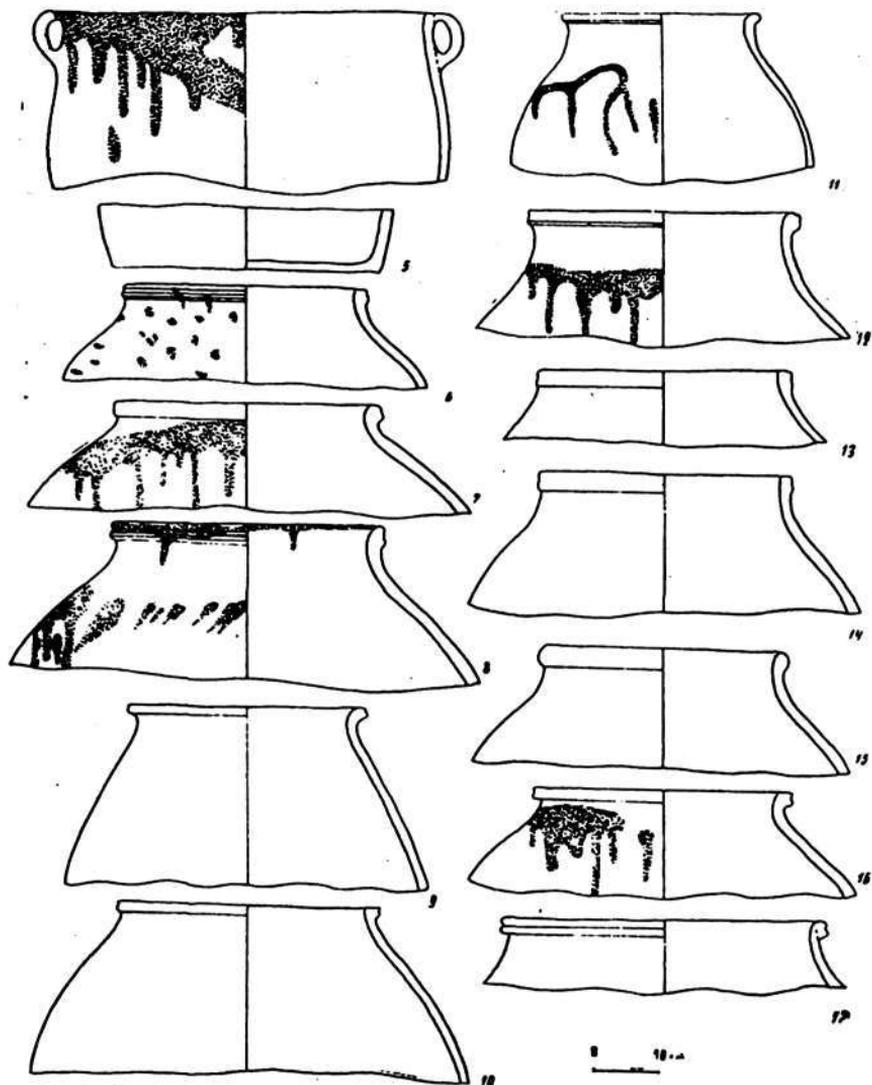

Рис. 16. Хумы (1—7, 9—17 — дворцовое здание; 8 —

помещение 8). Раскоп 1, верхний строительный период.

Средней Азии во многих районах, в том числе на нижней и средней Сыр-Дарье, в Ташкентском оазисе.

Чаша (рис. 21, 14) найдена в нижнем строительном периоде помещения 9. Она усеченноконической формы, с простым краем.

Среди сосудов первой группы можем предположить наличие и вазообразных, которым, очевидно, принадлежат поддоны, собранные в дворцовом здании. Меньший из них имеет в верхней части налипший валик с насечками (рис. 15, 34, 35).

Крышки плоские, в середине снабжены петлеобразной или сплошной ручкой, иногда с небольшим отверстием (рис. 15, 23—25, 36, 45). Изредка они орнаментированы насечками около края сверху или ямками, вдавленными также по сырой глине концом палочки сверху и по бокам (рис. 15, 1, 57). Подобные крышки типичны для городища Каунчи-тепе и других поселений Ташкентского оазиса²¹; они встречаются и на нижней Сыр-Дарье в джетыясарской культуре²² и в Фергане в материалах первых веков нашей эры²³.

Керамика второй группы также может быть разделена по назначению и форме сосудов на несколько видов и типов.

Хумы, хумчи и крупные корчаги (рис. 16—17; рис. 21, 16—18; рис. 24, 14, 16) предназначались для хранения зерна, вина, воды и т. п. Как и вся керамика второй группы, они изготовлены тщательной ручной лепкой из хорошо промешанной и отмученной глины, снаружи покрыты жидким беловатым ангобом. Поверх ангоба густой краской, красно-коричневой, местами черной, нанесены как бы нарочито небрежные мазки и идущие от них вниз по тулову изредка до самого дна капли и потеки. Сосуды формовались ленточным способом (ширина полос 8—10 см), а плечики, венчик и дно отдельно. Полосы скреплялись так, что верхняя суженная часть одной из них соединялась с суженным с противоположной стороны концом другой²⁴. Сосуды обычно заглажены только снаружи, поэтому внутри хорошо видны места скрепления полос. Чаще всего днища лепили на песчаной подсыпке, иногда они имеют отпечатки ткани.

²¹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г., стр. 31, рис. 51; его же. Каунчи-тепе, стр. 20, рис. 23; стр. 40, рис. 50; его же. Келесская степь..., стр. 71, табл. X; стр. 76, табл. XV; Ю. Ф. Бурыков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Ташкентского гос. ун-та» (далее ТТГУ), вып. 1, 1960, стр. 134, табл. III.

²² Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 50, рис. 3, 32.

²³ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. ТКЭ, т. IV. М., 1960, стр. 197, рис. 28, 9, 11.

²⁴ Описание подобного приема см. в статье М. Г. Воробьевой «Керамика Хорезма античного периода». «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), т. IV. М., 1959, стр. 184—185, рис. 40, 1.

Хумы и хумчи имеют вытянутое яйцевидное тулово, обычно резко покатые плечики; наиболее широкая часть тулова приходится на его верхнюю четверть. Размер их различен: высота колеблется от 85 до 130 см и более, диаметры венчиков и днищ — от 25 до 46 см; более 30% днищ диаметром 34 см.

По форме венчика эти сосуды можно условно разделить на несколько подтипов. Первый подтип (рис. 16, 15, 16; рис. 21, 16) — хумы с резко отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком, наружная часть которых лепилась отдельно, нижняя часть их снаружи орнаментирована волнистыми защипами, сделанными пальцами. Все подобные хумы покрыты снаружи целиком, а внутри лишь по горлу плотным белым ангобом и имеют обычно наибольший диаметр венчика. На поселении Актобе 2 такие хумы найдены как в верхнем строительном периоде, так и в нижнем (например, в верхнем слое цитадели, во дворце, в помещении 8 под стенами верхнего строительного периода).

Другой подтип (рис. 16, 9; рис. 17, 1) — хумы и хумчи с резко отогнутым подтреугольным в сечении венчиком, также покрытые снаружи белым ангобом. Они составляют треть сосудов этого типа и отмечены во всех слоях.

Остальные почти две трети сосудов этого типа обычно с прямым или слегка отогнутым венчиком, подтреугольным, округлым или подпрямоугольным в сечении. Чаще других встречаются хумы с подпрямоугольным в сечении венчиком и плоским, относительно широким бережком (рис. 16, 3, 10—12, 14, 16; рис. 17, 3, 6, 7, 13). Обнаружено несколько сосудов с подпрямоугольным в сечении венчиком, разделенным по наружной стороне горизонтальным желобком на две половины (рис. 16, 17; рис. 17, 8, 12). В верхнем строительном периоде были найдены единичные экземпляры хумов с простым, лишь чуть утолщенным венчиком и плоским бережком (рис. 16, 12). Интересно отметить, что хумы с подобным венчиком, но несколько более развитой формы и иногда снаружи орнаментированные, широко были распространены в более поздний период в районе средней Сыр-Дарьи, Ташкентском оазисе (например, на городище Шаушукумтобе, в верхнем слое Каунчи-тепе, Шуралисай-тепе, Чаш-тепе)²⁵. Такой венчик имеет пока единственная встреченная на поселении Актобе 2 (в помещении 6 дворцового здания) корчага с двумя вертикальными ручками, прикрепленными к краю (рис. 16, 5). Плечики некоторых хумов и хумчей украшает слабо прочерченный еще по сырой глине волнистый орнамент (рис. 17, 10, 14), других же — ряд насечек.

²⁵ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, стр. 40, рис. 50; Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. Сб. «Археология Средней Азии», т. V. Ташкент, 1960, стр. 154, рис. 4, 20.

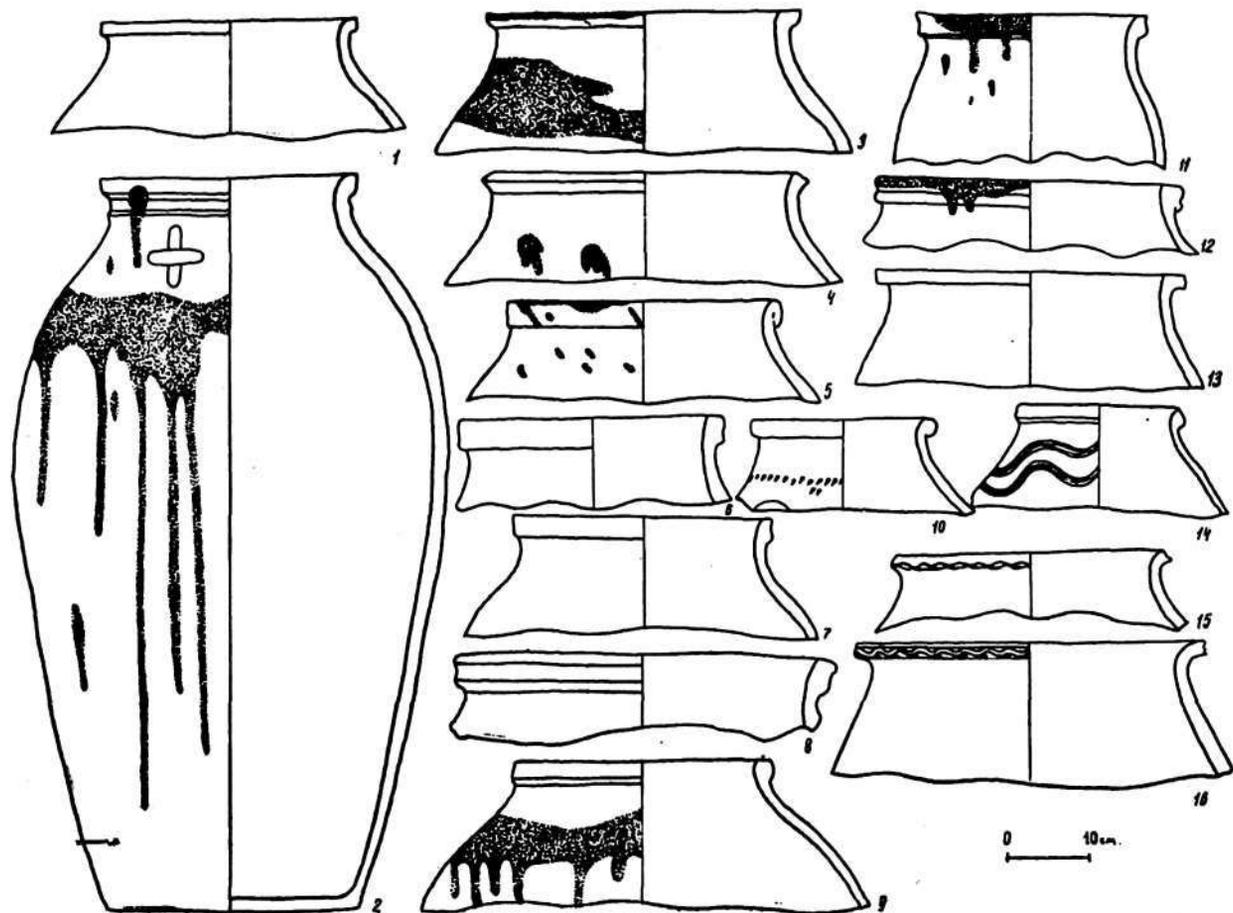

Рис. 17. Хумы (1, 3—14, 16 — дворцовое здание; 2 — помещение 8, раскоп 1, верхний строительный период; 15 — раскоп 4, верхний строительный период).

На одном из хумов под венчиком проведены пальцем три короткие вертикальные полосы (рис. 16, 4), на другом на плечике изображен прямой крест (рис. 17, 2).

Сосуды этого типа подобны сосудам с городищ Ташкентского района (Каунчи-тепе, Минг-урюк, Чаш-тепе)²⁶, из которых наиболее близкий материал дают нижние слои Каунчи-тепе.

Горшки составляют около 20% сосудов второй группы. Они такого же качества, что и хумы, и изготовлены из трех-четырех полос, а дно отдельно. Подавляющее большинство их асимметрично. Диаметры венчиков и доньшек, часто равных или близких по размеру, колеблются соответственно от 11 до 23 см и от 14 до 22 см при высоте от 12,5 до 36 см. Высота многих горшков и наибольший диаметр тулова почти равны.

По форме горшки можно разделить на несколько типов.

1. Более половины — это сосуды типа кринок с плоским дном, округлым туловом, невысокой шейкой и отогнутым наружу краем (рис. 18, 8—10, 13—23; рис. 19, 14—18). Почти две трети из них с плоским округлым или слегка утолщенным краем (реже округлым в сечении венчиком), а одна треть с профилированным венчиком и желобком по наружной стороне. Эти горшки также снаружи и внутри по горлу покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого нанесены густой красной, красно-коричневой и темно-коричневой красками как бы нарочито небрежные мазки, капли и потеки в виде параллельных вертикальных полос (рис. 18, 9, 10, 14—20, 23; рис. 19, 14, 15; рис. 20, 15, 18). Подобный прием орнаментации, имевший определенное магическое значение, как отмечает Е. М. Пещерева, сохранился в некоторых районах Средней Азии до настоящего времени²⁷. На поселении Актобе 2 его использовали для отделки большинства сосудов всех видов второй группы и некоторых первой группы. В первой половине I тысячелетия нашей эры таким способом украшали посуду в районе Ташкентского оазиса (на городище Каунчи-тепе, в нижних слоях)²⁸, в Фергане²⁹, реже в районе Согда³⁰ и других местах³¹. На четвертую часть горшков этого типа дополни-

²⁶ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 40, рис. 50; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., стр. 134, табл. III; Н. И. Крашениникова. Указ. раб., стр. 154, рис. 4, 21—24.

²⁷ Е. М. Пещерева. Указ. раб., стр. 80.

²⁸ А. И. Тереножкин. Согд. и Чач..., КСИИМК, 1950, вып. 33, стр. 158—159.

²⁹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 1962, № 118, стр. 191—192.

³⁰ Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, 1949, № 28, стр. 75, рис. 16, 1—3.

³¹ В. А. Нильсон. Кызыл-Кыр..., стр. 68—69.

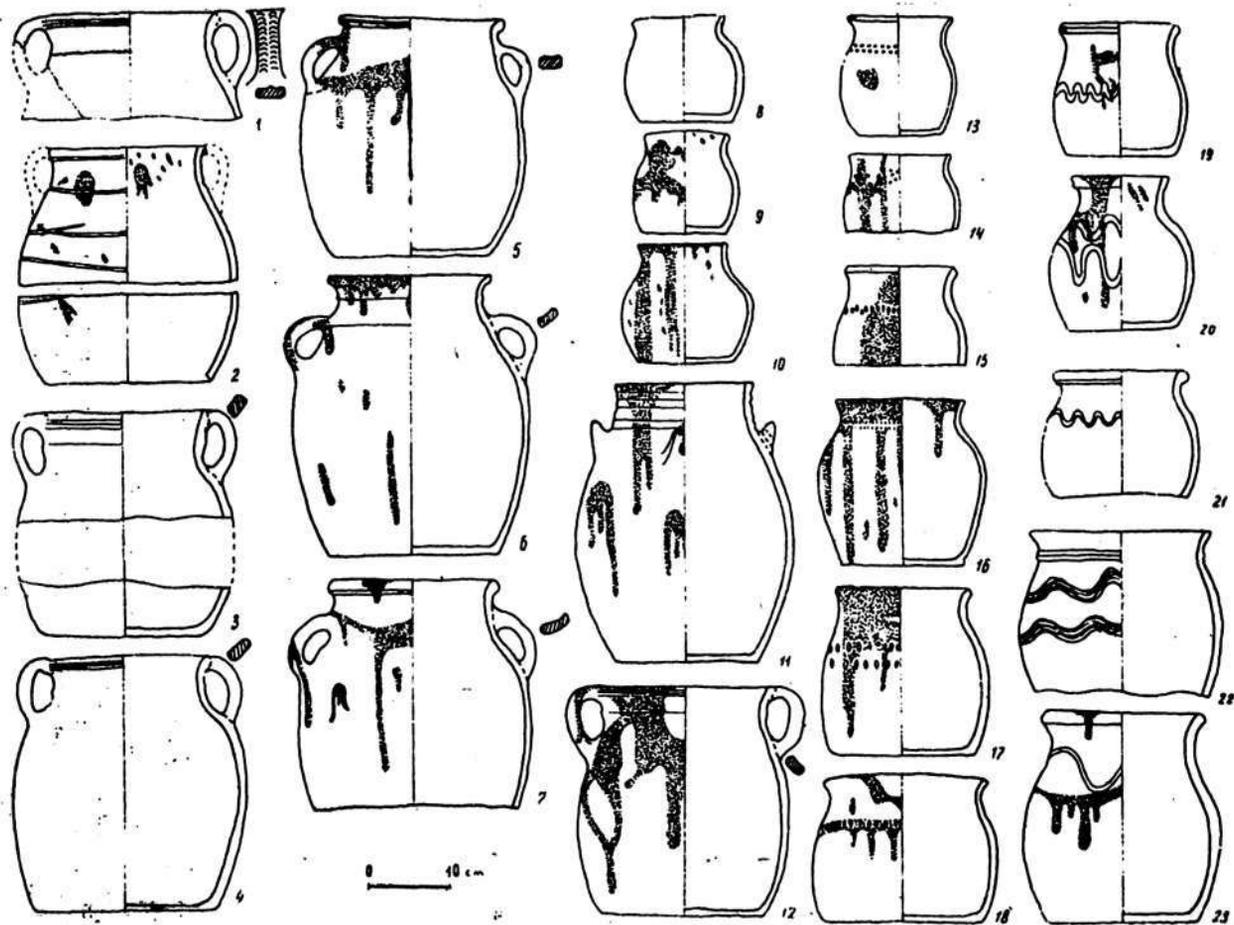

Рис 18. Горшки. Раскоп 1, дворцовое здание.

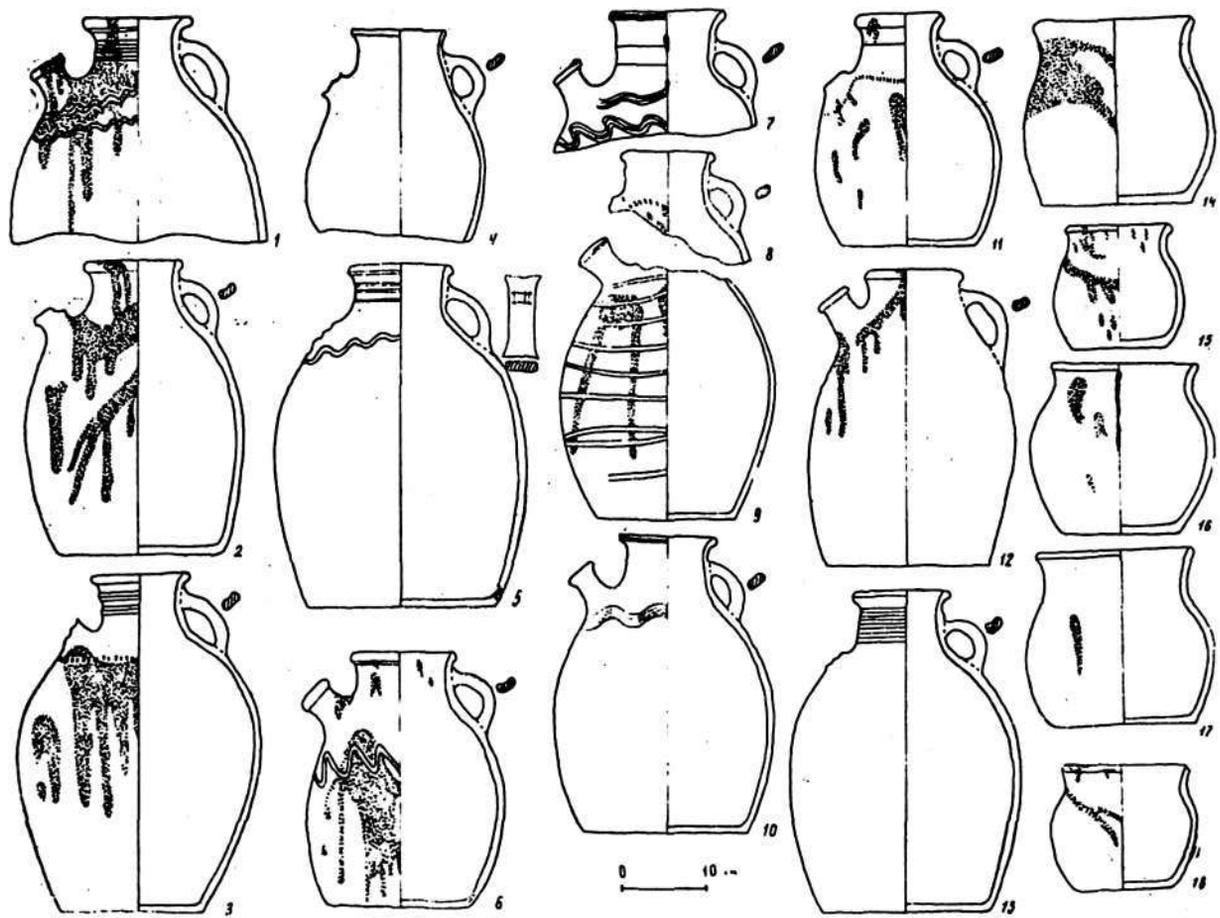

Рис. 19. Кувшины, горшки. Раскоп 1, дворцовое здание.

тельно палочкой, чаще всего еще по сырому сосуду, нанесен волнистый орнамент обычно в один ряд по плечикам, а иногда в несколько рядов спиралью по плечикам и тулову (рис. 18, 9, 19—23). Эти горшки находят аналогии в Ташкентском оазисе³², на северных склонах Каратау³³, в Таласской долине³⁴, в могильнике Ширинсай³⁵.

У пятой части сосудов этого типа по плечикам в один или два горизонтальных ряда сделаны насечки или наколы концом палочки или пунсоном с двумя симметрично расположенными острыми выступами (рис. 18, 13—18; рис. 24, 19).

Особый подтип образовали горшки с относительно высоким горлом, отделенным от тулова уступом или валиком. Их около 5—6% (рис. 23, 29, 30). К ним, вероятно, можно отнести и горшок из верхнего строительного периода цитадели с выделенным высоким горлом, отогнутым краем с подтреугольным в сечении венчиком, крутыми плечиками и шаровидным туловом, диаметр которого в два раза больше диаметра венчика. На плечиках его прорезан волнистый орнамент и тамга (рис. 20, 13). Близкий по форме и орнаменту горшок был найден и в нижних слоях цитадели (рис. 21, 29).

Ко второму типу следует причислить горшки с двумя симметрично расположенными вертикальными ручками (рис. 18, 1—7, 12) подпрямоугольной, трапециевидной или овальной формы в сечении. Они составляют более 30% горшкообразных сосудов. Диаметры венчиков и днищ колеблются от 17 до 24 см; высота — от 26 до 36 см. Этот тип в свою очередь делится на несколько подтипов: 1 — горшки с ручками, прикрепленными верхним концом к краю сосуда, нижним — к покатым плечикам (рис. 18, 1—4, 12, 20, 23), их более 64% в этом типе. Снаружи они покрыты красно-коричневым густым ангобом и слегка подлощены. У них профилированный венчик, и валик часто расположен посередине горла. Некоторые горшки поверх красно-коричневого ангоба покрыты еще темно-коричневыми мазками и потеками по горлу, тулову, ручкам (рис. 18, 12); у других на ручках нанесен пальцем орнамент в виде неглубоких вертикальных рядов ямок (рис. 18, 1), вероятно, передающий завитки шерсти животного (барана).

Ко второму подтипу можно отнести горшки с вертикальными ручками, прикрепленными верхним концом к нижней части горла

³² Т. И. Книпович. Указ. раб., стр. 74; А. И. Тереножкин. Указ. раб., стр. 158; Н. И. Крашенинникова. Указ. раб., стр. 156, рис. 5—16; Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., рис. 10.

³³ Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-тобе. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 73, рис. 15, 7, 8.

³⁴ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XIII.

³⁵ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширинсай в Узбекистане. СА, 1952, вып. XVI, стр. 333, рис. 7, 2—4; стр. 345, рис. 13, 5; рис. 14; рис. 16, 4.

или к плечикам (рис. 18, 5—7), их 34% к общему количеству горшков. Они с округлым или подтреугольным в сечении, а иногда и профилированным венчиком, покрыты белым ангобом, поверх которого сделаны красно-коричневые мазки и потеки, а иногда и ряд горизонтальных насечек (рис. 18, 5).

Аналогичные второму типу горшки встречаются на Каунчи-тепе³⁶, на нижней Сыр-Дарье, в слоях первой половины I тысячелетия нашей эры³⁷.

Третий тип горшков — сосуды с горизонтальными петлеобразными сплошными ручками-ушками или шишечками. Их найдено очень мало, причем не обнаружено ни одного целого сосуда с петлеобразными ручками. Обычно ручки украшает пунсонный орнамент или орнамент в виде насечек по краю (рис. 20, 1). Горшков с ручками-ушками и ручками-шишечками встречено всего несколько экземпляров, к тому же обнаруженные в верхнем строительном периоде отличаются от выявленных в нижнем. Например, горшок из верхнего слоя (рис. 18, 11) был вытянутых пропорций, с покатыми плечиками, высоким горлом со слабым рифлением и прямым краем с плоским бедром. На плечиках симметрично расположены четыре ручки, поднятые округлым концом вверх, с вертикальным отверстием. Сосуд покрыт беловатым ангобом, на который нанесены красновато-желтые мазки и потеки. Найденный же в нижнем строительном периоде (рис. 21, 19) имел относительно широкое дно, раздутое тулово, крутые плечики, выделенное горло и отогнутый подтреугольный в сечении венчик. Верхние две трети тулова с хорошим горизонтальным рифлением, на плечиках прикреплены расположенные попарно четыре налепа округло-подквадратной формы с вертикальными отверстиями. У сосуда хорошо заглаженная поверхность, снаружи по беловатому ангобу сделаны потеки желтовато-розоватого цвета. Ближних аналогий этому горшку мы не знаем, сосуды же такого типа из верхнего строительного периода зафиксированы в материалах уже не раз упомянутых районов³⁸.

Фляг на поселении Актобе 2 найдено несколько экземпляров. Все они имеют близкое к шаровидной форме тулово и относительно большой плоский бок (рис. 20, 41, 42; рис. 25, 65). Интересны обнаруженные рядом две фляги разных размеров из нижнего слоя поме-

³⁶ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 69, табл. VIII, 66.

³⁷ Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 51, рис. 4, 5.

³⁸ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г., стр. 189, рис. 22; Т. Н. Сенигова. Указ. раб., стр. 73, рис. 15, 6; А. Н. Вернштам. Кенколский могильник..., табл. XIV; Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 17, рис. 19; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., табл. III.

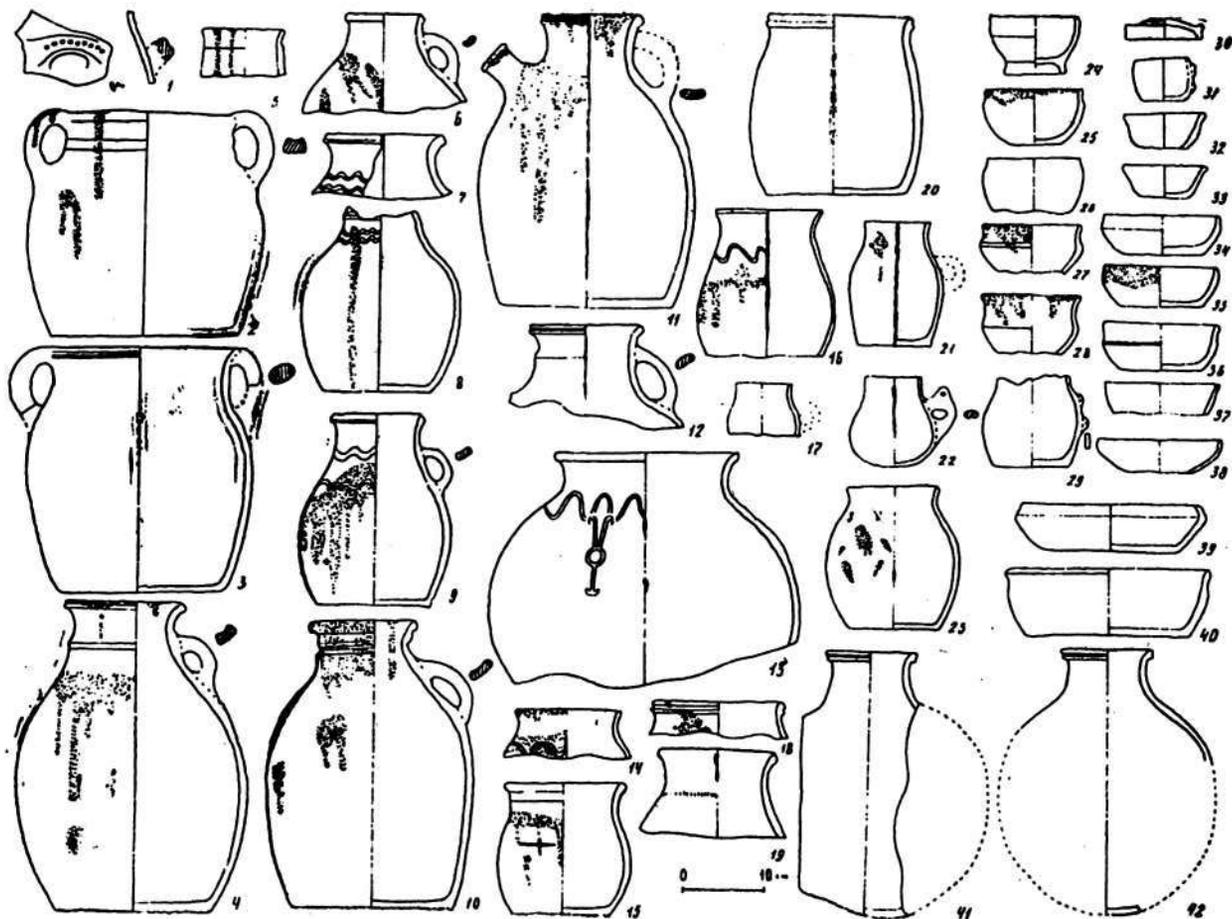

Рис. 20. Керамика второй группы. Раскопы 4, 4а, верхний строительный период.

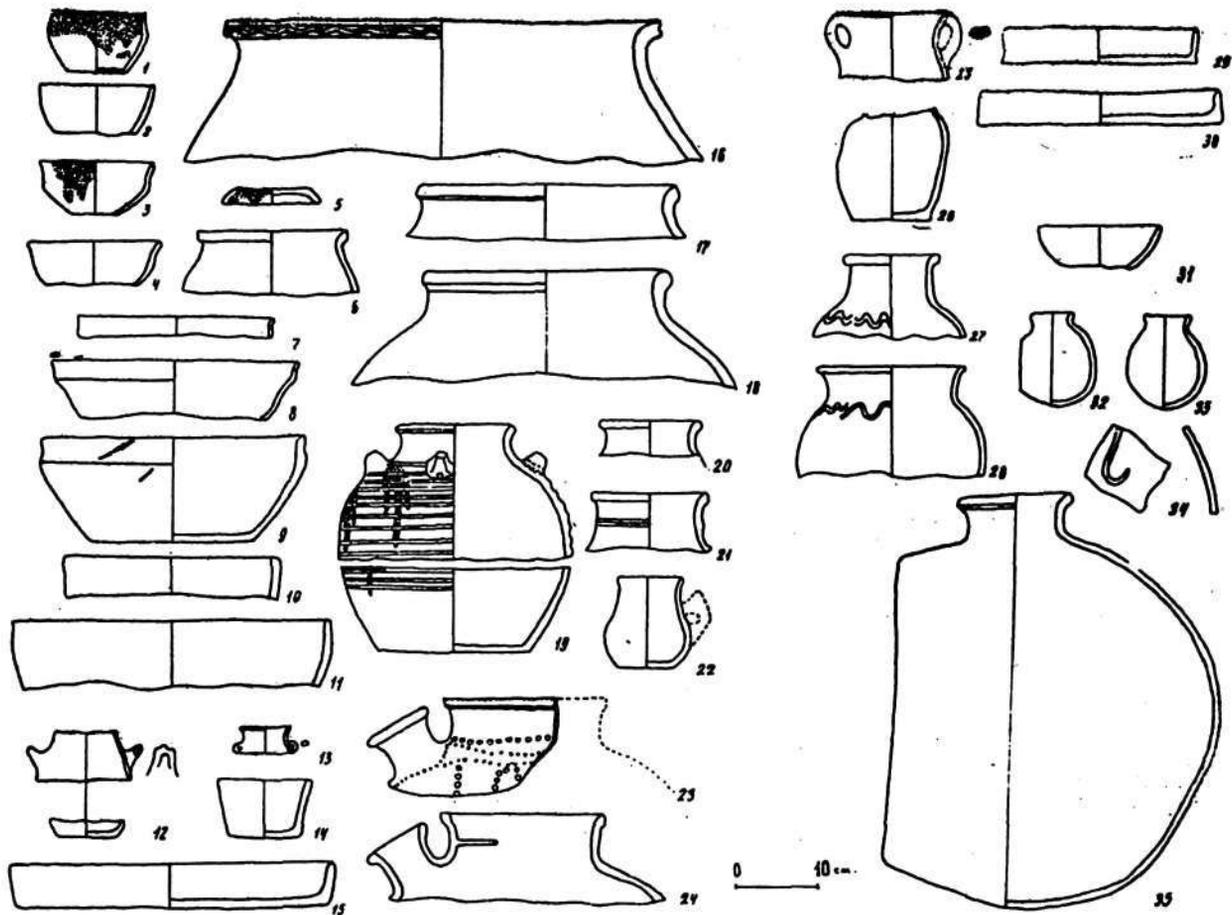

Рис. 21. Керамика второй группы (1—11, 16—24, 27—28, 31—35), керамика первой группы (12—15, 25—26). Нижний строительный период (1—24 — помещение 8, 9, раскоп 1; 25—35 — помещение 1, раскоп 4).

щения 1 раскопа 4 (рис. 21, 33, 35). Сходные по форме фляги, также покрытые снаружи белым ангобом, оказались и в верхнем строительном периоде. На стенках некоторых по слегка подсушенной поверхности были прочерчены знаки и тамги (рис. 20, 13; рис. 25, 65; рис. 26). Аналогичные фляги известны в районе средней Сыр-Дарьи, в катакомбных могильниках в районе Ташкента³⁹, Ферганы⁴⁰, Таласской долины⁴¹, Бухары⁴², низовьев Сыр-Дарьи⁴³ и других местах⁴⁴.

Кувшины (рис. 22, 23; рис. 24, 2, 8, 9, 17, 19, 27, 28, 33, 35, 36, 43, 44; рис. 10, 1—13; рис. 20, 6—12; рис. 21, 20, 21, 23, 24, 27) составляют около 35% сосудов второй группы. Они изготовлены из хорошо промешанного и отмученного теста с примесью известковых включений, дробленой дресвы, песка, реже мелкодробленого шамота. Поверхность снаружи целиком, внутри по горлу покрыта большей частью белым, реже беловато-розоватым ангобом, поверх которого нанесены мазки и потеки от красного до темно-коричневого и черного цветов. Кувшины сделаны ленточным способом из 4—5 полос и отдельно днище (причем обычно ширина полосы плечиков и нижней полосы тулова равны между собой и не превышают 7,5—8 см, вторая и третья полосы также одинаковы и по ширине не больше 11 см), наружная часть венчика, ручка и цилиндрический носик. Все кувшины имеют выраженное горло, прямое или расширяющееся книзу; чуть отогнутый венчик, округлый, подтреугольный или профилированный; большей частью покатые плечики, яйцевидное, несколько

³⁹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 87; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревская в 1947 г. «Труды Музея истории УзССР», вып. 1, 1951, стр. 49, стр. 51, рис. 4, 2.

⁴⁰ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве ВФк. «ТИИА АН УзССР», т. IV, 1951, стр. 12; т. I, стр. 25; е е же. Археологический надзор на Северном Ферганском канале. «Известия УзФАН», 1940, № 10, стр. 15; А. Я. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве ВФк. «ТИИА АН УзССР», т. IV, 1951, стр. 92; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. СА, 1956, XXVI, стр. 103, рис. 2, 3, 15; стр. 105; е го же. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 1954, XX, стр. 136, рис. 4, 23; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 97, рис. 56, 4; Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. «Труды ИИАЭ им. А. Дониша АН ТаджССР», т. XXVII, 1961, стр. 141, рис. 2.

⁴¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., табл. XIV.

⁴² В. А. Шишкин. Археологическая разведка на Баш-тепе. «ТИИА АН УзССР», т. VIII, 1956, стр. 168, рис. 3, 13.

⁴³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 245, рис. 119, 6; Л. М. Левина. Указ. раб., стр. 85.

⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 342, рис. 11, 1.

удлиненное тулово; диаметр дна обычно в 2—3 раза превышает диаметр горла и венчика. Высота сосуда всегда больше самой широкой части тулова.

Более 20% кувшинов украшено волнистым орнаментом (рис. 19, 5—7, 9, 10; рис. 20, 7—9; рис. 23, 3, 4, 6, 7, 13, 15; рис. 29, 10, 12—18), прорезанным еще по сырому сосуду, реже встречаются линейный и волнистый, нанесенные по слегка подсушенному сосуду. Иногда линейный и волнистый узоры расположены на тулове по спирали (до 7 витков), начиная слева от ручки. У сосудов с цилиндрическим носиком есть дополнительный орнамент, помещенный по обе стороны от носика, по плечикам; иногда здесь же встречается и один ряд насечек (рис. 19, 2, 8, 11; рис. 23, 6). Отмечен и наклепной орнамент в виде отходящих полукругом от нижнего конца ручки двух валиков с насечками, имитирующих бараньи рога (рис. 23, 16).

По форме кувшины также делятся на несколько типов. К первому можно отнести единичные экземпляры без ручек с высоким горлом, диаметр которого более чем в 2,5 раза меньше наибольшего диаметра тулова, и подтреугольным в сечении венчиком; на плечиках прорезан волнистый орнамент (рис. 23, 1).

Второй тип (более 60% кувшинов) — сосуды с одной ручкой, прикрепленной верхним концом к краю сосуда или его горлу (рис. 22, 2—18; рис. 23, 15). Около 20% кувшинов имеют на горле валик, а немногим более 3% — слабое рифление; это результат обработки пальцами на движущейся основе. Подавляющая масса изделий снаружи по белому ангобу покрыта мазками и потеками, прорезным и прочерченным волнистым и линейным орнаментом в виде спирали по тулову и насечками по плечикам. Интересны крупные кувшины с наклепом в виде рогов барана, их около 3% (рис. 23, 16).

К третьему типу (более 35% кувшинов) относятся кувшины с цилиндрическими носиками-сливами, прикрепленными к плечикам (рис. 19, 1—13; рис. 23, 1—5, 10—14, 17). Обычно носик расположен на стороне, противоположной ручке, но бывает и несколько смещен от оси. Величина носиков различна, диаметр по его краю колеблется от 3 до 6 см. Форма и орнаментация кувшинов такая же, как и у сосудов второго типа. В отличие от последних среди сосудов третьего типа есть кувшины с ручками, имеющими выступ в верхней части в виде схематизированной головы барана (рис. 23, 2—5), подобными ручкам кружек. На некоторых ручках (рис. 23, 2) — орнамент в виде ногтевых вдавлений, вероятно, имитирующих завитки шерсти барана, как на ручках горшков (рис. 23, 1).

Резко отличается от других фрагмент сосуда, обнаруженный в нижнем строительном периоде (рис. 21, 23—24), с крутыми плечиками и широким цилиндрическим носиком, высоко поднятым к

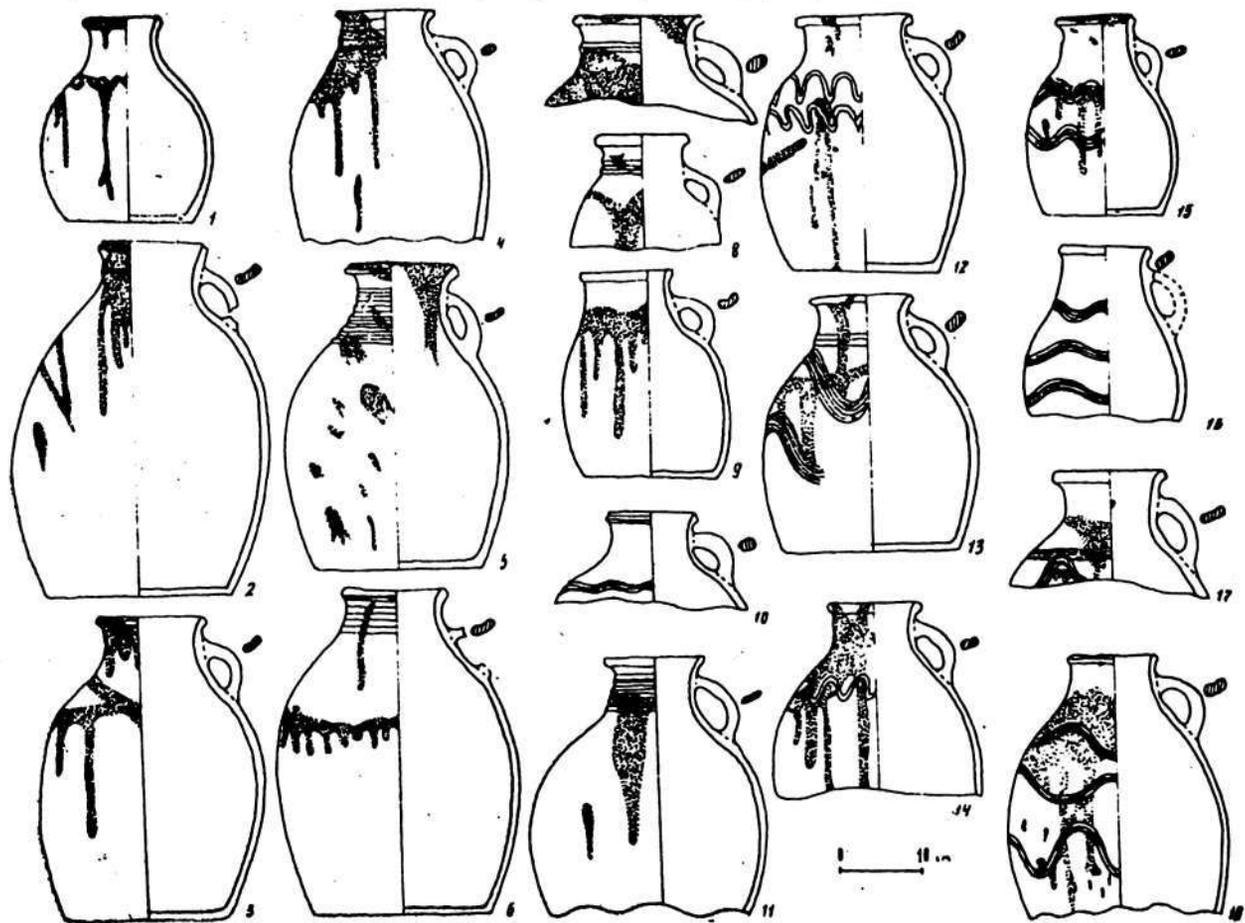

Рис. 22. Кувшины. Раскоп 1, дворцовое здание.

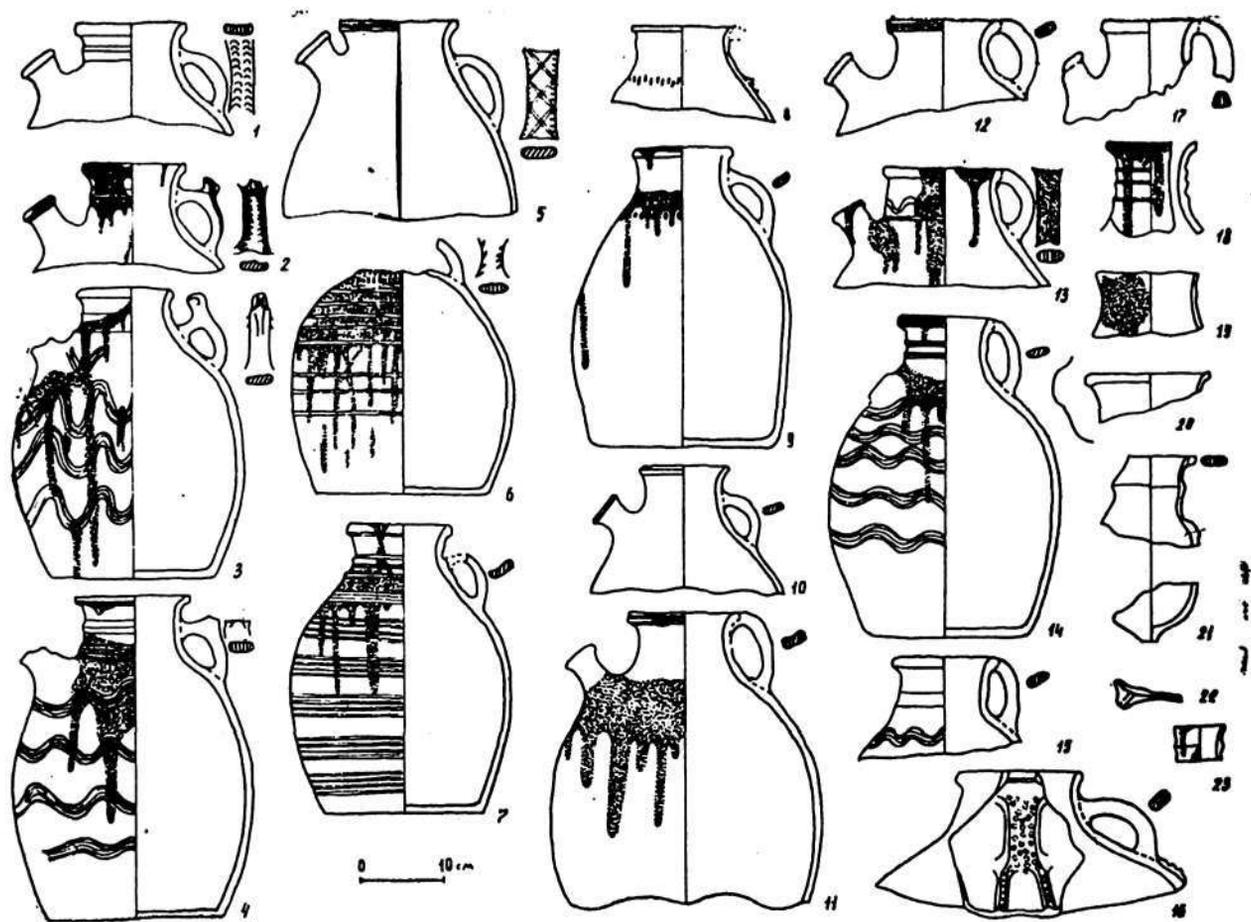

Рис. 23. Кувшины. Раскоп 1, дворцовое здание.

краю. Внутри горла на стороне носика есть налест длиной 11 см, предназначенный для удержания жидкости при наклоне сосуда. Кувшин покрыт красноватым ангобом и украшен по бережку вокруг горла, носика и тулову насечками, проведенными в различных направлениях, и пунсоном. Аналогий ему пока не выявлено.

Как указывалось, обычно носики на плечиках кувшинов имеют цилиндрическую форму, однако не всегда. На носике сосуда, найденного в верхнем строительном периоде, был зафиксирован зачаток слива, а также по краю двух сосудов (рис. 23, 20), обнаруженных в верхних слоях поселения. Подобные сливы распространены на сосудах, собранных в слоях Каунчи II, на городище Шаушукумтобе.

Несколько отличается своим размером большой кувшинообразный сосуд с двумя ручками на горле и у дна (рис. 24, 44).

Все кувшины изготовлены тщательной ручной лепкой. В материале верхнего строительного периода поселения Актобе 2 оказались фрагменты двух кувшинов станковой работы (рис. 24, 2, 17). Вероятно, они были одинаковой формы, с высоким горлом и валиком в верхней части, покатыми плечиками, удлиненно-округлым туловом с двусторонним горизонтальным рифлением почти по всей поверхности и ручкой, верхним концом прикрепленной к валику на горле. Близкие по форме горла и венчика кувшины имеются на городище Минг-Уржк⁴⁵.

Кувшины всех трех типов находят ближайšie аналогии в материалах первых веков нашей эры на городищах Каунчи и Чаш-тепе, в катакомбных могильниках Ташкентского оазиса⁴⁶. Кувшины, подобные сосудам первого и второго типов, иногда с прорезным волнистым орнаментом были встречены в Кенкольских катакомбах, в могильниках Джангаил, Боркорбаз⁴⁷.

Кружки (около 12% керамики второй группы) сделаны из глины того же качества, что и кувшины, ленточным способом; дно вылеплено отдельно. Ручка прикреплялась к слегка подсушенному сосуду. Снаружи по тулову у дна хорошо сохранились следы подрезов ножа и дальнейшей затирки поверхности щеткой или дощечкой. Вероятно, часто затирка заменяла орнамент. Диаметры венчиков и днищ колеб-

⁴⁵ Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., стр. 135, табл. IV.

⁴⁶ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах..., стр. 22, рис. 13; его же. Келесская степь..., стр. 64, табл. III, 29—31; Н. И. Крашенинникова. Указ. раб., стр. 59, рис. 6; М. Э. Воронец. Указ. раб., стр. 47, рис. 1—3; стр. 51, рис. 4, 3; Т. Агзамходжаев. Погребения IV—V вв. н. э. в Каратале. «Научные работы и сообщения АН УзССР», кн. 3, 1961, стр. 243, рис. 3.

⁴⁷ А. Н. Бернштам. Указ. раб., табл. XIII; С. С. Сорокин. О происхождении керамики катакомбных могил..., стр. 142, рис. 8; его же. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, стр. 103, рис. 2.

лются от 4—5 до 14 см; большей частью они равны и близки между собой. Более 75% кружек имеют прямое или расширяющееся книзу высокое горло, простой закругленный, иногда чуть утончающийся край, покатые плечики и округлое тулово, наибольший диаметр которого обычно меньше высоты сосуда. Более двух третей кружек покрыто жидким беловатым или беловато-розоватым ангобом и темно-красными, местами переходящими в темно-коричневые и черные цвета, мазками и потеками, иногда расположенными строго вертикально. Меньшая часть сосудов снаружи либо полностью покрыта красным или красно-коричневым ангобом и подлощена, либо прочерченным волнистым или наколотым орнаментом (рис. 25, 19, 20). Кружки снабжены петлеобразными или кольцеобразными ручками, прикрепленными к плечикам. Из них более 10% сосудов имеют выступ в верхней части ручки в виде головы барана, часто весьма стилизованного (рис. 25, 21, 22, 25—29; рис. 24, 15, 22; рис. 20, 22). Подобные кружки обнаружены во всех исследованных нами на поселении раскопах.

Кружки несколько отличаются друг от друга и по форме. Часть из них с укороченным горлом, более обычного раздутым туловом, петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к краю сосуда (рис. 25, 23—24). На некоторых экземплярах хорошо виден небольшой уступ, отделяющий горло от сферического тулова (рис. 25, 2). Одна из кружек была покрыта ангобом белого цвета и слабым рифлением по горлу (рис. 25, 6).

Все кружки сходны с сосудами из материалов поселений и катакомб Ташкентского оазиса и средней Сыр-Дарьи; они найдены и в нижних слоях Каунчи-тепе и частично в верхних⁴⁸, в катакомбных могильниках и поселениях под Ташкентом⁴⁹. Кружки подобной формы с зооморфными и петлеобразными ручками есть в Ширинсайском могильнике⁵⁰, в погребениях типа мугхона⁵¹ в предгорьях Фер-

⁴⁸ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 16, рис. 16; его же. Краткий отчет..., рис. 52; его же. Каунчи-тепе..., рис. 14, 15, 50; его же. Келесская степь..., рис. 58, 59, 110, 111.

⁴⁹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия УзФАН», 1940, № 9, стр. 30—36; Т. Н. Книпович. Указ. раб., стр. 73, рис. 14, 2; М. Э. Воронец. Указ. раб., стр. 47, рис. 1; Т. А. Газамходжаев. Указ. раб., рис. 3, 3; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., табл. III; Н. И. Крашенинникова. Указ. раб., рис. 5.

⁵⁰ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане. СА, 1952, XVI, стр. 346, рис. 15, 2.

⁵¹ М. Э. Воронец. Археологические исследования Ин-та истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. «Труды Музея истории УзССР», вып. II, 1954, стр. 70, рис. 18; В. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. LXIII, 1956, стр. 42, рис. 3.

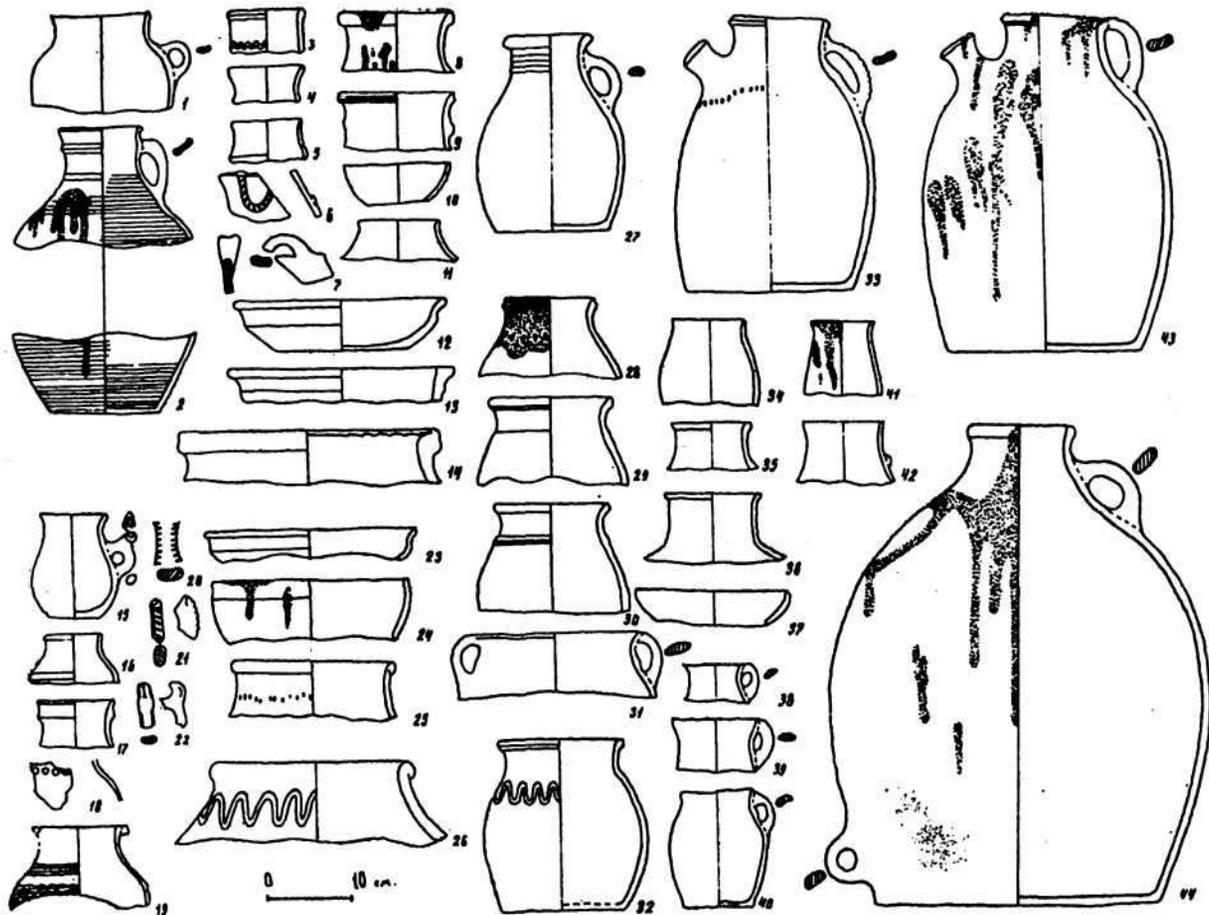

Рис. 24. Керамика второй группы (1—37, 41—44), керамика первой группы (38—40). Верхний строительный период (1—14 — помещение 10, раскоп 1; 15 — раскоп 3; 16—26 — раскоп 2; 27—44 — помещения 8, 9, раскоп 1).

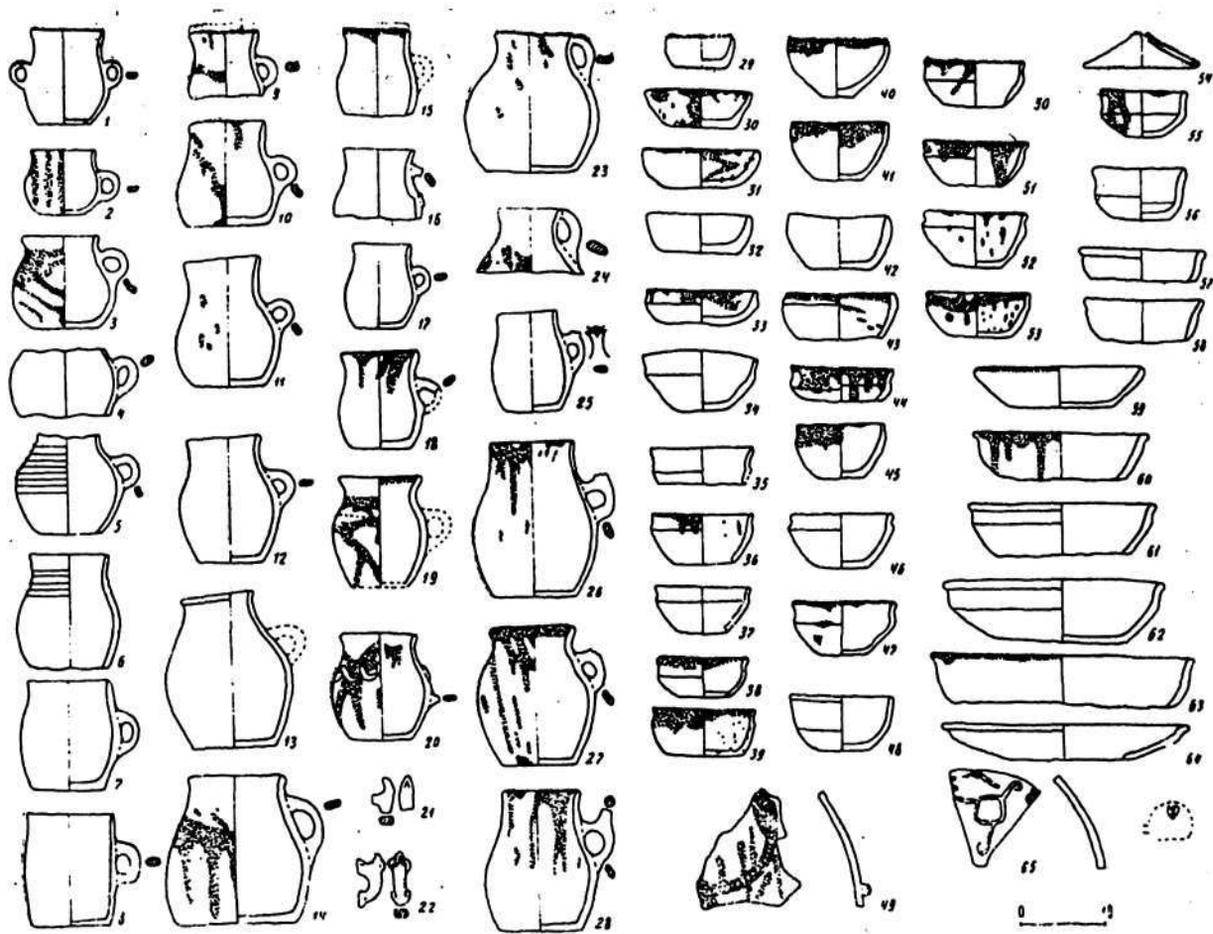

Рис. 25. Кружки, чаши, миски, крышки. Раскоп 1, дворцовое здание.

ганы, в курумах Ашта⁵², а с кольцеобразными и петлеобразными ручками на плечиках — в могильниках предгорьев Ферганы⁵³ и на северных склонах Каратау⁵⁴. Единичные экземпляры кружек подобной формы обнаружены в южном Таджикистане, в слое Кубадан III⁵⁵. Следует отметить находки близкой формы кружек в районах левобережья средней Сыр-Дарьи с петлеобразной, низко посаженной ручкой, часто в виде схематического изображения барана⁵⁶.

На поселении Актобе 2 верхний строительный период дал две кружки с почти подпрямоугольными стенками и такой же формы ручкой, покрытые красным ангобом и слегка подлощенные (рис. 25, 8). Интересна и кружка с высоким, чуть отогнутым наружу горлом, двумя кольцевидными ручками, прикрепленными к верхней части раздутого тулова, покрытая красно-коричневым ангобом и лощеная (рис. 25, 1). К кружкам, очевидно, относятся и серолощенные небольшие сосудики с очень тонким черепком, близкие по форме к основной массе актобинских кружек; одна из них с прорезным линейным орнаментом (рис. 24, 1, 16).

Особо выделяется кружка станковой работы, найденная в помещении 2 дворцового здания, с тонким черепком и красным ангобом снаружи; к сферическому тулову с тонким горизонтальным рифлением прикреплена кольцеобразная ручка, подпрямоугольная в сечении и с широким углублением на наружной стороне (рис. 25, 5).

Чаши (рис. 21, 1—4, 31; рис. 24, 10; рис. 25, 29—48, 50—53, 55—58) выявлены во всех раскопах обоих строительных периодов. Они изготовлены ленточным способом из двух полос: из одной —

⁵² Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района: в 1958 г. «Труды ИИАЭ им. А. Дониша АН ТаджССР», т. XXVII, 1961, рис. 8, 6; его же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в: 1957 г. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. СIII, 1959, стр. 123, рис. 7, 18, рис. 8.

⁵³ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Известия АН КирССР. серия общественных наук», 1961, т. III, вып. 3, стр. 78, табл. XII, 18, 21—22; стр. 79, табл. XIII, 34; Б. А. Литвинский. Указ. раб., рис. 8, VI; С. С. Сорочкин. Боркорбазский могильник. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V, 1961, стр. 123, табл. IV; стр. 137, табл. XV, 6; его же. Некоторые вопросы происхождения керамики..., стр. 132, рис. 2; стр. 136, рис. 4.

⁵⁴ Т. Н. Семенова. Указ. раб., рис. 15, 12, 13.

⁵⁵ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана. МИА, 1953, № 37, стр. 287, рис. 22.

⁵⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 163, рис. 82.

Авторы датируют подобные сосуды III в. до н. э. — I в. н. э. К этому же периоду они относят и кружки с ручками, на верхней части которых имелись налеты в виде спирально загнутых рогов барана (рис. 83), с чем трудно согласиться, так как подобные кружки на поселении Актобе 2, в слоях Каунчи I и в других памятниках первых веков нашей эры отсутствуют, а широко распространены на городище Шаушукумтобе, есть и в слоях Каунчи II.

дно с частью стенок, из второй — верхняя половина. Большинство чаш снаружи покрыто беловато-розоватым жидким ангобом с нарочито небрежными темно-красными мазками и каплями. Все они, как и кружки, асимметричны и различного размера. По форме их условно можно разделить на два типа: чаши с округлыми стенками и чаши с перегибом и ребром в верхней трети или на половине сосуда; последние количественно преобладают. Небольшое число чаш слегка лощеные с обеих сторон.

Несколько экземпляров образуют особый подтип: широко открытые чаши полушаровой формы с очень тонкими стенками и двусторонним лощением по серому или темно-серому ангобу. Одна из таких чаш обнаружена в нижнем строительном периоде на цитадели, другая — в верхнем, в помещении 10 раскопа 1 (рис. 21, 31; рис. 24, 10). Аналогии данным чашам встречаются в памятниках тех же районов, которые дают их и по другим сосудам (например, на городище Каунчи в нижнем слое)⁵⁷, в катакомбных могильниках того же района⁵⁸.

Миски (рис. 20, 39, 40; рис. 21, 7—11; рис. 24, 12, 23—24, 37; рис. 25, 59—64), как и чаши, вылеплены из двух частей, причем верхняя полоса прикреплялась с внутренней стороны к нижней. Подобно чашам, миски можно разделить на те же типы: 1) с округлыми стенками и простым краем или чуть уплощенным бережком; 2) с ребром в верхней части стенок, иногда со слегка отогнутым наружу краем, изредка с желобком для крышки по бережку.

Часть мисок — с чуть уплощенным внутрь венчиком и слегка загнутым внутрь краем. Эти сосуды по форме напоминают тарелки с выделенным венчиком и широким плоским бережком. Большинство мисок снаружи по беловатому ангобу и внутри целиком покрыто ма-

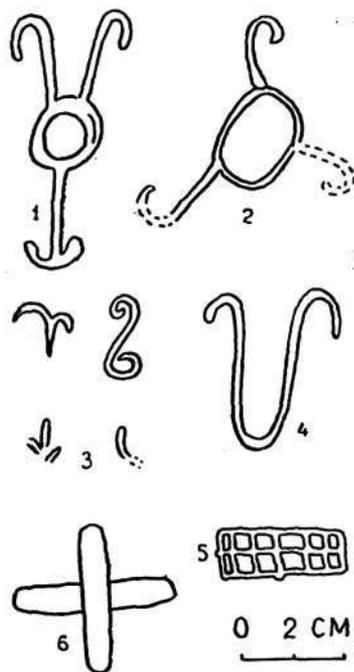

Рис. 26. Знаки на керамике с поселения Актобе 2.

⁵⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 63, рис. 12 (табл. II); рис. 27; его же. Каунчи-тепе..., рис. 50.

⁵⁸ Т. Агзамходжаев. Указ. раб., рис. 3, 1—2; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения..., рис. 2.

ками и потеками красно-коричневого цвета. Размер их варьирует. Ближайшие аналогии первого и особенно второго типов обнаружены в материалах того же Ташкентского оазиса⁵⁹.

Крышки (рис. 20, 30; рис. 21, 5; рис. 25, 54) представлены на поселении Актобе 2 единичными экземплярами. Они конической и усеченноконической формы, диаметром от 10 до 15 см. Подобные им имеются также в материалах Каунчи-тепе.

К особому типу относятся фрагменты двух сосудов с ярко-красным ангобом, округлым туловом и, вероятно, также округлым или уплощенным дном с отверстием в центре или у края дна (рис. 23, 21, 22). Очевидно, подобные сосуды использовались для приготовления какого-то молочного продукта.

Таким образом, обе группы керамики, собранные на поселении Актобе 2, схожи с материалом каунчинской культуры и частично с материалом из средней и нижней Сыр-Дарьи, Ферганы и других районов. К сожалению, датировка основной массы этих памятников окончательно не уточнена, приблизительно они относятся к I—IV вв. н. э.

Керамика нижнего и верхнего строительных периодов Актобе 2 принципиально не отличается ни по форме, ни по технике изготовления ~~хотя и различная~~, что не дает возможности расчленить ее по времени. Очевидно, это объясняется малыми размерами вскрытых площадей в нижнем строительном периоде.

Тождество керамики Актобе 2 с керамикой поселений и катакомб Ташкентского оазиса, относящихся к каунчинской культуре, позволяет отнести и наш комплекс к той же культуре, причем в то же время следует подчеркнуть идентичность многих форм с керамикой нижнего слоя городища Каунчи-тепе.

* * *

Нижний горизонт дал мало материала, если исключить керамику. На нижнем полу помещения 9 найдена часть фигурной подставки для вертела в виде барана, рога которого напоминают латинское *U* с загнутыми концами и украшены косыми насечками (рис. 26, 2). Подобные подставки известны в Средней Азии из Каунчи-тепе⁶⁰

⁵⁹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 63, рис. 11 (табл. II); рис. 28 (табл. III); его же. Каунчи-тепе..., рис. 50; В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 345, рис. 13, 4.

⁶⁰ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., рис. 9, стр. 26.

Автор относил эти подставки к слою Каунчи II, но отсутствие их в памятниках, синхронных Каунчи II (например, Шаушукумтобе, где встречаются подставки для котлов и, вероятно, для вертелов в виде быка, часто обнаруживаемые и в слое Каунчи II), а подставок в виде быка — в нижних слоях Каунчи и Актобе 2 дает основание причислить подставки для вертела в виде барана к слою Каунчи I, а подставки в виде быка считать характерными для слоя Каунчи II.

и Кызыл-Кыра⁶¹. Из далеких аналогий можно указать на весьма близкие очажные подставки с головами баранов на концах из позднескифских городищ на нижнем Днепре. Они продатированы исследователями III в. до н. э. — I—II вв. н. э. и связываются с находками во Фракии и Галлии⁶².

Пряслица, выявленные в нижнем строительном периоде, в принципе не отличаются от более разнообразного и многочисленного комплекса подобных находок из верхнего слоя (рис. 28).

Материал из верхнего строительного периода можно разделить на категории. Предметы вооружения представлены семью железными наконечниками стрел (рис. 29, 1—7), которые собраны в помещении дворцового здания и к востоку от него. Все они черешковые, трехперые; большинство из них плохо сохранилось. Такого типа железные стрелы встречаются в сарматских памятниках (с IV—III вв. до н. э. по III—IV вв. н. э.)⁶³. Однако в позднесарматское время стрелы описанного типа бытуют со стрелами с более крупной головкой (около 5 см) при общей длине наконечника 10—11 см⁶⁴. Исходя из того, что подобные стрелы в слое Актобе 2 не обнаружены, есть основание датировать наши I в. н. э. Уточнить датировку позволяет наличие на одной из них (рис. 29, 1), найденной у юго-восточного

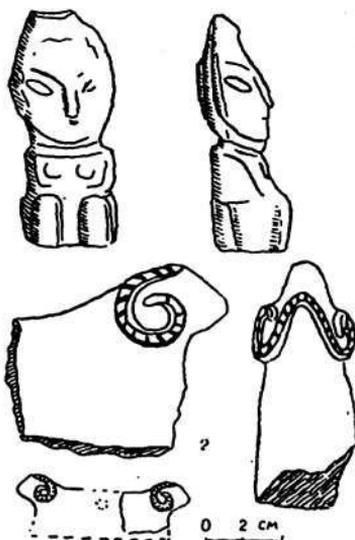

Рис. 27. Изделия мелкой пластики: 1 — алебастровая статуэтка из раскопа 4а; 2 — фрагмент подставки под вертел из нижнего слоя помещения 9 раскопа 1.

⁶¹ В. А. Нильсон. Кызыл-Кыр..., стр. 72—73.

К сожалению, датировка материалов Кызыл-Кыра, в том числе и слоев, где найдены подставки в виде барана, не убедительна. На основании некоторых аналогий с неточно датированными комплексами Тали-Варау и Каунчи автор раскопок верхней датой определяет I в. до н. э., явно ее заглубляя. Л. М. Рутковская верхней датой Кызыл-Кыра считает II—III вв. н. э. См.: Л. М. Рутковская. Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», вып. СХI, Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 137.

⁶² Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городище Знаменское и Гавриловское). «Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье». МИА, 1958, № 64, стр. 229 и сл.

⁶³ В. П. Шилова. Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, № 60, стр. 432, 461, рис. 50; стр. 496—497, рис. 62.

⁶⁴ Там же, стр. 496—497.

угла цитадели, у начала черешка уступчика, появляющегося на сарматских стрелах в III—IV вв. н. э.⁶⁵ В связи с этим мы вправе отнести железные наконечники стрел с Актобе 2 к I—IV вв. н. э. Подобные наконечники отмечены и в синхронных памятниках соседних районов Средней Азии⁶⁶.

Плоская железная пластинка подпрямоугольной формы со скругленным концом из помещения 6, возможно, от панциря (рис. 29, 11).

Орудия труда представлены железными ножами. Один из них (обнаружен к востоку от помещения 10) однолезвийный, со скругленной серповидной спинкой (рис. 29, 9), конец его обломан. Другой нож (из помещения 7, рис. 29, 8) также однолезвийный, с прямой спинкой и широким черенком для насадки ручки. Подобные ножи, к сожалению, имеют довольно широкую дату. Они встречаются в сарматских памятниках с сусловского этапа и позже⁶⁷. Аналогичные ножи часто содержат и среднеазиатские памятники первой половины 1 тысячелетия н. э.⁶⁸

В помещении 5 найдено сильно коррозированное железное лезвие, очевидно, от маленького ножа (рис. 29, 10); в дворцовом здании — два железных крючка, у одного из них (рис. 29, 12) верхний конец обломан, у другого расплюсчен и имеет небольшое отверстие (рис. 29, 13).

В помещении 7 дворцового здания обнаружен предмет из камня, очевидно, служивший грузилом (рис. 28, 22). Каменное грузило найдено в дерновом слое раскопа 4 на цитадели (рис. 28, 23).

В дворцовом здании и прилегающих к нему помещениях собрано большое количество (25 штук) пряслиц (рис. 28) и два кружочка — заготовки для пряслиц, выточенные из стенок обычных столо-

⁶⁵ P. R a u. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der Unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, S. 102, 111.

⁶⁶ С. С. С о р о к и н. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 11—12; е г о ж е. Боркорбазский могильник, стр. 121, табл. II; стр. 137, табл. XV; е г о ж е. Железные изделия из Кенкольской коллекции. «Сообщения Гос. эрмитажа», вып. XX. Л., 1961, стр. 51—54; Ю. Д. В а р у з д и н. Кара-Булакский могильник, стр. 63, рис. 12; И. К о ж о м б е р д и е в. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, 1960, вып. 80, стр. 74, рис. 15; М. Э. В о р о н е ц. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопке погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская..., стр. 59; Б. А. Л и т в и н с к и й. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 75 и сл.

⁶⁷ В. П. Ш и л о в. Указ. раб., стр. 488, 489, 491; К. Ф. С м и р н о в. Быковские курганы. МИА, 1960, № 78, стр. 214.

⁶⁸ Б. А. Л и т в и н с к и й. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах, стр. 43; М. Э. В о р о н е ц. Археологические исследования Ин-та истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы, стр. 62, рис. 13; стр. 72, рис. 21.

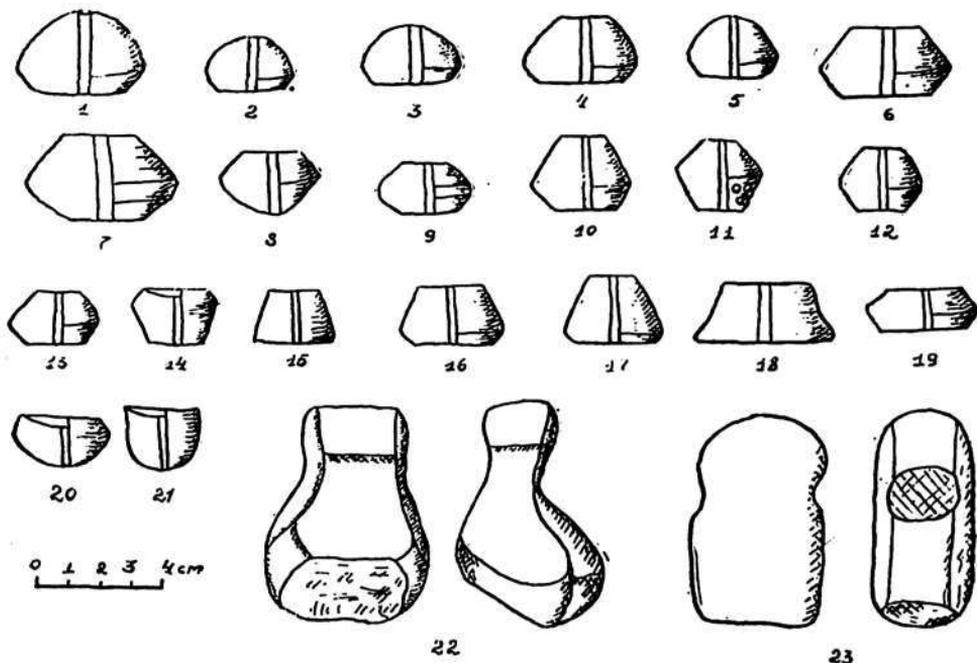

Рис. 28. Пряслица и изделия из камня.

вых сосудов. Подавляющая часть пряслиц биконической или конической формы, иногда со скругленными гранями. Они изготовлены из слабо промешанной глины с примесью, редко из тонкой отмученной глины. Несколько пряслиц имеет вогнутую плоскость, на которой до обжига иногда прочерчивался крест, одно из них (рис. 28, 11) украшено круглыми вдавлениями. Почти все они после обжига стали темно-серого цвета, на многих сохранились следы лощения.

На нижнем полу помещения 9 обнаружены плоское каменное пряслице и овальный плоский камень с отверстием, вероятно, служивший пуговицей.

Не отличаются от описанных и пряслица из помещений цитадели за пределами раскопа 1. Кроме керамических пряслиц здесь оказались два каменных пряслица — плоское круглое и бочонковидное. В дерновом слое раскопа 4 найден квадратной формы серый камень со скругленными углами и круглым отверстием в центре, возможно,

пуговица. Пряслица конические, биконические и другие не могут служить основанием для датировки.

В пределах дворцового здания собрано значительное число ладьевидной формы зернотерок, сделанных из крупнозернистого серого кварцита, и фрагменты от курантов к ним.

В восточной части цитадели обнаружен также фрагмент из крупнозернистого кварцита. Толщина жернова 3,5 см, диаметр 22 см.

На цитадели в раскопах 1,4 и 4а выявлено шесть округлых камней из серого кварцита, по виду похожих на ядра для пращи. Но уплощенные грани с явными следами лощения дают основание считать их лощилами.

Из мелких бытовых находок следует упомянуть набор «сурматаша», состоящий из каменной палочки с отверстием для подвешивания и кусочка графита тоже с отверстием для подвешивания и жезлом, проработанным палочкой (рис. 29, 16—17).

«Сурматаша» — обычно довольно распространенный предмет в инвентаре подбойно-катакомбных погребений Средней Азии, а также погребений типа мугхона и курумов⁶⁹.

Помещение 7 дворцового здания дало костяную пряжку квадратной формы в виде рамки с неподвижным язычком (рис. 29, 28). Эта вещь более ранняя, чем все остальные из этого слоя. Пряжки с неподвижным язычком не встречаются в археологических памятниках позже I в. до н. э.⁷⁰ Аналогии нашей пряжке следующие: 1) пряжка из раннесарматского (прохоровского) погребения у села Усатово, курган у хутора Лебзак⁷¹; 2) костяная пряжка от конского убора из погребения 73 в меото-сарматском могильнике у станицы Усть-Лабинской (датируемом III — началом I в. до н. э.)⁷²; 3) костяная пряжка из кургана 3 Пазырыкской группы⁷³.

⁶⁹ См., например: М. Э. Воронцов. Археологические исследования..., стр. 76, рис. 24; И. Кожомбердиев. Указ. раб., стр. 74, рис. 15, 7—9; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XXXV, 1955, стр. 66; С. С. Сорokin. Боркорбазский могильник..., стр. 123, табл. V; стр. 148—149. В последней работе см. довольно подробную сводку находок.

⁷⁰ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. «Археология СССР. Свод археологических источников». ДИ-10, М., 1963, стр. 40, табл. XXV.

М. Г. Мошкова не считает подобные пряжки характерными для сарматской культуры и объясняет их появление как результат влияния северных лесных соседей.

⁷¹ И. В. Сидицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», вып. XVII, 1947, стр. 105, табл. VI, рис. 3, 2.

⁷² Н. В. Анфилов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 1951, № 23, стр. 184, рис. 12, 7.

⁷³ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. XLVIII, рис. 7.

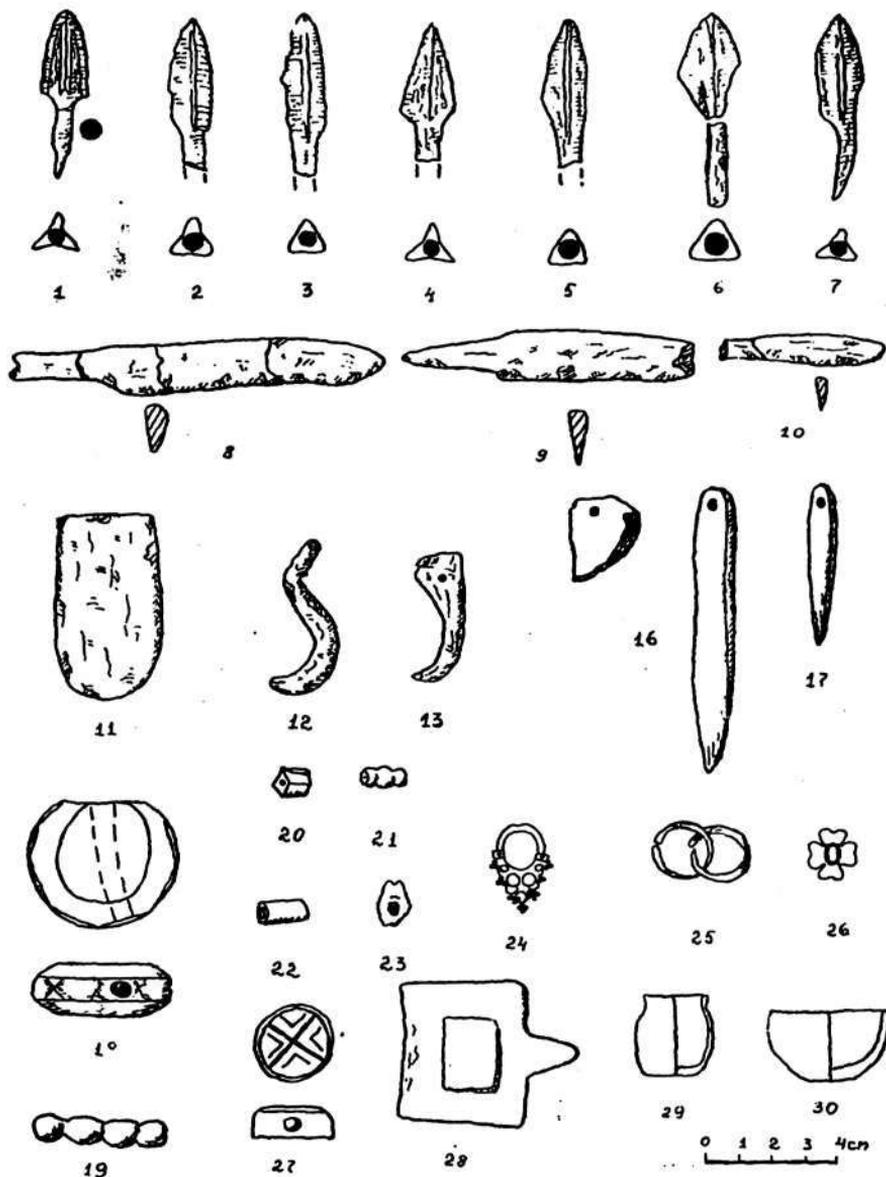

Рис. 29. Находки из раскопа 1 и 2: 1—13 — железо, 19 и 25 — медь, 16—18, 22 — камень, 24 и 26 — золото, 27, 29, 30 — глина, 28 — кость (1, 2, 9, 23 — слой над печками к востоку от дворца; 3, 4, 11, 13, 18, 22, 30 — помещение 6; 5, 6, 24, 25 — помещение 2; 7 — помещение 8, верхний строительный период; 8, 16, 19, 28 — помещение 7; 10, 21 — помещение 5; 12 — над потайной лестницей, ведущей к колодезю; 20, 27, 29 — помещение 5; 26 — помещение 1).

В помещении 5 найдена слабо обожженная глиняная печать, круглая, плоская, со сквозным отверстием для шнура. На обеих сторонах до обжига был прочерчен знак в виде креста и дополняющих его углов (рис. 29, 27). Аналогии печати из Актобе 2 имеются среди каунчинских печатей, известных по работам Г. В. Григорьева⁷⁴.

Украшения в слое Актобе 2 представлены довольно разнообразными предметами: в помещении 6 дворцового здания обнаружен амулет из черно-зеленого камня округлой формы, уплощенный, со слегка граненой окружностью и сквозными просверленными отверстиями (сверление двустороннее; рис. 29, 18); в помещении 7 — бронзовая палочка с округлыми утолщениями на концах и двумя такими же утолщениями посередине (рис. 29, 19). Вероятно, это застежка. Аналогичная по форме застежка встречена в могиле 3 могильника Большие Елбаны, относимого М. П. Грязновым к единичному этапу верхнеобской культуры (III—IV вв. н. э.)⁷⁵.

Ювелирные изделия насчитывают четыре предмета. Три из них образуют серьги, а один — это два сцепленных бронзовых кольца, один из которых был завернут в тряпочку, закрыты шерстяной «ватой» и зарыты под полом в арочном проходе из помещения 6 во второе дворцового здания. Бронзовые кольца сделаны из плоской неширокой полосы, концы которой не замкнуты (рис. 29, 25).

Серьга (рис. 29, 24) золотая, а ее дужка медная. Нижняя часть серьги представляет собой полую «луницу», изготовленную из золотой пластины. В ее обоймочки на верхних концах вставлялись концы медной дужки, один конец не закреплялся. К «лунице» снизу припаяно семь полых золотых шариков, образующих гроздь, впадины между шариками и гроздь внизу украшены строенной мелкой зернью. Строенная зернь припаяна и к самой «лунице» немного ниже верхних концов. На лицевой стороне выше грозди имеется два выдавленных полых невысоких цилиндрических выступа.

Подобные серьги были распространены в сарматское время от Алтая до Центральной Европы. Нашему изделию очень близки серьги из кургана 8 могильника Таш-Тобе в Таласской долине⁷⁶ и Сибирской коллекции Петра I⁷⁷. В основе их также лежит «луница» с

⁷⁴ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 73, табл. XII.

⁷⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 1956, № 48, табл. XLI, 12.

⁷⁶ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 56, 68, рис. 7, 5.

⁷⁷ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. «Археология СССР. Свод археологических источников, ДЗ-9». М.—Л., 1962, стр. 22—23, 36, табл. II, 1, 3; табл. XX, 20, 26—29.

гроздьями из шариков. Но все эти серьги отличаются тем, что либо украшены, либо должны были украшаться вставками из камней, зачастую обрамляемых зернью. И. Кожомбердиев приводит аналогии серьгам из Таш-Тобе, но не уточняет их датировку. По мнению С. И. Руденко, в Сибирской коллекции Петра I нет вещей позже II в. н. э.⁷⁸, более подробно на этом вопросе он не останавливался, так как хронология их не разработана.

Серьги в виде «луницы» со вставками из камней, близкие к сибирским, но без виноградной грозди, известны из позднесарматского погребения у слободы Котовой и отнесены И. П. Берхин⁷⁹ к IV—V вв. н. э.

Серьги с виноградной гроздью, украшенной зернью, бытовали в сарматской культуре на Северном Кавказе и в Крыму еще с VI—V вв. до н. э.⁸⁰, но по форме они ничем не напоминают серьгу из Актобе 2. Близкую по форме виноградную гроздь из крупных полых шариков мы находим у серег из с. Бори⁸¹, датируемых Е. М. Придик примерно I в. н. э. В. А. Городцов, анализируя привески луничной формы с тройными шариками внизу из Подчеремского клада (явно выродившаяся форма серьги типа актобинской), намечил линию их развития от скифских золотых луничных серег, существовавших позднее в измененном виде у сармат⁸². В подтверждение мнения В. А. Городцова следует вспомнить о серьге луничного типа с виноградной гроздью из Харинского могильника (III стадия пьяноборской культуры), датируемого IV—V вв. н. э.⁸³ Эта серьга по форме

⁷⁸ Там же, стр. 37.

⁷⁹ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 2, Скифо-сарматское время. М., 1961, стр. 143, рис. 1, 3—4.

Там же имеются ссылки на другие находки луничного типа серег в сарматских погребениях II—IV вв. н. э.

⁸⁰ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Сб. «Материалы по археологии России», № 37. СПб., 1918, стр. 18, табл. IV, 3, 4; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 57, 58, рис. 31; стр. 12—13, 17; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса (Раскопки 1951—1958 гг.). МИА, 1961, № 98, стр. 76, табл. XXXIV, 5.

⁸¹ Е. М. Придик. Новые кавказские клады. Сб. «Материалы по археологии России», № 34. СПб., 1914, стр. 98, табл. II, 10.

⁸² В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, 1937, II, стр. 51, 116, рис. 1, 4—5. О подобной линии развития позднесарматских серег говорит И. П. Берхин. См.: Указ. раб., стр. 143.

⁸³ А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», VII. Л., 1928, стр. 297; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 1952, № 28, стр. 80, табл. XVII, 11.

очень напоминает актобинскую, но типологически является более поздним вариантом, несомненно предшествующим подчеремским привескам.

Однако приведенные аналогии не позволяют определить дату золотой серьги из Актобе 2 точнее, чем I вв. н. э., или, в крайнем случае, не позже III в. н. э., на что указывает датировка серьги из Харинского могильника.

В помещении 1 дворцового здания обнаружена четырехлепестковая золотая пластинчатая бляшка с красной овальной стеклянной вставкой в середине, обрамленной ободком из мелкой зерни. Лепестки бляшки имеют вырез в верхней части (рис. 29, 26). Точной аналогии ее привести не можем, но, судя по стилю, она относится к первым векам нашей эры.

Набор бус из Актобе 2 очень беден. Найдено всего пять бусин. Стеклянная с подглазурной позолотой бусина в виде строенных шариков (рис. 29, 21) имеет аналогии в инвентаре позднесарматских погребений III—IV вв.⁸⁴, в памятниках II—IV вв. в Средней Азии⁸⁵ и могильниках одинцовского этапа верхнеобской культуры (III—IV вв. н. э.)⁸⁶. В позднесарматских же памятниках попадаются и мелкие темно-синие стеклянные бусы, подобные актобинской⁸⁷. Кроме описанных бус встречены одна целая и одна фрагментированная бусины из белого камня (рис. 29, 22) и раковина каури со спиленной спинкой (рис. 29, 23).

Большой интерес представляет своеобразная алебастровая статуэтка (рис. 27, 1) сидящей на какой-то подставке женщины (судя по согнутым в коленях, но поставленным вертикально ногам) со сложенными на животе руками. Руки, как и торс, моделированы менее рельефно, голова непропорционально большая, немногим меньше туловища. Лицо также мало рельефно, от прямого носа к вискам идут вразлет брови, глаза миндалевидные, зрачок не выделен. Лицо обрамляет либо прическа, либо головной убор в виде высокой шапки, верхний край которой обломан. Со спины статуэтка сглажена и уплощена, а подставка, на которой сидит женщина, выделена по бокам и немного сзади.

---

⁸⁴ Р. Рау. Указ. раб., стр. 69; И. В. С и н и ц ы н. Древние памятники в низовьях Еруслана (По раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, 1960, № 78, стр. 51, рис. 18, 13.

⁸⁵ А. Н. Б е р н ш т а м. Кенкольский могильник..., табл. XXXVI; е го же. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, рис. 7; А. К. К и б и р о в. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг., стр. 81, рис. 5.

⁸⁶ М. П. Г р я з н о в. Указ. раб., стр. 111.

⁸⁷ И. В. С и н и ц ы н. Указ. раб., стр. 51.

Возможно, это женское божество местного пантеона, но оно не обнаруживает сходства ни с какими другими из различных областей Средней Азии; вместе с тем оно имеет нечто общее с меловыми или алебастровыми идолами из сарматских⁸⁸ и среднеазиатских погребений⁸⁹ I веков н. э. Отличает его от этих примитивных статуэток моделировка тела, явно женские черты. Обращает на себя внимание необычность позы, не встречающаяся аналогий в коропластике Средней Азии.

На основании сопоставления различных групп находок из поселения Актобе 2 мы можем датировать данный памятник I—IV вв. н. э. Вне этих пределов датировка костяной пряжки, относящейся к I в. до н. э., но датировка отдельных вещей может выходить из обычных хронологических рамок. Нижняя граница даты Актобе 2 — I в. н. э. подтверждается целым рядом находок. Возможно, что разработка типологии мелких железных наконечников стрел, ножей и других предметов позволит уточнить датировку и перенести начальную дату памятника к I в. до н. э.

6. Захоронение в купольном помещении.

Время гибели памятника

Мы подробно уже разбирали стратиграфию купольного помещения 7, в котором после того, как жители оставили дворец, но он еще не успел сильно разрушиться, было сделано захоронение.

Благодаря тому, что погребение оказалось целиком в слое песчано-глинистого намыва, удалось выяснить конструкцию деревянного гроба. В слое намывов, плотно закрытых кирпичным завалом, на месте сгнившего дерева сохранились пустоты с легкой древесной трухой, имевшей форму частей гроба. В пустотах и намыве были видны даже пазы гроба, что дало возможность полностью реконструировать его (зачистка велась методически по двум фасадам, не примыкающим

---

⁸⁸ К. Ф. Смирнов. Выковские курганы..., стр. 186, 262. В этой работе дается подробная сводка подобных находок в сарматских памятниках.

⁸⁹ Ю. А. Заднепровский. Разведки и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XXXVII, 1956, стр. 120 (описанный в работе идол — глиняный); Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. раб., стр. 51 и сл. (Авторы приводят много аналогий и этнографических параллелей алебастровому идолу). Ю. Д. Баруздин и Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 26, 47—48.

к стенам, а затем после вскрытия и фиксации погребения зачистили дно и остальные две стенки, но уже с внутренней стороны; рис. 30, 1, 2).

Гроб стоял вдоль западной стены помещения, упираясь в его северную стену. Так как стены здания не строго ориентированы по странам света, то ориентация покойника получилась северо-западная.

Гроб имел длину 2,1 м, ширину в изголовье 60 см, в ногах 42 см. Его конструкция решетчатая, характерная для сарматских погребений шиповского этапа на Нижней Волге⁹⁰. Четыре столбика квадратной в сечении формы (5×5 см) расположены по углам и соединяют верхнюю и нижнюю рамы, скрепленные между собой шестью вертикально поставленными плоскими дощечками.

Дно гроба образовали семь аналогичных плоских дощечек шириной 5—6 см, вставленных в пазы продольных брусков нижней рамы и располагавшихся между пазами для вертикальных стоек (рис. 30, 2). Верхняя часть угловых столбиков, судя по найденному от одного из них в изголовье деревянному фрагменту, была украшена простейшей резьбой в виде понижающихся в плоскости кругов. В центре находилось бронзовое украшение — плоская бляшка диаметром 1,5 см, со штырьком на обратной стороне для закрепления в дереве (рис. 32, 17). Крышку гроба найти не удалось, вероятно, она была разрушена завалом; сохранилась лишь ее крайняя восточная продольная плаха.

По отпечаткам на грунте удалось проследить, что боковые стенки гроба были обмотаны четырьмя, очевидно, кожаными полосами шириной до 7 см. Никакой подстилки на дне не обнаружено. В гробу лежал покойник и инвентарь (рис. 31). Положение скелета вытянутое, на спине. Справа у головы стояло два деревянных сосуда (рис. 31, 1, 2; рис. 32, 19, 20), у которых на венчике были медные заклепки — следы ремонта.

У черепа с этой же стороны лежала крупная «серьга» из сплава серебра с золотом (возможно, позолота), богато украшенная зернью и стеклянными вставками (рис. 31, 3; рис. 32, 18). «Серьга» первоначально служила подвеской. По форме она овальная с меньшим диаметром по высоте, имеет плоскую заднюю стенку с бортиком; по

---

⁹⁰ Погребения в гробах такого типа появляются еще в прохоровскую эпоху. См.: М. Г. Мошкова. Указ. раб., стр. 22—23, табл. II—IV; И. В. Сидцын. Древние памятники в низовьях Еруслана..., стр. 27, 28, 157; е го же. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 13, 37, 75—77, 97, 101 и сл.; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Полятотдельское..., МИА, 1959, № 60, стр. 274.

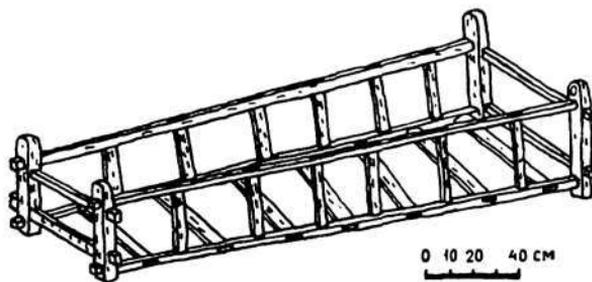
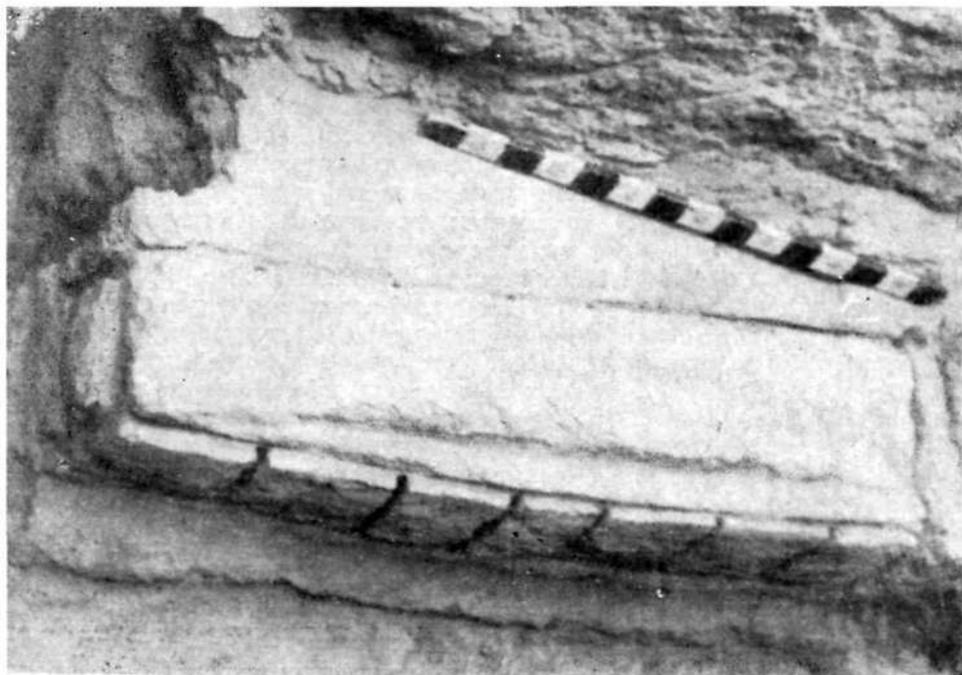

Рис. 30. Деревянный гроб: 1 — раскопка погребения; 2 — реконструкция гроба.

краям к ней припаяны гроздь из четырех шариков. Вдоль бортика проходит поясok из мелкой зерни, ближе к центру идет сплошной валик, к которому основанием примыкают треугольники из мелкой зерни. Центральный «медальон» обложен довольно широкой полоской серого металла (свинец?), обрамленного зернью. Центральная круглая часть «серьги» разделена на три сегмента со стеклянными вставками и имеет маленький треугольник в середине, заполненный голубой пастой.

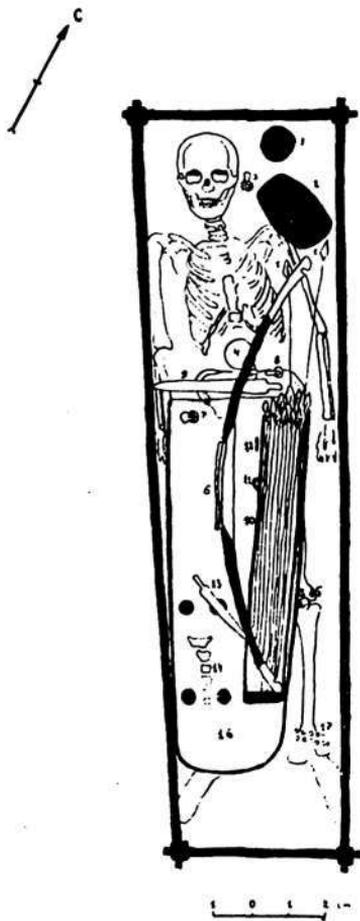

Рис. 31. План погребения в помещении 7.

Первоначально ювелирное изделие имело два припаянных ушка в виде колечек. В погребении оно использовано как серьга или височное кольцо, для чего в его верхней части сделаны два сквозных отверстия, к которым привязывалась лировидная бронзовая дужка с расплюснутыми концами и отверстиями в них. В одном сохранился узелок из нитки. Именно расплюснутые, широкие концы дужки наводят на мысль, что это было височное украшение, а не серьга.

Всю нижнюю половину туловища покойника закрывал большой берестяной (судя по остаткам и отпечаткам) футляр для колчана и лука. Длина его не менее 1 м, ширина у пояса (у устья) 38 см, у округлого дна 28 см. В нижней части имелось приспособление, вероятно, для его ношения: попарно на расстоянии 6 см друг от друга располагались по два деревянных столбика диаметром около 4 см и длиной не менее 6 см, вставлявшихся в берестяную обшивку футляра. На конце столбика, выходившего наружу, прослеживается маленькое сквозное отверстие для веревки или ремня. Расстояние между парами столбиков 20 см.

Внутри футляра лежали деревянный лук с костяными обкладками так называемого гуннского типа (рис. 31, б; рис. 33), железный од-

нолезвийный нож (рис. 31, 13; рис. 32, 10), крестец от барана (рис. 31, 14) и колчан со стрелами (рис. 31, 10).

Колчан (длина 77, ширина 11 см), судя по отпечаткам, берестяной, дно деревянное толщиной 2,4 см. Следов от крышки не обнаружено. Стрелы (рис. 32, 1—9) железные, плохой сохранности (более 20 штук, точнее определить трудно), наконечниками торчали из колчана; древки их длиной 70—75 см, камышовые. Наконечники трехперые, длиной от 5,5 до 7 см. Две стрелы с древками были вытянуты из колчана, их наконечники находились у плеча покойника. Один из них двухперый (рис. 32, 1), плоский, края лопастей слегка подрезаны вверх, боевая часть к острию закруглена. Другой наконечник (рис. 32, 2) трехперый, с опущенными небольшими жальцами.

Под колчаном найдены железное изделие, вероятно, для подвешивания колчана на ремне (рис. 31, 11; рис. 32, 13) и какой-то небольшой железный стерженек.

Лук (рис. 31, 6) на треть выступал из футляра и лежал на груди покойника. Он сохранился, как и все погребение, в непо потревоженном состоянии. Деревянные части истлели. Положение концевых костяных обкладок показывает, что лук был не натянут. Длина его 1,2 м. Костяные обкладки следующие: две пары концевых разной длины (рис. 33), три центральные, из них две подтрапещевидной формы, с острыми концами, короткой стороной обращенные к внешней части дуги лука; вдоль этих парных обкладок на ребре стояла третья — центральная прямая с расширяющимися концами.

Ниже пояса поперек тазовых костей скелета лежал железный кинжал (рис. 31, 9; рис. 32, 16), обращенный рукоятью к левой руке. Он очень плохой сохранности, двулезвийный, длина с рукоятью 35 см; рукоять без навершья и перекрестья, переход к клину под прямым углом. На нем есть следы от деревянных ножен. Выше и ниже кинжала обнаружены две железные пряжки. Одна из них с подвижным язычком и круглым щитком (рис. 31, 7; рис. 32, 11), другая без сохранившегося язычка с подпрямоугольной вытянутой площадкой (рис. 31, 8; рис. 32, 12).

Ниже ребер поверх скелета лежала глиняная необожженная лепешка серого цвета диаметром 8—9 см и толщиной до 2 см; назначение ее неясно (рис. 31, 4).

У коленного сустава на левой ноге покойного найдены два маленьких железных крючка (рис. 32, 15), возможно, скреплявшие край берестяного футляра, находившегося рядом.

Ноги вокруг лодыжек в два ряда опоясаны медными круглыми бляшками диаметром 1 см с загнутыми вниз краями и штырьком для закрепления типа кнопок (рис. 31, 17; рис. 32, 14). Они, вероят-

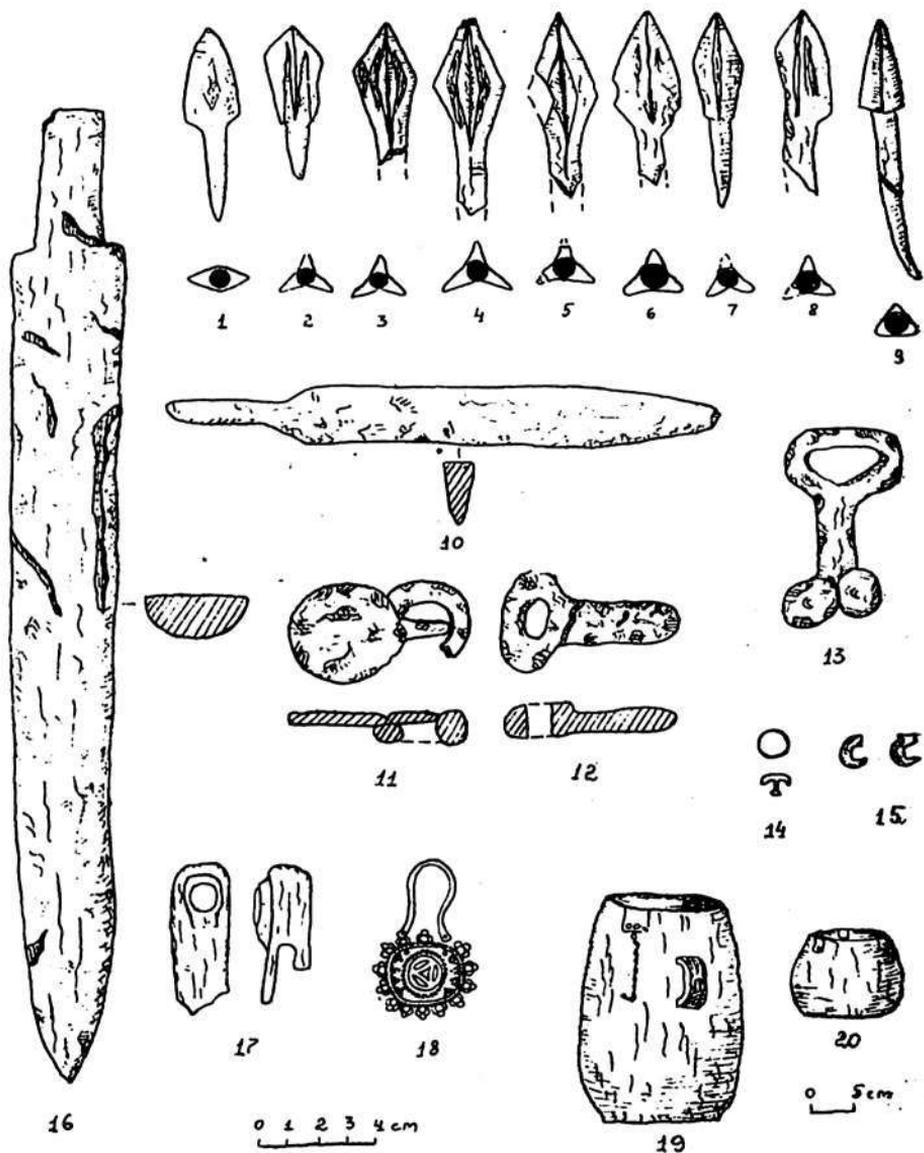

Рис. 32. Ивентарь погребения в помещении 7.

но, служили украшением обуви. На каждой ноге их было по 23 штуки.

Как указывалось, погребение имеет аналогии (особенно решетчатый гроб) в сарматских памятниках Нижнего Поволжья. В Средней Азии к описываемому комплексу более близки погребения в деревянных гробах из Кенкольского могильника⁹¹.

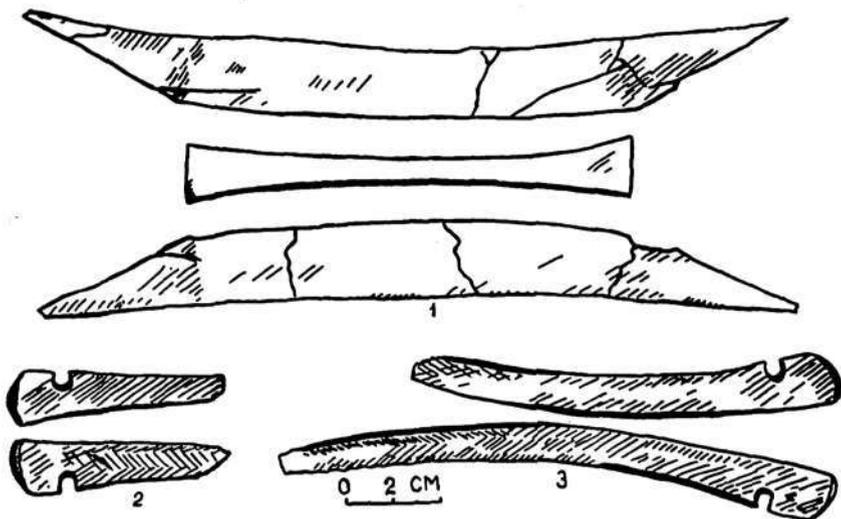

Рис. 33. Костяные обкладки лука из погребения в помещении 7.

В Кенкольском могильнике мы находим подобные до мельчайших деталей в отделке костяные обкладки лука (курган 10). В большом количестве они встречаются и в других памятниках Казахстана, а также Средней Азии. Такие же обкладки зафиксированы и в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, Забайкалья, на Алтае и в Монголии⁹².

В материалах Кенкольского могильника и других памятников

⁹¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., табл. XXIII.

⁹² Подробно вопрос о луках подобного типа рассмотрен в статьях: А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», стр. 29—44; Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. СА, 1966, № 4, стр. 51—69. Там же приведена обширная библиография вопроса.

на Тянь-Шане можно выявить деревянные сосуды⁹³, подобные нашим, близкие по форме к усуньской керамике⁹⁴.

Железные пряжки актобинского погребения имеют аналогии в памятниках Средней Азии, датируемых I—IV вв. н. э.⁹⁵

Височное кольцо («серьга») из погребения прямых аналогий в других памятниках не имеет, но его, несомненно, можно причислить к предметам полихромного стиля из Казахстана, т. е. к так называемому «варварскому искусству» середины I тыс. н. э.⁹⁶ Их ранее связывали с готской культурой, но А. Н. Бернштам предложил отнести к культуре гуннов, в создании которой, безусловно, значительную роль сыграли местные среднеазиатские племена⁹⁷.

Основным материалом для датировки погребения служит вооружение. Двухлезвийные кинжалы со штырем для рукоятки, как и мечи этого же типа, появляются в сарматских памятниках в конце II—III вв. н. э. и бытуют позже⁹⁸. В позднесарматских памятниках (IV—V вв. н. э.) встречаются уже однолезвийные мечи, которые, вероятно, существуют с двухлезвийными⁹⁹. Исследователи сарматской культуры отмечают, что для мечей шиповской стадии (IV—V вв. н. э.) в отличие от позднесарматской, датируемой II—IV вв. н. э., характерен пря-

---

⁹³ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., стр. 6, 7, 10, 12; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 66, рис. 9; А. К. Кибиров. Указ. раб., стр. 133.

⁹⁴ К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, 1956, стр. 23, рис. 20.

⁹⁵ С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник..., стр. 137, табл. XV; стр. 121, табл. V; его же. Железные изделия из Кенкольской коллекции..., стр. 51—54; А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала..., стр. 39, рис. 29; А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае..., стр. 59, рис. 7, 3, 4, 7; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 104, рис. 59, 11, 12; Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская..., «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 231, рис. 3, 1. (Датировка памятника автором несколько омоложена); И. Кожомбердиев. Указ. раб., стр. 38, 71.

⁹⁶ См. последнюю сводку такого рода находок в Казахстане в раб. М. К. Кадырбаева. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, Археология, 1959, стр. 193—198.

⁹⁷ А. Н. Бернштам. Находки у озера Борового в Казахстане. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIII, 1951, стр. 228—229; его же. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 199—200.

⁹⁸ Р. Рау. Указ. раб., стр. 68, 101—104; Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. VI, вып. 3. Саратов, 1927, стр. 109, 115—116; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 273; рис. 26, 5; В. П. Шилов. Указ. раб., стр. 493—497 и сл.

⁹⁹ Т. М. Минаева. Указ. раб., стр. 109.

мой угол в месте соединения черенка с клинком¹⁰⁰. Именно к такому типу принадлежит и кинжал из нашего погребения, что дает основание датировать его IV—V вв. н. э.

Большая часть железных наконечников стрел из колчана близка к стрелам из слоя самого поселения. Некоторые из них крупнее. Уже приводилось много аналогий им из позднесарматских памятников, датированных II—IV вв. н. э. Укажем еще на ряд крупных железных трехперых наконечников стрел из среднеазиатских памятников того же времени¹⁰¹.

Уточнить датировку комплекса стрел помогает находка двухперого не крупного железного наконечника стрелы со слегка подрезанными сверху гранями. Подобные наконечники появляются в позднесарматское время наряду с крупными трехперыми, а затем получают дальнейшее развитие. Их мы встречаем в более поздних «кочевнических» погребениях¹⁰².

Наиболее близким вариантом нашего наконечника является экземпляр из кургана 18 у г. Покровска. Т. М. Минаева датировала эту группу курганов IV—V вв. н. э.¹⁰³ На более поздних экземплярах плоских стрел, как, например, из погребения у хутора Авиловского¹⁰⁴, имеется уступчик у начала черешка, отсутствующий у нашего. Приведенные данные позволяют отнести комплекс стрел из погребения к концу IV в. или рубежу IV—V вв. н. э. Сопоставляя датировку отдельных предметов из инвентаря погребения, мы склонны его датировать концом IV — рубежом IV—V вв. н. э.

На основании анализа инвентаря из слоя поселения Актобе 2 мы пришли к выводу, что поселение существовало в I—IV вв. н. э. Однако, учтя время, прошедшее после запустения городища до погребения, можно уточнить время гибели памятника и отнести его к началу IV в. н. э.

¹⁰⁰ И. П. Берхин. Указ. раб., стр. 151—152.

¹⁰¹ Например: С. С. Сорокин. Железные изделия из Кенкольской коллекции..., стр. 51—54; его же. О датировке и толковании Кенкольского могильника..., стр. 12; его же. Боркорбазский могильник..., стр. 121, 137, табл. II, XV; А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, стр. 129, 133; Ю. Д. Баруздин. Указ. раб., стр. 63; М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 73, рис. 22; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел..., стр. 81 и сл.

¹⁰² Е. К. Максимов. Указ. раб., стр. 71; Т. М. Минаева. Указ. раб., стр. 110, табл. II; И. В. Сеницын. Археологические памятники в низовьях реки Иловатки. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», вып. XXXIX, 1954, стр. 231.

¹⁰³ Т. М. Минаева. Указ. раб., стр. 113, табл. II.

¹⁰⁴ Е. К. Максимов. Указ. раб., рис. 43.

2

ГОРОДИЩЕ ШАУШУКУМТОБЕ

1. Описание раскопок

Городище Шаушукумтобе, расположенное на одном из выступов верхней террасы правого берега в среднем течении реки Сыр-Дарьи, находится примерно в 5 км к северу от пос. Чардарастрой (рис. 1). Оно представляет собой подквадратной формы возвышенную площадку размером 250×250 м и высотой от 4 до 5 м, которая, по-видимому, является остатками шахристана древнего города. В середине его юго-западной стороны расположен бугор в виде усеченной пирамиды наверху с площадкой в форме неправильного квадрата, ориентированного углами по странам света. Размер ее сторон: ЮЗ — 36,5, СЗ — 28,6, СВ — 39,6 и ЮВ — 38 м. Площадку окружает земляной вал высотой от 0,5 до 0,8 м. Высота самой площадки от нулевой точки городища около 10 м. На углах вала этой площадки, являющейся остатками цитадели города, сохранились невысокие земляные всхолмления, вероятно, на месте башен. В середине площадки имеются остатки каких-то сооружений в виде возвышений неправильной формы. С трех сторон холма цитадели, за исключением юго-западной, на склонах, примерно на 4 м ниже верхнего края вала, обнаружены остатки второго земляного вала. Он отделен от склонов холма заплывшим рвом глубиной 0,5—1,1 м и шириной 1—1,5 м. Высота его от дна рва 0,6—1 м.

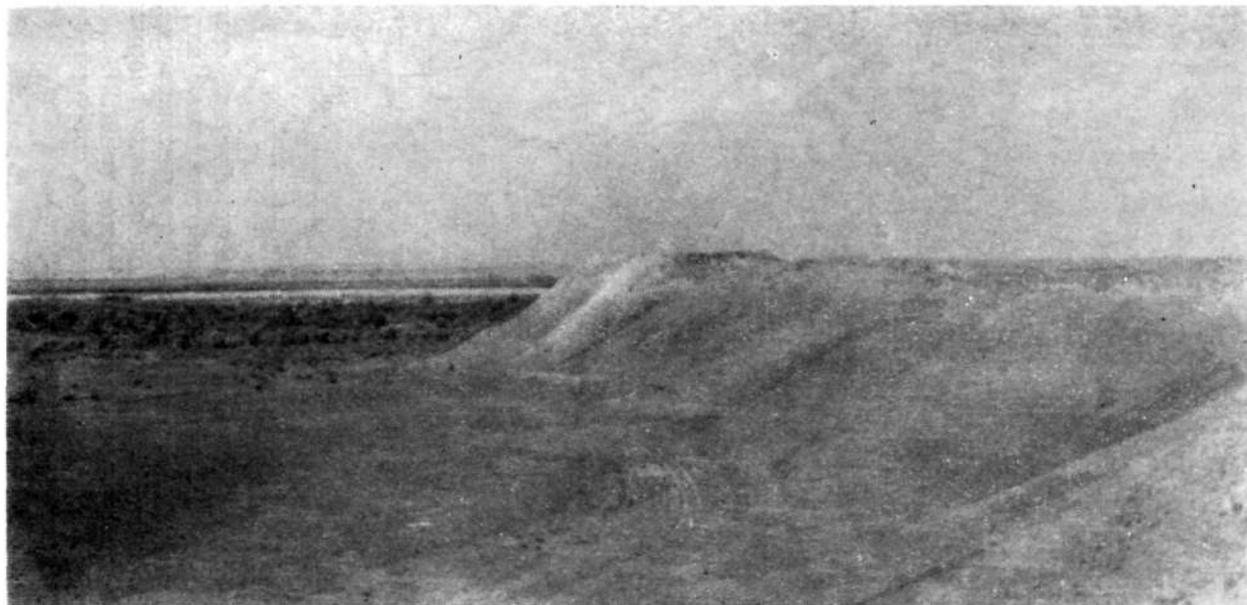

Рис. 1. Внешний вид городища Шаушукумтобе.

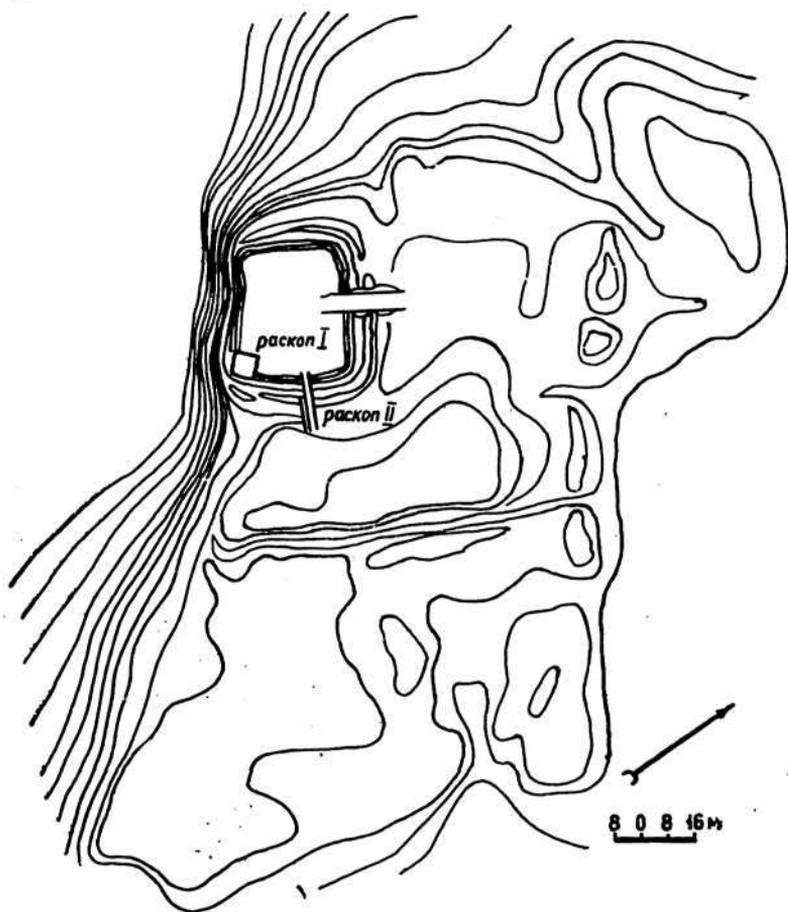

Рис. 2. План городища Шаушукумтобе.

Основная площадь шахристана также обнесена стеной с башнями, от которой остался лишь невысокий земляной вал с всхолмлениями. На шахристане, а также на значительном расстоянии от него к юго-востоку и северо-востоку имеются остатки сооружений в виде разного размера и формы земляных холмов (рис. 2).

На территории городища и вокруг него собраны фрагменты сосудов всевозможных форм и размеров.

В середине северо-восточной стороны цитадели в 1959 г. во время строительных работ была прорезана бульдозером траншея шириной 4,3 м, проходившая наклонно через остатки верхнего вала ко второму. Глубина траншеи в северной части около 2,5 м.

На цитадели городища было заложено два раскопа.

Раскоп 1 находился в южном углу в виде квадрата размером 8×8 м, затем его увеличили с юго-восточной и юго-западной сторон и довели до 10×10 м. Вдоль этих сторон сразу же под верхним слоем вскрыты остатки стены, сложенной из крупных комков глины (гуаляки размером от 25 до 35 см). Высота сохранившейся части стены от 0,4 до 0,8 м, ширина в нижней части около 2 м. На остальной площади раскопа имелись следы от пожара в виде прослойки перегоревшего и частично истлевшего камыша и небольших кусков древесного угля. Этот слой достигал 15 см. Под ним сохранились фрагменты двухслойной обмазки, по-видимому, от потолка. В трех метрах от юго-западной и юго-восточной стен на глубине 0,4—0,6 м обнаружены остатки полуобгоревших и полуистлевших деревянных стоек толщиной от 6—7 до 10—11 см, стоявших отвесно на расстоянии одна от другой от 20 до 80 см. Кроме того, такие же балки толщиной около 20 см и длиной 1,5 м лежали горизонтально под углом одна к другой (рис. 3). Примерно в двух метрах от ряда стоек, шедших вдоль юго-западной стороны, сохранились остатки второго ряда таких же стоек. По-видимому, они поддерживали крышу помещения или навес, устроенный вдоль стены, окружавшей цитадель.

Около лежавших горизонтально балок в небольшом углублении стены обнаружено 47 мелких округлой формы камушков (кумалаки), вероятно, употреблявшихся для гадания или игры. На глубине 0,85 м в северо-восточной части раскопа прослежены остатки овальной формы очага в виде скопления золы и мелких обломков древесного угля. Очаг находился в уплотненном глинистом грунте. На глубине 1,25—1,3 м зачищены остатки еще двух круглых в плане очагов, из которых один частично вымощен каменными плитами. Примерно на этой же глубине найдена спиралевидной формы бронзовая поделка, по-видимому, серьга.

В северном углу раскопа на глубине 0,8 м зафиксированы остатки стены, сложенной из гуаляков, идущей с северо-запада на юго-восток. Длина сохранившейся части около 1,5 м, ширина примерно 0,5 м и высота около 0,45 м. Выявленная часть стены ни с какими другими строительными конструкциями не связывалась.

По диагонали раскопа, почти в середине его, под завалом из гуаляков, вскрыты остатки стены (рис. 4), сложенной из сырцового кирпича размером 34—36×23—24×8—10 см. Промазка между кирпичами неодинаковая, в зависимости от размера кирпича она имеет

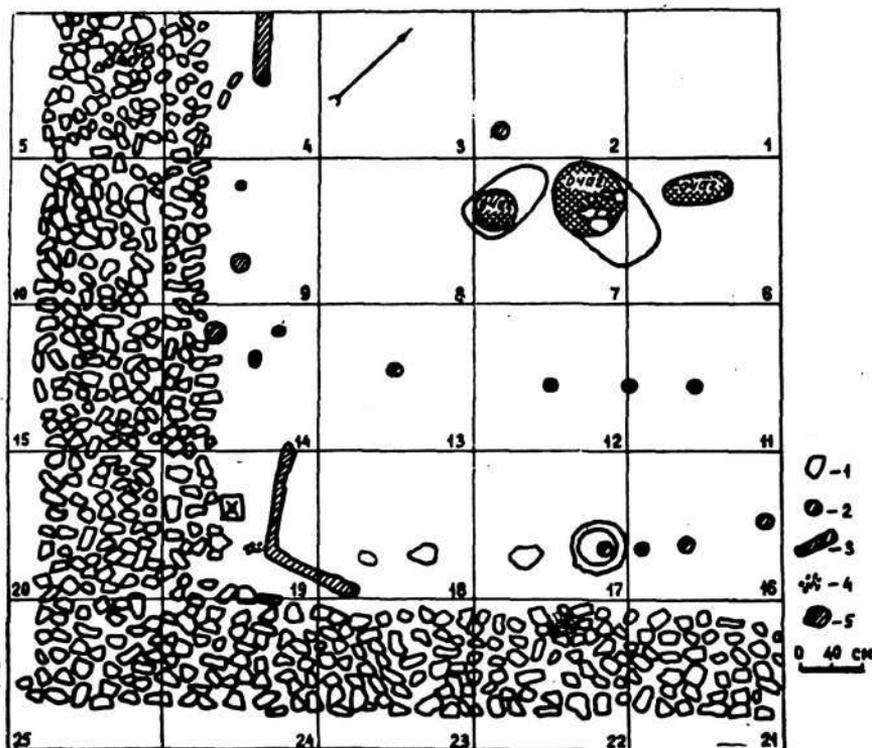
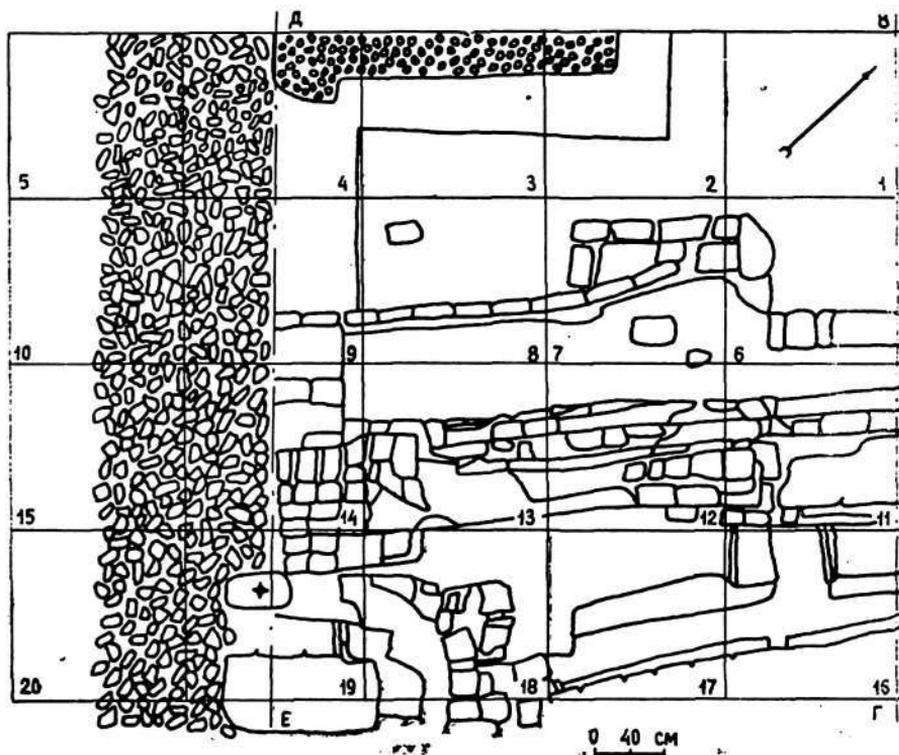

Рис. 3 и 4. План раскопа 1 городища Шаушукумтобе: 1 — камни; 2 — ямки

толщину от 1 до 8 см. Эта стена прослежена во всем раскопе с северо-востока на юго-запад с небольшим отклонением юго-западного конца к югу. Ширина стены от 1,5 до 2 м и высота от 0,6 до 1,4 м. У восточного края раскопа обнаружен завал и часть кладки из кирпича уже описанного размера, а также размера $36 \times 36 \times 10$ см, причем, судя по некоторой части кладки, вероятно, она была умышленно выложена с небольшим наклоном к основной стене, как бы подпирала ее с наружной стороны.

У восточного края раскопа под остатками стены из гуаляков шла кладка из сырцового кирпича размером $34-36 \times 23-24 \times 8-10$ см, по-видимому, возведенная уже после сооружения основной стены с целью расширения первоначальной площади цитадели, так как на ней уже была стена из гуаляков. Уменьшающийся вниз про-

от столбов; 3 — остатки деревянных плах; 4 — кумалаки (47 шт.); 5 — очаг.

межутков между обеими стенами был забутован обломками кирпича и строительным мусором.

У середины восточного края раскопа на глубине 1,2 м обнаружены ниши — ямы с крупными обломками толстостенных сосудов (7—8), изготовленных от руки, покрытых снаружи светло-желтым и красноватым ангобом и полосами красной и коричневой краски. Здесь же на глубине около 1 м в завале найдены обломки железного, сильно коррозированного серпа (рис. 5). Примерно на этой же глубине обнаружены две глиняные небольшого размера крышки от сосудов (одна из них с петлеобразной сверху ручкой, другая, с выступом конической формы), а в восточном углу раскопа — венчики (34 экз. от разных сосудов — хумов). Они нескольких типов, в основном с бортиком подквадратной формы и горизонтальной площад-

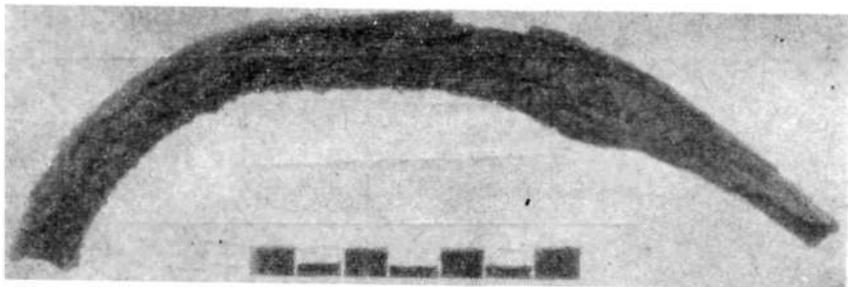

Рис. 5. Серп (железо).

кой сверху. Некоторые фрагменты под нижним краем бортика имеют рисунки, нанесенные острой палочкой. Вместе с ними найден фрагмент боковины небольшого сосуда с вертикальной ручкой, изображающей стилизованную фигуру животного — барана, так называемого «каунчинского» типа (рис. 6).

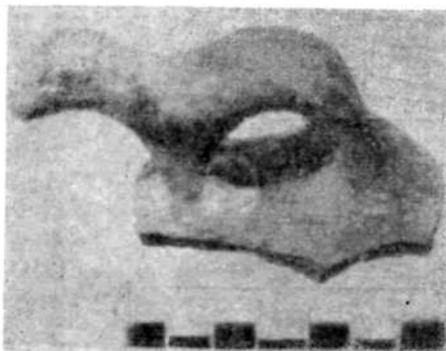

Рис. 6. Ручка с изображением барана каунчинского типа.

К северо-востоку от стены была расчищена площадка из сильно уплотненной глины, расположенная вдоль стены, шириной примерно 1,4 м, ограниченная с северо-запада сырцовым кирпичом, уложенным в один ряд. Судя по срезу юго-западной стены раскопа (рис. 7), где отчетливо виден процесс ее разрушения, она была значительно выше, а описываемая

площадка, очевидно, до расширения территории цитадели предназначалась для размещения лучников.

В северном углу раскопа вскрыта уходящая под обрез выкладка из сырцового кирпича размером $33 \times 16 \times 7$ см толщиной в один кирпич, длиной 2,4 м и шириной 1,3 м.

На глубине 1,8 м выявлено небольшое линзовидной формы зольно-угольное пятно, в центре которого находился сосуд в виде миски или кесы, вмazanной в очаг. Как сосуд, так и окружавшая его глина оказались обожженными до клинкерного состояния, а на дне сосуда сохранились остатки медного шлака.

При углублении раскопа до 2,65 м у его западного края обнажен слой чистой, обкатанной гальки. Длина его вскрытой части 4 м,

ширина 0,6 м и толщина около 0,6 м. Определить его назначение не удалось; возможно, он использовался как дренаж для спуска воды с цитадели. Далее работы на первом раскопе не проводились.

Раскоп 2 был заложен в середине юго-восточной стороны цитадели. В плане он имел вид траншеи шириной 2,5 м и длиной 20 м.

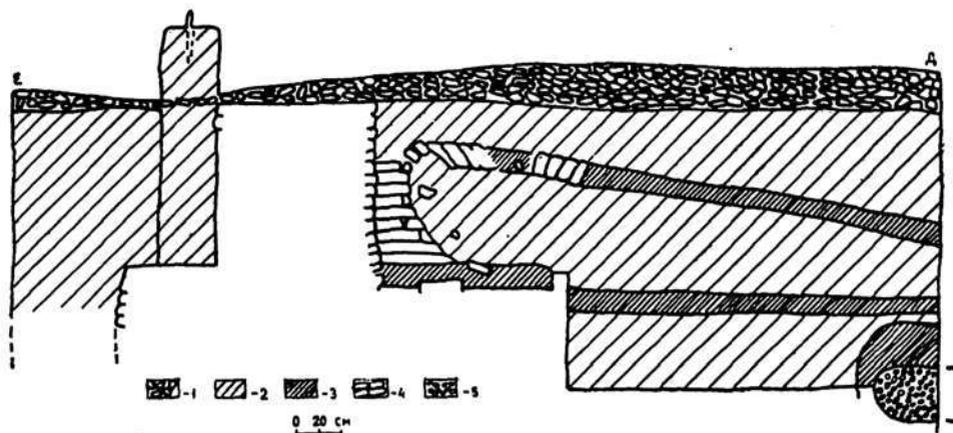

Рис. 7. Раскоп 1. Разрез юго-западной стены: 1 — гуаялки; 2 — размытый грунт; 3 — глиняная заливка; 4 — кирпичи; 5 — галька.

Он пересекал вал цитадели и спускался по юго-восточной стороне к ее подошве. Он также разрезал ров и второй вал, опоясывавший с трех сторон цитадель, примерно на половине его высоты (рис. 8). В результате раскопок выяснилось, что стена, окружающая цитадель, сложена, как показал и первый раскоп, из крупных комьев глины — гуаялков размером от 20 до 35 см. Толщина ее у основания около 2 м, высота 0,8 м. Она возведена на остатках, по-видимому, более древней стены, сложенной из крупного сырцового кирпича размером 34—36×23—24×8—10 см. При расчистке остатков стены из гуаялков кроме большого количества фрагментов керамики описанного типа найдена бронзовая фигурная накладка от пояса или конской упряжи. Эта стена была сооружена примерно на расстоянии 1,2 м от наружной стены, сложенной из сырцового кирпича, которая при дальнейшей расчистке оказалась несколько наклоненной внутрь цитадели (рис. 9). Далее выяснилось, что грунт, нивелировавший склон, неоднороден и состоит из чередующихся прослоек намытой глины, строительного мусора, золы и т. д. Он был насыщен фрагментами глиняных сосудов всевозможных форм и размеров, изготовленных на гончарном круге и от руки.

На глубине 4,5 м от верхнего края раскопа вскрыта горизонтальная площадка, выстланная в северо-западной половине крупным колотым плитообразной формы камнем, лежавшим на плотной глине. Ширина ее около 5 м.

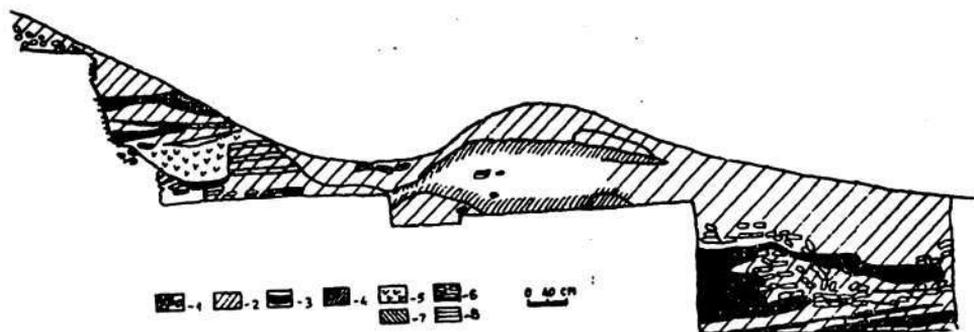

Рис. 8. Раскоп 2. Разрез северо-восточной стены: 1 — гуаялки; 2 — размытый грунт; 3 — зольный слой; 4 — глиняная заливка; 5 — завал; 6 — кирпичи; 7 — камни.

Второй опоясывающий вал содержал размытые остатки стены, сооруженной из битой пахсовой глины.

Первоначальную толщину и высоту вала по остаткам точно установить не удалось. Во всяком случае, толщина его в нижней части была не менее 3—3,5 м. При расчистке наносного грунта с юго-восточной стороны вала помимо керамики встречались фрагменты кухонной котлообразной формы посуды, сделанной из грубого с древои и шамотом теста. Здесь же обнаружены фрагменты почти целого небольшого сосуда типа пиалы или миски, а также обломок каменного песта или терки полуовальной, несколько сплюснутой формы. Там же найден небольшой каменный штамп треугольной в разрезе формы с прорезанными с заостренного угла зубчиками (рис. 10, 3). В юго-восточном углу этой же части раскопа на глубине 1,45 м выявлено много фрагментов посуды кухонного типа из грубого теста с примесью дресвы и шамота. Среди обломков керамики были две двурогие подставки под котел и другие сосуды.

В северной части раскопа вскрыта вымостка из сырцового кирпича, идущая с востока на запад. Размер кирпича 40×20×10 см. На кирпичах имеются знаки в виде трех параллельных волнистых линий, нанесенных пальцами вдоль длинной стороны. Под вымосткой обнаружен небольшой сосуд в виде кувшинчика, вылепленного от руки. Вертикальная круглая в разрезе ручка верхним концом

прикреплена к венчику сосуда, в месте прикрепления сохранился налет в виде витков, имитирующий бараний рог. Снаружи он покрыт красного цвета ангобом и пролощен. Здесь же найдена половина каменного пряслица (рис. 10, 2). Возле остатков очага в виде небольшого линзовидной формы зольного пятна обнаружены пряслице из обожженной глины, коническое с одной стороны и несколько вогнутое с другой (рис. 10, 1), часть костяной поделки, вероятно, обломок пряжки (рис. 10, 4), небольшая каменная полушаровидной формы терка, каменная плита с отшлифованной поверхностью, очевидно, зернотерка и значительное количество чешуи крупной рыбы, по-видимому, сазана.

Слой намытой глины, мусора и зольно-угольные чередовались в раскопе. Они были насыщены раздробленными костями животных и мелкими фрагментами керамики, среди них встречались обломки сосудов разного размера и формы, частью ангобированных и окрашенных, с лощеной поверхностью и орнаментированных в основном линейным рисунком.

Ниже никаких остатков строительных конструкций не зафиксировано, слои продолжали чередоваться, но количество обломков керамики в них уменьшилось, качество ее ухудшилось. Стали преобладать фрагменты крупных толстостенных сосудов со следами полосчатой раскраски.

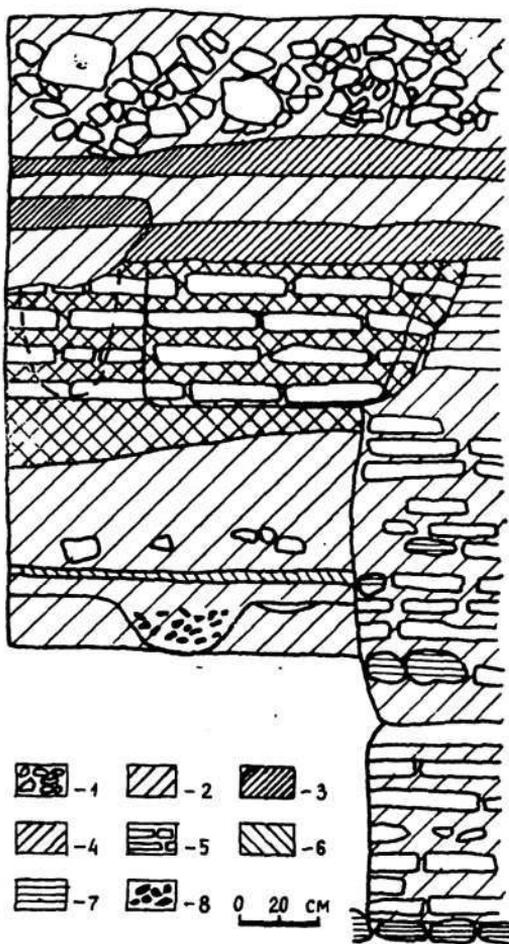

Рис. 9. Раскоп 2. Разрез верхней части северо-западной стены: 1 — гуляки; 2 — размытый грунт; 3 — глиняная заливка; 4 — зольный слой; 5 — кирпичи; 6 — намытая глина; 7 — камни; 8 — черепки.

Юго-западная часть раскопа была расширена в северо-западную сторону на 1,25 м при ширине 2 м и захватила, таким образом, юго-восточную часть вала. При расчистке прирезанной части выявлен

тот же слоистый грунт, что и везде, такого же типа керамика и кости животных; здесь слой аналогично перемежались и уходили под вал. Это дает основание предполагать, что цитадель первоначально не имела второго вала, он был сооружен значительно позднее.

На глубине 6,3 м (от верхнего края вала) начался материковый грунт (рис. 11), и работа на этом была прекращена.

На основании анализа вскрытого в цитадельной части городища Шаушукумтобе, остатков архитектурных сооружений, предметов материальной культуры, главным образом керамики, можно более или менее точно установить, что городище прекратило свое существование не позднее конца VIII в. н. э.

Нижней хронологической границей городища можно считать

III—V вв. н. э. Время же начала жизни здесь людей из-за ограниченности раскопочных работ установить не удалось. В пределах указанных хронологических границ жизнь на городище можно разбить на два периода: VI—VIII вв., датируемый бронзовой поясной накладкой и керамикой типа Ак-тепе¹, и второй (считая сверху вниз) — кангюйский, характеризующийся керамикой типа Каунчи-тепе II и Тали-Барзу II².

¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Известия УзФАН СССР», 1940, № 3; его же. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Сб. «Материалы по археологии Узбекистана», т. I. Ташкент, 1948.

² А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Автореферат кандидатской диссертации. КСИИМК, 1950, вып. XXXIII, стр. 152—169; Е. И. Агеева, Г. И. Падеев и ч. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология, 1958; Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент,

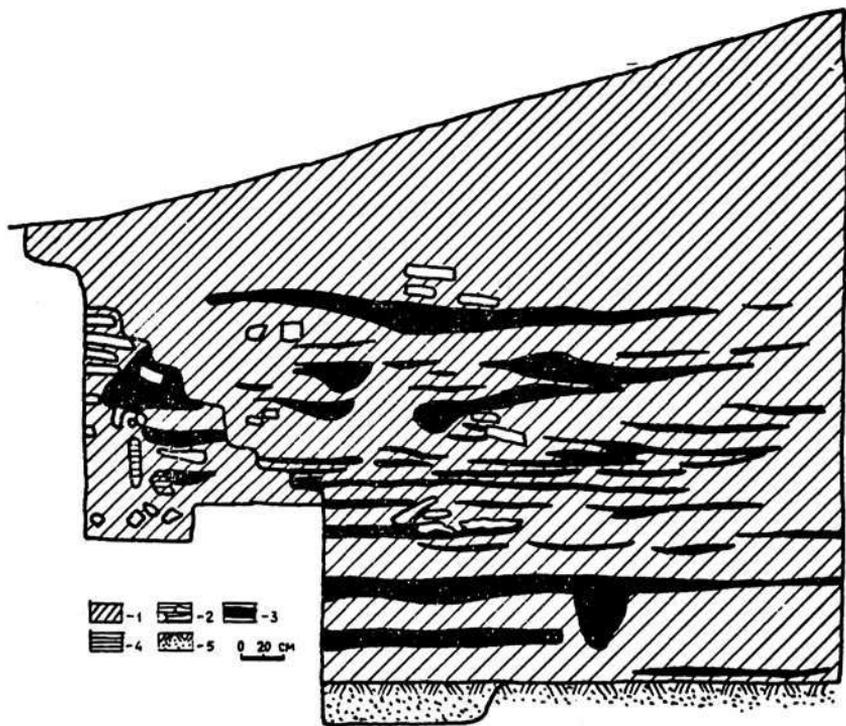

Рис. 11. Раскоп 2. Разрез юго-западной стены: 1 — размытый грунт; 2 — кирпичи; 3 — зольный слой; 4 — камни; 5 — материк.

Городище Шаушукумтобе, судя по материалам раскопок, первоначально представляло собой, по-видимому, довольно крупный замок, сооруженный либо на месте более древнего поселения, либо на специально насыпанной платформе (стилобаде) в виде усеченной пирамиды с крутыми склонами. Верхняя площадка была окружена со всех сторон стеной, сложенной из сырцового кирпича. В дальнейшем площадку несколько расширили, что хорошо прослеживается в раскопе 1. В процессе зарождения городского поселения, в кангюйский или начале тюркского периодов, вокруг замка, возможно, уже игравшего в это время роль цитадели нового города, примерно на половине высоты его склонов была сооружена еще одна стена или

1940; е го ж е. Городище Тали-Барзу. «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II, 1940; е го ж е. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1.

вал из пахсовой глины с горизонтальной площадкой (5 м шириной) между валом и ее склонами.

К сожалению, ограниченный объем археологических работ не позволяет дать более развернутую картину жизни обитателей этого города.

2. Керамика городища Шашукумтобе и ее датировка

Основываясь на стратиграфии городища, весь керамический материал мы разбиваем на три группы.

1. Из нижнего слоя заполнения зданий, сложенных из кирпича-сырца.

2. Из верхнего слоя заполнения здания из сырцового кирпича. В раскопе 1 это связано с очагами на глубине 1,25—1,3 м, а в раскопе 2 — с вымосткой из кирпича-сырца и очагом.

3. Из заполнения зданий, сложенных из гуаляка.

Целых форм сосудов выявлено немного, в основном это бой керамики³.

Вся керамика, встреченная в нижнем слое, ручной лепки, но с довольно тщательной отделкой внешней поверхности. Целых сосудов нет, но многие формы можно восстановить.

По тесту посуда резко разделяется на две группы. Первая отформована из плотного, хорошо отмученного теста с естественными примесями в глине мелкого песка. Небольшая часть ее горнового обжига, дающего в изломе светло-оранжевый или красный цвет черепка, а основная масса обожжена на костре и в изломе имеет серо-бурый цвет. Другая группа изготовлена из теста с примесью довольно значительного количества крупных частиц дресвы, шамота, иногда песка или шамота и дресвы вместе.

В первой группе имеются большие кувшины с широкими горловинами и резко выгнутой наружу закраиной (диаметр горловины 14—16 см). Лепились они из широких полос глиняного теста, затем горловина дополнительно обрабатывалась, скорее всего, на вращающейся подставке. Вся ее внешняя поверхность покрыта врезными поясками, то более тщательно нанесенными ровными и глубокими, как бы подражающими рифлению, то неглубокими и небрежными. Пер-

---

³ Во время раскопа отбирались закраины венчиков, ручки, днища и боковины с орнаментом, но статистически весь материал не фиксировался, что потом затруднило определение ведущих типов и форм керамики по слоям.

вые встречены на сосудах из сероглиняного в изломе теста, покрытых светло-палевым ангобом, вторые — на покрытых сверху тонким слоем розоватого (почти под цвет основной массы черепка) ангоба. Рифление всегда наносилось на еще не совсем просохший сосуд как палочкой, которая давала неровные по глубине и направлению полосы, так и штампом — гребенкой, чаще всего имеющей частые зубья, но попадались и образцы с редкозубчатым штампом. Внешняя поверхность сосудов всегда заангобирована. Ангоб светлый, розовый, чуть ярче основного цвета глиняного теста после обжига или палевый, то более светлый, то более темный. Кувшины с палевым ангобом всегда дополнительно украшены потеками черного ангоба.

Массивные овальные в сечении венчики кувшинов разнообразны по профилировке верхней части. У некоторых из них она гладкая, у других по ней проходит глубокая врезная полоса, как бы подчеркивая крайину, у третьих, кроме того, имеется валик в нижней части венчика. У отдельных кувшинов наряду с горизонтальными ручками были и вертикальные, посаженные на верхнюю часть венчика; у единичных слив представляет собой выгиб стенки горловины.

Близкие по типу горловины с венчиком в виде муфточки и несколько бóльшим выгибом верхней части не украшены рифлением, а покрыты только палевым ангобом.

Полосы коричневого и красного ангоба наносились по верху горловины с таким расчетом, чтобы опоясать ее верхнюю часть как с внутренней, так и с внешней сторон, затем уже от образовавшегося пояса расходились потеки.

Для всех ручек характерна глубокая борозда на внешней части, свидетельствующая о технике изготовления. Так, раскатанную полосу глиняного теста прилепляли сначала к тулову сосуда, затем ее выгибали наружу и соединяли. Место соединения и образовывало более или менее глубокую борозду в центральной части. Такая техника изготовления присуща и другим формам сосудов, но на городище Шаушукумтобе она преобладающая.

Широкими и узкими рифами отделялись цилиндрические горловины горшкообразных сосудов с венчиком в виде треугольного в сечении валика, образованного утолщением стенки сосуда, иногда с внешней стороны подчеркнутого врезной полосой. У сосудов с треугольным венчиком горловина плавно переходит к округлому тулову, а у сосудов с прямым венчиком — с резким перегибом.

Подобные украшения имеются на внешней поверхности и больших горшкообразных сосудов, покрытых потеками буро-коричневого и красного ангоба. Врезные пояски (риффы) располагаются у них в месте перехода горловины к расширяющейся части тулова.

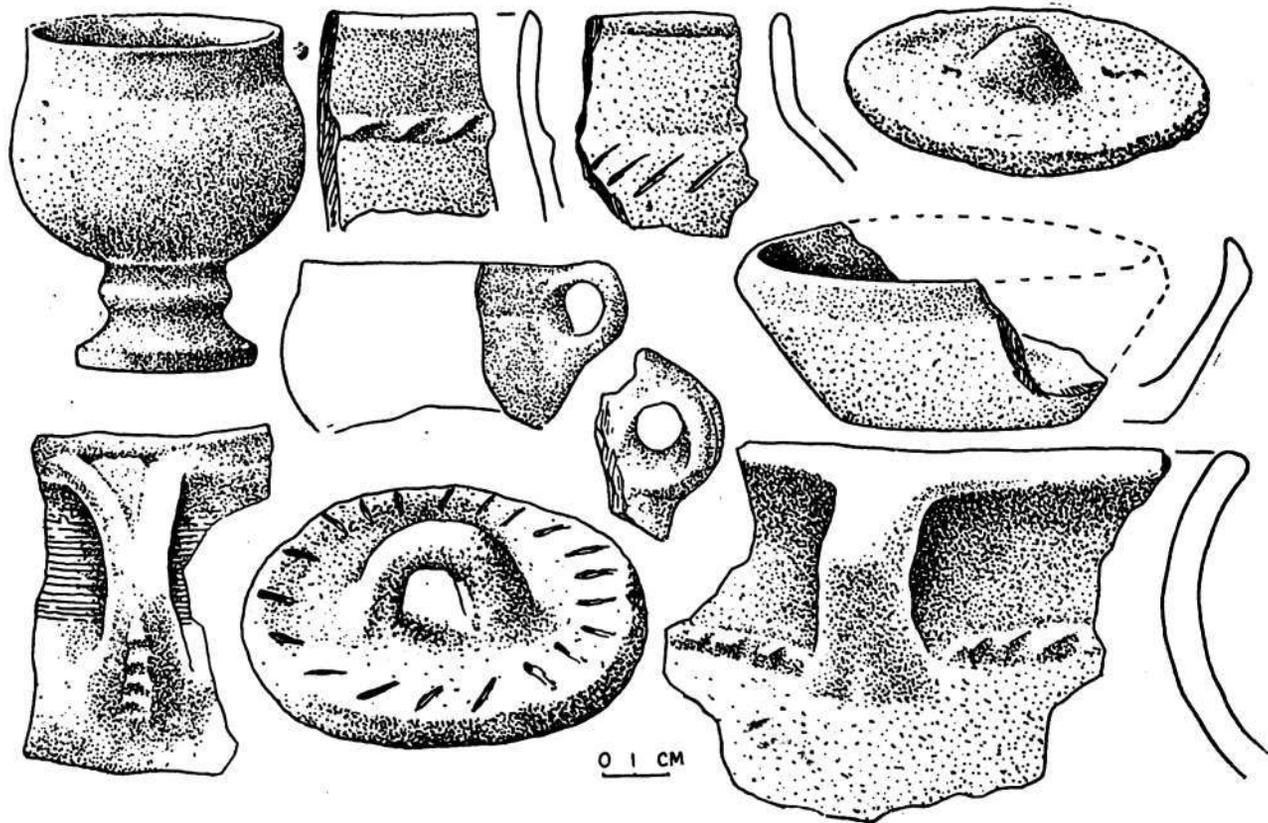

Табл. II. Глиняные сосуды и крышки от сосудов из нижнего горизонта городища Шаушукумтобе.

Той же техникой и из теста того же качества формовались небольшие толстостенные кувшинчики с овальным вогнутым туловом, невысокой цилиндрической горловиной, заканчивающейся легким выгибом закраины наружу, по верхней части которой проходил один врезной поясок; ручки у них петлеобразные, вертикальные, у одного в виде схематически трактованной фигурки животного. Внешняя сторона кувшинчиков украшена палевым ангобом, пятнами и полосами буро-коричневого ангоба, переходящего и на внутреннюю часть.

Хумы имели венчики в виде прямоугольного в сечении бандажика или манжета, прямого в профиле или с вмятой широкой полосой посередине. Они лепились из широких полос глиняного теста. Внешняя сторона большинства хумов с палевым ангобом или с ангобом основного цвета глины — розовато-оранжевым. На стенках встречаются потеки черного и красного ангоба или широкомасштабный врезной рисунок, нанесенный еще по сырому тесту. Восстановить его не удалось. Трудно судить и о размерах хумов, так как в коллекции имеются только части донцев (диаметр 16—30 см) и венчиков (диаметр 24—32 см).

Кувшины больших размеров с широкими и массивными вертикальными, петлеобразными ручками в средней части горловины украшены круглыми глубокими вмятинами.

Из других форм посуды со светлым ангобом следует назвать широкогорлые сосуды (от них сохранились лишь небольшие обломки верхних частей) с треугольными, чуть скошенными внутрь или наружу венчиками, а также овальными или округлыми в сечении, образованными утолщением стенки сосуда. Некоторые из сосудов имели ручки, закрепленные в верхней части горловины.

Значительно более разнообразны по форме миски. Все они отличаются тщательностью отделки, некоторые, как удалось установить, сделаны на круге; о технике формовки большинства трудно судить, так как поверхность их тщательно замыта, затерта, а затем заангобирована. По форме тулова миски можно разделить на несколько групп: а) полусферические (диаметр 14—15 см) с округлым дном, плавно переходящим к венчику туловом с перехватом у закраины, с двусторонним красно-буром ангобом и следами легкого лощения; б) с прямыми стенками, заканчивающимися прямой же, утонченной по сравнению с основным корпусом миски закраиной (при переходе к овальному дну тулово делает резкий перегиб), с двусторонним черным ангобом; в) полусферические с уступом в нижней части венчика с внутренней стороны, внешняя поверхность их с буро-коричневым и красным ангобом; г) такой же формы, но с едва заметным перегибом верхней половины тулова и более резким при переходе ко дну, внутри покрыты буро-коричневым, а снаружи красным ангобом.

К черноангобированной посуде отнесены кубки с цилиндрической горловиной, верхняя часть которой в месте перехода к тулову подчеркнута врезным поясом. Корпус широкий, высота 5,5—6 см, дно плоское с легким вмятием в середине, на верхней части корпуса — петлеобразная ручка, на внешней стороне стенок легкое лощение.

Красноангобированная с легким, едва заметным, лощением посуда представлена небольшими трапециевидной формы мисками с плоским дном, следами подреза и перегибом тулова у закраины. Высота их 4—4,5 см, диаметр дна 6,5 см, устья 14 см. С таким же ангобом изготовлены миски с резким перегибом тулова в средней части, широкогорлые кувшины с выгнутой наружу верхним краем и невысокой горловиной, плавно переходящей к тулову, котлы с прямой закраиной и тремя параллельными врезными поясами в верхней части корпуса, а также небольшие кружечки с округлым туловом, горловиной в виде манжета и петлеобразной ручкой, посаженной в верхних частях тулова и горловины.

Из целых форм следует назвать одну — небольшой кубок с конической полой подставкой и валиком в верхней части шаровидного корпуса, оканчивающегося горловиной в виде манжета. Низ кубка подрезан ножом и им же вырезано коническое углубление у поддона, который отформован отдельно от корпуса.

Как бы промежуточную группу составляет посуда с буро-красным ангобом. Это кружки с невысокой цилиндрической горловиной, слегка выгнутой наружу, миски с перегибом тулова в месте перехода к овальному дну и миски полусферической формы с перегибом тулова у закраины.

Ко второй группе относится керамика, сделанная из плотного теста с примесями дресвы, шамота или того и другого вместе, плохого обжига, дающего в изломе бурый, черный, красновато-бурый цвета черепка. Из восстановленных форм можно отметить следующие:

а) Плошки-жаровни с низкими бортами и стенками, расположенными под углом по отношению ко дну. Тесто у них с большим количеством дресвы, внешние и внутренние плоскости тщательно затерты, а затем замыты.

б) Круглые плоские крышки с петлеобразными ручками и орнаментом в виде ямочных вдавлений и насечек.

в) Подставки в виде грубых изображений голов быка с двумя рогами. Поверхность их также тщательно замыта, и на нее нанесен орнамент из глубоких овальных ямочных вдавлений.

г) Горшки разных размеров: большие с цилиндрической горловиной, заканчивающейся прямой, подчеркнутой валиком или овальной в сечении закраиной, являющейся просто утолщением стенки; в верхней части небольшой выгиб наружу несколько уменьшается. Ручки у

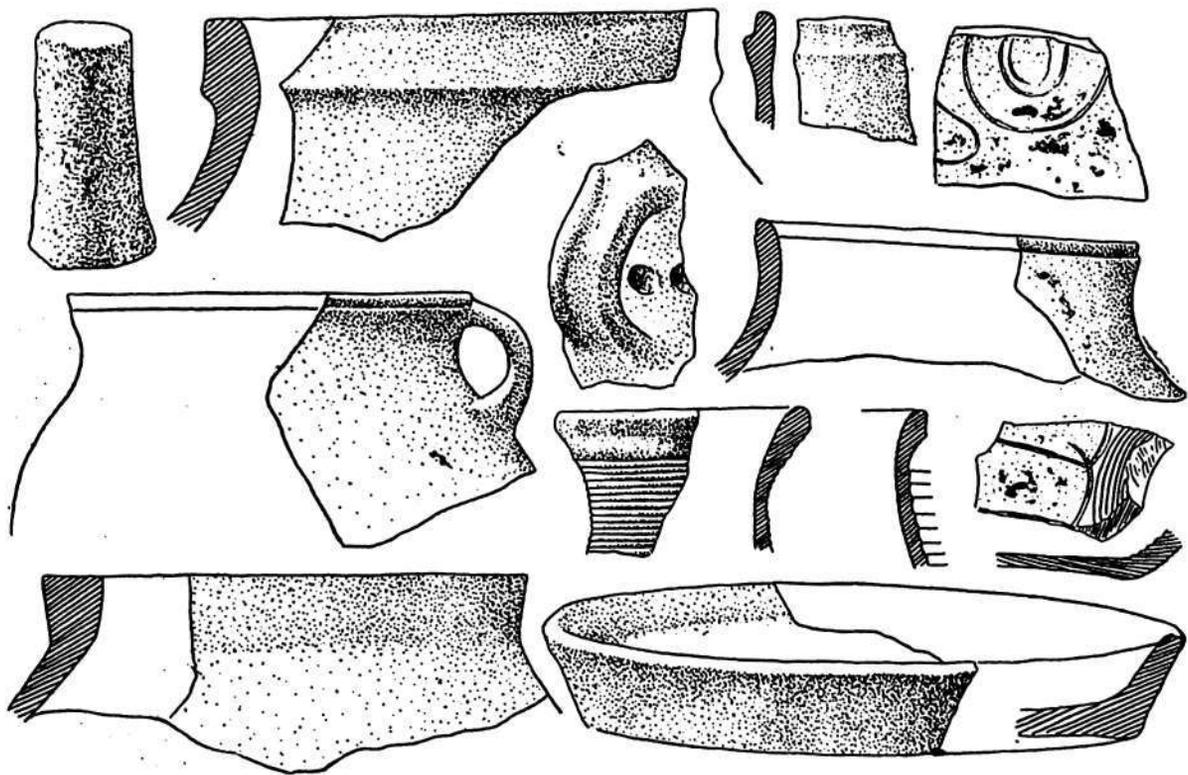

Табл. III. Глиняные сосуды из нижнего горизонта городища Шаушукумтобе.

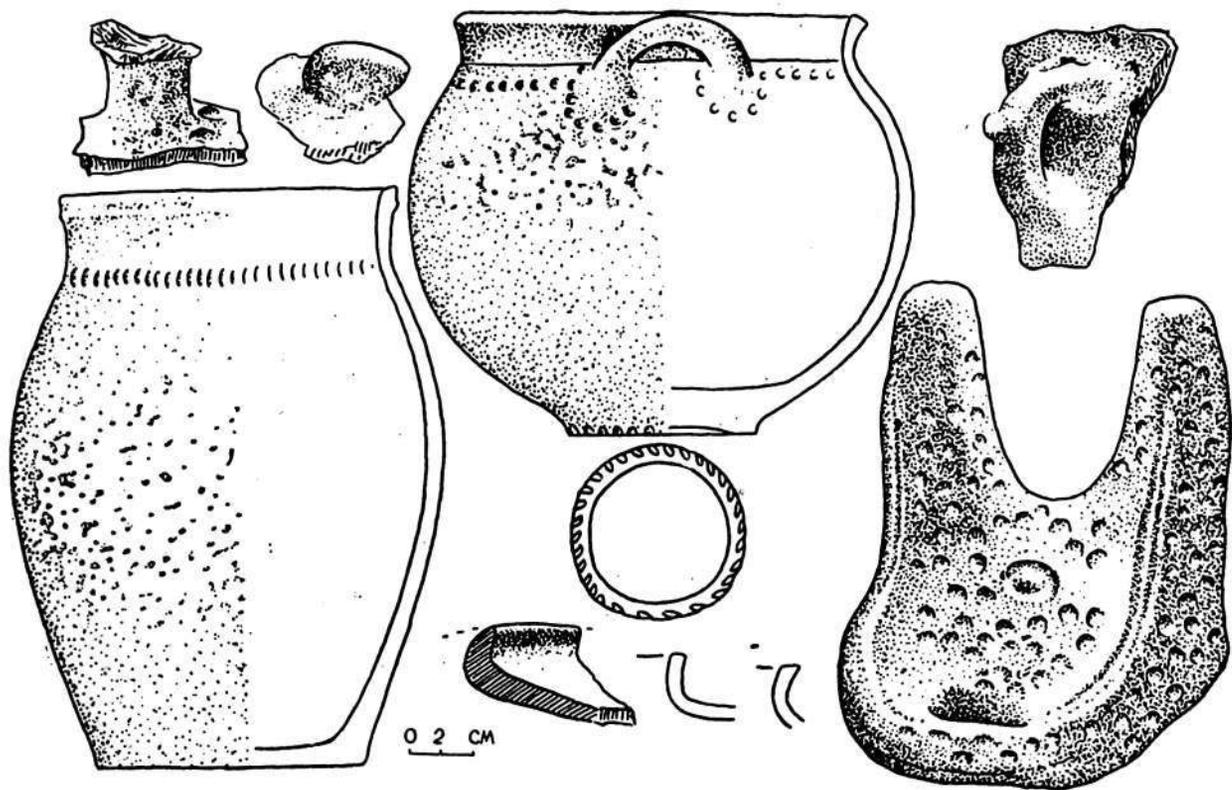

Табл. IV. Глиняные сосуды, подставка под котел и обломки крышек из среднего горизонта городища Шаушукумтобе.

них вертикальные, петлеобразные, составляющие одно целое с венчиком, иногда закраины слегка выгнуты и утолщены. У горшков с цилиндрической горловиной и легким выгибом к венчику-муфточке место перехода к тулову ornamentировано пояском из треугольных вдавлений, нанесенных штампом. Один горшок около нижней части ручки имел налест в виде рассеченного жгутика.

Из индивидуальных форм нужно отметить обломки цилиндрических подставок (диаметр 10—12 см) с ямочным орнаментом, светильник с овальным невысоким резервуаром и прямоугольной ручкой в виде цилиндра, расположенного перпендикулярно к стенкам. Кроме того, в коллекции имеется один почти целый светильник на цилиндрической подставке, заканчивающийся полусферическим резервуаром, края которого замяты палочкой.

Все сосуды этой группы со следами копоты.

Следующий горизонт, связанный с остатками очагов и зольниками, в которых найдены две подставки в виде головы быка, дал три сосуда из рыхлого теста с примесью в значительном количестве дресвы. Два из них большие, высотой 34 и 41 см, с удлинено-овальным туловом, плоским дном, небольшой цилиндрической горловиной (диаметр 23 см), плавно переходящей к тулову и заканчивающейся венчиком в виде манжета. В месте перехода тулова к горловине имеется врезной рисунок из косых черточек. Третий сосуд — котел со сферическим корпусом, маленькой манжетовидной горловиной, слегка выгнутой наружу, и дном в виде крупного налест-лепешки, внешние края которой замяты. На корпусе котла, в верхней его части, петлеобразные ручки. Вокруг основания ручек и в верхней части тулова нанесен орнамент из овальных вмятин.

В этом слое найдены плоски-жаровни, массивные плоские крышки для котлов и горшков с петлеобразными ручками в центре. У одной из крышек в верхней части ручки сделан цилиндрический налест-бугорок. У некоторых крышек ручки в форме полуовала или вертикально стоящего цилиндрика, заканчивающегося площадкой с орнаментальными вдавлениями. Из такого же теста изготовлены кувшины с сильно выгнутым наружу верхним краем горловины.

По характеру обработки внешней поверхности остальную керамику можно подразделить на посуду со светлым, красным и черным ангобом.

Посуда, покрытая светлым ангобом, сделана из менее плотного, чем остальные группы, теста с незначительной примесью мелкого песка. Это сосуды с широкой цилиндрической горловиной, заканчивающейся резким выгибом ее верхнего края наружу. Диаметр верхней части горловины 14—15 см, а средней 10—11 см, высота 5—6 см. В верхней части имеется слив, образованный выгибом стенки. Горло-

вина плавно переходит в тулово. Поверхность нижней части тулова орнаментирована горизонтальными врезными поясками, нанесенными палочкой. Некоторые сосуды на стенках с потеками черного ангоба и остатками неопределенного резного орнамента. Венчики у них хорошо моделированы, овальные в сечении и с перегибом (канавкой) в центре. Ручки петлеобразные, горизонтальные, с канавкой посередине, т. е. подобные найденным в первом слое.

На небольших кубках с удлиненоовальным и плавно переходящим к небольшой цилиндрической горловине туловом хорошо видны следы подреза в средней части для придания сосуду большего изящества. Некоторые из них были с ручками в виде схематически переданной фигурки животного, а на стенках их имелись потеки черного ангоба.

Красноангобированная керамика сделана из теста лучшего качества, без примесей. Это миски с прямым туловом и резким его перегибом при переходе к округлому дну, полусферической формы, низкие и большого диаметра миски с плавно переходящим ко дну округлым туловом. Ангоб у них нанесен плотным густым слоем с двух сторон.

Также отделана внешняя поверхность небольших кубков с цилиндрической горловиной (диаметр 5—6 см) и овальным туловом. Верхняя часть горловины и место перехода ее в тулово подчеркнуты врезными поясками. Кубки поверху кроме ангоба также имели слабое лощение.

Из других форм красноангобированной керамики следует отметить обломки крышки с резным орнаментом, состоящим из пояса, охватывающего крышку по краю, и расходящихся от него радиальных лучей; фрагмент боковины с врезным орнаментом, нанесенным также до ангобирования, и тамгой в виде буквы «Ш».

От сосудов с буро-коричнево-черным ангобом сохранилась часть нижней половины тулова небольшого кубка с плоским дном, которая показывает, что эти сосудики лепились на какой-то мягкой подставке.

Черноангобированная посуда представлена мисками, имеющими резкий перегиб тулова при переходе к овальному дну. Диаметр устья их 14—16 см, высота 5,5 см.

В этом же слое встречена новая форма миски с широкой закраиной в виде бандажика и тагора. Они больших размеров, с низким бортиком, прямой закраиной, стенки по отношению ко дну расположены под тупым углом.

Из целых форм нужно отметить небольшой кувшинчик с петлеобразной ручкой, в верхней части которого был спиралевидный налп, имитирующий рога барана, а также небольшую кружечку с округлым туловом и плоским с подрезом дном диаметром 4,5 см. Кружечка имеет невысокую цилиндрическую горловину с валиком в центре и

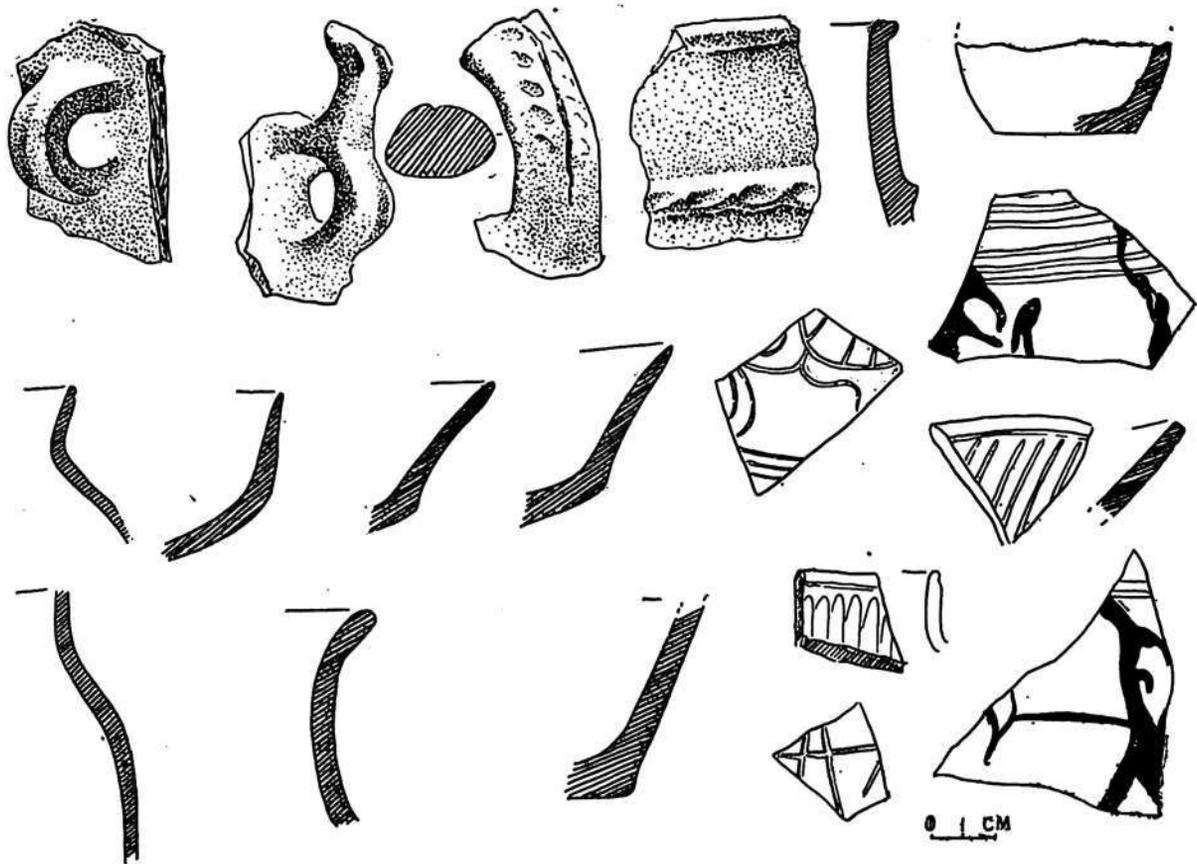

Табл. V. Глиняные сосуды из среднего горизонта городища Шаушукумтобе.

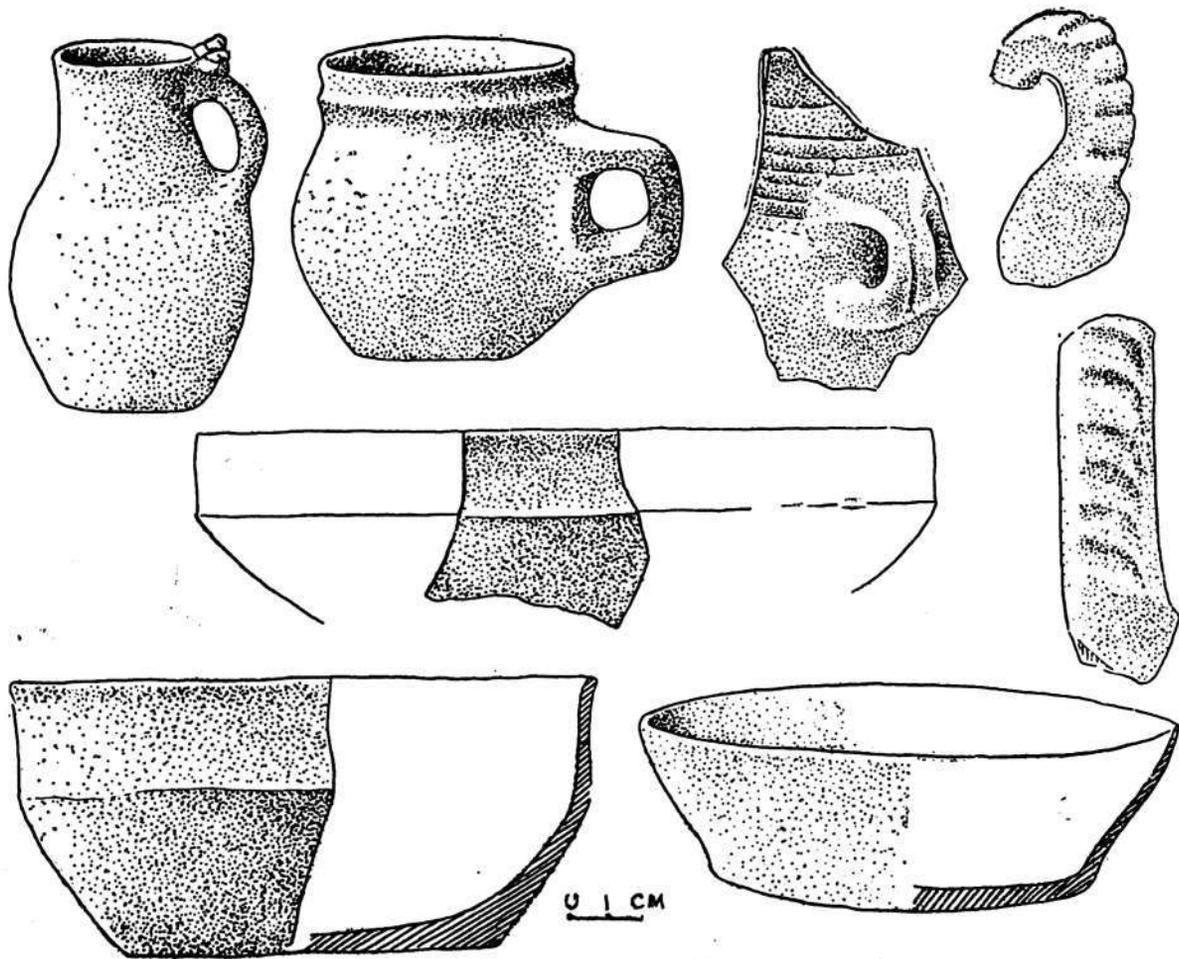

Табл. VI. Глиняные сосуды из среднего горизонта городища Шаушукумтобе.

расположенную в средней части петлеобразную ручку с площадкой наверху.

Следующую группу керамики дал верхний слой здания. По количеству форм она очень разнообразна. Одновременно с бытованием прежних типов появляются новые и значительно усовершенствуются старые как по технике изготовления, так и по форме. Увеличивается количество керамики с красным лощением и прорезным орнаментом растительного и геометрического характера (ромбическая сетка, елочный). Некоторые сосуды с красным лощением и ангобом сделаны в подражание посуде из металла.

Среди орнаментированной керамики есть два образца с рисунком елочкой. В одном случае — это обломок большого сосуда, сделанного на ручном круге. Внешняя поверхность его покрыта ангобом и пролощена, рисунок нанесен до ангобирования. Он представляет собой многоугольник из трех врезных линий, внутри которого находятся елочки. Другой сосуд — с таким же рисунком, нанесенным под черным ангобом.

По-прежнему преобладает посуда ручной лепки. Однако в этом слое сосудов, сделанных на круге, больше, чем в нижнем. Подправка на какой-то крутящейся основе заметна только на горловинах кувшинов, а следы от гончарного круга у мисок, отдельных тагар и на обломках боковин, по которым трудно воспроизвести форму сосуда.

Большие сосуды типа хума и тагора изготовлялись ленточным способом из теста с примесью мелкого речного песка и каких-то органических веществ, скорее всего, мелкорубленной травы, которая, сгорая, образовывала в теле сосуда пустоты. Донышки формовались отдельно на подкладке из грубой ткани. Места соединения дна со стенками не заглаживались, и поэтому они заметны на обломках нижних частей хумов. Внешняя поверхность тулова тщательно замыта, покрыта светлым, палевым ангобом, поверх которого нанесен большими распылвшимися пятнами черный ангоб. На некоторых обломках боковин встречены волнистый, прочерченный палочкой орнамент и тамгообразные знаки. Венчик хумов в виде прямоугольной в сечении утолщенной закраины с ямками по внешней части и в виде бандажика.

Тагоры, как правило, небольших размеров, их можно назвать большими мисками (диаметр 22—24 см) с овальными в сечении закраинами и прорезной полосой с внешней стороны. Сверху они покрыты красным ангобом.

В отличие от сосудов, обнаруженных в предшествующих слоях, большинство горловин широкогорлых кувшинов с рифлением по всей поверхности имеет лишь светлый палевый ангоб и рифы, нанесенные штампом во время вращения; ряды их ровные и одной глубины. Ручки той же формы, иногда центральная бороздка у них тщательно за-

глажена. Особенно это заметно на кубках, у которых лишнее тесто всегда подрезалось. Ряд широкогорлых кувшинов был с небольшими петлеобразными ушками-петлями, закрепленными в верхней части тулова.

Для кубков по-прежнему характерно удлиненноовальное тулово, переходящее в горловину со слегка выгнутым наружу краем. Они без ручек или с ручками в виде петли с опущенным верхом, прикрепленными в верхней части горловины и тулова. Иногда ручки составляют одно целое с закраиной.

К этой же группе светлоангобириванной посуды следует отнести обломок светильника с туловом полусферической формы (диаметр 13 см), покоящийся на цилиндрических ножках. На фрагменте полностью сохранилась одна из них и место прикрепления другой. В верхней части заметны следы от срезов лишнего теста.

Керамика, сделанная из грубого рыхлого черного и буро-красного в изломе теста с примесью дресвы и шамота, немногочисленна. Это обломок круглой плоской крышки с цилиндрической ручкой, орнаментированной глубокими овальными вмятинами; две целые крышки (диаметр 11 и 12,5 см), одна с ручкой в виде петли, другая в виде конуса с резным орнаментом по краю; обломки венчиков, овальные в сечении, в виде бандажика крупных сосудов, а также верхние части горшкообразных сосудов с невысокой цилиндрической горловиной и прямой закраиной, иногда подчеркнутой с внешней стороны врезным пояском. В месте соединения горловины у одних встречен наклепной волнистый жгутик, а у других по верхней части тулова проходили косые насечки. Ручки петлеобразные, сидящие прямо на венчике, донца плоские, стенки сосудов в месте соединения их с дном массивные, значительно толще дна.

Красноангобириванная посуда (иногда с лощением) представлена теми же формами мисок с перегибом стенок при переходе к овальному дну, кубками с цилиндрической горловиной, овальным туловом и петлеобразными ручками. Новыми элементами у сосудов этой группы являются вертикальные с приспущенным верхом ручки, круглые в сечении и с наклепом в форме цилиндрика в верхней части, полное, хорошего качества лощение; крышки слегка овальные в профиле, небольшого диаметра (14—16 см), с резным орнаментом (одна из них с круглым отверстием в центре); широкие горловины с овальной в сечении закраиной, которая так же, как и место перехода тулова в горловину, подчеркнута врезным пояском. По верхней части тулова расположены округлые шишечки, образованные вмятием стенки сосуда изнутри.

Найден обломок верхней части небольшого котлообразного сосуда с венчиком в виде прямоугольной площадки.

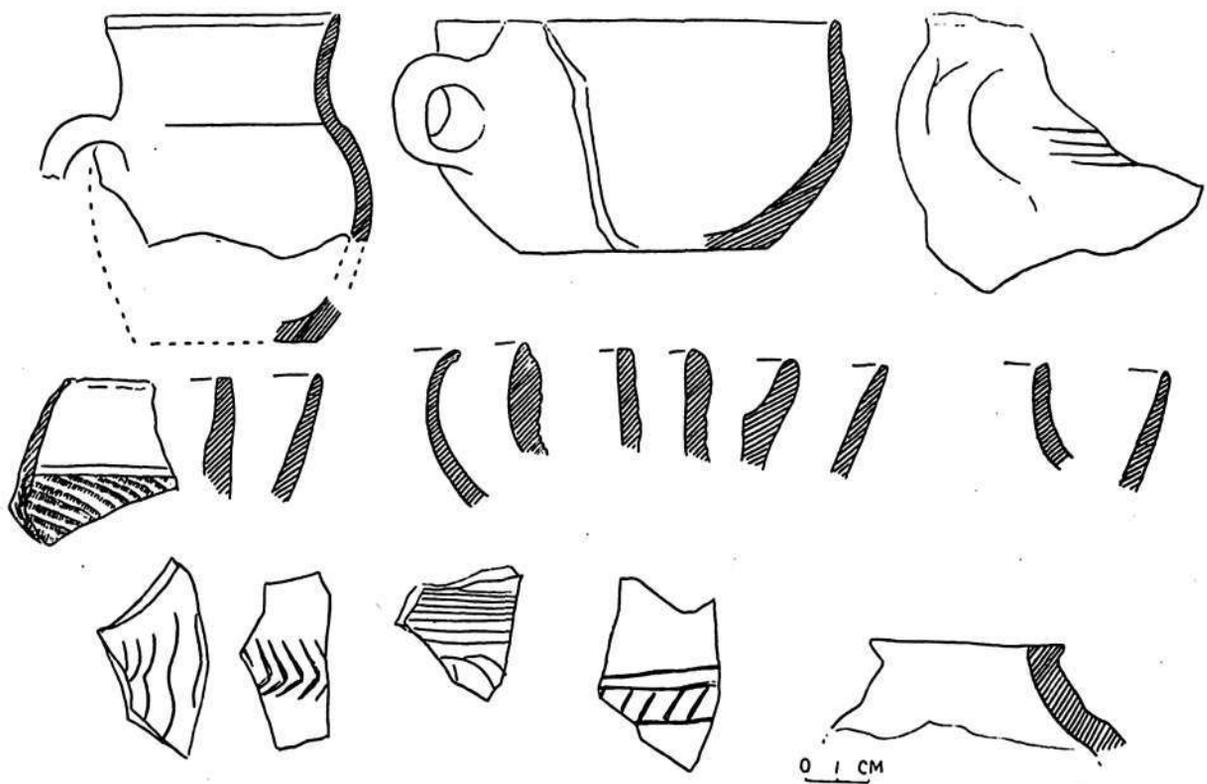

Табл. VII. Глиняные сосуды из верхнего горизонта городища Шаушукумтобе.

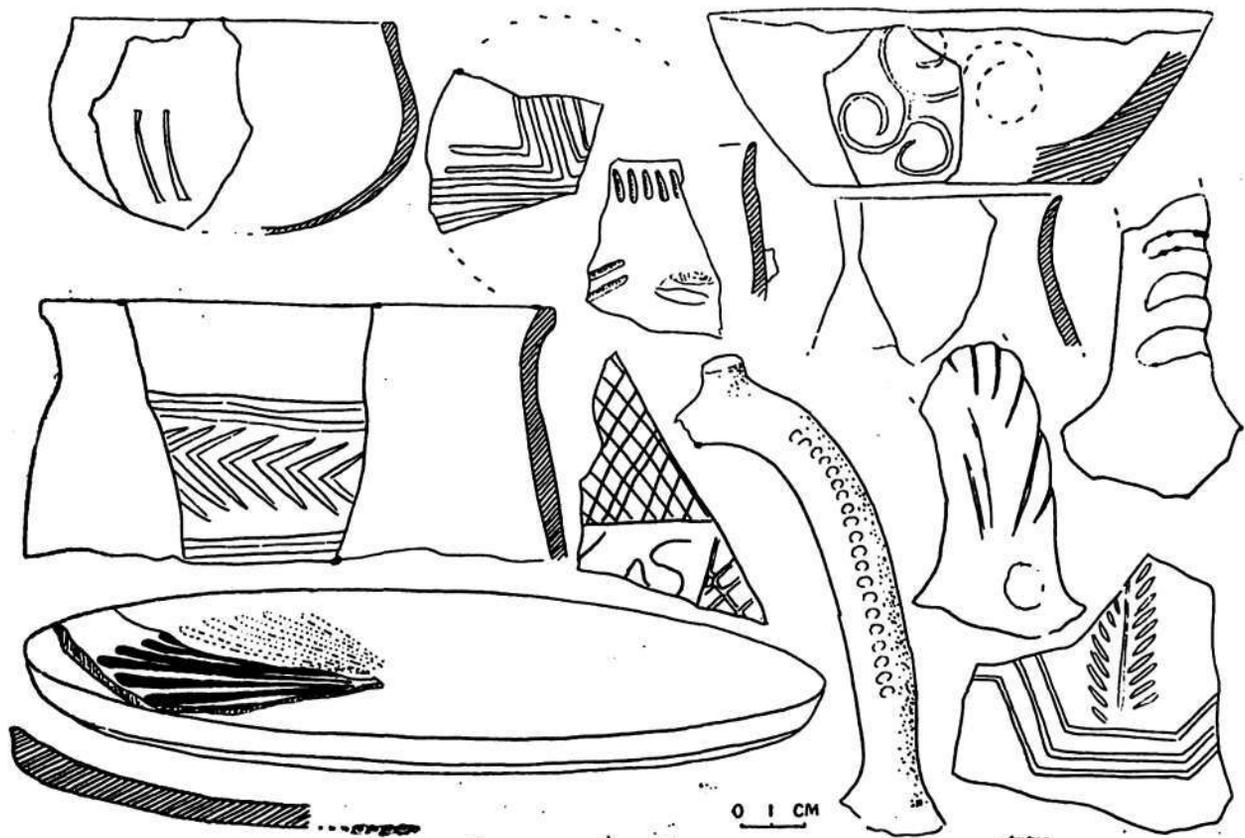

Табл. VIII. Глиняные сосуды и ручки от сосудов из верхнего горизонта городища Шаушукумтобе.

Здесь же встречена керамика с черным плотным ангобом. Это те же миски с перехватом в месте перехода к овальному дну, широкогорлые горшки с цилиндрической горловиной, венчиком в виде прямоугольной площадки, отогнутой наружу, и подчеркнутым в верхней части врезным пояском. С внутренней стороны вверху, у горловины — легкий выгиб для крышки. Горловина (диаметр 14—15 см) почти незаметно переходит в округлой формы тулово. Внутренняя поверхность горшков также имеет красный ангоб, а внешняя — вертикальные бороздки, как бы передающие ребристость металлических сосудов; по верхней части тулова горизонтально расположен рисунок в виде елочек, оконтуренный поясками из врезных линий.

В коллекции керамики имеется обломок тулова сосуда с вертикальной ручкой, поставленной под углом к стенкам, внешняя поверхность ее замята таким образом, что имитирует витую ручку. Под ручкой есть тамгообразный знак.

Несколько дополнили этот материал сборы в юго-восточной части раскопа, где зафиксировано скопление керамики этого горизонта.

Здесь обнаружены небольшие кубки, покрытые светлым ангобом, с пеглеобразными ручками. На нижнюю часть горловины и верхнюю тулова нанесены гребенкой или просто палочкой рифы и потеки красного ангоба, закраины их прямые или в виде валика, подчеркнутого врезной полоской. Невысокие цилиндрические горловины хумчей, заканчивающиеся отогнутым наружу венчиком с уступом для крышки, по верху отделаны черным ангобом, переходящим и на верхнюю часть внутренней стороны.

Среди них найдена почти целая небрежной лепки миска трапециевидной формы с плоским дном.

Самый верхний горизонт, образовавшийся уже после гибели здания от пожара, содержал новые образцы керамики, позволяющей судить о том, что городище обживалось еще некоторое время и после пожара. Это миски с резким перегибом в центре тулова и плоским подрезанным дном, украшенные двусторонним красным ангобом; обломки боковин от сосудов с красным ангобом и елочным орнаментом; боковина сосуда с орнаментом в виде округлой розетки, выполненной штампом; боковина массивного толстостенного сосуда с налетом в виде волнистого валика, имеющего острые углы.

Тот участок раскопа 2, который находился на склоне центральной части цитадели поселения, дал образцы всех периодов, так как значительное количество посуды при разрушении зданий скатывалось по склону.

Керамика из рва, выбранная с трех глубин (с 0—0,7 м; с 0,7—1,3 м; с 1,3 м и глубже), также сбросовая, намытая как с центральной части холма, так и прилегающей к нему напольной стороны городища

и вала. Она позволяет определить время сооружения рва. В нижних слоях раскопа, в районе рва, выявлены образцы самой поздней по времени керамики, синхронной посуде верхних слоев центральной части городища. Любопытно, что один обломок кувшинообразного краснолощеного сосуда из рва подклеивался к фрагменту от этого же сосуда, выявленного в раскопе 1.

Чем ближе к поверхности, тем архаичнее керамика. Это естественно: при жизни поселения в позднем периоде стены цитадели не давали возможности оползть в ров культурным остаткам предшествующих эпох. Напротив, когда жизнь на поселении прекратилась, культурные слои стали попадать в ров.

В нижних горизонтах вала оказалась керамика, однотипная с керамикой верхнего горизонта, а наверху — с посудой нижних слоев поселения. Очевидно, при сооружении вала была использована земля с поселения. Из этого следует, что ров и вал были возведены одновременно со зданиями верхнего горизонта.

* * *

Из описания видно, что особенностью керамики Шаушукумтобе является не только ее довольно примитивная техника изготовления, характерная для всех трех горизонтов, но и чрезвычайная живучесть одних и тех же форм посуды, что весьма затрудняет ее дробную датировку.

Одновременно намечаются некоторые отличия керамики нижнего слоя от верхнего, посуда же среднего горизонта выступает как бы связующим звеном между ними. Наряду со старыми формами появляются новые, прочно входящие в быт позднее (верхний горизонт). Отсюда можно сделать вывод, что основная масса населения Шаушукумтобе в течение всего его существования была однородной. Медленно, но неуклонно совершенствовалась техника изготовления посуды.

Особенность керамики состоит и в том, что часть посуды, выявленной из верхнего слоя, сделана на круге и в большинстве своем не кострового, а горного обжига, причем красноангобированная посуда в основном хорошего лощения и орнаментирована, количество же черноангобированной посуды резко уменьшается. Улучшается моделировка ручек, которые изготавливаются прежней техникой, но отличаются более тщательно: замазываются соединительные швы, иногда подрезаются наружные плоскости. Появляются ручки в виде округлых в сечении колбасок, а также как бы с витками. Внешняя поверхность сосудов обрабатывается более тщательно, и по ней иногда трудно судить о технике лепки, которую можно определить по внут-

Рис. 12. Знаки на посуде с городища Шаушукумтобе.

ренной части. Техника изготовления посуды нижнего слоя хорошо прослеживается на обеих сторонах сосудов.

В целом комплекс керамики Шаушукумтобе прямых аналогий с известным нам по публикациям керамическим материалом не имеет. Значительное сходство, доходящее до тождества, отмечается с коллекциями из поселений средней Сыр-Дарьи, собранными Южно-Казахстанской археологической экспедицией.

Посуда, сделанная из рыхлого дресвяного и шамотного теста, встречает прямые, доходящие до полного тождества параллели в памятниках культуры каунчинского типа. Среди нее зафиксированы той же формы и с тем же орнаментом плоские круглые крышки⁴, подставки под котлы в форме головы быка⁵, горшкообразные сосуды с ручкой, отходящей прямо от венчика⁶, плоски-жаровни⁷, котлы с круглыми ручками⁸, грушевидные сосуды с налестками в виде волнистых валиков⁹. Посуда из плотного теста также имеет аналогии в профиле хумов¹⁰, в маленьких ручках вроде удлиненной петли у кувшинообразных сосудов¹¹, в орнаменте в виде косой сетки¹². Кроме того, одинакова техника изготовления как сосудов, так и их ручек¹³.

Описанные типы керамики отмечены во всех трех горизонтах городища. К посуде из рыхлого дресвяного и шамотного теста двух верхних слоев можно отнести еще котлы с характерными для них поддонами, светильники-курильницы на высоких цилиндрических ножках, а к керамике нижнего слоя сосуды, имеющие под ручками налестки в виде рассеченного валика.

Керамика Шаушукумтобе в отличие от керамики городищ типа Каунчи не содержала подставок с головами баранов (появились прямоугольные и цилиндрические), амулетов, сосудов с ручками, имитирующими фигурки баранов (встречены лишь схематично трактованные фигурки животных и спиралевидные налестки в верхних частях ручек в виде бараньих рогов). Подавляющее большинство пряслиц Шаушукумтобе плоские, тогда как в комплексах Каунчи в основном биконические.

---

⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1936, рис. 23; е го же. Келесская степь..., табл. I.

⁵ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., рис. 27, 28.

⁶ Там же, рис. 20.

⁷ Там же, рис. 26.

⁸ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, вып. 9.

⁹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., рис. 22.

¹⁰ Там же, рис. 50.

¹¹ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., рис. 8.

¹² Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе..., рис. 21.

¹³ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., табл. III.

В керамике Шаушукумтобе довольно много сосудов с красным лощением, в особенности из верхних слоев; в материалах Каунчи Г. В. Григорьев этого приема обработки керамики внешней поверхности сосудов не зафиксировал.

Наряду с этим следует отметить некоторую близость нашей посуды к керамике таких городищ, как Шуралисай и Алимбайтобе, обследованных Г. В. Григорьевым и отнесенных к более позднему, чем памятники Каунчи, периоду (I—VI вв. н. э.).

К материалам из Шуралисая и Алимбайтобе близки кувшины с массивным рифлением и горизонтальными петлеобразными ручками, посаженными в месте перехода тулова к горловине, с налепами в виде рассеченных валиков (в Шуралисае на котле), горшковидные сосуды с орнаментом в виде пояса из незамкнутых треугольников, боковины с елочным орнаментом, краснолощенная посуда¹⁴.

Другая группа керамики сближается с комплексами, выявленными на Асарах. Например, при раскопках большого дома Алтын-Асара найдены крышки каунчинского типа¹⁵, рифленые горловины кувшинов¹⁶, а также миски, близкие к шаушукумским профилям¹⁷. Рифление штампом на широкогорлых кувшинах характерно для керамики Алтын-Асара, начиная с III вплоть до VII в. н. э.¹⁸ Следует отметить, что как по тесту, так и по технике нанесения рифления керамический комплекс Асаров резко отличается от нашего материала.

Значительно больше сходства обнаруживается с керамикой городища Актобе 2. Очень похожи по профилировке венчики хумов, горшковидных сосудов, аналогичны кружки с красным ангобом и лощением. Посуда Актобе 2 так же, как и Шаушукумтобе, украшена по горловине и корпусу рифлением. Близки и технические приемы изготовления сосудов¹⁹.

Имеются и некоторые отличия: в материалах Шаушукумтобе очень мало посуды с волнистым орнаментом и потеками ангоба (красного и черного), нет такой формы посуды, как фляги, отсутствуют руч-

¹⁴ Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 13—15, рис. 76—78; его же. Келеская степь..., стр. 78, табл. XVII.

¹⁵ Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар. Опыт хронологической периодизации. Автореферат. М., 1954, стр. 9.

¹⁶ Там же, стр. 11.

¹⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1958, стр. 245, рис. 119, 1, 2, 5; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, рис. 34, 3, 6, 8, 30, 34, 35, 41, 45; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 191, рис. 111.

¹⁸ Т. Н. Сенигова. К изучению технических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, Археология, 1959, стр. 223.

¹⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерц и ев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, гл. 1, стр. 36—62.

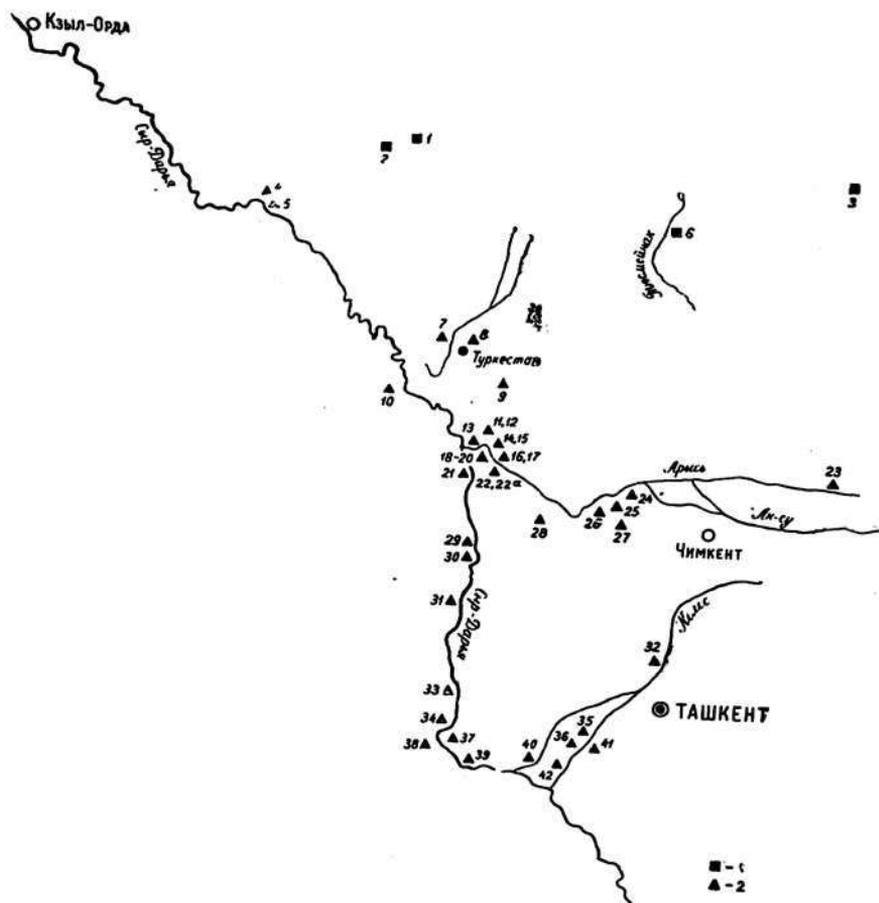

Рис. 13. Карта верхней части среднего течения р. Сыр-Дарья: 1 — поселения, дающие аналогичные комплексы; 2 — поселения, где встречены отдельные формы.

ки с реалистически трактованным изображением баранов и биконические пряслица.

Что касается посуды из рыхлого дрезвяного и шамотного теста, то с керамикой Актобе 2 совпадает прием украшения ее волнистым налетом, расположенным в нижней части ручки, форма горшковидных сосудов с ручками, не выступающими за край горловины, а также плоски-жаровни и крышки. Крышки и сосуды с налетами под ручками, как отмечают исследователи этого памятника, встречены только

в верхнем слое²⁰, у нас же — в нижнем слое, а крышки — во всех слоях.

Таким образом, материал с городища Актобе 2 позволяет наметить крайнюю дату для керамики нижнего горизонта Шаушукумтобе — не ранее IV в. н. э. Аналогии с посудой из Асаров также подтверждают эту датировку.

Отсутствие целых форм в коллекциях описываемой керамики не дает возможности полностью сопоставить ее с материалами из могильника, расположенного близ городища, однако совпадения имеются: техника лепки, форма венчиков, рифление горловин (курган 97), спиралевидные налепы на ручках сосудов (курган 107), форма кружек (курган 50), знак в виде полуовала, рассеченный перпендикулярной полосой (курган 96). Исследователь этих курганов А. Г. Максимова датирует их III—V вв. н. э.²¹

Из аналогий с более отдаленной территории следует упомянуть бокальчик на конической подножке в материалах из могильника Боркорбаз (III—V вв. н. э.)²², а также из могильника Кайрагач (курган 8), датируемого первыми веками нашей эры²³; миски с перегибом тулова с городищ Тункет и Минг-Урюк (IV—V вв. н. э.)²⁴; миски с перегибом тулова и врезным пояском под венчиком с городища Чаштобе (IV—V вв. н. э.)²⁵ и из коллекций керамики с Большого Ферганского канала (начало нашей эры — VI—VII вв.)²⁶.

Рифление средней части тулова кувшинов встречается на посуде из могильника в Ворухе, в комплексах Кугайтепе²⁷, а светильники в виде плоски — на городищах Кашка-Дарьинского оазиса (правда, на ручке посажена фигурка животного)²⁸, цилиндрические подставки — в комплексах городищ бассейнов рек Кашка-Дарья и Мугаин-

²⁰ Там же, стр. 38, 62.

²¹ Там же, гл. 4, стр. 238, 240.

²² С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник. «Труды Гос. Эрмитажа», т. 5. Л., 1961, стр. 134, табл. XII, «Г».

²³ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 96, рис. 55, 9.

²⁴ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 172, 1960, стр. 137.

²⁵ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 172, 1960, рис. 5, 2, 5, 10, 14; рис. 6, 10.

²⁶ В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. «Известия УзФАН СССР», 1940, вып. 10, рис. 3.

²⁷ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работах первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. «Труды ИИА АН УзССР», т. 4, 1951, табл. III, стр. 15.

²⁸ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба..., рис. 9.

Дарьи²⁹. Подобная шаушукумской техника изготовления ручек отмечена в материалах третьего периода Шурабашата (Фергана)³⁰, орнаменты на сосудах в виде косой клетки — в комплексах керамики Ферганы II³¹, Джеты-Асаров³², а также на городище Кулдор-тепе³³; разница лишь в нанесении орнамента: на сосудах тех памятников сверх ангоба, на наших под ангобом.

Что касается керамики верхнего горизонта, то она встречает много подобных и в первую очередь в материалах городищ и могильников Ташкентского оазиса. Из городищ следует назвать Ак-тепе³⁴, Минг-Урюк, Тункет³⁵, а из могильников — могильник на Ташкентском канале. А. И. Тереножкин, выделяя позднюю группу курганов в этом могильнике, указывает на различие керамики позднего и раннего периодов³⁶, которые имеются и между керамикой верхнего и нижнего слоев в Шаушукумтобе.

Из других аналогий можно назвать ложновитые ручки Согда и Ферганы (VI — начало VII в.)³⁷, котлы с дугообразными и пластинчато-выступающими ручками и кружки с кольцевидными и петлеобразными ручками Пянджикента (VI—VII вв. н. э.)³⁸, плошки на поддоне с тремя ножками из Чача и Ак-Бешима того же времени³⁹, кувшины с палевым и светло-зеленым ангобом и концентрическими желобками в верхних частях городища Хозаин-хона, отнесенного ко времени

²⁹ В. Я. Стависский. Археологические работы в бассейне Мугаин-Дарьи в 1957 г. (Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.). «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. 5, 1959, стр. 80, рис. 8.

³⁰ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., рис. 25.

³¹ В. А. Латынин. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 3. Л., 1961, рис. 23, 24 и сл.

³² С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта..., табл. III.

³³ В. Я. Стависский. Раскопки на городище Кулдор-тепе. СА, 1960, № 4, стр. 120, рис. 6.

³⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., рис. 69, табл. XXI, 1, 5, 6, 11; его же. Холм Ак-тепе близ Ташкента (Раскопки 1940 г.). Сб. «Материалы по археологии Узбекистана», т. I. Ташкент, 1948, стр. 114, рис. 16; стр. 115, рис. 17; стр. 116, рис. 18; стр. 119, рис. 19.

³⁵ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Указ. раб.

³⁶ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, стр. 35.

³⁷ А. Н. Верштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 1952, № 26, стр. 241, 242, рис. 100; В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. (По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг.) «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. 4. М., 1960, стр. 154, рис. 5.

³⁸ И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента. МИА, 1953, № 37, табл. X.

³⁹ В. И. Распопова. Указ. раб.; см. также: «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». МИА, 1950, № 14, табл. LVI; А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., стр. 263.

Фергана III (VI—VIII вв. н. э.)⁴⁰, миски с перегибом у самой закраины городища Дон-Булак III (VI—VIII вв. н. э.)⁴¹, орнамент в виде елочки в керамике Тали-Барзу⁴², а также на оссуариях⁴³, хумы с отделкой внешней части венчика овалами в коллекции керамики из донжона замка Беркут-кала⁴⁴, красноощенные вертикальные петлеобразные ручки с налестками в виде цилиндрической шишечки в верхней части кафыркалинской культуры (VI—VII вв. н. э.)⁴⁵, небольшие кубки с горизонтальными врезными поясками по венчику и в средней части тулова и уплощенной сверху ручкой городищ Минг-тепе (VII—VIII вв. н. э.)⁴⁶, Чандалашского тепе в Чаткальской долине⁴⁷. Сравнение можно было продолжить, но все сопоставляемые предметы не выходят за пределы VI—VIII вв. н. э., как, очевидно, и следует датировать верхний горизонт Шаушукумтобе.

Мы уже неоднократно отмечали, что на ряде сосудов имеются знаки, которые располагаются и под ручкой, и на донышке, и в верхней части сосудов. Нами зафиксировано 36 различных знаков, в большинстве они были на посуде из верхних слоев (32 и 36) и дважды не повторялись. Если к ним добавить знаки-тамги, обнаруженные в подъемном материале, собранном Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной, то добавятся еще 12 знаков.

Некоторые из них сходны со знаками на сосудах из соседних курганных комплексов и поселений. Крестообразный знак встречен на керамике городища Актобе 2 и могильника Актобе 2 (курган 40)⁴⁸, полуовал, рассеченный перпендикулярной полосой — на посуде могильника Шаушукумтобе (курган 96) и в урочище Жаман-Тогай⁴⁹. Подобного же типа знак был на сырцовых кирпичах стены (поздняя

⁴⁰ Б. А. Л а т ы н и н. Некоторые итоги работ..., стр. 160.

⁴¹ Ю. А. З а д н е п р о в с к и й. Археологические памятники..., рис. 22, 25.

⁴² Г. В. Г р и г о р ь е в. Городище Тали-Барзу. «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. 2. Л., 1940, табл. V, 1.

⁴³ А. Н. Б е р и ш т а м. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1943, табл. IV; Б. И. М а р ш а к. Влияние торевтики на согдийскую керамику VI—VIII вв. «Труды Гос. Эрмитажа», т. 5. Л., 1961, стр. 117 и сл.

⁴⁴ См.: «Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1954—1955 гг.». М., 1958, стр. 103, рис. 4, 1.

⁴⁵ См.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». МИА, 1950, № 14, стр. 49, рис. 32.

⁴⁶ В. А. Р а н о в, Е. Д. С а л т о в с к а я. О работах Ура-тюбинского отряда в 1959 г. «Труды ИИАЭ им. А. Дониша АН ТаджССР», т. 31. Душанбе, 1961, рис. 14.

⁴⁷ А. К. К и б и р о в. Археологические памятники Чаткала. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1959, стр. 28, рис. 21.

⁴⁸ А. Г. М а к с и м о в а, М. С. М е р щ и е в..., Древности Чардары, гл. 4, стр. 200, табл. X, 4.

⁴⁹ Там же, стр. 235, табл. XXIX, 6.

закладка) III—IV вв. н. э. на городище Ханак-тепе⁵⁰. Знак в виде веточки тождествен знакам на стенах городищ Шуралисай, Алимбай-тепе и Шахривайран⁵¹. Знак в виде буквы «Ш» встречает параллели в кушанских тамгах и в керамике городищ Ак-тепе и Тегерман-баши⁵²; знак в виде незамкнутого треугольника и полуовала — на сосудах Кзыл-тепе. Часть одного знака в виде S-образной фигуры напоминает надчекан хорезмийских монет и знаки, воспроизведенные на сырцовых кирпичках Кой-Кобадшаха⁵³. Остальным отыскать параллелей нам не удалось.

Объяснить знаки можно лишь с помощью данных этнографии. По материалам, собранным Е. М. Пещеревой в Таджикистане, обжиг посуды в пределах сельской общины производился всегда коллективно. Участники его вносили определенную долю топлива, совместно укладывали посуду в печь и осуществляли процесс обжига. Для того чтобы не перепутать посуду после обжига, владельцы ставили на ней специальные знаки, причем иногда один и тот же знак наносили на разных частях сосуда⁵⁴. Очевидно, что и на городище Шаушукумтобе посуду изготовляли коллективно. Считать, что эти знаки имели магическое значение, трудно. Во-первых, тогда один и тот же знак ставили бы на одной и той же форме посуды, во-вторых — всегда на одном и том же месте, иначе его «магическая сила» потеряла бы смысл. Скорее всего с этой целью производилась покраска ангобом верхней части горловины сосудов. Это мнение уже неоднократно высказывали в археологической литературе.

В заключение следует остановиться на отмеченном нами тождестве основных типов керамики городища Шаушукумтобе с материалами городищ среднего течения р. Сыр-Дарья и ее притоков — Келеса и Арыси, которые были получены во время работ Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1947—1951 гг. и представлены коллекцией керамики из стратиграфических раскопов и подъемного материала. При сопоставлении их с керамикой Шаушукумтобе выяснилось, что основные, ведущие формы их совпадают на 42 объектах (см. карту). К ним мы относим такие формы керамики, как широкогорлые кувшины с рифлеными горловинами, палевым ангобом и потеками

⁵⁰ Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии Тохаристана. СА, 1963, № 4, стр. 77.

⁵¹ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., рис. 71, 77, а также коллекции Музея истории народов Узбекистана, А-872.

⁵² Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Ваткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 84.

⁵³ А. М. Мандельштам, С. В. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 1958, № 66, стр. 295, рис. 3.

⁵⁴ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 109—116.

черного ангоба в верхней части горловины, широкогорлые кувшины, горшки, кубки с петлеобразными ручками, иногда несущими на верхней части налепы в виде спиралей, хумы с характерными для них венчиками, прямоугольными в сечении, миски, а также образцы керамики с красным, черным ангобным покрытием и прорезным рисунком геометрического и растительного характера, крышки, сосуды из рыхлого теста.

Из этого вытекает другой вывод, что население Ташкентского оазиса и средней Сыр-Дарьи в первой половине первого тысячелетия нашей эры было в этническом отношении однородно и находилось на одинаковой ступени развития. Интересно, что такие характерные формы посуды, как кувшины с рифлеными горловинами, были встречены на разных поселениях северных склонов Каратау в резко отличных комплексах материалов. Это заставляет еще раз вспомнить замечание Г. В. Григорьева⁵⁵ о продвижении какой-то части населения Ташкентского оазиса на северные склоны Каратау.

---

⁵⁵ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1.

3

ГОРОДИЩЕ АКТОБЕ 1 (IV — нач. XIII в.)

Городище Актобе 1 находится на левом берегу р. Сыр-Дарьи, в 3 км на юго-запад от пос. Чардарастрой, в излучине двух старых протоков Сыр-Дарьи, на западном берегу небольшого озера.

В плане оно имеет форму трапециевидной площадки, вытянутой с востока на запад и возвышающейся над окружающей местностью от 2 до 7 м. Длина его около 300 м, ширина восточной стороны 50 м, западной 170 м. В центре, несколько ближе к южному краю, находятся остатки цитадели размером 60×70 м в виде холма высотой около 10 м. По краю верхней площадки проходит вал с чередующимися небольшими буграми — остатками крепостной стены с башнями. В северо-западном углу площадки расположен холм, возвышающийся более чем на 4 м над общим массивом цитадели.

С севера, запада и юго-востока цитадель окружает ров и крепостной вал. За валом полукольцом с северо-запада на восток тянется шахристан высотой от 2 до 7 м. По его внешнему, северо-западному, контуру проходит крепостная стена с башнями. На южной и северо-восточной сторонах она доходит до протоков р. Сыр-Дарьи.

На северо-запад от цитадели, за стеной шахристана, имеется еще

одна возвышенная площадка, которая в основном уже погребена под барханами.

При изучении городища и прилегающей к нему территории были произведены раскопки в 14 пунктах: в северо-западном углу цитадели,

Рис. 1. Вид с севера на городище Актобе 1.

на месте предполагаемых дворцовых сооружений (раскоп 1), на южном фесе цитадели — крепостной стены, рва и вала (разрез 1), восточной части шахристана (раскоп 2 и шурф 3), северной и западной частей шахристана — крепостной стены (разрез 2 и 3 и шурфы 1, 2). На территории, прилегающей к городищу, было заложено семь небольших шурфов (4—10). Общая площадь раскопов составила около 1000 м².

1. Раскопки в цитадели¹

Раскоп 1 разбит в северо-западном углу цитадели, на самом высоком бугре размером 17×20 м.

---

¹ Подробное описание см.: М. С. Мерц и е в. Раскопки цитадели городища Актобе 1. «Вестник АН КазССР», 1964, № 12, стр. 74—77.

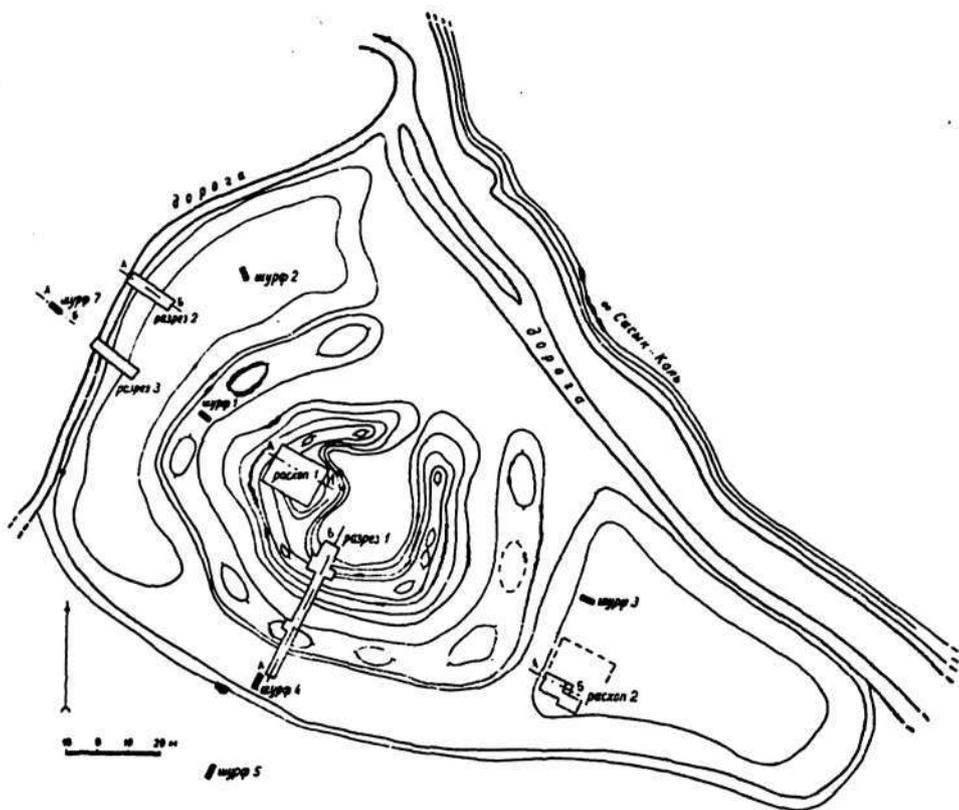

Рис. 2. Схематический план городища Актобе 1.

После снятия верхнего слоя (рис. 4, 1) толщиной 15—20 см в северо-западной части раскопа обнаружены остатки двух параллельных стен (рис. 4, 2), отстоящих на 1,2 м одна от другой. Стены в длину сохранились на 1,2—1,5 м, толщина их 30 см; они сложены из сырцовых кирпичей размером $30 \times 15 \times 6$ см (рис. 5, а).

В различных частях площади раскопа выявлены четыре ямы диаметром около метра и глубиной 3—4 м. Три из них оказались выгребными ямами, четвертая — погребом. Стенки погреба в верхней части обложены половинками жженных кирпичей, на дне его найдено значительное количество полуистлевших зерен ячменя и пшеницы.

При вскрытии верхнего культурного слоя, очистке ямы и по-

гребя обнаружено много разнообразных предметов: керамические сосуды, пряслица, сфероконусы, украшения из камня и кости, медные монеты и т. д.

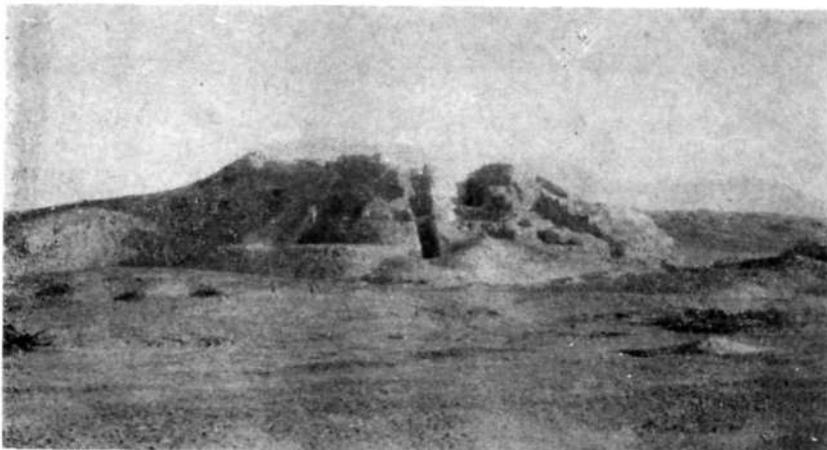

Рис. 3. Вид на цитадель с северо-запада.

В раскопе на глубине² 2,4 м зафиксированы остатки здания (рис. 4, 4), сложенного из сырцового кирпича размером $49 \times 24,5 \times 10$ см. От здания сохранились стены от трех смежных помещений (рис. 5, 2). Кроме того, в южной части раскопа прослежены остатки еще двух стен. Местами они достигали высоты 1 м, толщина их — 1,1 м. В северо-западном углу восточного помещения на стенах имелась глиняная штукатурка, которая доходила до уровня пола и заходила на него. Пол состоял из глины, нанесенной слоем толщиной 5—8 см (рис. 4, 6) на слой лёсса (рис. 4, 7) толщиной 50 см, являвшегося как бы верхней частью фундамента. По остаткам установить точно размер и план здания трудно. Однако, судя по местоположению, приблизительному размеру здания и собранному археологическому материалу, оно было дворцовым сооружением.

При снятии пола и верхней части фундамента обнаружено три замурованных колодца. Устье их находилось на уровне данного горизонта. Сверху они заложены деревянными балками (рис. 4, 8) и двойным настилом камыша. Колодцы 2 и 3 оказались в центре раскопочной площадки, а колодец 1 — на западном склоне (рис. 5, 3). Они прорезали всю культурную толщу холма и углубились на 2—2,5 м в

² Отсчет глубин производился от реперной точки, за которую была принята самая высокая точка раскопа.

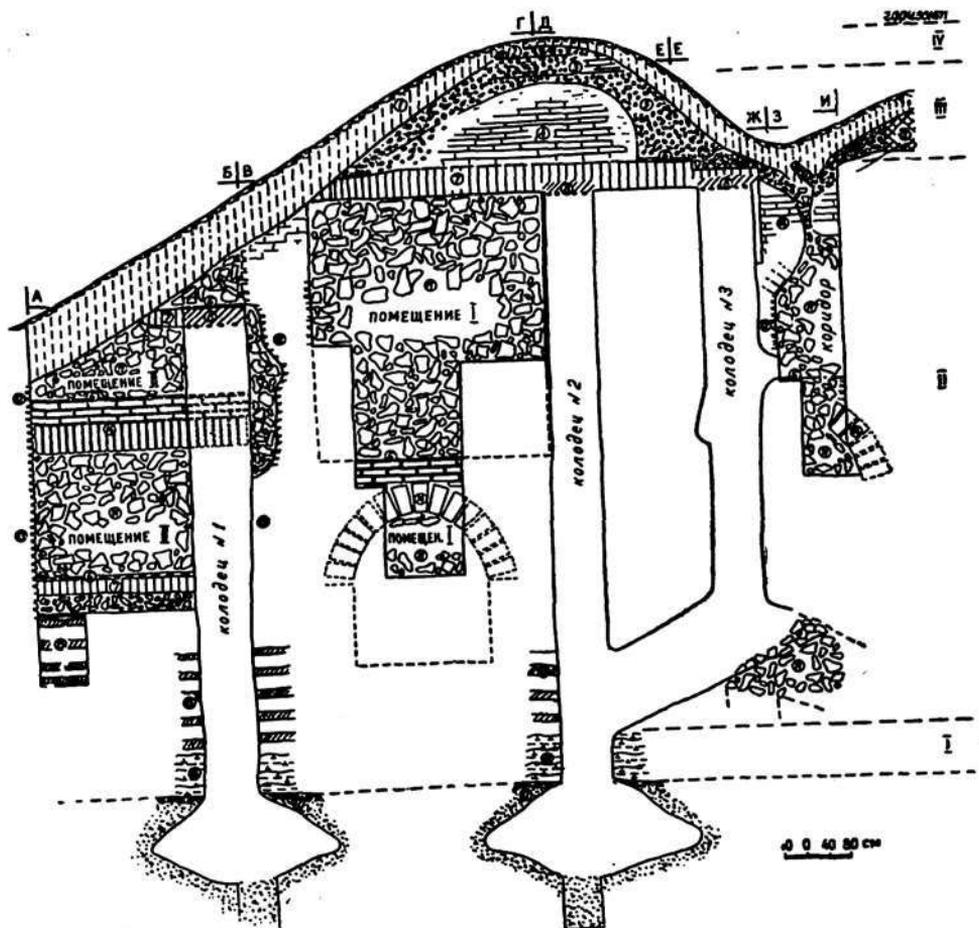

Рис. 4. Цитадель. Раскоп 1. Разрез СЗ—ЮВ по линии А—И: 1 — оплыв; 2 — могильная оградка; 3 — разрушенная кладка стены; 4 — стена из сырцового кирпича; 5 — рыхлый завал из мелких комьев; 6 — глиняная обмазка пола; 7 — забутовка из утрамбованного лёсса; 8 — перекрытие колодцев балками и камышом; 9 — пахсовая стена; 10 — каменный намогильник; 11 — забутовка из крупных комьев; 12 — стена из сырцового кирпича второго этажа замка; 13 — стена из сырцового кирпича первого этажа замка; 14 — свод из сырцового трапециевидного кирпича; 15 — платформа; 16 — прослойки с включением золы; 17 — материк.

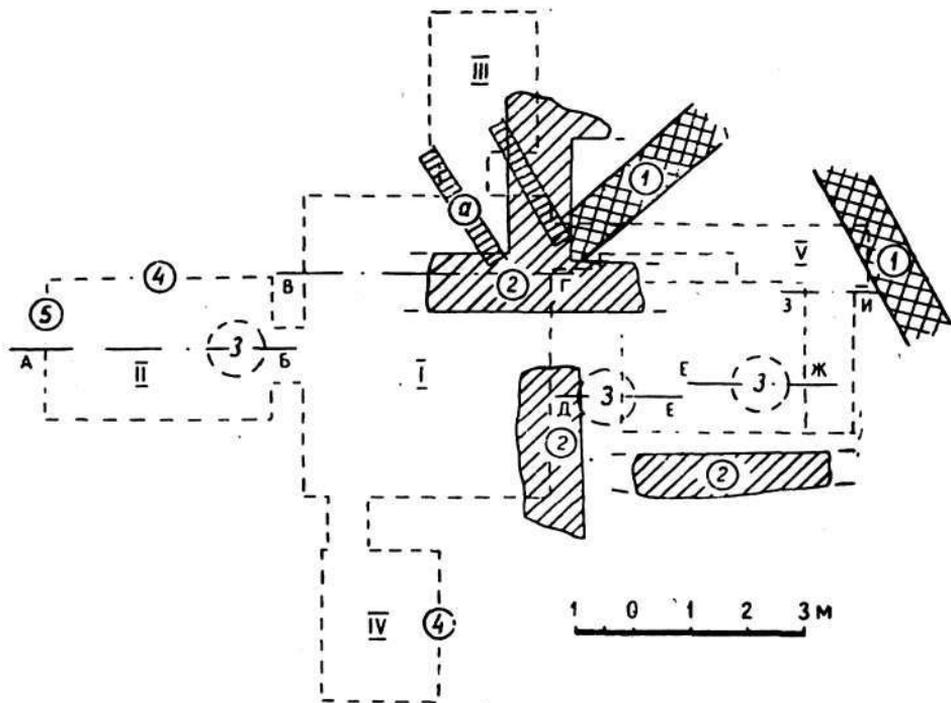

Рис. 5. Раскоп 1, план: а — остатки надмогильного сооружения; 1 — остатки строения (четвертый горизонт); 2 — остатки дворца (третий горизонт); 3 — колодцы; 4 — план второго этажа замка (второй горизонт); 5 — помещение первого этажа замка (второй горизонт).

материк. Колодцы в помещениях встречены в нескольких археологических памятниках³.

В слое завала и на полу собраны многочисленные фрагменты, а также целые неполивные и поливные керамические сосуды и другие предметы.

Здесь же найдены алебастровый идол (рис. 6) и медная монета.

³ С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 193; е го ж е. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, 1958, т. 2, стр. 179—241; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, гл. 1, стр. 21; Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). См.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 120.

Такие же керамические фрагменты обнаружены и при расчистке колодцев.

Таким образом, по стратиграфии и материалу колодцы синхронны с дворцовым сооружением.

В дальнейшем ниже уровня пола и лёссового слоя вскрыта 5-метровая забутовка из комьев глины и сырцовых кирпичей

Рис. 6. Алебастровая фигурка (раскоп 1, третий горизонт).

(рис. 4, 11). После ее выемки на этом уровне появились остатки двухэтажного замка, состоящего из небольших сводчатых помещений и коридоров (рис. 4, 12, 14). Замок имел 3-метровую платформу (рис. 4, 15), выложенную прослойками глины толщиной 15—17 см. На ней и было возведено сооружение. Оно раскопано частично, в основном верхний этаж. Второй этаж (верхний) крестообразной планировки (рис. 5, 4), в нем вскрыты четыре помещения и коридор.

В центре здания располагалось самое большое помещение I. С трех сторон — западной, северной и южной — к нему примыкали небольшие помещения (II, III, IV) и сообщались с ним дверями. От северной части восточной стены на восток отходил сводчатый коридор (V).

Западное помещение (II) размером $2,4 \times 2,5 \times 4$ м. Южная и северная стены его в нескольких местах сохранились до пяты свода, т. е. до 2 м. На этом уровне в стенах имелись гнезда размером 15×18 см от балок. Аналогичные углубления в стенах отмечены в замке Ак-тепе⁴ вблизи Ташкента, в Мунчак-тепе⁵ и др.

Северное помещение (III) — в плане правильный четырехугольник размером $2 \times 2,5$ м. В южной стене его — дверной проем шириной 85 см, ведущий в центральное помещение.

Южное помещение (IV) размером $2,1 \times 2,7$ м. В северной его стене также устроен дверной проем шириной 75 см, ведущий в центральное помещение.

⁴ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе по данным работ 1940 г. «Труды ИИА АН УзССР», г. I, 1948, стр. 142—150.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИМК, 1947, вып. XIV, стр. 103 и сл.

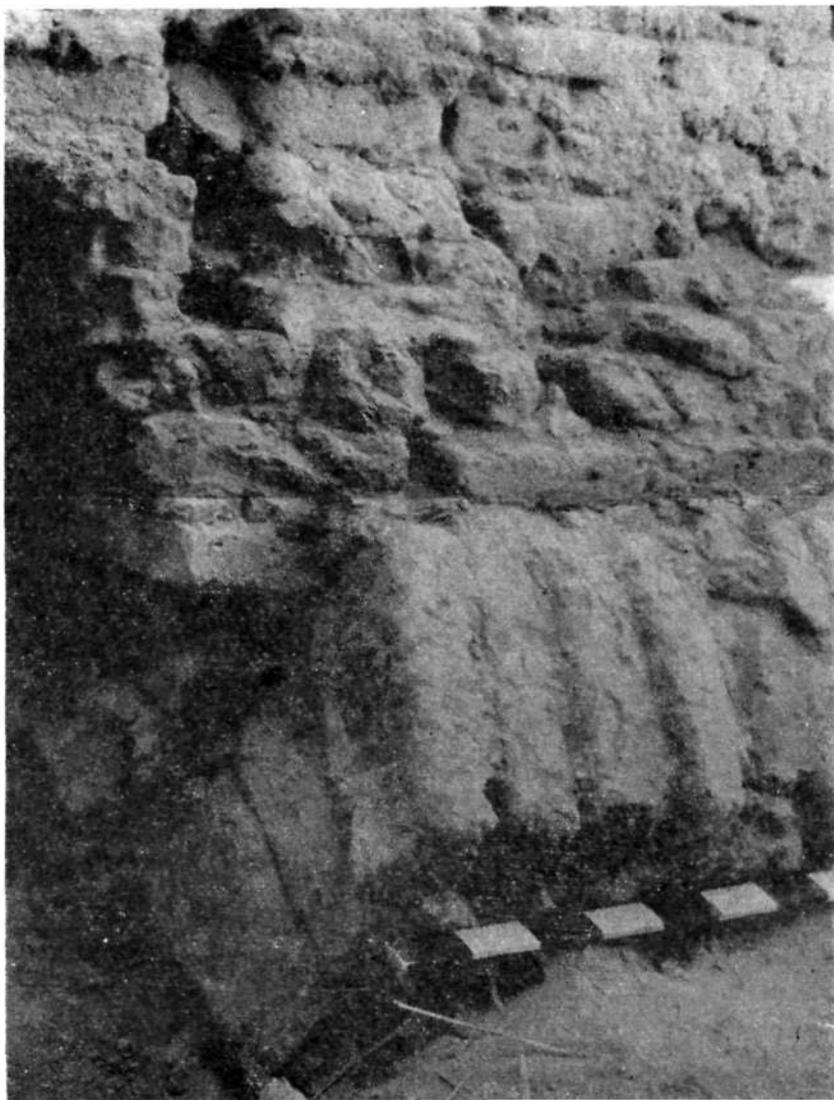

Рис. 7. Выкладка свода помещения II первого этажа замка, раскоп 1.

Рис. 8. Выкладка свода помещения II первого этажа замка.

Коридор (ширина 1,1—1,15 м), отходящий от центрального помещения на восток на 4,5 м, под прямым углом поворачивал на юг и тянулся еще 3,75 м. В восточной стене его южной части сделан дверной проем. Аналогичный коридор отмечен во втором этаже замка Актепе⁶.

Помещение нижнего этажа в плане прямоугольное, размером 2,3×4 м. Как видно из данных, оно имеет такую же длину, как и находящееся над ним помещение, но ширину несколько меньшую. Не-

⁶ В. Л. В о р о н и н а. Указ. раб., стр. 43.

соответствие по ширине, вероятно, является конструктивной необходимостью.

Это помещение со сводчатым перекрытием, возведенным из сырцового кирпича, трапециевидной формы (размер: большая ширина — 28 см, меньшая — 22 см, длина — 48 см и толщина — 10—12 см). Выкладка свода начиналась на высоте 1,5 м и состояла из 15 кирпичей. Помещение имело два пола, отстоящих на 54 см один от другого.

Рис. 9. Камин в стене помещения II второго этажа замка.

Первоначально высота помещения равнялась 2,85 м, но после ремонта и выстилки второго пола уменьшилась до 2,31 м. Стены покрыты двойной глиняной штукатуркой. Первый слой опускался до уровня нижнего пола и находил на него, а второй доходил до верхнего пола и также заходил на него.

Помещения второго этажа обогревались печами в виде каминов.

Неполное вскрытие замка затрудняет решение вопроса о планировке его в целом, выяснение применения разнообразных строительных конструкций, материалов и др. и тем самым прослеживание аналогий с памятниками этого типа в разных районах.

Однако, судя по имеющимся материалам, он имеет сходство с замком Ак-тепе близ Ташкента. Оно выражается в количестве этажей,

наличии трехметровой платформы, планировке и т. д.⁷ Много общего у него и с замком на горе Муг⁸.

При расчистке помещений замка выявлены неполивные сосуды: горшки, кувшины, хумчи и хумы. Около 90% сосудов сделано ручной лепкой. Кроме них найдено несколько керамических пряслиц, керамическая курильница на высокой ножке с полусферическим резервуаром, глиняная печать (рис. 10), фигурка идола из ракушечника (рис. 11) и др.

Краткие итоги работ на цитадели следующие: мощность культурного слоя достигает 14 м, и он подразделяется на четыре горизонта.

Рис. 10. Глиняная печать (помещение I второго этажа замка).

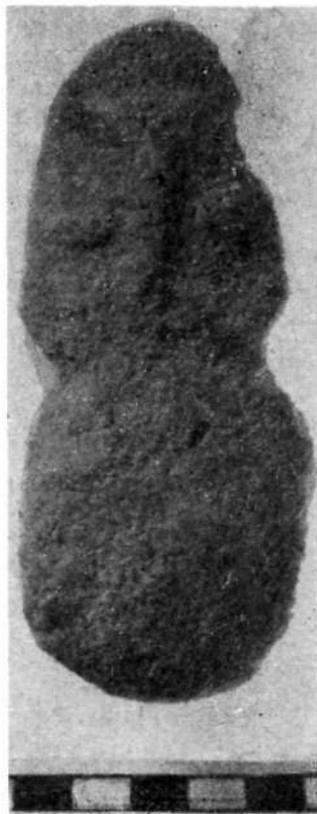

Рис. 11. Фигурка из ракушечника (замок).

К первому (счет снизу) относится зольный слой толщиной около 80 см, расположенный непосредственно на материке. Остатков ка-

⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. «Труды ИИА АН УзССР», т. I, 1948, стр. 128; В. Л. Воронина. Указ. раб., стр. 135, 149.

⁸ И. А. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник». Л., 1934, стр. 18.

ких-либо строений в нем не обнаружено. Все найденные в слое керамические сосуды ручной лепки.

Второй горизонт образует остатки двухэтажного замка, состоящего из помещений и сводчатых коридоров. Основная масса собранных керамических сосудов ручной лепки.

Третий горизонт составляют остатки дворцового сооружения, возведенного на развалинах забутованного замка предшествующего периода. В слое найдены неполивные и поливные керамические сосуды, больше половины их сделано на гончарном круге.

Четвертый горизонт — это завалы и остатки стен почти полностью разрушившегося сооружения. Здесь выявлены неполивные и поливные керамические сосуды, около 90% которых изготовлено на гончарном круге.

Разрез 1 на цитадели

Разрез проходил через крепостную стену, ров и вал, длина его около 40 м, ширина в различных местах и на разной глубине от 2 до 6 м. На участке у крепостной стены, с ее внутренней стороны, он превращен в небольшой раскоп.

При раскопках выяснилось, что крепостная стена (рис. 13, 14) в результате оплыва идет не по гребню цитадели, а по внешнему склону. После определения ее контура работы велись в основном на площадке, примыкающей к ее внутренней стороне. На глубине 2,5 м⁹ зафиксированы остатки пахсовой стены (рис. 13, 9), сохранившейся на высоту около 50 см при толщине 60 см. На уровне ее основания обнаружены остатки небрежно выполненной кладки пола из трапециевидных жженных кирпичей (рис. 13, 8), причем использованных вторично. По-видимому, они применялись ранее при выкладке сводов и арок каких-то сооружений. На уровне пола оказался зольный слой с включением угля от полусгоревших в результате пожара балок (рис. 13, 9а).

При раскопках в верхнем слое найдены фрагменты и фрагментированные неполивные и поливные сосуды: кувшины, кумганы, тагары, блюда, чаши, чираги, кроме них — части котлов из стеатита, каменные жернова, точила, медные монеты и другие предметы. Этот материал аналогичен материалу из верхнего слоя раскопа 1.

Ниже пола, выложенного из трапециевидных кирпичей, шел рыхлый комковатый слой (рис. 13, 10а) толщиной 1—1,2 м, а затем плотный слой (рис. 13, 15) толщиной около 50 см. В нем отмечены

⁹ Отсчет глубин производился от самой высокой точки на разрезе, которая расположена на 3,5 м ниже реперной точки.

обуглившиеся балки от перекрытия (рис. 13, 15a). Он доходил до пола помещений, выложенных из жженных кирпичей (рис. 13, 11). На этом уровне у крепостной стены выявлено здание, состоящее из нескольких помещений I—V (рис. 15).

Рис. 12. Вид с северо-востока на разрез крепостной стены, рва и вала цитадели (цитадель, разрез 1).

Помещение I, примыкающее к крепостной стене, раскопано целиком. В плане оно четырехугольное, размером $2,4 \times 3,6$ м. Помещение II вскрыто частично, в нем полностью прослежена лишь западная стена протяженностью 6 м. Западные стены помещений с внутренней стороны выложены в один ряд жженым кирпичом размером

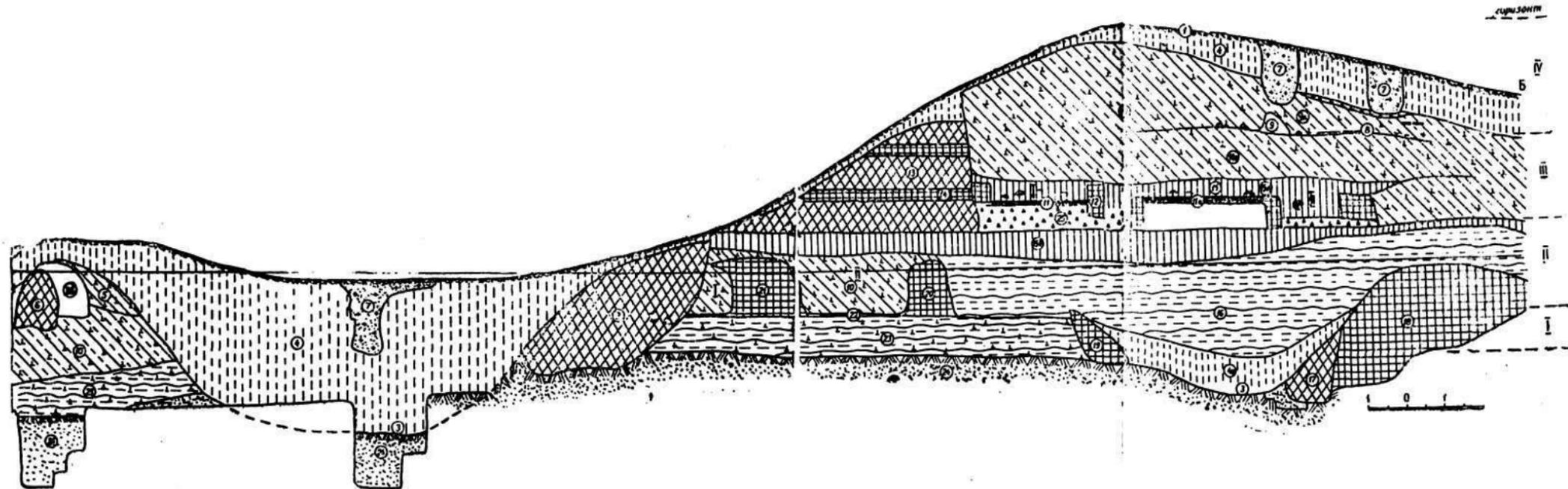

Рис. 13. Разрез 1. Разрез крепостной стены, рва и вала цитадели по линии А—Б: 1 — дерновый слой; 2 — паховый контрфорс; 3 — дно рва; 4 и 4а — оплыв; 5 — рыхлый слой; 6 — крепостной вал; 7 — могильная яма; 8 — выстилка пола жженым кирпичом; 9 — глиняная стена; 9а — обуглившиеся балки; 10 — рыхлый комковатый слой с включением золы; 11 — выстилка пола жженым кирпичом; 12 — стена из сырцовых кирпичей; 13 — паховый блок; 14 — кладка из сырцового кирпича; 15 — утрамбованный слой лёсса; 15а — обуглившиеся балки; 16 — плотные чередующиеся прослойки; 17 — паховый контрфорс; 18—21 — стены из сырцового кирпича; 22 — прослойка глины (пол); 23 — чередующиеся прослойки с включением золы; 24 — материк.

32×32×6 см. Кладка сохранилась на высоту 1,7 м, выше начинался свод из такого же кирпича, но поставленного на ребро.

Пол в помещениях вымощен жженым кирпичом двух размеров: 30×30×5 см и 30×15×5 см¹⁰. Имеются кирпичи и треугольной формы, они получены в результате того, что квадратный кирпич был

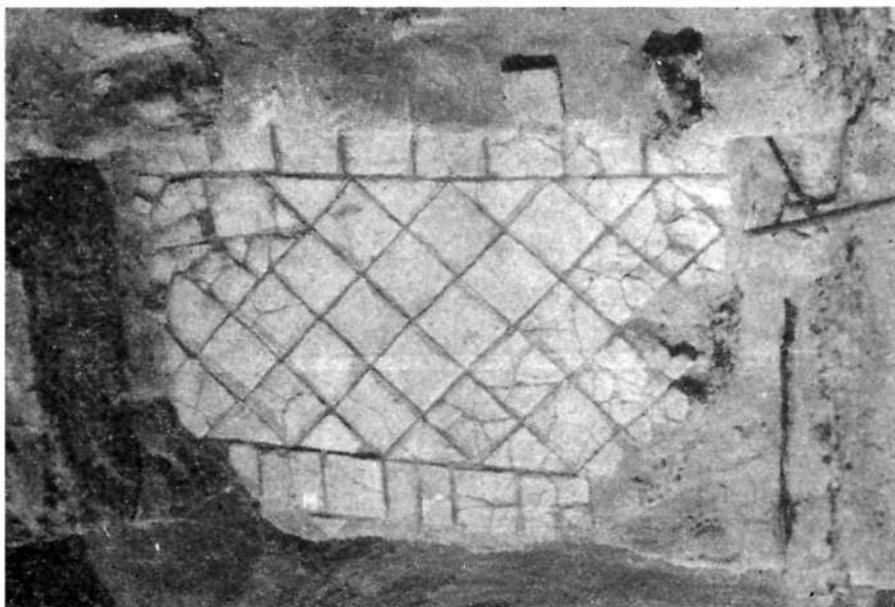

Рис. 14. Выстилка пола жженым кирпичом (помещение I, разрез 1).

расколот по диагонали на две или четыре части. В одних помещениях вымостка сделана параллельными рядами из плашмя положенных квадратных кирпичей, причем они смещены таким образом, что швы одного ряда приходятся на середину кирпича соседнего ряда (пом. IV). В других в промежутке между параллельными рядами идет кладка под углом к этим рядам, образующиеся между ними на стыках уголки заполняются половинками и четвертушками квадратных кирпичей (пом. I). В некоторых помещениях применялись оба варианта кладки (пом. III). В одном из помещений выкладка выполнена кирпичом меньшего размера — 30×15×5 см и напоминает современный паркет (пом. V). Кирпичи закреплены алебастровым

¹⁰ В некоторых помещениях пол сложен только из одного формата кирпича, а в других из кирпича обоих стандартов.

раствором. Сверху пол покрыт глиняной обмазкой толщиной 1—2 см, но она сделана уже после значительного разрушения кирпичной выкладки.

Вдоль западной стены помещения II устроена суфа длиной 4 м, шириной 1,6 м и высотой 50 см. Край ее выложен в один ряд (по длине) сырцовым кирпичом, а внутри она заполнена кусками сырцовых и жженных кирпичей. Такой строительный прием — выкладка края суфы сырцовым кирпичом и заполнение внутренней части землей (забутовка) — известен во многих памятниках в частности в Пянджикенте¹¹, на поселении Актобе 2¹² и др. Поверх забутовки суфы положен жженный кирпич такого же размера, что и в выкладке пола в помещении I.

Выстилка полов и суф жженным кирпичом широко применялась в строительной практике Средней Азии и Казахстана в X—XII вв. Ближайшие аналогии размерам кирпичей, приемам, композиции выкладки полов и суф, креплению на алебастровом растворе находим на городище Термез — XII в.¹³, в Сарыге (городище Красная речка) — X—XII вв.¹⁴ и других памятниках.

В помещениях III, IV и V, несколько дальше отстоящих от крепостной стены, полом служил плотный слой земли (рис. 13, 156). Он был насыпан при выравнивании площадки под помещения и крепостную стену. Крепостная стена, воздвигнутая на этом слое лёсса, состоит из пахсовых блоков (рис. 13, 13) высотой 75 см и чередующихся поясов из трех рядов сырцовых кирпичей (рис. 13, 14) размером 48—50×24—25×8—9 см. Пахсовые блоки имеют глубокие вертикальные надрезы, придающие стенам, как образно выразился В. Ф. Гайдукевич, «вид монументальной кладки из громадных блоков»¹⁵.

Кладка из пахсовых блоков и поясов из одного или нескольких рядов сырцовых кирпичей известна на ряде памятников¹⁶ как синхронных, так и более ранних.

¹¹ В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. МИА, 1953, № 37, стр. 116.

¹² А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 19.

¹³ И. А. Сухарев. Комната XII века на площади II приамударьинской части городища Термез. «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.». Ташкент, 1940, стр. 197—199.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. XIV, 14.

¹⁵ В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 106.

¹⁶ В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента, стр. 116, 222; е е же. Архитектура замка Ак-тепе, стр. 144, 145, рис. 6; В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 106; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961, стр. 27—42.

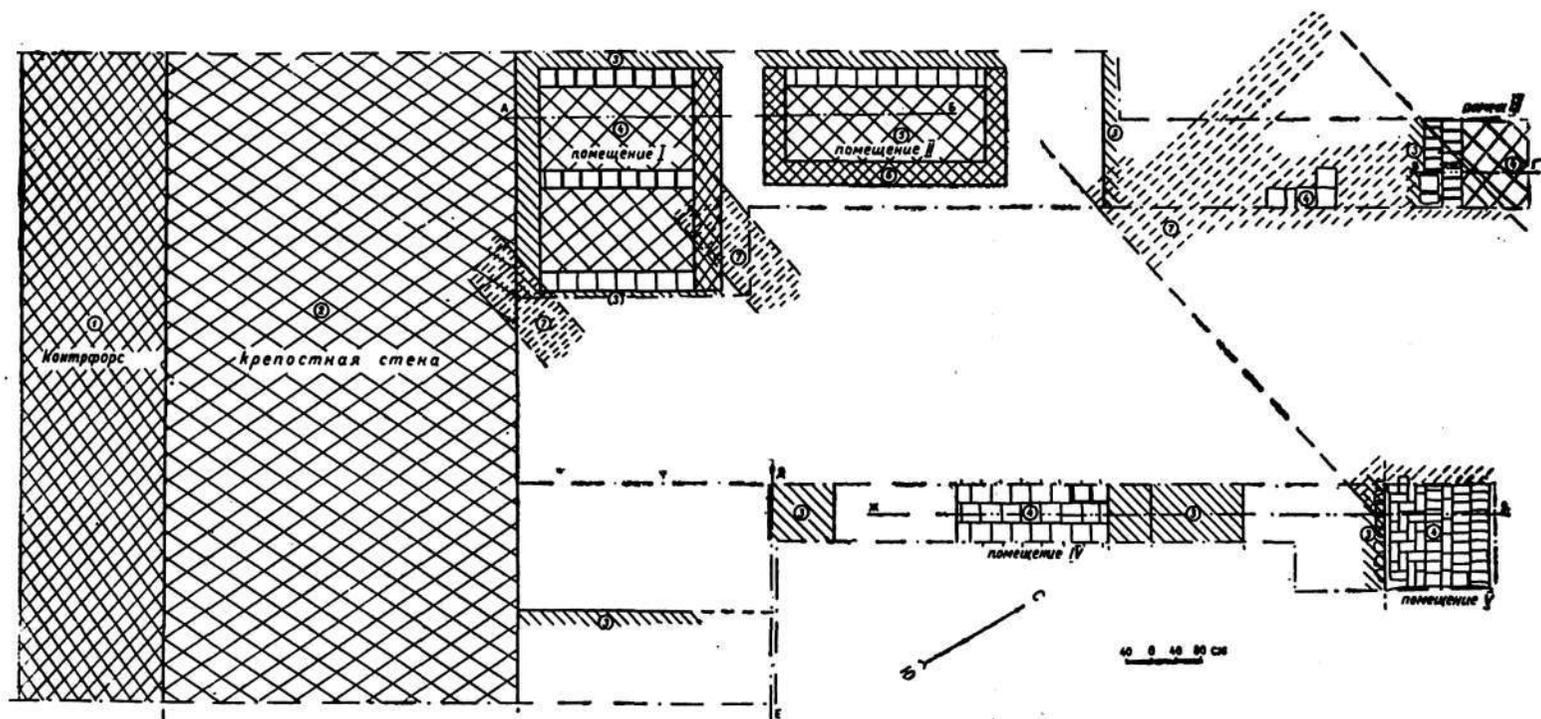

Рис. 15. План вскрытых построек у крепостной стены цитадели: 1—6 — строения третьего горизонта; 7 — строения второго горизонта. 1 — паховый контрфорс; 2 — крепостная стена; 3 — стены из сырцового кирпича; 4 — выкладка пола жженым кирпичом; 5 — выкладка суфы жженым кирпичом; 6 — выкладка края суфы сырцовым кирпичом; 7 — стена из сырцового кирпича (второй горизонт).

Крепостная стена сохранилась до высоты 3 м, толщина ее у основания 7 м. Судя по внутреннему контуру, сверху она значительно сужалась. Так, с внутренней стороны на высоте 2 м она отклонилась ст перпендикулярной линии к ее основанию на 35—45 см.

Разрез рва (рис. 13, 4) позволил установить, что его устраивали одновременно с крепостной стеной. При сооружении были прорезаны нижние культурные слои (рис. 13, 12, 23), и он ушел на 1,5 м в материк (рис. 13, 24). Поверху ров имел ширину 12—15 м, глубину 3—3,5 м. Водой он заполнялся максимально на 1,5 м. Поскольку его вырыли в рыхлых зольных слоях, то его берега легко разрушались и размывались водой. Кроме того, при осаде крепости эти слои можно было легко разрыть и обрушить стену. С целью предохранения берега рва (особенно примыкающего к крепостной стене цитадели), над которым возвышалась стена, нижняя ее часть и берег были укреплены пахсовым контрфорсом (рис. 13, 2) высотой и толщиной около 3 м. Нижняя часть контрфорса уходила на полметра в материк, а верхняя поднималась, по-видимому, на метр выше основания стены. Укрепление крепостной стены контрфорсом отмечено на городище Шаушукумтобе¹⁷.

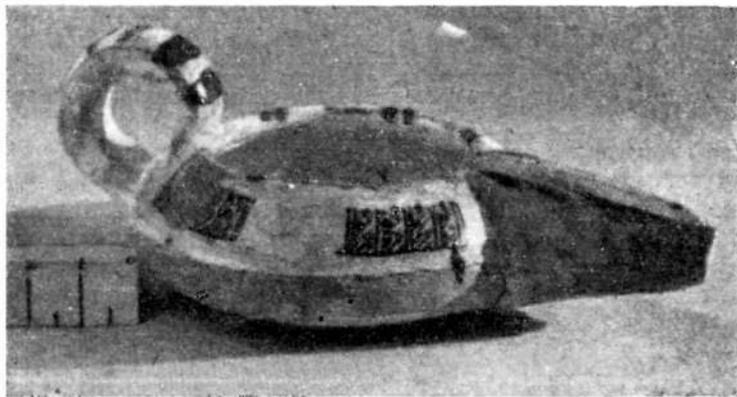
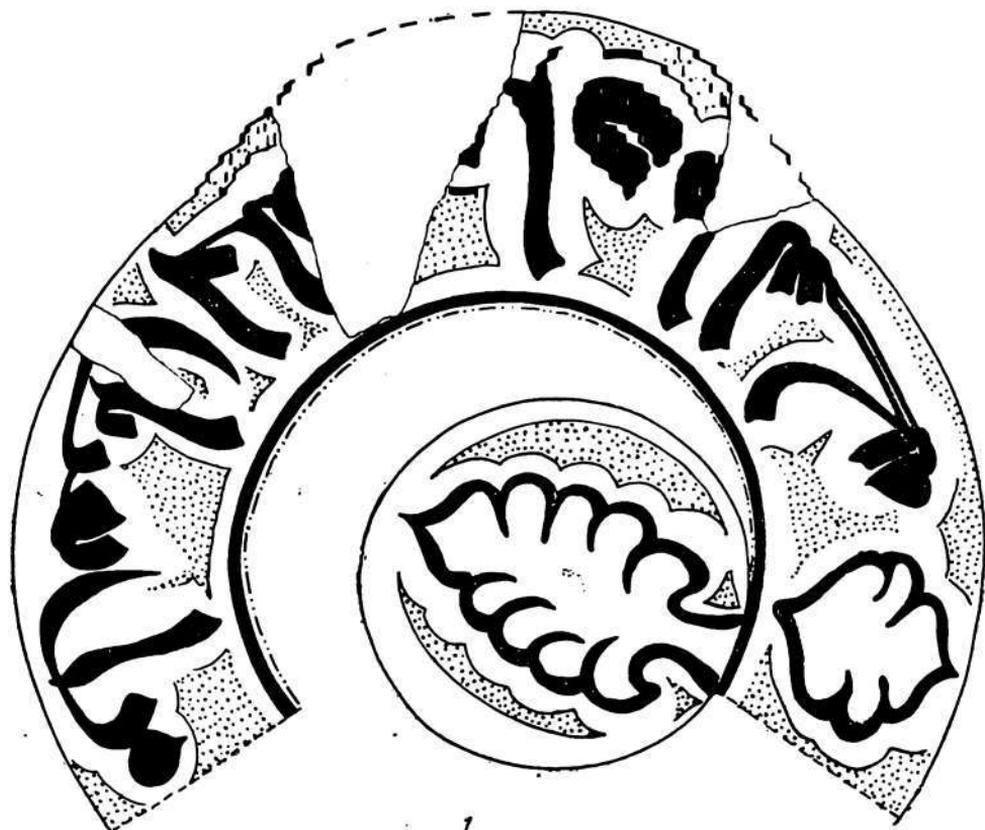
Ров заполнен оплывом, образовавшимся в результате разрушения берегов, т. е. нижних слоев городища, крепостной стены и вала (рис. 13, 6).

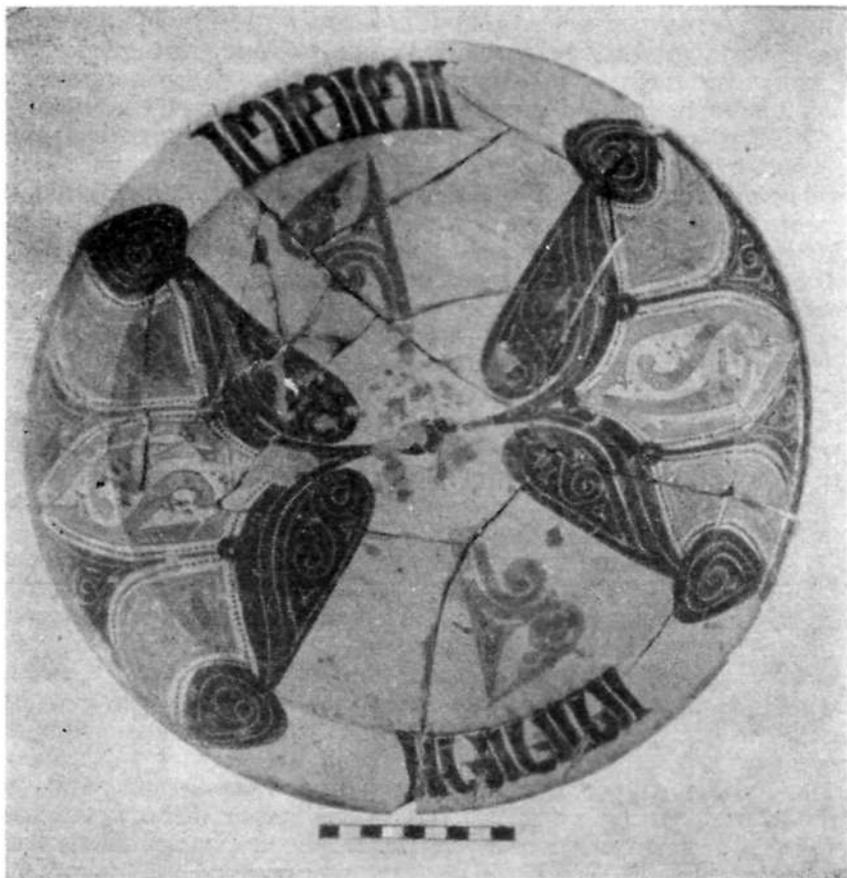
Заполнение рва не является стерильным слоем, так как в него оползали культурные остатки. В нем оказались разновременные материалы — от грубых неполивных керамических сосудов, характерных для ранних периодов жизни памятника, до изящных полихромных сосудов, относящихся к самому позднему периоду его существования.

С помощью раскопок вала установлено, что он состоял из пахсовых блоков и сохранился на высоту 1,5 м, толщина его у основания 1,5 м. Он возведен одновременно с крепостной стеной и рвом, причем отремонтирован (рис. 13, 9б) на самом позднем этапе жизни города.

В слое этого горизонта, особенно при расчистке, на уровне полов найдены многочисленные неполивные и поливные керамические сосуды: горшки, кувшины, тагары, хумы и крышки, большие блюда, чаши, пиалы и др. Большинство поливных сосудов с подглазурным орнаментом, выполненным коричневой и красной красками. Кроме того, обнаружены керамические пряслица, сфероконусы, железные пластины, кольца, штыри, наконечники стрел, стеклянные и камен-

¹⁷ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 2, стр. 84.

3

Рис. 16, 1 — поливная чаша; 2 — поливной чираг (белый); 3 — поливное блюдо.

ные бусы, медные монеты и другие предметы. Материал этого слоя сходен с материалом третьего культурного горизонта раскопа 1.

Ниже помещений (I—V) и забутовки под крепостной стеной имелся плотный слой с включением золы толщиной от 1,5 до 2 м (рис. 13, 16), образованный в результате разрушения строений. На этом уровне под крепостной стеной выявлены остатки стен двух смежных помещений (I, II). Северная стена (рис. 13, 21) помещения I толщиной 1,7 м сохранилась на высоту 1,5 м, а южная, по-видимому, была срезана при проведении рва.

Стены сложены из больших кусков сырцового кирпича желтого и серого цветов. По размерам можно предполагать, что кирпичи были прямоугольные, размером 46—50×23—30×9—10 см. В нескольких местах на стенах обнаружена глиняная штукатурка. В обоих помещениях на уровне основания стен прослеживается глиняная промазка пола (рис. 13, 22) толщиной 3—5 см. Кладка северной стены помещения I на высоте 1 м от пола имеет постепенный напуск внутрь, т. е. переходит на свод. Оба помещения перекрыты сводом, вероятно, параболического очертания, аналогичным своду помещений нижнего этажа замка.

В 3 м севернее помещения II находятся остатки одной стены и в 10,5 м — другой (рис. 13, 19, 18), сложенных из крупных кусков сырцового кирпича желтого и серого цветов. Толщина первой стены около 1,5 м. Назначение ее определить не удалось, возможно, ею укрепляли берег рва. Вторая стена толщиной около 6 м сохранилась на высоту более 3 м. С южной стороны к ее нижней части пристроен пахсовый контрфорс (рис. 13, 17) толщиной 1,5 м, который усиливал ее у основания.

Направление крепостной стены и так называемой обкладки рва, а также стен помещений I и II не совпадает с направлением стен описанного горизонта, что свидетельствует о различной планировке в эти периоды.

На участке рва слой (рис. 13, 10) данного периода не сохранился, он был выбран при сооружении рва в поздний (третий) период.

В раскопках этого горизонта найдены фрагменты исключительно неполивных керамических сосудов: кувшинов, чаш, хумов, крышек и др. Основная масса их сделана ручной лепкой. Из других предметов собраны каменные зернотерки, песты, точила. В слое выявлено значительное количество костей домашних животных. Материал этого слоя и из двухэтажного замка аналогичен.

Ниже основания стен помещений I и II находился зольный слой толщиной около 1 м. Он имел слоистую структуру с включениями золы, кусочков древесных углей и гипсовых вкраплений. Вдоль восточной стороны разреза, с уровня этого слоя, в материк уходило

несколько ям, заполненных и перекрытых зольным слоем. Их размер от 0,8 до 1,8 м и глубина от 0,7 до 1,2 м. Стенки одной тщательно зачищены, что придало ей вид полуземлянки, вторая была погребом, остальные — строительные. Кроме того, в этом слое обнаружены остатки глиняных стен.

Основными находками являются также фрагменты керамических сосудов: горшков, кувшинов, чаш, сделанных исключительно ручной лепкой. Выявлено несколько керамических пряслиц дисковидной формы и заготовок для них, собраны кости домашних животных. Данный слой соответствует самому нижнему слою на раскопе 1 в цитадели.

Итоги раскопок на разрезе 1 следующие: максимальная толщина культурного слоя 8,5 м, она делится на четыре горизонта, аналогичные горизонтам на раскопе 1.

К первому горизонту относится зольник, находящийся на материке. В нем обнаружены остатки глинобитных стен, полуземлянки, погребов, а также фрагменты керамических сосудов исключительно ручной лепки. Слой аналогичен нижнему слою раскопа 1.

Второй горизонт образует культурный слой с остатками крепостной стены и помещения I и II. Он соответствует остаткам двухэтажного замка на раскопе 1. Следовательно, в этот период был возведен двухэтажный замок, который затем с частью территории обнесли крепостной стеной и рвом.

После длительного запустения, наступившего в конце второго периода, приведшего к разрушению крепостной стены и помещений I и II второго горизонта, на их развалинах в третий период сооружается новая крепостная стена иной планировки, ров и вал. В цитадели у крепостной стены строят монументальное здание, состоящее из нескольких помещений, полы которых выстилают жженым кирпичом. Эти сооружения соответствуют дворцу на раскопе 1, возведенному на развалинах замка. Таким образом, в третий период дворец с частью примыкающей к нему территории обносится крепостной стеной, рвом и валом. В конце третьего периода жизнь на цитадели прерывается событиями, приведшими к значительным разрушениям и пожарам, о чем свидетельствуют обгоревшие балки перекрытия, лежащие на полу, и раздавленные под тяжестью обрушившейся кровли керамические сосуды и другие предметы.

Четвертый горизонт характеризуют остатки глинобитных стен, выкладка пола из жженого трапециевидного кирпича, ремонт крепостной стены и вала, а также зольный слой с углями на уровне пола, говорящий о новом разрушении и пожаре. Аналогичная картина наблюдается и в верхнем горизонте раскопа 1. В дальнейшем цитадель уже не обживалась.

2. Раскопки в шахристане

В шахристане осуществлены раскопки в шести пунктах: в трех шурфах (1, 2 и 3), одном раскопе (2) и двух разрезах крепостной стены (2 и 3).

Стратиграфические шурфы 1 и 2 заложены в северо-западной части шахристана, один в 25 и другой в 50 м от северо-западного угла цитадели. Толщина культурного слоя в шурфе 1 составила 7 м, в шурфе 2—6,5 м. Хотя толщина слоя различна, однако картина напластования их одинакова, идентичен и материал.

В обоих шурфах культурная толща делится на четыре горизонта, соответствующие горизонтам в раскопах цитадели. Материал из горизонтов аналогичен материалу из соответствующих слоев раскопов в цитадели.

Это позволило сделать вывод, что данная часть шахристана обжигалась, как и цитадель, в течение всех периодов жизни городища. Выявленные в различных горизонтах остатки строений свидетельствуют о густой застройке этой территории жилыми помещениями.

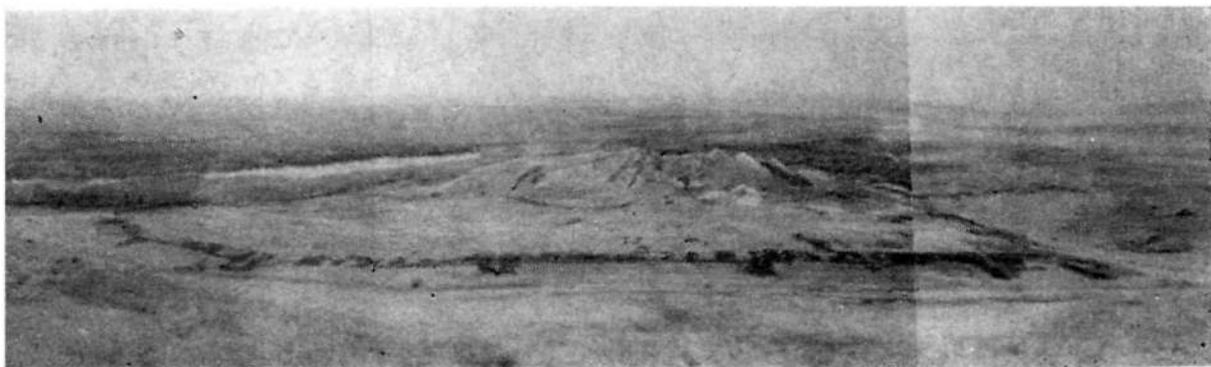
Аналогична стратиграфия и разрезов крепостной стены шахристана. По внешнему северо-западному контуру шахристана проходила крепостная стена, остатки которой сохранились в виде сильно оплывшего вала. На юго-западе она начиналась от протока, находящегося на южной стороне городища, поворачивала сначала на север, потом на восток и, дугообразно охватывая шахристан с северо-западной стороны, подходила к озеру. Стена четко прослеживалась на протяжении 157 м. На этом участке на ней насчитывалось шесть башен, расположенных в 20—23 м одна от другой.

Для установления времени возведения стены, выяснения ее конструкции и стратиграфии шахристана в этой части сделали два разреза (2 и 3). Длина их около 16 м, ширина от 1 до 4 м. Они охватывали крепостную стену с башней, а также пространство, примыкающее с двух сторон к стене.

В результате раскопок выяснилось, что крепостная стена, а также стратиграфия слоев в разрезах одинакова. Поэтому мы ограничимся описанием только одного разреза 2.

В разрезе (рис. 18, 1) на участке, примыкающем к внутренней стороне крепостной стены, обнаружены остатки двух стен (рис. 18, 6, 7) из сырцового кирпича, параллельных крепостной стене и отстоящих от нее на 1,5 и 4,5 м.

На уровне основания ближайшей стены была выкладка пола из одного ряда сырцового кирпича (рис. 18, 9). В слое от дневной поверхности до уровня пола встречены фрагменты неполивных и поливных

Рис. 17. Вид на городище с северо-запада. На переднем плане крепостная стена шахристана.

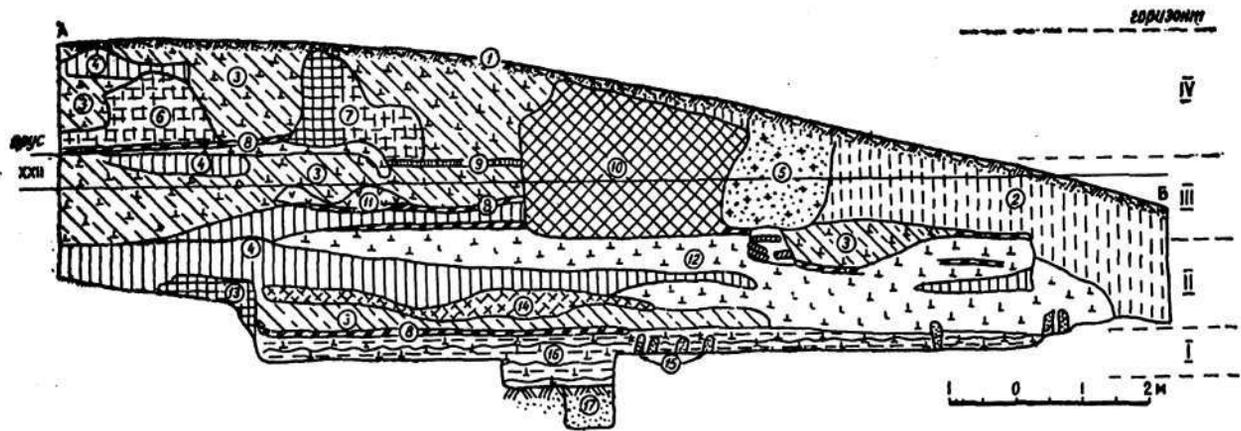

Рис. 18. Шахристан. Разрез крепостной стены: 1 — дерновый слой; 2 — оплыв; 3 — рыхлый комковатый слой с включением золы; 4 — светлый плотный слой; 5 — могильная яма; 6 — разрушенная кладка стены; 7 — стена из сырцового кирпича; 8 — глиняная обмазка пола; 9 — вымостка пола из сырцового кирпича; 10 — пахсовая стена; 11 — глина с прокаленными пятнами; 12 — плотные чередующиеся прослойки с включением золы; 13 — стена из сырцового кирпича; 14 — слой глины; 15 — норки, заполненные песком; 16 — чередующиеся прослойки с включением золы; 17 — материк (песок).

керамических сосудов, аналогичных сосудам из верхнего слоя цитадели и 1 и 2 шурфов шахристана. Ниже пола шел рыхлый зольный слой (рис. 18, 3) толщиной 60 см, доходивший до основания крепостной стены (рис. 18, 10). Здесь выявлены две глиняные уплотненные прослойки (рис. 18, 8), являвшиеся длительное время обжитыми поверхностями шахристана. Остатков каких-либо строений не обнаружено. Среди поливных и неполивных керамических сосудов были чаши с выделенным плоским поддоном и подглазурным орнаментом в виде розеток и эпитафических знаков. Все они сделаны на гончарном круге.

Особый интерес представляет находка в крепостной стене поливного чирага и нескольких фрагментов чаш, покрытых белой поливой с подглазурным орнаментом, нанесенным черной краской.

Крепостная стена состояла из пахсовых блоков высотой 75—85 см и сохранилась на 2,25 м. Башни в плане имели трапециевидную форму. Большой стороной (основанием) они примыкали к стене, размеры их от 4 до 5 м. Соответственно неодинаковы и их противоположные стороны — приблизительно около 4 м. Башни выступают за внешний контур стены на 3—3,5 м. Слабая сохранность стены и башен (фактически осталась лишь самая нижняя часть) затрудняет поиски аналогий.

Напомним, что более ранняя крепостная стена (второй горизонт), прослеженная в цитадели на разрезе 1, сложена из сырцового кирпича, т. е. к этому времени произошла замена кирпичной кладки пахсовой. Иная картина в Хорезме, как отмечал А. И. Тереножкин¹⁸: там в V—VIII вв. из сырцового кирпича возводили только стены жилых помещений, а крепостные стены — только из пахсы. Исследуемый объект в смене кирпичной кладки пахсовой в крепостных стенах имеет сходство с памятниками, расположенными по Зеравшану¹⁹, а также в Ташкентском оазисе.

Прямоугольные башни по сравнению с круглыми принято считать более ранними. Однако в описываемом нами городище прямоугольной формы башни следует отнести ко второй половине IX в., тогда как овальные на поселении Актобе 2, находящемся в том же районе, датируются I — нач. IV в. н. э.²⁰ Аналогичное явление наблюдается и в памятниках низовьев Сыр-Дарьи. Так, башни овальной формы отмечены на городище Бабиш-Мулла 1, относящемся ко II—IV вв. до н. э.²¹

¹⁸ А. И. Тереножкин. Жилые постройки XI—XII вв. н. э. в Кара-Калпакской АССР. «Известия УзФАН СССР», 1940, № 5, стр. 70.

¹⁹ Ю. А. Якубовский. Археологическая разведка в Зеравшанскую долину. «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II, 1940, стр. 113 и сл.

²⁰ А. Г. Максимова, М. С. Мерцеев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 16, рис. 6, Б.

²¹ С. П. Голстов. По древним дельтам Окса и Яксарга. М., 1962, стр. 158.

Ниже основания крепостной стены выявлены остатки стены помещения из сырцового кирпича. На уровне ее основания прослеживается прослойка пола. Культурная толща от основания крепостной стены до уровня пола представляет собой плотный слой, образовавшийся в результате разрушения и оплыва строений. Здесь происходило то же, что и в цитадели между вторым и третьим периодами жизни городища.

В этом слое обнаружены фрагменты глиняных сосудов, сделанных в основном ручной лепкой, каменная зернотерка и др. Инвентарь аналогичен материалу слоев второго горизонта. Ниже пола имелся зольный слой (рис. 18, 16) толщиной 50 см с фрагментами глиняных сосудов ручной лепки. По структуре и материалу данный слой подобен нижнему горизонту цитадели. Ниже зольника находился материк (рис. 18, 17).

Раскопками этой части шахристана установлено, что он обживался в течение всей жизни городища. Крепостная стена была сооружена в третий период, а в четвертый возле нее возвели строения.

Шурф 3 заложили в юго-восточной части шахристана, в 50 м восточнее цитадели. Здесь вскрыты остатки фундамента здания, сложенного из жженого кирпича, значительно разрушенного временем и поздними могилами. Собранный материал аналогичен находкам из верхнего слоя раскопов в цитадели и западной части шахристана.

Несколько южнее шурфа 3 сделан раскоп 2 размером 7×15 м. В нем обнаружены остатки стен и суф двух помещений (I и II). Стены их сложены из сырцового кирпича и сохранились на высоту до 1 м. Размер первого помещения — 6×8 м. В южной стене оно имеет два дверных проема: один в западной части стены шириной 93 см, второй в восточной шириной 1,2 м. Последний вход вел в помещение II. Вдоль восточной стены устроена суфа (рис. 19, 3), длина ее 3,7 м, ширина 90 см и высота 58 см. Она выложена сырцовым кирпичом, а сверху обмазана глиной. От южной стены, несколько ближе к восточной, в середину комнаты выдается еще одна суфа длиной 3 м. Ширина ее 2,1—2,3 м, высота 50 см. Сооружение суф широко известно в строительной практике Средней Азии и Казахстана с древнейших времен до настоящего времени. Так, завышенные над полом площадки в землянках эпохи бронзы отмечены на поселении Тасты-Бутак²². Очевидно, они предназначались для отдыха и являлись прототипами суф.

В западной части помещения I сохранились остатки печи (рис. 18, 5), сложенной из сырцового кирпича. Печь в плане круглая (внешний диаметр 1,25 м, внутренний 67 см), возвышается над полом на 50 см. В нижней части ее, у пола, имеются два отверстия диаметром 13 см,

²² В. С. Сорокин. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак в 1960 г. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 227, стр. 3.

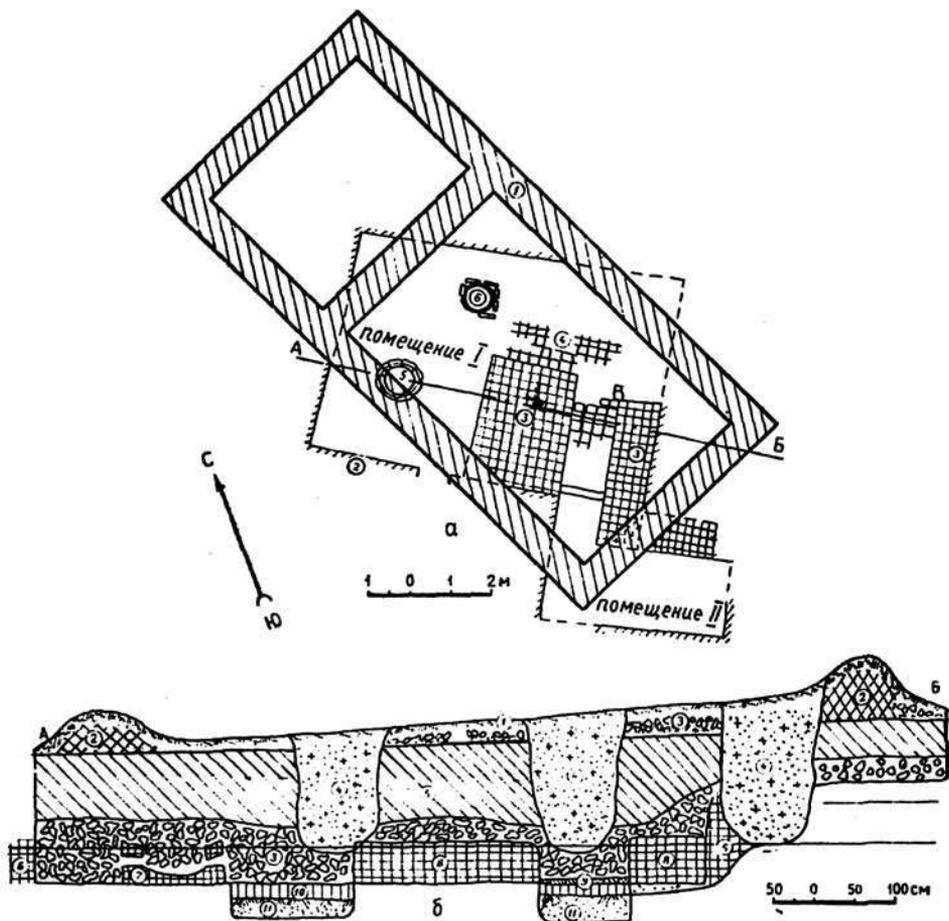

Рис. 19. Шахристан. План и разрез раскопа по линии А—Б: а) 1 — пахсовые стены; 2 — стены из сырцового кирпича; 3 — суфа из сырцового кирпича; 4 — вымостка пола жженым кирпичом; 5 — печь; 6 — жернов. б) 1 — дерновый слой; 2 — пахсовая стена; 3 — рыхлый завал из мелких комьев; 4 — могильная яма; 5 — рыхлый светлый слой; 6 — стена из сырцового кирпича; 7 — печь; 8 — суфа из сырцового кирпича; 9 — вымостка пола жженым кирпичом; 10 — светлый плотный слой; 11 — материк (песок).

по которым поступал воздух. Печь служила для обогрева помещения и варки пищи. Пол выложен жженым кирпичом размером $23 \times 23 \times 4,5$ см.

В северо-западной части помещения на уровне пола обнаружен каменный жернов от ручной мельницы диаметром 67 см и толщиной 12 см. Он установлен над специально сделанной в полу ямой, облицованной жженым кирпичом размером $29 \times 29 \times 5$ и $29 \times 15 \times 5$ см.

Жернов был нижним диском мельницы. В центре его имелось отверстие диаметром 8 см, в котором крепился, по-видимому, металлический стержень, служивший осью верхнему диску.

Стены и суфы помещения сильно обожжены. На суфе у восточной стены найдены остатки полусгоревшего чия. На полу лежали обгоревшие балки перекрытия, причем круглые диаметром 15—17 см и прямоугольные в сечении со сторонами 17×27 см.

Помещение II в плане прямоугольное, размером $4,5 \times 3$ м. Вдоль его северной стены сделана суфа, совершенно такая же, как и восточная суфа в помещении I (ширина ее 90 см, высота 58 см). В северо-восточном углу кирпичная кладка не сохранилась, возможно, в этом месте был дверной проем или стена, разрушенная поздними могилами. Стены и суфа помещения так же, как и в помещении I, в результате пожара сильно обожжены, на полу обнаружены обуглившиеся балки перекрытия.

При расчистке помещений I и II на полу и суфах найдены керамический дастархан, котлы, сосуд от чигиря, поливные блюда и чаши, железные наконечники стрел, бронзовая складная ложка с вилкой (рис. 20) и др. Материалы аналогичны материалу верхнего слоя цитадели и других раскопов городища. Таким образом, можно считать, что данный участок шахристана обживался в самый поздний период жизни памятника.

Раскопки на территории, прилегающей к городищу

На этой территории заложено семь небольших разведывательных шурфов (4—10). Два из них (4 и 5) вырыты на канале, подходившем с юго-востока к городищу²³.

²³ Канал шел с юго-востока на северо-запад. Не доходя 100 м до южного вала цитадели, он поворачивал на запад и проходил почти параллельно городищу. Достигнув границы западного фаса цитадели, он резко поворачивал на север и, вероятно, по дамбе подходил к ее южному фасу. Здесь канал делился на два ответвления и шел в северо-западном и восточном направлениях. Северо-западный рукав входил в шахристан, а восточный, идя на восток параллельно крепостному валу, подходил ко рву.

1

2

3

4

Рис. 20. Шахристан. Раскоп 2. Бронзовая складная вилка с ложкой: 1 — внешний вид; 2 — надпись на нижней стороне ложки; 3 — надпись на нижней стороне ручки; 4 — надпись на верхней стороне ручки.

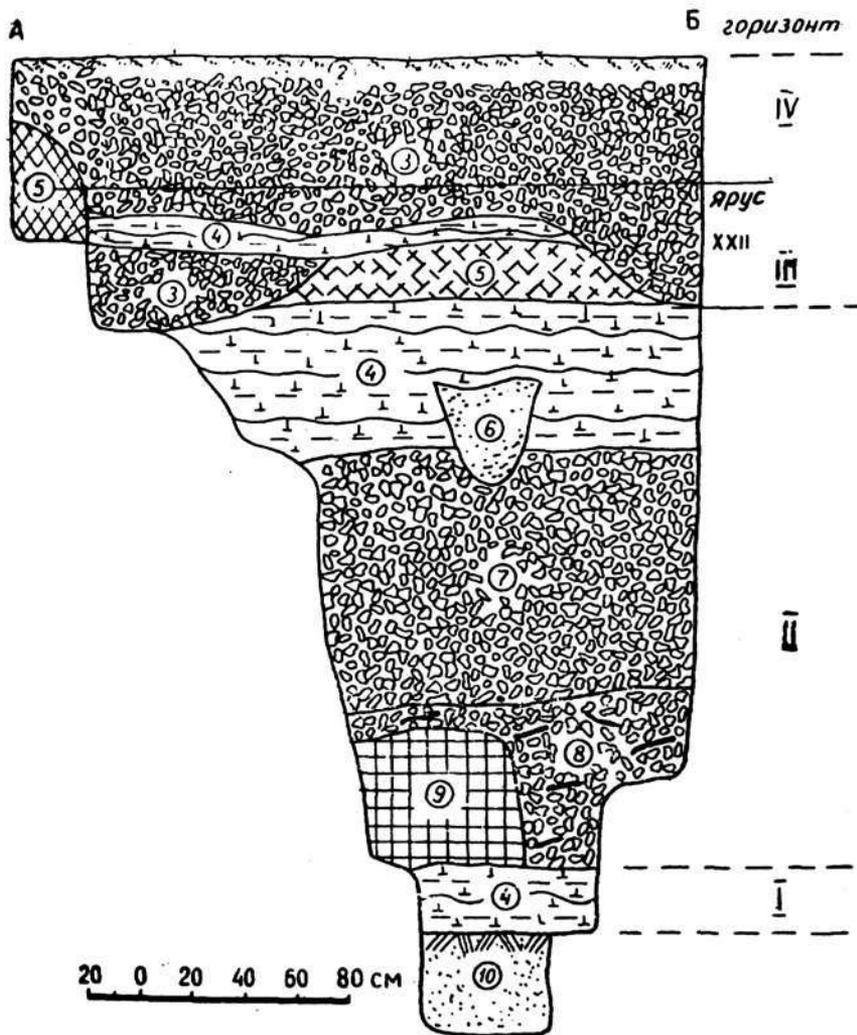

Рис. 21. Шурф 7. Разрез по линии А—Б: 1—несок; 2—дерновый слой; 3—завал из мелких комьев; 4—прослойка с включением золы; 5—глиняная стена; 6—яма, заполненная песком; 7—рыхлый завал из мелких комьев; 8—рыхлый завал с включением золы; 9—стена из сырцового кирпича; 10—материк.

Шурф 4 расположен к югу от цитадели за крепостным валом размером 4,5×0,7 м. В северной части, ниже верхнего рыхлого слоя оплыва, он прорезал русло канала, заполненное наносным песком с включениями намывных прослоек глины. Ширина канала в верхней части около 2 м, глубина 60—80 см. Далее шел темный слой болотной глины. Дно канала находилось на 1 м выше уровня дна, устроенного позднее рва, окружавшего цитадель.

Шурф 5 заложили на том же канале, но на 50 м южнее шурфа 4; он показал аналогичную картину.

Раскопками удалось установить, что в третий и четвертый периоды жизни Актобе 1 вода по каналу поступала в город и заполняла крепостной ров.

Культурный слой встречен еще в шурфе 7, заложенном в 20 м на запад от стены шахристана, у начала бархана. Стратиграфия его аналогична стратиграфии цитадели и шахристана, но мощность слоев значительно меньше — лишь 3,5 м.

Это объясняется тем, что данная территория обживалась менее интенсивно, строения здесь мелкие, поэтому, естественно, и слой менее значительный. Установлено также, что северо-западная граница городища проходила намного дальше видимой ныне, т. е. какую-то его часть засыпал бархан.

В заключение можно констатировать, что территория цитадели и северо-западная часть шахристана обживались в течение всей жизни городища. На нем зафиксировано четыре строительных горизонта, дважды жизнь здесь замирала. Это видно по слою между вторым и третьим горизонтами (первый раз), прослеженному на всей площади городища, и между третьим и четвертым горизонтами (второй раз), отмеченными только в цитадели.

Судя по топографии и стратиграфии, выявленным остаткам строений и находкам, в первый период существования исследуемый памятник представлял собой неукрепленное поселение, во второй — укрепленное поселение с замком, обнесенным крепостной стеной и рвом, в третий — крепость-город с дворцом в цитадели, окруженной крепостной стеной, рвом и валом. Кроме того, в последний период территория, прилегающая к цитадели с северо-запада, также была огорожена крепостной стеной.

В четвертый период ближайшая территория густо застраивается жилыми и производственными строениями и крепость перерастает в небольшой город (город-крепость).

3. Материальная культура городища и этапы ее развития

Первый (нижний) культурный горизонт

Культурные остатки нижнего слоя встречены в раскопах, произведенных на площади около 1,5 га²⁴.

Толщина культурного слоя в раскопах на городище

Местонахождение раскопа	Раскоп	Горизонты				Общая толщина культурного слоя
		I	II	III	IV	
Цитадель	Раскоп 1	0,90	10,20	1,80	1,10	14,00
	Разрез 1	1,00	1,50	3,25	2,75	8,50
Шахристан	Шурф 1	1,20	1,60	2,60	1,60	7,00
	Шурф 2	1,15	1,50	2,50	1,45	6,50
	Шурф 3	—	—	—	1,50	1,50
	Раскоп 2	—	—	—	2,20	2,20
	Разрез 2	0,75	1,45	1,00	1,60	4,80
	Разрез 3	0,75	1,60	0,75	1,50	4,60
Территория, прилегающая к городищу	Шурф 7	0,25	0,70	1,60	1,00	3,55

Больше всего в слое нижнего горизонта оказалось фрагментов (около 300, в основном мелких обломков) глиняной посуды. Все они от сосудов ручной лепки.

По фрагментам удалось восстановить типы сосудов — это горшки, горшкообразные кувшины, чаши и хумы. По назначению их можно разделить на три группы: столовые, служившие для принятия и хранения пищи, кухонные — для варки и хозяйственные — для хранения запасов зерна, воды и т. п.

²⁴ Они выявлены в раскопах цитадели (раскоп 1, разрез 1), в северо-западной части шахристана (шурф 1,2 и разрезы 2, 3) и на территории, прилегающей с северо-запада к шахристану (шурф 7). Культурный слой того или иного горизонта и мощность его показаны в таблице.

У столовых и хозяйственных сосудов тесто хорошего качества, без специальных примесей, у большинства черепок красного цвета различного оттенка.

Внешняя поверхность сосудов в основном покрыта беловатым ангобом. На верхней части тулова, изредка и на горловине некоторых столовых горшков и кувшинов, имеется орнамент из одной или нескольких параллельных прямых или волнистых опоясывающих линий, а иногда вмятин или отдельных знаков (рис. 22, 1, 3, 4, 6А). Орнамент наносился острой палочкой по сырой глине. Кроме того, на верхней части тулова встречены еще пятна с потеками черного или коричневого ангоба.

Самым многочисленным типом сосудов в группе столовых являются горшки (рис. 22, 1, 2). Они имеют округлое тулово, плоское дно, горловину диаметром 12—17 см, заканчивающуюся овальным или клювообразным в сечении венчиком, отогнутым наружу.

К этой же группе относятся горшкообразные кувшины. От горшков они отличаются в основном выделенной горловиной диаметром 8—10 см (рис. 22, 3). У некоторых в верхней части тулова расположены одна или две петлеобразные, овальные в сечении ручки.

На одном из кувшинов (рис. 22, 4) по горловине ниже ручки проходит пояс из углубленных ямочек, а на верхней части ручки прочерчен крест.

В группу столовых сосудов входят и чаши, причем из собранных 300 фрагментов лишь 3—4 можно отнести к чашам (рис. 22, 5, 6).

Чаши имели полусферическую форму, плоское дно. Стенки у двух из них сравнительно круто отходят от донца и заканчиваются прямой закраиной, а у третьей, не доходя до венчика, резко изгибаются внутрь и переходят в утонченный венчик. Одна чаша тонкостенная, диаметр у венчика 15 см. Черепок в изломе желтовато-красного цвета, глина хорошего качества и обжига. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты розоватым ангобом, заметны следы слабого лощения. Эта чаша находит аналогии не только в памятниках Ташкентского оазиса, но и более отдаленных районов. Так, по форме, материалу, покрытию ангобом и наличию лощения она подобна чашам древнего городища в Китабе²⁵. Возможно, наша чаша привозная.

Сосуды этой группы по технике изготовления, форме, приемам и мотивам орнаментации ближайшее сходство находят в материалах

---

²⁵ С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 49, рис. 4, 1, 3, 9, 10, 17.

I—V вв. из Минг-Урюка²⁶, Чаш-тепе²⁷, поселения Актобе 2²⁸, городища Шаушукумтобе²⁹ и др.

Вторую группу составляют кухонные горшки и кувшины (рис. 22, 7, 8). По форме тулова они похожи на столовые, но венчик у них утолщен, ручки не овальные, а круглые в сечении. Черепок в изломе серого или темно-серого цвета, для огнеупорности в глину подмешан кварц или шамот. На внешней стороне одного из сосудов заметны следы лощения. На верхней части ручки другого (рис. 22, 7), в месте крепления ее к венчику, имеются три круглых углубления, сделанных пальцем в еще сырой глине. Внутри проступали линии в виде завитков, имитирующих рога барана.

Форма кухонных сосудов в течение длительного времени почти не изменялась, что затрудняет их датировку. Однако наличие на некоторых из них налепов, завитков, углублений и других элементов облегчило поиски аналогий среди датированных комплексов. Горшки с углублением в верхней части ручек имеют сходство с сосудами из тех же памятников, материалы с которых близки всей керамике этого горизонта³⁰. В вопросе о назначении вдавлений в виде кружков и прорезанных крестов мы согласны с Г. В. Григорьевым, считавшим их схематическим изображением барана, которое выполняло роль оберега³¹. Этот образ прошел длительный путь развития — от изображения фигурки барана с помощью полусхематических, символических знаков в виде рогов, «S»-образного завитка, креста до простого углубления, сделанного камышиной или путем вдавливания пальца.

Третью группу глиняных сосудов образуют хумы (рис. 22, 9, 10). Целых или археологически целых сосудов не обнаружено, но наличие частей от венчиков, доньев и стенок позволяет воспроизвести их форму и размеры.

Они имели округлое тулово, устье диаметром 24—26 см, отогнутый на внешнюю сторону венчик, плоское дно диаметром 21—25 см,

---

²⁶ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», вып. LXXXI. Ташкент, 1956, стр. 127; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильбер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк, стр. 134 и сл., рис. 3, 4.

²⁷ Н. И. Крашенинников. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. «Труды Ташкентского гос. ин-та», вып. 172. Ташкент, 1960, стр. 156, рис. 5, 14—21.

²⁸ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 60 и сл.

²⁹ Там же, гл. 2, стр. 96 и 99.

³⁰ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 75, табл. XIV, 101; А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе, стр. 116, рис. 18; А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 38.

³¹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 53—55.

сделанное на песчаной подсышке. Высота хумов около или более 1 м. Внешняя поверхность зачастую покрыта светлым ангобом.

Из керамических предметов встречены пряслица (рис. 22, 11), представляющие собой кружки диаметром 4 см, а также заготовки пряслиц, выточенные из фрагментов глиняных сосудов.

Из камня сделаны небольшого размера ладьевидной формы зернотерки (рис. 22, 12), точила и песты.

Ряд черепков имел небольшие отверстия, в которые, вероятно, при ремонте вставляли скобы или продевали веревочку.

На верхнюю часть тулова, а иногда около венчика многих горшков, кувшинов и хумов (рис. 22, 10) нанесены коричневым или черным ангобом пятна, от которых вниз по тулову спускаются потеки. Пятна и полосы ангоба, по мнению Е. М. Пещеревой, также играли роль оберегов³². Обычай нанесения пятен на сосуды особенно широко распространен в памятниках каунчинской культуры первой половины первого тысячелетия нашей эры.

Материалы нижнего слоя исследуемого памятника ближайšie аналогии находят в памятниках Ангрено-Чирчикско-Келесского бассейна, т. е. в памятниках каунчинской культуры, и главным образом, ее позднего этапа развития.

Керамика — основной датирующий материал этого горизонта — по технике изготовления, форме, мотивам и приемам нанесения орнамента встречает значительные аналогии прежде всего в посуде с близ расположенных памятников — поселения Актобе 2 (I—IV вв. н. э.) и городища Шаушукумтобе. Однако в нашем памятнике отсутствуют такие формы, характерные для поселения Актобе 2, как кружки с ручками в виде фигуры животного (барана), но вместо них имеются сосуды с символическим изображением этой фигурки в виде «S»-образных знаков, косых крестов или круглых вдавлений.

Все это говорит о преемственности культуры, т. е. что материальная культура нижнего слоя Актобе 1 является дальнейшим этапом развития культуры поселения Актобе 2. Поэтому нижний слой нашего памятника следует отнести к последующему периоду — к IV—V вв. н. э. Подобный материал выявлен и в более отдаленных памятниках, не находящихся в Ташкентском оазисе и относящихся к каунчинской культуре. В частности, обнаруживаются аналогии в материалах III—V вв. городищ Минг-Урюк³³, Чаш-тепе³⁴, Юган-тепе и других.

³² Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». М.—Л., 1949, стр. 80.

³³ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк, стр. 127; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильбер. Археологические наблюдения в 1957 г., стр. 129, 134, 135, рис. 3, 4.

³⁴ Н. И. Крашенинникова. Указ. раб., стр. 158.

Это подтверждает датировку нижнего горизонта нашего памятника (IV—V вв. н. э.), а также то, что культура нижнего слоя местная и своими истоками уходит в более ранние периоды культуры Каунчи — Каунчи II и I.

Второй культурный горизонт

Слой второго периода зафиксирован в тех же раскопах, что и первого. Структура его везде одинакова, но отлична от предшествующего.

Находки в нем, кроме найденных в замке фигурки идола из ракушечника и глиняной печати, такие же, как и в нижнем слое. Основную часть их составляет глиняная посуда. Количественно ее больше, чем в слое первого периода. Появились новые формы сосудов и увеличилось число посуды, сделанной на гончарном круге. Она составила около 10% всей керамики. Однако сходство посуды обоих слоев весьма значительно и не вызывает сомнения в преемственности и генетической связи культуры двух периодов.

По назначению сосуды данного слоя подразделяются на те же три группы: столовые, кухонные и хозяйственные. К первой группе относятся горшки, горшкообразные кувшины, кувшины, кумганы, чаши, ко второй — горшки для варки пищи, а также керамические крышки и подставки. Третью группу образуют хумы и хумчи.

Столовые горшки и горшкообразные кувшины (рис. 22, 13—17) по технике изготовления, форме, качеству материала и обжига подобны сосудам из предшествующего слоя. Среди кувшинов имеется несколько экземпляров с цилиндрической горловиной, рифленой с внешней поверхности, сделанных на гончарном круге. Появление их обусловлено изготовлением части сосудов на круге. Кувшины аналогичной формы известны в материалах городища Шаушукумтобе³⁵, Джеты-Асара³⁶.

Новым типом посуды среди столовой является сосуд, похожий на кумган (рис. 22, 18). Он имеет округлое тулово, над которым в виде раструба располагается горловина, закрывающаяся наглухо небольшой чашечкой. В верхней части тулова находится носик, отходящий вверх под тупым углом, а с противоположной стороны — ручка. Горловина и тулово ниже носика опоясаны зигзагообразными линиями, прочерченными по сырой глине. Назначение чашечки не вполне ясно.

---

³⁵ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, А. М. Левина. Указ. раб., гл. 2, стр. 108, 113.

³⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 12.

Такого типа сосуды, но без чашечки, по мнению Г. В. Григорьева³⁷, служили для переноса воды. Аналогичная по форме посуда (правда, горловина не закрывалась), имеется в Каунчи-тепе³⁸, на поселении Актобе 2³⁹, в могильнике близ станции Вревская⁴⁰ и др., т. е. в материалах с весьма широким хронологическим диапазоном — от рубежа нашей эры до VIII в.

Собрано много чаш (рис. 22, 19, 20). Они полусферической формы, сравнительно небольших размеров, с плоским донцем; диаметр венчика 17—22 см, донца 10—12 см, высота сосуда 6—8 см. Стенки от донца отходят под различным углом и заканчиваются венчиками самой разнообразной формы. У одних он образован как бы косым срезом на внешнюю или внутреннюю стороны, у других горизонтальным, т. е. плавным или резким утончением стенки у венчика. Одни чаши толстостенные, грубой ручной лепки и сделаны ленточной техникой, другие довольно изящные и покрыты розоватым ангобом, но изготовлены таким же способом. Большинство их по форме и технике изготовления находят аналогии в тех же памятниках, что и описанный кумган.

Кроме того, найдена чаша (часть донца с ножкой) полусферической формы из трех ножек.

Хумы (рис. 22, 31, 32) и хумчи в отличие от хумов из нижнего горизонта с широким устьем, отогнутым на внешнюю сторону овальным в сечении венчиком имеют несколько выделенную горловину с венчиком четырехугольной или трапециевидной формы и едва заметным желобком на наружной стороне.

На верхней части тулова нескольких хумов обнаружены пятна коричневого или черного ангоба. На один из них, кроме того, нанесены парные наклонные параллельные линии, прочерченные по сырой глине.

Хумчи размером меньше хумов.

Кухонные горшки из этого слоя (рис. 22, 23, 24) по технике изготовления, материалу и форме не отличаются от горшков предшествующего периода. Здесь найдено еще два горшка, верхняя часть тулова

³⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 52.

³⁸ Там же, стр. 70, табл. IX, 69.

³⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 52 и 56.

⁴⁰ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1951, стр. 51, рис. 4, 3; Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 225, рис. 1, 1, 2, 5, 6.

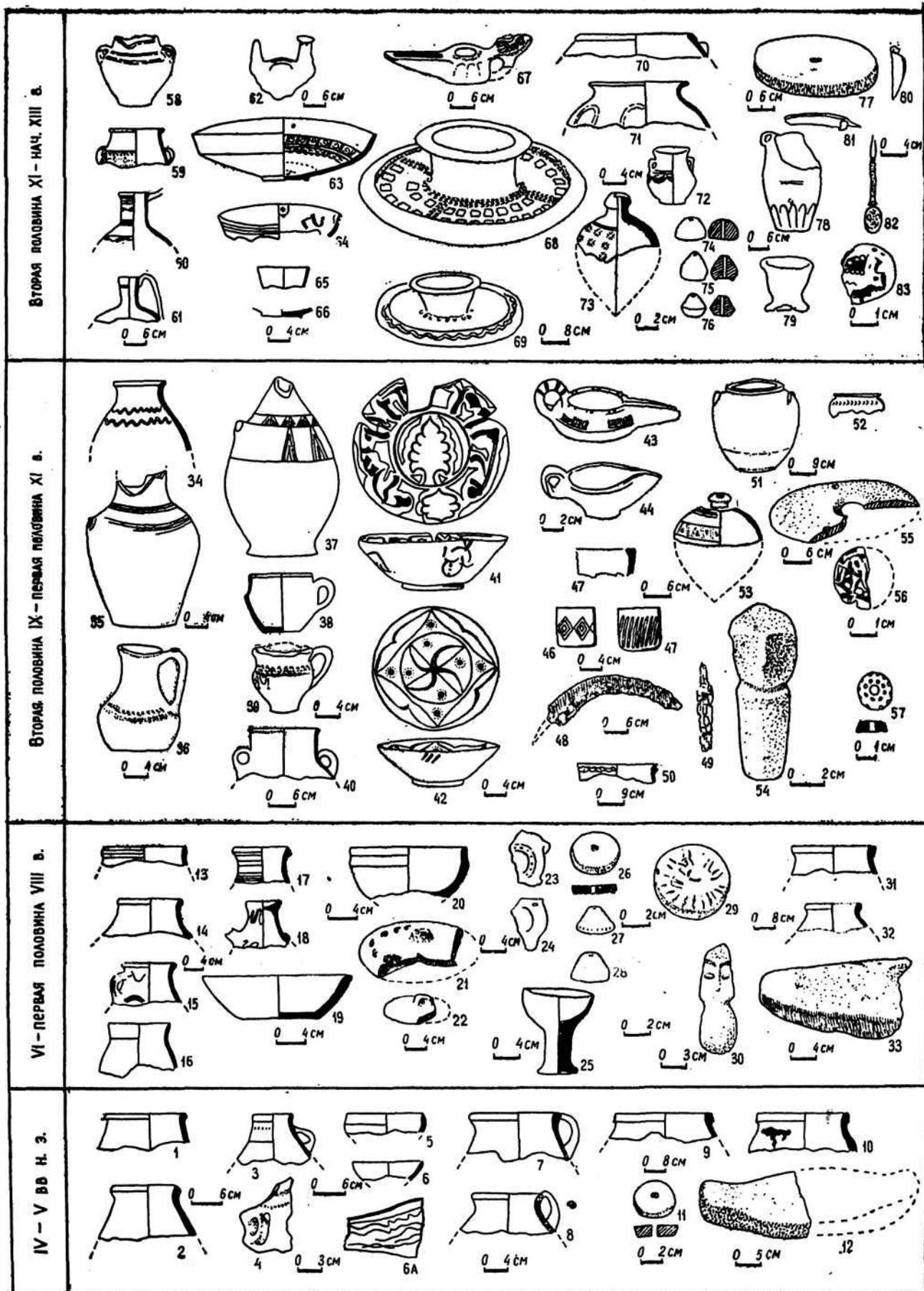

Рис. 22. Классификационная таблица.

которых орнаментирована налепным жгутиком с защипами. Подобных им среди сосудов нижнего горизонта нет.

К этой же группе могут быть отнесены керамические крышки (рис. 22, 21, 22). Они прямоугольной и круглой формы, сделаны от руки, черепок серого и черного цвета, в глину подмешан кварц или шамот. Верхняя сторона их тщательно затерта или покрыта тонким слоем отмученной глины.

Круглые крышки диаметром 10—12 и 20—30 см. На верху малых в центре находится вертикальная, усеченноконической формы, ручка высотой 2,5—4 см, иногда с вмятинами с двух сторон. Они сделаны пальцами по сырой глине, для того чтобы удобнее было держать. На больших крышках ручка горизонтальная, скобообразной формы, несколько смещена от центра к краю. На верхней стороне двух крышек, в 1,5 см от края концентрически располагаются вмятины от вдавления пальцев по сырой глине.

К этой группе следует причислить и керамические подставки под горшки и котлы. Они имеют форму головы быка. Такие подставки известны на ряде памятников Ташкентского оазиса⁴¹.

Из других керамических предметов надо отметить диск диаметром 10 см и толщиной 1,5 см, который мог быть оттяжкой ткацкого станка или грузилом; керамические пряслица (рис. 22, 26—28) и заготовки пряслиц, курильницу с полусферическим резервуаром на цилиндрической ножке высотой 7 см (рис. 22, 25).

Интерес представляет и дискообразная глиняная печать (рис. 22, 29) диаметром 4,5 см и толщиной 1,5 см. На боковых сторонах сделано сквозное отверстие для шнурка. До обжига на верхней слегка выпуклой стороне по краю были проведены радиальные лучи, а в центре нанесено нечеткое изображение, напоминающее эпиграфические знаки.

Ближайшие аналогии ее встречаются на городище Каунчи-тепе, причем одна из них по форме, размеру и изображению радиальных лучей подобна нашей⁴². Некоторое сходство имеется и с печатями из Актобе 2⁴³.

Интересна находка мужской фигурки из плотного ракушечника (рис. 22, 30), являющейся культовой камерной скульптурой. Высота ее 12,5 см, ширина 4—5 см.

⁴¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 23, рис. 27, 28; его же. Келесская степь..., стр. 72, 85, 86; Н. И. Крашенинников а. Указ. раб., стр. 152, рис. 3; А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 62; гл. 2, стр. 88, 99—100, 112.

⁴² Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции..., стр. 33, рис. 58, 58б.

⁴³ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 68.

Голова фигуры не пропорциональна торсу. Нос, глаза и брови рельефно выступают на сравнительно плоском лице. Руки, по-видимому, были согнуты в локтях и прижаты к груди, возможно, в них находился какой-то предмет. Скульптура плохо сохранилась. Она имеет общее с алебастровыми идолами из сарматских погребений⁴⁴, с поселения Актобе 2⁴⁵ и могильника Ворух⁴⁶; внешне напоминает и каменные изваяния Казахстана.

Из костяных предметов, обнаруженных в этом слое, следует отметить астрагалы со срезанными сторонами и просверленными отверстиями. Причем стороны срезаны так же, как еще недавно обрабатывали астрагалы, предназначенные для игры. Сходные с нашими астрагалы встречаются не только в синхронных, но и в более ранних памятниках этого оазиса и других районов, в частности на городище Каунчи-тепе⁴⁷ и др. Аналогичные астрагалы собраны на поселении эпохи бронзы Чаглинка⁴⁸.

Зернотерки (рис. 22, 33), песты и точила обнаружены тех же форм, что и в первом слое.

Таким образом, часть материала этого горизонта имеет аналогии в тех же памятниках, что и материал предшествующего периода. Это говорит о преемственности культуры данных периодов. Основная масса находок — керамическая посуда — и другие предметы встречают аналогии и в более поздних памятниках. Так, много хумов, по форме, качеству материала, профилю венчика подобных нашим, выявлено в материалах VI—VII вв. из городища Минг-Урюк⁴⁹, а также широкогорлых кувшинов со слегка отогнутым и сплюснутым венчиком-сливом и вертикальной ручкой на противоположной стороне.

Кухонные горшки обнаруживают много общих черт с горшками из материалов VI—VII вв. из Ак-тепе близ Ташкента⁵⁰ и из верхнего слоя городища Шаушукумтобе⁵¹, а кувшины с небольшим носиком и

---

⁴⁴ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 186, 262.

⁴⁵ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 70.

⁴⁶ Е. А. Давидович и В. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Труды ИИАЭ ТаджССР», т. XXXV. Душанбе, 1955, стр. 51 и сл.

⁴⁷ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах..., стр. 29, рис. 45; его же. Келесская степь..., стр. 67, табл. VI, 48, 49.

⁴⁸ Сообщение М. Оразбаева на отчетной археологической сессии отдела археологии ИИАЭ АН КазССР в 1965 г.

⁴⁹ Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., стр. 139.

⁵⁰ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 116, рис. 18, 4.

⁵¹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 2, стр. 116 и сл.

петлеобразной ручкой — в материалах Бурджарского могильника⁵², могильника VI—VII вв. близ станции Бревская⁵³.

В этих памятниках архитектурные сооружения, планировка, строительные конструкции и их приемы, а также строительные материалы подобны выявленным на Актобе 1. Так, замок исследуемого памятника имеет большое сходство с замком Ак-тепе близ Ташкента (VI—VIII вв.)⁵⁴, замком на горе Муг (VII—VIII вв.)⁵⁵, сооружениями Пянджикента (VI—VIII вв.)⁵⁶. Все это позволяет датировать второй горизонт VI — первой половиной VIII в.

Третий культурный горизонт

Слой третьего горизонта прослежен в тех же раскопах, что и слой предшествующих периодов.

Материалы, полученные из него, несколько отличны. Цитадель (дворцовое сооружение) дала более богатый материал, чем другие пункты городища, что объясняется проживанием здесь различных слоев населения. Но все же они относятся к одному хронологическому периоду.

Поэтому ограничимся характеристикой материальной культуры горизонта в целом.

По сравнению с предшествующим слоем здесь собрано несравненно больше предметов, начиная от керамических сосудов до монет. Более половины (60%) посуды изготовлено на гончарном круге, среди нее встречены поливные сосуды.

Вручную продолжали делать в основном кухонную посуду, которая по форме и материалу сходна с этой же группой сосудов предшествующих горизонтов. В этом слое найдены и кухонные котлы, изготовленные на круге. Среди других типов неполивной посуды имеются как аналогичные описанным сосудам, так и значительно отличающиеся от них. Появляются узкогорлые кувшины с одной высокой ручкой и широкогорлые с двумя небольшими петлеобразными ручками и др.

Из неполивных столовых сосудов здесь выявлены горшки, кувшины, кружки, тагары, а из кухонных — горшки и котлы.

⁵² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР, т. 1, Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 55 и сл., рис. 28.

⁵³ Т. Агзамходжаев. Указ. раб., стр. 225, рис. 1, 1—5.

⁵⁴ А. И. Тереножкин. Указ. раб., стр. 126.

⁵⁵ А. И. Васильев. Согдийский замок, стр. 18—23, 32.

⁵⁶ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пянджикента. МИА, 1959, № 66, стр. 194—215; А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента. Там же, стр. 104.

Горшки (рис. 22, 34) имеют округлое тулово, плоское дно, несколько выделенную горловину диаметром 10—12 см, отогнутый на внешнюю сторону прямой или овальный в сечении венчик. Верхняя часть тулова одного из сосудов орнаментирована двумя параллельными опоясывающими сосуд волнистыми линиями, прочерченными по сырой глине. По технике изготовления, материалу, форме и орнаментации он имеет сходство с некоторыми горшками предшествующего горизонта, а также с найденными в могильнике Актобе⁵⁷. На этих горшках очень наглядна преемственность форм сосудов второго и третьего периодов.

Кувшины по форме делятся на три подтипа: а) кувшины с широкой горловиной диаметром 15—17 см и высотой до 6,5 см (рис. 22, 40), с двумя небольшими петлеобразными ручками, покрытые ангобом розового цвета; б) кувшины с горловиной диаметром 6—8 см и высотой до 8 см с одной высокой вертикальной ручкой (рис. 22, 35—36); в) кувшины с удлиненно-сферическим туловом, высокой узкой горловиной и одной «Г»-образной ручкой (рис. 22, 37). На верхнюю часть тулова одного из узкогорлых кувшинов нанесен орнамент из двух поясов. Верхний пояс состоит из треугольников, из вершин которых идут линии и делят их на два меньших углубленных треугольника. В нижнем поясе располагаются геометрические фигуры из трех вписанных друг в друга вытянутых углов. Оба ряда рисунков ограничены линиями. Аналогичный по форме кувшин найден на Афрасиабе⁵⁸. На другом кувшине верхнюю часть тулова опоясывают три параллельные линии. Эти кувшины служили главным образом для переноса и хранения воды. Подобные им встречаются и среди сосудов Южного Казахстана и Хорезма⁵⁹.

Обнаружено несколько кружек бокалообразной формы, похожих на современные (рис. 22, 38, 39). У одной из них плоское дно, небольшая петлеобразная ручка, расположенная в средней части тулова, у другой — выделенный плоский поддон и большая ручка, прикрепленная к верхней части тулова. Нижнюю часть горловины второй кружки опоясывает орнамент из арочек, под ним проходит полоса жгутообразных вмятин. На тулове, на стороне, противоположной ручке, прочерчены запрокинутые арочки, между которыми идут вертикальные линии, выполненные углубленными точками. На верхнюю часть ручки

⁵⁷ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 4, стр. 198, табл. VIII, 4, 6; стр. 200, табл. X, 8.

⁵⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, 1950, вып. XXXIII, стр. 166, рис. 72, 6.

⁵⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов, стр. 189, рис. 105; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), стр. 275, рис. 2, 4, 7, 8.

нанесено пять «С»-образных знаков. Кружки имеют сходство с кружками ряда памятников⁶⁰, в большинстве случаев датированных VI—VIII вв.

Однако кружки с Актобе 1 отличаются более совершенной формой, особенно кружка с выделенным поддоном и ручкой, несколько возвышающейся над туловом. Нахождение их в яме вместе с раннеполивными сосудами IX—X вв. позволяет их отнести к этому же времени.

Здесь же выявлена нижняя часть сосуда цилиндрической формы диаметром 11,5 см с несколько выпуклым дном. Высота его сохранившейся части 10 см. По форме и орнаментации он напоминает металлические сосуды и, возможно, был сделан им в подражание.

Совершенно новой формой керамических сосудов, не встречавшейся в описанных горизонтах, причем представленной большим числом экземпляров, явились тагары (рис. 22, 45). Они имели усеченноконическую форму тулова, диаметр венчика от 30 до 50 см, высоту 10—20 см.

Ко второй группе относятся кухонные горшки (рис. 22, 50, 52). Все они ручной лепки, в основном небольших размеров, с округлым туловом, сравнительно широкой горловиной и венчиком, отогнутым наружу. У большинства из них донце плоское, но с несколько выделенным плоским поддоном. Черепок в изломе серого и темного цвета. Много горшков около венчика или несколько ниже украшено наклепным жгутиком с защипами или врезами. В верхней части тулова один из них имеет орнамент в виде елочки. По технике изготовления, тесту, форме и орнаментации (жгутик с защипами) они сходны с горшками второго горизонта. Но на ручках горшков уже нет вдавленных кружочков, характерных для предшествующего слоя.

Новым типом кухонных сосудов являются сосуды переходной формы от горшков к котлам (рис. 22, 51). Верхняя часть их сферической формы, а нижняя близка к усеченному конусу; донце в виде невысокого валика диаметром 7,5 см. Диаметр сосуда у венчика 15—17 см, а в самой широкой части 27—30 см, высота 25 см. Венчик оформлен валиком, отогнутым на внешнюю сторону. Котлы сделаны на гончарном круге, черепок в изломе серого цвета. Для огнеупорности в глину подмешан толченый ракушечник.

⁶⁰ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 114, рис. 16; «Труды Таджикской археологической экспедиции». МИА, 1953, № 37, стр. 138, табл. X, 1—8; «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 270, рис. 4; Е. И. Агеева, Г. И. Паче-вряч. Из истории оседлых поселений и городов..., стр. 189, рис. 105; Ю. Ф. Бу-ряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г., стр. 138, табл. V; В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 114, рис. 54, 17.

Общим для поливных сосудов: чаш, пиал, блюд, горшков, чирагов, найденных в слое, является техника изготовления на гончарном круге и хорошего качества тесто.

Среди сосудов чаш оказалось больше. Они полусферической формы с выделенным плоским поддоном и небольшим прогибом внутрь с внешней стороны. Стенки у них сначала полого отходят от донца на 3—4 см, затем прогибаются внутрь, далее идут более круто и заканчиваются прямым венчиком. Большинство чаш с обеих сторон покрыто плотным слоем белого ангоба. По нему коричневой, желтой и зеленой красками нанесен геометрический или эпиграфический орнамент. Чаще всего он находится на внутренней стороне чаш и состоит из двух поясов: один располагается на донце, другой на стенках.

Большинство чаш только с внутренней стороны отделано бесцветной поливой, через которую проступает орнамент и белый слой грунтовки. Поверхность их имеет беловатый цвет, напоминающий фарфор. Поскольку чаши из этого слоя различаются между собой в основном орнаментом, то опишем наиболее характерные из них.

Внутри донца одной из чаш (рис. 22, 41) нарисован круг с многолепестковой виньеткой. С двух боковых сторон от нее расположены неправильной формы геометрические фигуры, которые заполнены точками. Во втором поясе чаши почти на всю высоту ее стенки сделана куфическая надпись, между ее началом и концом имеется многолепестковая виньетка, напоминающая виньетку на донце. В свободные поля вписаны условные фигуры геометрического характера. На внешней стороне стенок на равном расстоянии в трех местах нанесены отдельные знаки наподобие эпиграфических. Аналогичная по форме, близкая по орнаментации (а возможно, и по содержанию надписи) чаша обнаружена на Афрасиабе⁶¹ и датирована второй половиной IX — началом X вв.

У второй чаши (рис. 22, 42) на дне также имеется круг, в который заключена четырехлепестковая розетка, между лепестками начерчены одиночные кружки, обнесенные точками. По венчику проходит полоса, образуя круг, в который вписан четырехугольник, в углах его размещены круги, окруженные точками. На внешней стороне на равном расстоянии от венчика в трех местах опускаются вниз по три косые черточки.

У третьей чаши на донце нарисована многолепестковая розетка, а в ней четырехлепестковая, выполненная черной краской и оконтуренная сначала белыми, а потом черными полосами. Пространство между лепестками и линией по внешнему контуру многолепестковой розетки покрыто красной краской. В центре имеются черные пятна. Сред-

⁶¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., стр. 168, рис. 73, 2.

нюю часть стенки опоясывает черная полоса шириной 1 см, на которой в свою очередь прочерчены косые черточки. Выше полосы идут два пояса из стилизованных эпиграфических знаков. Они выполнены также черной краской, причем знаки в нижнем поясе в два раза крупнее, чем в верхнем.

Четвертая чаша покрыта поливой желтого цвета. На внутреннюю сторону стенок нанесен орнамент в виде «вязи», а поля заняты неправильными геометрическими фигурами, заполненными точками; в центре их находятся четырехлепестковые и пятилепестковые розетки. На внешней поверхности от венчика вниз опускаются косые удлиненные черточки.

Среди сосудов обнаружена чаша, которая несколько отличается от описанных орнаментацией, формой и меньшим размером. Орнамент ее состоит из росписи красками по ангобу радиальных полос, углов и узора в виде концентрических, радиальных линий и завитков, выполненных прорезной линией.

Цвет и качество поливы, сюжет и мотивы росписи дают основание отнести чашу к ранним поливным сосудам IX—X вв.

Частичное и полное сходство они находят в материалах памятников Ташкентского оазиса ⁶², Согда ⁶³, Ферганы ⁶⁴, Хорезма ⁶⁵ и других районов этого же времени.

Близки к чашам пиалы, они лишь меньше размером и с внутренней стороны полностью покрыты одноцветной белой или голубой поливой, а с внешней — только в верхней части. Орнамента на них нет. Широкое распространение пиал довольно стандартной формы и размера обусловлено их назначением, вероятно, для питья.

Особенно красочны большие поливные блюда. Они уплощенной формы с прямым или несколько отогнутым на внешнюю сторону венчиком и кольцевым поддоном. Диаметр блюд у венчиков 28—37 см, высота 9,5 см. С обеих сторон они покрыты белым ангобом. Внутренняя поверхность залита поливой полностью, а внешняя, как у чаш и пиал, лишь у венчика. Внутри нанесен подглазурный орнамент, выполненный черной и красноватой красками. Орнамент на трех блюдах одинаковый, и вполне возможно, что они изготовлены не только в одно время, но и одним мастером. Они имеют некоторое сходство с блюда-

---

⁶² Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 9, рис. 3; А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 105, рис. 12, 7.

⁶³ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — нач. XIII в. Автореферат. Ташкент, 1964.

⁶⁴ И. Ахбаров. Керамика Ферганы IX—XII вв. Автореферат. Ташкент, 1966.

⁶⁵ Н. Н. Вактурская. Указ. раб., рис. 9, 7, 4; рис. 14, 1, 3.

ми из тех же памятников, что и чаши, а полное — с блюдами из Афрасиаба⁶⁶ и Тараза⁶⁷.

Характерно, что в ранний период применения поливы в керамике ею покрывали главным образом сосуды, предназначенные для принятия пищи. Поэтому находки поливных горшков довольно редки. В этом слое их обнаружено всего три.

Они имеют усеченносферическое тулово, невысокую цилиндрическую горловину, низкий выделенный плоский поддон. Внешняя поверхность двух, подобно чашам, покрыта слоем белого ангоба, а сверху голубой или зеленой поливой. На третий горшок полива нанесена непосредственно на черепок. По форме, размеру, цвету глазури они похожи на горшки из Ак-тепе близ Ташкента⁶⁸.

Чираги — обычно в виде полусферического резервуара с оттянутым носиком (рис. 22, 43, 44) и петлеобразной ручкой с противоположной от носика стороны. Одни отделаны бесцветной поливой, через которую видна грунтовка белого цвета, что придает поверхности мраморовидный оттенок, другие покрыты зеленой поливой. Бока одного из чирагов с белой поливой украшает подглазурный орнамент в виде тонких вертикальных и наклонных линий и черточек, сделанных черной краской, между ними проведены черточки, выполненные красной краской. На верхней части ручки и носика прочерчены черные и красные полосы, а на венчик нанесены черной и красной красками попарно чередующиеся пятна. По форме и поливе чираги относятся к ранним типам, особенно чираг с небольшим носиком. Аналогичной формы чираги широко известны в материалах IX—XI вв.⁶⁹

Следует сказать о трех стеклянных сосудах, напоминающих формой небольшие кружки (рис. 22, 46, 47). Внешняя поверхность одного орнаментирована несколько наклонными гофрами, которые идут от средней его части к донцу, а второго — ромбовидными фигурами, вписанными одна в другую.

Найден стеклянный диск диаметром 18 см с загнутым в виде ободка краем. Стекло из-за большого количества в нем маленьких воздушных пузырьков мутное. Такими дисками до появления литого стекла остекляли окна.

Из железных предметов обнаружены серп, меч (рис. 22, 48, 49), черешковые наконечники стрел и др. От меча сохранилась только часть

⁶⁶ Музей истории культуры народов Узбекистана (г. Самарканд).

⁶⁷ М. С. Мерциев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 41, рис. 2.

⁶⁸ А. И. Тереножкин. Указ. раб., стр. 111, рис. 15.

⁶⁹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., рис. 69, табл. XII, 6; XIII, 6; Е. И. Агеева, Г. И. Пачевиц. Из истории оседлых поселений и городов, стр. 177, рис. 95.

лезвия с рукоятью. Он обоюдоострый и, очевидно, был без перекрестия. Один из наконечников черешковый, листовидной формы, другие трехперые.

В этом слое в отличие от предшествующего найдены каменные жернова (рис. 22, 55) диаметром до 50 см, бусы, костяные поделки. Среди украшений интересны предметы в виде пуговицы, орнаментированные врезными крестиками, кружочками (рис. 22, 57). Назначение их выяснить не удалось, хотя они довольно часто встречаются в памятниках X—XII вв.⁷⁰

В цитадели, на раскопе 1, обнаружена мужская алебастровая фигурка (рис. 22, 54) высотой 11,5 см. Она, как и фигурка из предшествующего горизонта, имеет непропорционально крупную голову и сравнительно небольшой торс. На лице выделяются нос и брови. Лоб покатый, как бы срезанный. На голове, лице и бороде нанесены охрой черточки, имитирующие волосы, усы и бороду. Тыльная сторона головы округлена и закопчена.

Фигурки из второго и третьего горизонтов Актобе 1 близки по размеру, большой по сравнению с торсом голове, изображению головного убора и др. Имеются и различия.

Вторая фигурка намного объемнее первой, торс у нее цилиндрической формы, тогда как у первой — дисковидной, с плоской тыльной стороной. Нос, брови, глаза первой даны рельефно, а у второй условно переданы охрой черточками и пятнами. Таким образом, фигурка из третьего горизонта более схематична. Она является результатом дальнейшего развития короластики, выразившегося в более упрощенной трактовке, и напоминает алебастрового идола из могильника Ворух⁷¹, причем обнаруживает большее сходство с ним, чем с первой фигуркой. Фигурка из могильника Ворух датируется I—IV вв. н. э., в то время как из третьего слоя может быть отнесена к IX—XI вв.

Распространение алебастровых идолов в памятниках этого района⁷² с хронологическим диапазоном около тысячи лет говорит о длительном почитании божества. находка его в слоях IX—XI вв., т. е. спустя 2—3 столетия после арабского завоевания, проникновения и распространения здесь ислама, указывает на живучесть этого культа.

Сфероконысы, или, как их называют, симабкузачи, т. е. сосуды

⁷⁰ Г. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. раб., стр. 56, рис. 22, 4; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. раб., стр. 114, рис. 58, 8, 9; см.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». МИА, 1950, № 14, табл. XXXVI, 5—11.

⁷¹ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. раб., стр. 52 и сл., рис. 24—26; стр. 69.

⁷² Имеется в виду алебастровая фигурка из поселения Актобе 2 (I—IV вв. н. э.). См. наст. раб., гл. 1, стр. 63, рис. 27, 1.

для ртути, выявлены в третьем слое Актобе 1 (рис. 22, 53). Несколько экземпляров их было на полу жилого помещения среди других разбитых и раздавленных предметов и обуглившихся балок. Они сферокопической формы, в верхней части тулова имеют небольшое горлышко с отверстием 0,6—0,8 см, сделаны на гончарном круге. Сосуды обжигали при температуре, близкой к плавлению лёсса, т. е. превращению его в клинкер. Черепок у них серого или зеленоватого цвета. Вверху два сфероконауса украшены орнаментом из двух параллельных наклонных линий, кружков, сделанных маленькими углубленными точками по сырой глине.

В цитадели в одном из помещений на полу найдены три медные монеты. Они оказались очень плохой сохранности, и поэтому удалось распознать только одну из них. По определению М. Е. Массона, это черный диргем (мусайяби) IX—XI вв.

Из характеристики видно, что находки этого горизонта близки к материалам предшествующего слоя. Однако сходства между ними намного меньше, чем между материалами первого и второго периодов. Это может быть объяснено значительным хронологическим разрывом между вторым и третьим периодами, возникшим в результате прервавшейся жизни города. Жизнь возобновилась лишь тогда, когда в материальной и духовной культуре произошли значительные сдвиги, которые обусловили различия в облике материальной культуры этих горизонтов. Но все же между материалами второго и третьего горизонтов достаточно сходных черт, свидетельствующих о преемственности и генетической связи культуры этих периодов.

Ближайшие аналогии материалы этого слоя находят в памятниках юга Казахстана и Средней Азии (IX—XI вв). Таким образом, в этот период материальная и духовная культура города продолжала развиваться на местной основе, но ареал подобных памятников вышел за пределы культуры Каунчи.

Четвертый культурный горизонт

Слой четвертого горизонта отмечен в тех же раскопах, что и слой предшествующих периодов. Кроме этого, он зафиксирован в юго-восточной части шахристана. В нем выявлены остатки жилых и крепостных сооружений, возведенных из пахсы и сырцового кирпича.

Находки в этом слое еще более многочисленны и разнообразны. Это керамические пряслица, сфероконаусы, каменные жернова, стеклянные и каменные бусы, амулеты, монеты, но по-прежнему основную массу составляет неполивная и поливная керамика.

Большая часть неполивных сосудов (около 85%) сделана на гон-

чарном круге. По технике изготовления, качеству глины и обжигу, формам, приемам и мотивам нанесения прорезного орнамента они аналогичны тем же сосудам предшествующего горизонта. Но в этом слое обнаружены и новые типы посуды. К ним относятся дастарханы, чигири, кумганы, туваки. Новым в орнаментации сосудов является штампованный геометрический и растительный орнамент, а также прорезной, нанесенный гребенкой, и росписи черной или красноватой ангобной краской.

По назначению неполивные сосуды делятся на те же три группы: столовые, кухонные и хозяйственные.

Горшки со сфероидной формы туловом и широкой несколько выделенной, почти цилиндрической горловиной и венчиком в виде ободка (рис. 22, 58, 59). В верхней части тулова находятся две небольшие петлеобразные ручки. Внешняя поверхность одних покрыта розоватым, а других светлым ангобом. Верхнюю часть тулова одного из них опоясывает орнамент в виде двух параллельных полос, состоящих из углубленных треугольников. Ниже проходит пояс из сопряженных арочек, затем волнистая линия из горизонтально расположенных «∞»-образных знаков.

Кувшины этой группы по форме подразделяются на два основных подтипа: кувшины с горловиной средней ширины и высоты и кувшины с высокой и узкой горловиной.

Первый подтип (рис. 22, 60, 61) имеет округлое тулово, плоское донце, горловину диаметром 7—8 см и высотой 7—10 см и одну «Г»-образную овальную в сечении ручку. Верхняя часть тулова и горловина одного орнаментирована несколькими параллельными и волнистыми линиями, прочерченными по сырой глине.

Кувшины второго подтипа подобны первому и отличаются от них в основном лишь более узкой и высокой горловиной.

Аналогичной формы горшки и кувшины встречались и в предшествующем горизонте, но их было меньше, особенно узкогорлых кувшинов, и к тому же они были меньше орнаментированы. Эти сосуды имеют сходство с сосудами из средневековых памятников, находящихся на обширной территории от Хорезма⁷³ до Термеза⁷⁴, от Чуйской долины⁷⁵ до древнего Мерва⁷⁶ и др.

⁷³ Н. Н. В а к т у р с к а я. Указ. раб., стр. 275, рис. 2, 4, 7, 8; стр. 307, рис. 22, 6.

⁷⁴ Л. Н. М е р е ж и н. Керамика XII—нач. XIII в. из Старого Термеза. «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 172. Ташкент, 1960, стр. 179, 11—14, 16.

⁷⁵ См. «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». МИА, 1950, № 14, стр. 134, табл. XXX, 7.

⁷⁶ С. Б. Л у н и н а. Гончарное производство в Мерве X—нач. XIII в. «Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции», т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 242, рис. 13.

Особый интерес представляют сосуды переходной формы от кувшинов к кумганам с росписью черным и коричневым ангобом. На верхнюю часть тулова одного из них нанесены «∞»-образные знаки, расположенные между попарно параллельными опоясывающими полосами, сделанными ангобной краской. Внешняя сторона ручки украшена косыми черточками. На других кувшинах орнамент состоит из «S»-образных знаков, крупных точек, завитков, спиралей, попарно параллельных вертикальных полос и др.

Несколько приближаются по форме, назначению и росписи к сосудам переходной формы кумганы (водолеи; рис. 23, 62). Они изготовлены ручной лепкой. Судя по сохранившимся частям, кумганы несколько отличаются друг от друга размером тулова, носика и ручки, мотивом и композицией орнамента, но в общем образуют один тип сосудов. Опишем один из них.

Он имеет округлое, несколько приплюснутое тулово и сравнительно большое плоское дно. В верхней части тулова от края почти вертикально отходит носик, с противоположной стороны расположена ребристая горловина в виде раструба диаметром 4—5 см и высотой около 10 см, заканчивающаяся отогнутым на внешнюю сторону венчиком. Между носиком и горловиной горизонтально посажена скобообразная, круглая в сечении ручка. На верхнюю часть тулова, носика и горловины нанесена роспись из треугольников, прямых и волнистых линий. Хотя в глину и подмешаны зерна кварца якобы для придания огнеупорности, однако на наших сосудах следов копоти или прокала, указывающих на использование их в качестве кухонной посуды, не отмечено. Вероятно, в них носили и хранили воду.

В предыдущем горизонте кувшинов и кумганов с росписью не обнаружено. Сосудов с аналогичным орнаментом известно немного, они встречены в памятниках, разбросанных на значительной территории. Так, их зафиксировали на северных склонах Каратау⁷⁷, в верховьях Таласской долины⁷⁸, в Таджикистане⁷⁹ и на среднем течении р. Сыр-Дарья⁸⁰.

В этом слое еще больше, чем в предшествующем, выявлено тагар, имевших усеченноконическую форму, плоское дно и отличавшихся друг от друга в основном размерами и формой венчика. Обыч-

⁷⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пазевич. Указ. раб., стр. 193, рис. 109; Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). См. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, стр. 201—202, рис. 62.

⁷⁸ П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 161, табл. VI, стр. 175.

⁷⁹ Е. А. Давидович и В. А. Литвинский. Указ. раб., стр. 109 и сл.

⁸⁰ Сведения сообщены Е. И. Агеевой.

но венчик выражен незначительным утолщением стенки у самого края, причем у одних небольшим отгибом наружу, у других — внутрь. Значительное разнообразие форм венчиков на тагарах, характерное для третьего горизонта, здесь свелось к двум-трем основным, что свидетельствует об их стандартизации. Это, с одной стороны, объясняется дальнейшим развитием данного типа сосудов и выработкой практически наиболее удобных, а с другой — расширением ремесленного производства, приводящего также к стандарту.

Новым типом сосудов являются фляги. По форме они похожи на современные, но больше размером. Одна сторона у них выпуклая, другая уплощенная. Имеют небольшую горловину диаметром 2,5—4 см. На горловине и самой верхней части тулова располагаются по две небольшие петлеобразные овальные в сечении ручки. У трех фляг черепок в изломе красного цвета, у остальных — серого. На одну из них нанесен штампованный геометрический орнамент, на другую — рельефные розетки.

Кухонная посуда представлена горшками, кувшинами, котлами и крышками. Все они сделаны ручной лепкой. В глину подмешаны кварц или шамот, черепок в изломе темно-серого цвета.

Самыми многочисленными в этом типе посуды оказались горшки, которые различаются в основном друг от друга размером. Они округлой формы, с плоским донцем, широкой горловиной диаметром 18—24 см. У одних венчик больше, у других меньше отогнут наружу.

Кувшины (рис. 22, 72) имеют сферическое тулово, прямую горловину, отогнутый на внешнюю сторону венчик, одну петлеобразную ручку. По плечикам одного из кувшинов проходят параллельные линии, над ними сделаны косые черточки. Ниже нанесены дугообразные сопряженные линии. Под одной из ручек изображен двойной круг, разделенный двумя радиальными линиями на четыре сегмента, в центре каждого есть по углубленной точке. Под второй ручкой находится одинарный круг с тамгообразным знаком внутри.

Второй кувшин такой же формы, но большего размера. На верхней части ручки расположен налп с горизонтальным срезом.

Котлы, несмотря на значительные размеры, с тонкими стенками. В глину добавлен толченый ракушечник, они сделаны на гончарном круге, черепок в изломе кремового цвета.

Котлы имеют удлиненное сферическое тулово (диаметр в самой широкой части — 30—35 см, венчика — 20—22 см), плоское донце, обозначенное валиком. В верхней части тулова, у венчика, находятся по две скобообразные ручки (рис. 22, 70). От котлов предшествующего периода они отличаются несколько большим размером и более широким устьем.

Из хозяйственных глиняных предметов в слое найдены дастарханы (столики), туваки, хумы и чигири.

Собраны части от пяти керамических дастарханов (рис. 22, 68, 69). Одни из них представляют собой диск размером от 43 до 67 см, покоящийся на полой цилиндрической ножке. У некоторых ножка отсутствует, возможно, ее и не было. Нижнюю сторону диска, иногда и ножку, украшают жгуты с защипами, прорезные волнистые линии, вмятины, сделанные вдавливанием пальцев по сырой глине. Орнамент иногда нанесен штампом и представляет собой четырехлепестковые розетки и т. д.

Дастарханы встречаются аналогии в памятниках Ташкентского оазиса (городищ Иски-Ташкент⁸¹, Юган-тепе), Отрарского оазиса⁸² (Отрар, Куйрук-тепе) и др.

Близок по форме и мотиву орнаментации дастархан из Тараза⁸³.

Интерес представляют керамические сосуды, относящиеся к чигирию (рис. 22, 78), т. е. к водоподъемному приспособлению (им зачерпывали воду). Сосуды яйцевидной формы, диаметр в самой широкой части тулова 20 см, донца 6—8 см, горловины 10 см, высота 32—35 см.

В верхней части тулова располагались две небольшие петлеобразные ручки, а в нижней — два конусообразной формы налепа. Через них продевалась веревка, крепившая сосуд сверху и внизу к колесу. Чигири применялись для полива в местности с незначительным уклоном и участков, уровень которых повысился в результате напластования. В районе исследуемого памятника наблюдается небольшой уклон. Этим и объясняется, что головная часть канала находится на значительном расстоянии, в десяти с лишним километрах от орошаемых полей. Наличие чигирей в позднем слое городища Актобе 1, в могильнике Торейбай-Тумсык⁸⁴ (в 1 км от Актобе 1), а также на городище Шаушукумтобе⁸⁵ говорит о развитии в этом районе чигирного орошения.

Чигири известны на многочисленных средневековых памятниках, но не ранее X—XII вв. Особенно широкое распространение они получили в последующее время. Так, например, в начале 20-х годов теку-

---

⁸¹ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической экспедиции..., стр. 10, рис. 7.

⁸² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. раб., стр. 181, рис. 99.

⁸³ М. С. Мерциев. Указ. раб., стр. 41, рис. 2.

⁸⁴ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. ИИАЭ АН КазССР, отдел археологии. Рукопись, № 240.

⁸⁵ О находке чигирия сообщила А. Г. Максимова.

щего столетия в Хорезмском оазисе насчитывалось около 66 тысяч чигирей⁸⁶.

Поливная посуда вся изготовлена на гончарном круге. Она представлена в основном блюдами, чашами, пиалами, чирагами, т. е. теми же типами, что и в предшествующем горизонте. Но в отличие от них большинство чаш и блюд имеет кольцевую ножку и несколько иную орнаментацию: стали преобладать графические изображения и вихревые многолепестковые розетки, т. е. более отвлеченные мотивы. Кроме того, полива чаще наносится непосредственно на черепок.

Блюда из этого горизонта (рис. 22, 63, 66) имеют сегментовидную форму, кольцевой поддон. Внутренняя поверхность их полностью, а внешняя от венчика до изгиба стенки покрыты слоем белого ангоба, поверх нанесен подглазурный орнамент, а затем полива. Чаще всего он состоит из графических изображений и многолепестковых розеток.

Среди блюд, найденных в верхних слоях этого горизонта, насчитывается несколько экземпляров, которые по форме поддона (плоский, выделенный), качеству поливы, похожей на ишкорную, гамме цветов и несколько расплывчатым контурам орнамента следует отнести к ранним поливным сосудам IX—X вв., а по мотивам орнамента и стратиграфии слоев к концу четвертого периода, т. е. к началу XIII в., что говорит о нектором упадке качества керамики.

Чашы (рис. 22, 64) меньше размером, чем блюда, и полусферической формы, более высокие и с круто поднимающимися от донца стенками. По технике нанесения ангоба, орнаментации, мотивам и гамме цветов они аналогичны блюдам. Правда, внутреннюю сторону донца чаш нередко украшают многолепестковые розетки.

К этой же группе принадлежат и пиалы. Здесь их оказалось больше, чем в предыдущем горизонте (рис. 22, 65). Они полусферической формы, стенки равномерно круто отходят от донца и заканчиваются прямым венчиком. В отличие от блюд и чаш они имеют выделенный плоский поддон диаметром 4—6 см. Внутренняя поверхность одних покрыта белой, других — зеленой, третьих — желтоватой поливой. Орнамент встречен только на одной пиале. Он нанесен черной краской на внутреннюю сторону и состоит из четырех косых полос, спускающихся от венчика вниз.

Кроме того, в этом же слое обнаружены части от двух поливных горшков, подобных горшкам из третьего горизонта. Для этого периода они не характерны. Внешняя сторона одного из них залита зеленой, а второго — голубой поливой.

Блюда, чаши и пиалы находят аналогии в памятниках X — на-

⁸⁶ И. М. Джабаров. Из истории техники и культуры земледелия Южно-Хорезма (конец XIX — начало XX в.). Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1964, стр. 275.

чала XIII в., исследованных на обширной территории⁸⁷. Чираги в отличие от чирагов предшествующего горизонта, близких по форме к площадкам с оттянутым носиком, имеют граненый цилиндрический резервуар, длинный носик в виде желобка и ручку с пятой. На внешней стороне пяты сделан штампованный орнамент в виде пальметки. Чираги покрыты желтой, реже зеленой поливой.

Из других предметов следует отметить глиняные пряслица разнообразной формы: полусферические, усеченносферические, конические, биконические и дисковидные (рис. 22, 74—76).

Здесь найдены также часть каменного котла (из стеатита), стеклянные сосуды, сфероконысы.

Собрано значительное количество железных предметов (рис. 22, 80, 81). Среди них было изделие, напоминающее подкову, лезвие от складного ножа, похожее на лезвие современного садового ножа, пряжка с подвижным язычком и др.

Из бронзовых предметов обнаружены кривое шило и изделие вроде шахматной фигуры — пешки, которое, по-видимому, было заготовкой для печати. Интересна складная ложка с вилкой (рис. 22, 82), состоящая собственно из ложки слегка вогнутой овальной формы и ручки с двузубой вилкой на противоположном конце. На ней имеются надписи: одна нанесена по краю ложки, вторая — на нижнюю сторону ручки по длине, третья — на верхнюю сторону, причем последняя состоит из двух слов, написанных по ширине, между ними сделан рельефный растительный орнамент. На самой ложке сверху также есть растительный орнамент. М. Е. Массон определил ее назначение, как ложка для сладостей (бастами). Он прочел и надпись, которая оказалась такого содержания: «Работа Мухаммада. Для муллы... сына Мансура Насра сына Ахмеда».

М. Е. Массон относит ложку к XI — первой половине XII в.

Близкая по форме и размеру медная ложка найдена на Варахше⁸⁸.

Каменные предметы представлены жерновами от ручных мельниц (рис. 22, 77). Они в виде диска, большинство диаметром 30—60 см, толщиной 4—5,5 см. Один из них, возможно, от водяной мельницы, так как диаметр его около 1 м, толщина 10 см.

В центре дисков просверлено отверстие размером 3,5—6,5 см.

⁸⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента..., стр. 106 и сл., рис. 13, 1—4, 7; Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Указ. раб., стр. 140, табл. VI; С. Б. Лунина и З. И. Усманова. Керамика поселения Ногай-курган близ Ташкента. «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 172. Ташкент, 1960, стр. 169; Ш. М. Ташходжаев. Указ. раб., стр. 14 и сл.; Е. И. Агеева, Г. И. Пазевич. Указ. раб., стр. 195, рис. 110; Н. Н. Вактурская. Указ. раб., стр. 316.

⁸⁸ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 126, рис. 64.

Кверху оно расширяется до 6—10 см, что сделано для засыпки в него зерна. С этой же целью на верхней стороне некоторых жерновов вокруг отверстия увеличен бордюр, а у края имеется углубление диаметром и глубиной 2,5—3 см. В нем крепилась ручка, при помощи которой жернов приводился в движение.

Несравненно богаче третьего предметами украшения четвертый горизонт, особенно много здесь бус. Большинство их изготовлено из стекловидной пасты, но встречаются и из камня-самоцвета, кораллов розового цвета, обнаружена подвеска из лазурита.

К предметам туалета относится каменная палочка-сурматаш. Один конец ее заостренный, другой — тупой, на нем имеется небольшое отверстие. Аналогичные палочки, как принято считать, предназначены для окраски бровей.

Из костяных изделий следует сказать о предмете дисковидной формы, сделанном из позвонков (диаметр 4 см) крупной рыбы. Сверху он очень залощен, вероятно, вследствие длительного ношения. Возможно, это амулет. Кости крупной рыбы, а также предметы из позвонков рыбы встречены на ряде соседних Актобе 1 археологических памятниках⁸⁹, а также находящихся вблизи р. Сыр-Дарьи. Это говорит о том, что население данного района занималось рыболовством. Использование позвонков в качестве амулетов свидетельствует о наделении их особыми магическими свойствами.

В этом горизонте найдены костяная шпилька, трубка-шумек и другие, особенно много астрагалов; среди них имеются со срезанными сторонами и отверстиями. О назначении их уже говорилось. Здесь же обнаружена небольшая керамическая курильница (рис. 22, 79).

Амулеты, курильница наводили на мысль о том, что, несмотря на господство ислама, в этот период продолжали существовать и ранние верования.

В этом же слое выявлено несколько медных монет, по определению М. Е. Массона, X—XII вв.

Как видно из описания находок данного горизонта, они имеют и общее и отличное от предметов предшествующего периода. В керамике различия выражаются в появлении новых предметов (дастарханы, чигири и др.), преобладании у поливных чаш и блюд кольцевого поддона, графического изображения и вихревых розеток в орнаментации. Если сходство указывает на преемственность культуры этих горизонтов, то отличия — на дальнейшее ее развитие. Материалы данного слоя имеют аналогии в памятниках XI — начала XIII в., занимающих в последующие периоды более обширную территорию.

⁸⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 2, стр. 89; гл. 5, стр. 245.

Собранные данные позволили отнести этот горизонт к тому же периоду, который в целом характеризуется дальнейшим подъемом и расцветом городской жизни. Наличие в самом верхнем слое данного горизонта сосудов, покрытых как бы ишкорной поливой, свидетельствует о том, что лишь в самом конце периода намечается некоторый упадок. Скопление золы, пепла, обуглившихся балок перекрытия и многочисленных предметов, раздавленных упавшей кровлей, убеждает, что жизнь на городище прекратилась в результате разрушений и пожаров, по-видимому, явившихся следствием политических событий в начале XIII в.

Таким образом, материалы, полученные в результате раскопок городища Актобе 1, и данные обследования района позволяют заключить:

а) Городище Актобе 1 (IV — начало XIII в.) является типичным памятником оседлой культуры Ташкентского оазиса и юга Казахстана. На нем четко прослеживается эволюция от простейшего оседлого поселения к городу. Истоки культуры памятника находятся в культуре Каунчи. Материалы ранних периодов (1 и 2) жизни Актобе 1 находят ближайšie аналогии в поздних памятниках культуры Каунчи. Материальная культура развивалась на базе комплексного хозяйства, в котором в начале преобладало скотоводство, а затем земледелие. Социальная структура и духовная культура населения были характерны для общества ранней феодальной поры.

б) Материальная и духовная культура последующих периодов (3 и 4) жизни городища продолжала развиваться на местной основе, но вышла за ареал культуры Каунчи, став сходной с культурой всего юга Казахстана и Средней Азии. Это сходство было обусловлено главным образом сложением на всей обширной территории одинаковой основы хозяйства — преимущественно поливного земледелия с несколько различным удельным весом скотоводства в том или другом районе оазиса.

Жизнь на Актобе прекратилась в результате политических событий, происходивших в начале XIII в., сопровождавшихся значительными разрушениями и пожарами. Вспомним о завоевательных действиях кара-китаев и найманов, хорезмшаха Мухаммеда, нашествие монголов. Исследуемый памятник находился на пути движения монгольских войск в Среднюю Азию и дальше. Нам не удалось получить материалов, позволяющих связать его гибель с теми или другими событиями, но несомненно одно, что она падает на начало XIII в. Интересно отметить, что в этот период прекращается жизнь и на ряде городищ данного оазиса: Отурупе-тепе, Чиназе, Юган-тепе, Ак-тепе (близ Ташкента), Канке, Бинакете и др. Выяснение причин имело бы важное значение для правильного понимания социально-политической истории Средней Азии и Казахстана изучаемого периода.

4

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

1. Могильник Жаман-Тогай

Курганный могильник находится в урочище Жаман-Тогай, на высоком правом берегу р. Сыр-Дарьи, в 23 км от поселения Актобе 2 вверх по течению. Состоит он из трех небольших групп, насчитывающих 22 земляные насыпи диаметром от 5 до 20 м, высотой от 0,05 до 2 м (рис. 1). Вскрыто 9 курганов. В первой группе из 14 курганов, расположенных бессистемно, раскопано шесть. В четырех (5, 9, 12, 14) погребения в катакомбах (катакомба перпендикулярна дромосу — первый тип), в пятом (1) контуры погребального сооружения выяснить не удалось, а в шестом (3) под насыпью ничего не обнаружено. Вторая группа состоит из шести курганов, тянущихся почти правильной цепочкой с С на Ю. Она находится в 158 м от первой. В одном из них (16) контуры погребения не выяснены, в другом (18) под насыпью ничего не оказалось. Третья группа из двух курганов отстоит на 145 м от второй. Раскопан курган (21), давший законченное в грунтовой могильной яме с заплечиками¹.

Катакомбы имеют прямоугольный дромос (размер от 2,6 × 1,2 до 5,25—6 × 3,5—4 м), ориентированный по длинной оси С—Ю (5, 12, 9) или ССЗ — ЮЮВ (14) с поперечными (от 1 до 3) и продоль-

¹ См. приложение «Могильник Жаман-Тогай».

ными ступеньками. Пол постепенно понижается к входу, расположенному в северной стенке (5, 12), в северо-северо-западной (14) и южной (9). Он иногда закрывался, видимо, камышовыми матами.

Катакомбы ориентированы 3 — В (5, 12), СЗ — ЮВ (9, 14), размер их от $1,74 \times 1 \times 0,72$ м до $3 \times 2,75 \times 2,48$ м. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на В (5, 12), СВ (14). Курган 9 сильно потревожен грабителями (рис. 2, 1—4).

В кургане 21 грунтовая яма ориентирована ССЗ — ЮЮВ (размер $4,07 \times 1,75$ м). Заплевки имели все стороны могильной ямы, на которых обнаружены остатки камыша от перекрытия погребальной камеры (размер $2,91 \times 1,05$ м, глубина 1 м). Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на ЮЮЗ (рис. 3, 1—4).

Материал, полученный при исследовании могильника, можно датировать четырьмя хронологическими периодами: эпохой бронзы (X—VIII вв. до н. э.), сакским временем (VII—VI вв. до н. э.), рубежом нашей эры и III—V вв. н. э.

К эпохе бронзы относятся погребения 1, 3, 5 в кургане 1 (рис. 4). Четких контуров сооружений и положение погребенных проследить не удалось. Правда, в одном случае (3) скелет лежал вытянуто, на

спине, головой на ЮЮЗ. При погребении 1 стоял плоскодонный горшок с шейкой, образованной отгибом края венчика, изготовленный ручной лешкой из глины с примесью толченой раковины. На внешней поверхности были следы закопченности (табл. VI, 3). Близ-

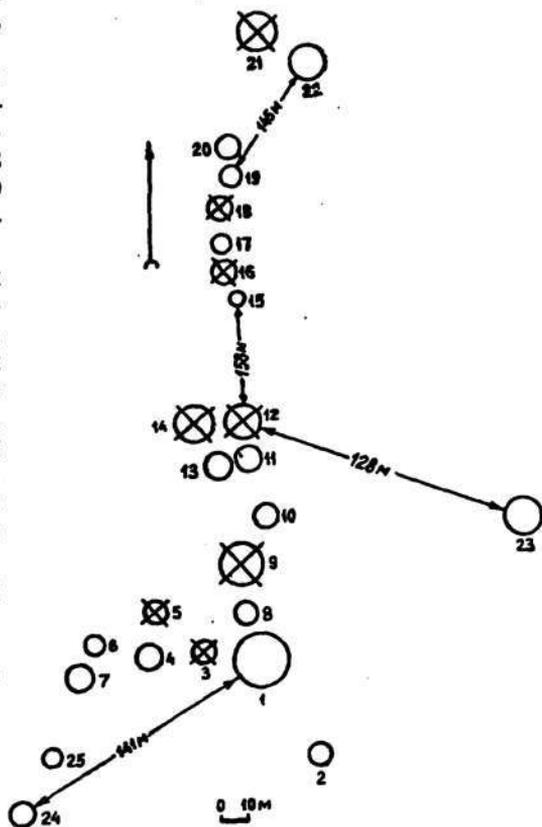

Рис. 1. Могильник Жаман-Тогай, план.

кие по форме и технике изготовления сосуда широко известны в памятниках эпохи бронзы².

В погребении 3 найдены сосуд с прямым венчиком, шаровидным туловом и округлым дном, изготовленный ручной лепкой из глины с примесью толченой раковины (табл. VI, 4), бронзовый нож и шило. Подобные нашим сосуды известны из погребений раннекарасукского времени (X—VIII вв. до н. э.)³. Нож, или точнее «нож копьевидной формы», с черенком для рукоятки и плоским листообразным лезвием (табл. VII, 2) аналогии имеет также в памятниках эпохи бронзы, т. е. начала I тыс. до н. э.⁴ Шило четырехгранное, с одним острым концом (табл. VII, 3). Подобные шилья широко известны в памятниках эпохи бронзы.

В погребении 5 собрано большое количество бус-пронизок из стекловидной массы (табл. VII, 16), сурьмы (табл. VII, 17), а около голеностопных суставов — бронзовых, свернутых из проволоки (табл. VII, 19). На костях были следы окиси. Возможно, бусы украшали верхнюю часть обуви или их носили на ногах как браслеты⁵. Аналогичные бусы-пронизки встречены в погребениях эпохи бронзы⁶. Литые бусы из сурьмы найдены в Тау-Таринском могильнике⁷

---

² А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 14, Археология, 1962, стр. 43, рис. 6, 3; М. А. Итигина. Раскопки могильника татабагыбской культуры Кокча 3. В кн.: «Могильник бронзового века Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5, 1961, стр. 37, рис. 12, 8; стр. 43, рис. 14, 5.

³ М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА, 1965, вып. 100, стр. 68, рис. 27, 12.

⁴ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. «Труды ИИАЭ им. А. Довиша АН ТаджССР», т. XXXIII. Душанбе, 1962, стр. 200; стр. 338, табл. XXXIX, 1; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 1960, № 88, стр. 97, рис. 18, 7.

⁵ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в ур. Каракудук. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 12, Археология и этнография, 1961, стр. 71; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 143; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология, 1958, стр. 233.

⁶ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. раб., стр. 275, табл. LVI, 3, 5; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, Археология, 1959, табл. XIV, 23; С. С. Черников. Указ. раб., стр. 270, табл. LXXVIIa, 7; А. М. Оразбаев. Указ. раб., стр. 287, табл. V, 17; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948, стр. 110, рис. 35, 10.

⁷ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в ур. Тау-Тары..., стр. 39, рис. 2, 1.

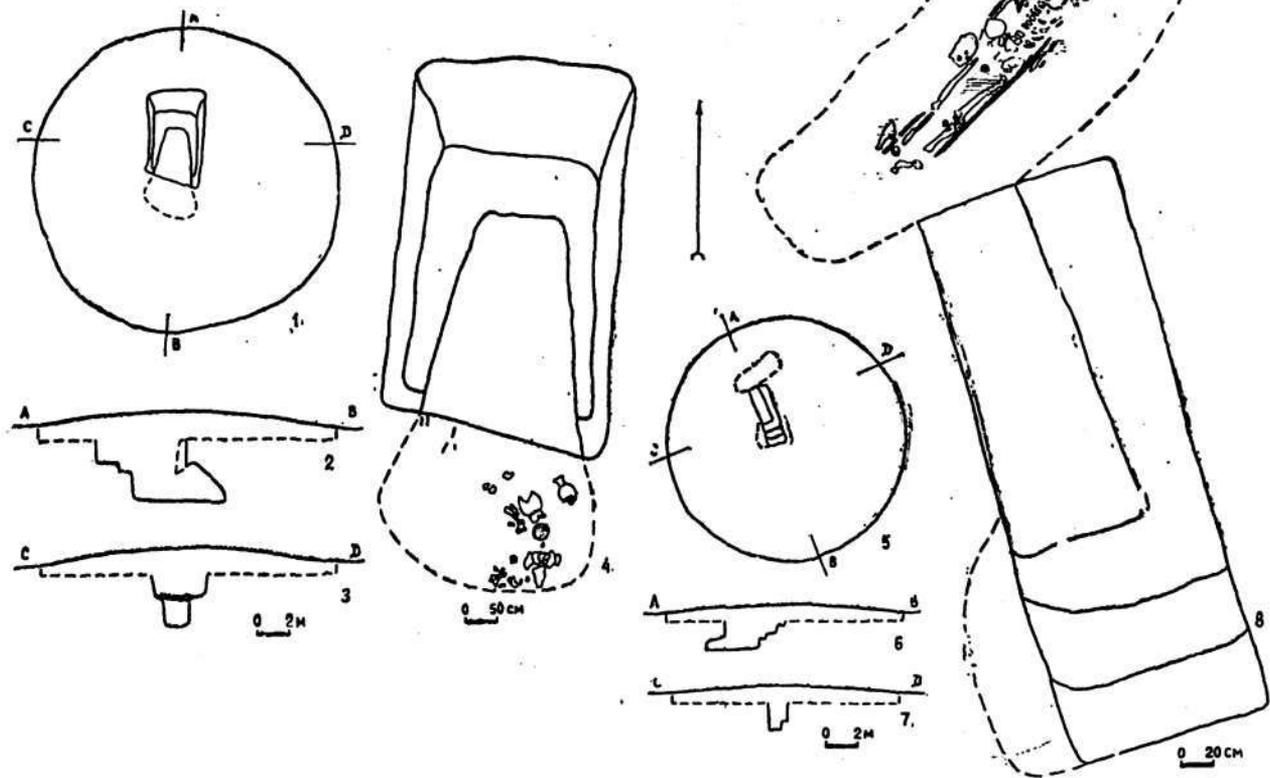

Рис. 2. М-к Жаман-Тогай: 1—4 — к. 9; 5—8 — к. 14.

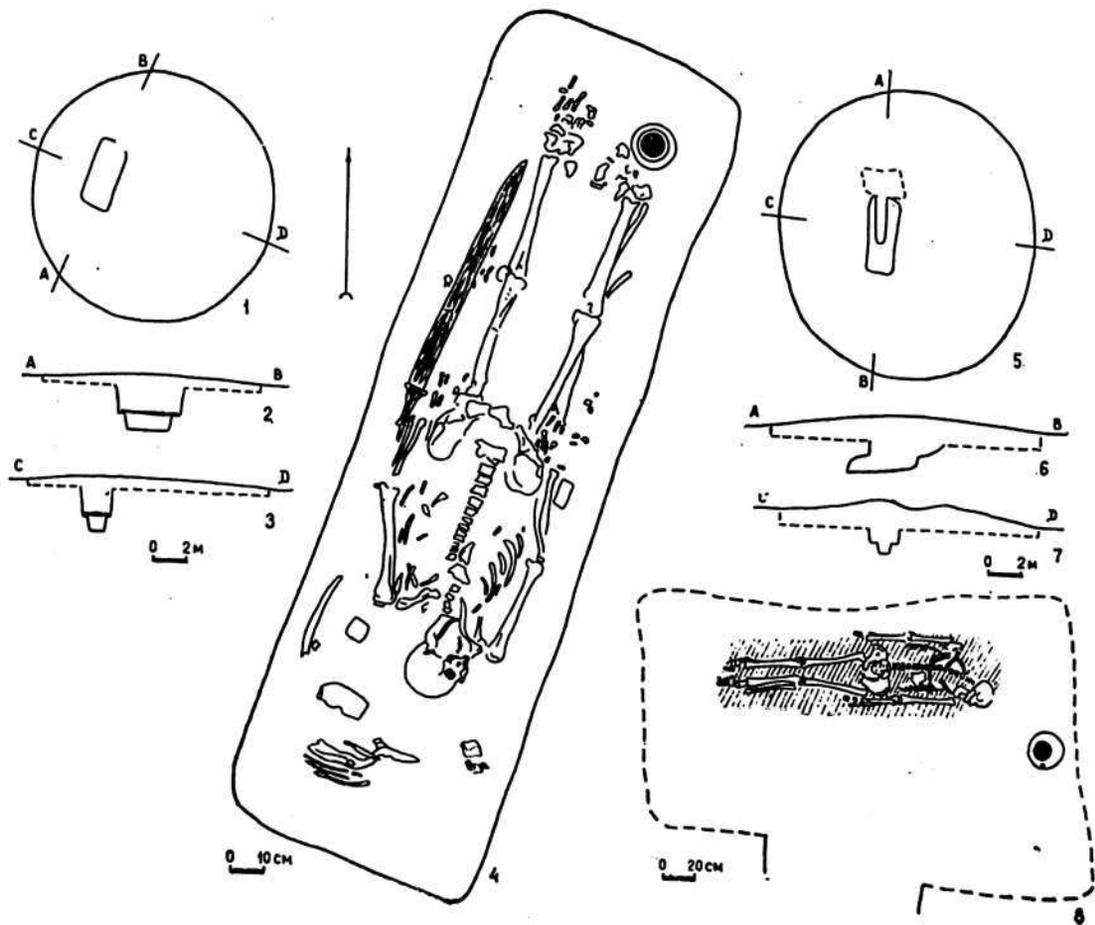

Рис. 3. М-к Жаман-Тогай: 1—4—к. 21; 5—8—к. 12.

и на Кайрак-Кумском поселении⁸. К этому же времени относится погребение в катакомбе (курган 14), разрушенное вторичным захоронением. Обнаружены глиняный сосуд (табл. II, 7) и золотое кольцо (табл. III, 21). Сосуд с прямым венчиком, шаровидным туловом, изго-

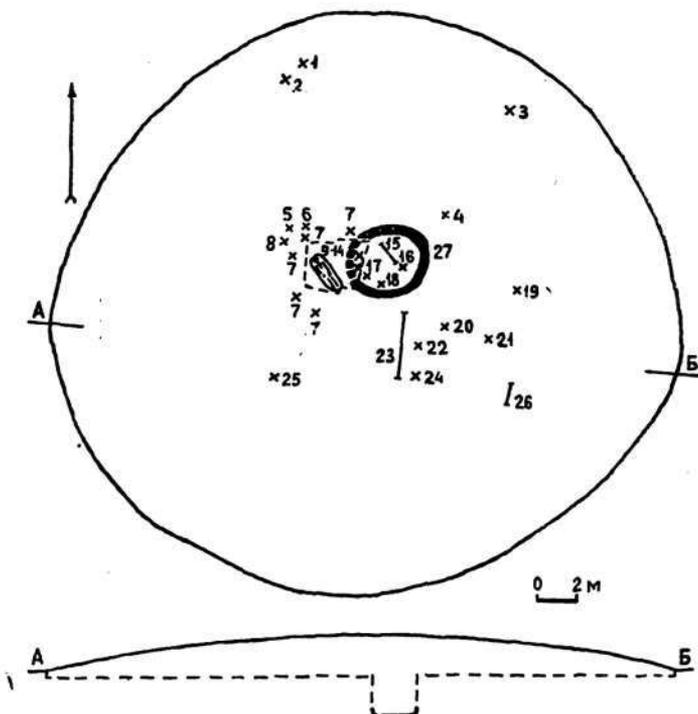

Рис. 4. М-к Жаман-Тогай, план кургана 1 и находки (1, 2 — глиняные сосуды; 3 — кость животного; 4 — кости человека и глиняный сосуд (погребение 1); 5 — кости человека; 6 — скелет человека, пастовые и бронзовые бусы (погребение 5); 7 — остатки дерева — столбиков; 8 — сырцовый кирпич, рог марала; 9—14 — погребение человека без вещей и остатки тризны; 15 — скелет человека (погребение 2); 16 — железное шило; 17 — кости стопы человека; 18 — поделка из железа — иголка (?); 19 — курительница; 20 — обломок железного меча; 21 — бронзовая пряжка; 22 — обломок рукоятки железного меча; 23 — могилная яма (погребение 6); 24 — обломки железного меча; 25 — кости человека, цветные камушки, бусы (погребение 4); 26 — кости скелета человека, бронзовое шило, копьевидный нож, глиняный сосуд (погребение 3).

⁸ В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Указ. раб., стр. 177.

товлен ручной лепкой из глины с примесью мелко толченой раковины. По горловине проходит линейный орнамент, а по тулову — в виде елочки.

В кургане 1 на глубине 1 м от вершины, на камышовом слое, внутри угольного круга зафиксированы остатки тризны, относящиеся к сакскому времени. Находки представлены мечом (акинаком), наконечниками стрел, двумя точильными камнями, ножом, кольцом от удила.

Наконечники стрел бронзовые, трехлопастные, черешковые (табл. V, 4—8) с крышевидной (башневидной) головкой, острыми шипами и выступающей втулкой (табл. V, 1—3). Они находят близкие аналогии в памятниках VII—VI вв. до н. э.⁹ Меч (акинак) железный с брусковидным бронзовым навершием и бабочковидным перекрестием. Длина меча 36 см (табл. V, 10). Близкий по форме акинак, относящийся к концу VI в. до н. э.; найден у с. Норка¹⁰. Нож железный, однолезвийный, без выделенной рукоятки, напоминает бронзовый нож из могильника Джувантобе¹¹ и железный нож из Тасмола¹². Близкие по форме ножи обнаружены в Павлодарской области в курганах VI—II вв. до н. э.¹³ Один из точильных камней (мусатов) был с круглым отверстием на конце для подвешивания (табл. V, 12). Аналогичные, довольно массивные мусаты встречены в памятниках VII—VI вв. до н. э. в Центральном Казахстане, в Сибири¹⁴. Шило (табл. VII, 4) железное, с одним обломанным острым концом. К этому же времени следует отнести найденную при снятии насыпи бронзовую пряжку от сбруи (табл. VII, 10). В отличие от широко распространенных в сакское время подобных пряжек у нашей выступ сплошной, на котором с обратной стороны имеется штифт для крепления к ремню.

⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 1961, № 101, стр. 111, рис. 12 (Д, 1); К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 117 (см.: VII—VI вв. до н. э., 18—23); А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. раб., рис. 66 (вклейка), 3, 11, 18.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 101, рис. 1, 7.

¹¹ А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИМК, 1960, вып. 80, стр. 63, рис. 12, 4.

¹² А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. раб., стр. 314, рис. 5, 9.

¹³ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, Археология, 1959, табл. I, 50—52; Ф. Х. Арсланова. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 2, стр. 84, табл. VII, 6, 7, 15.

¹⁴ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. раб., стр. 337, рис. 31, 4; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 1949, № 9, стр. 175, табл. XXIX, 4.

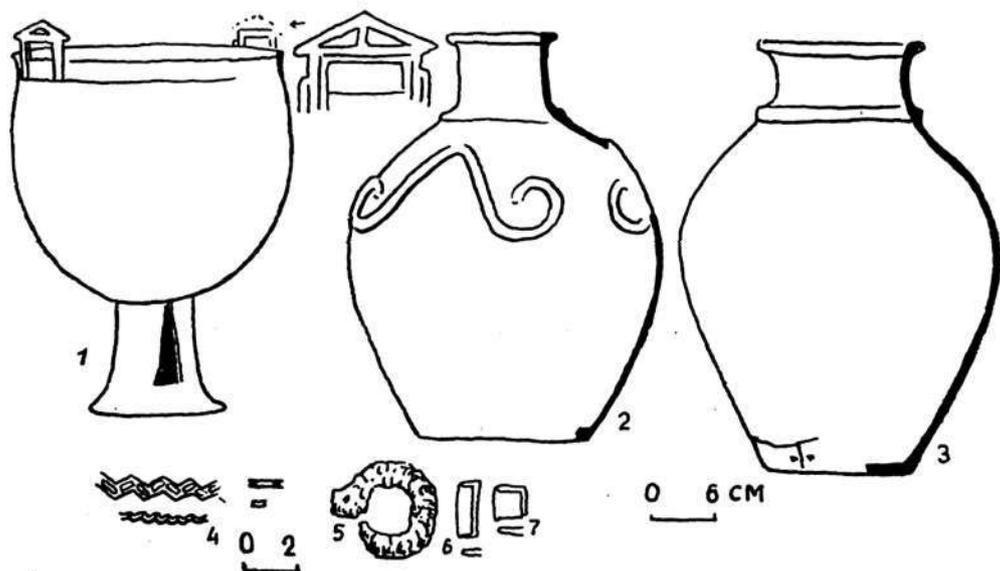

Табл. I. М-к Жаман-Тогоай, инвентарь из кургана 9: 1, 6, 7 — бронза; 2, 3 — глина; 4 — серебро; 5 — железо.

Погребение 4 (курган 1), захоронения в катакомбах (5, 9, 12), грунтовой яме с заплечиками (21) и в кургане 16 относятся к рубежу нашей эры. Инвентарь их представлен в основном глиняными сосудами. Найдено 8 целых сосудов и одна боковина. По форме их можно разделить на три группы: горшки, кувшины с ручкой и без ручки, курильницы. Все они изготовлены ручной лепкой из глины с примесью дресвы или толченой раковины и носят следы долгого употребления в быту.

Горшки (табл. II, 3, 4, 6) плоскодонные, с невысокой шейкой и темной поверхностью. На дне двух из них оказались остатки пригоревшей пищи. На внешней стороне одного (табл. II, 6) был знак в виде трех небольших прочерченных линий. Близкие аналогии горшки имеют в погребениях I в. до н. э. — I в. н. э.¹⁵

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, 1948, вып. XXII, стр. 83, рис. 26; А. В. Давыдова и В. П. Шолов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 году. «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского ин-та культуры», 1951, вып. XIII, стр. 98, рис. 7а; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, 1956, XXV, стр. 278, рис. 10; Ц. Доржсурэн. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол (1954—1957 гг.). «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 39, рис. 8, 4.

Кувшины с ручкой (табл. II, 5) и без ручки (табл. 1, 2, 3) плоскодонные, с высоким горлом, отогнутым и утолщенным наружу краем венчика. Ручка вертикальная, расположена в верхней части тулова (обломана). Внешняя и внутренняя поверхности коричнево-красноватые; внешняя сильно закопчена. Этот сосуд имеет близкие аналогии в могильнике Кула-Журга (III—II вв. до н. э.)¹⁶.

Кувшины без ручки темные, лощеные, со следами починки. Один из них (табл. 1, 2) с высоким узким горлом и шаровидным туловом, при переходе к горловине сделан налепной валик; в верхней части тулова орнамент в виде кошкар муиз, выполненный налепом. Другой кувшин (табл. I, 3) с высокой широкой горловиной и довольно вытянутым туловом. При переходе от горловины к тулову также был налепной валик.

Аналогичные кувшины по тесту, форме, технике изготовления и орнаментации (налепной валик, иногда волнистые налепные валики) встречены в хуннских памятниках рубежа нашей эры¹⁷. Орнамент, состоящий из налепов в виде головы барана, имеется на чайнике с носиком из г. Туркестана¹⁸. Близкий по сюжету орнамент из налепного валика со спиральными завитками отмечен на сосудах из второго Катандинского могильника II—I вв. до н. э.¹⁹ Как полагает М. И. Вязьмитина, мотив в виде головы барана, или, как иногда его называют, очкообразный, встречается в I—II вв. н. э. в Неаполе Скифском (Крым) и в Золотой Балке (на Днепре) не позже I в. н. э.²⁰ М. И. Вязьмитина сосуды с таким орнаментом считает сарматскими только по времени, а не по происхождению. Орнамент в виде очкообразного налета на сосудах бытует у ягнобцев до сегодняшнего дня²¹.

Курильница (табл. II, 1) в виде усеченного конуса с прямым утолщенным наружу венчиком изготовлена ручной лепкой из глины с примесью шамота. Поверхность и излом желтовато-серые. Аналогичные курильницы найдены в грунтовой яме во втором Бережнов-

¹⁶ С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1951, вып. 3, табл. VIII, 3,4.

¹⁷ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 61, рис. 51, а, в, ж, к; табл. XXVI, 4; А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Указ. раб., стр. 99, рис. 8; А. В. Давыдова. Указ. раб., стр. 277, рис. 9; стр. 281, рис. 12; Г. П. Сосновский. О поселении гунской эпохи в долине р. Чикая (Забайкалье). КСИИМК, 1947, вып. XIV, стр. 37, рис. 26, 5.

¹⁸ Коллекция ГИМа, № 146 (по описи Анучина).

¹⁹ А. А. Гаврилова. Раскопки второго Катандинского могильника. СА, 1957, XXVII, стр. 264, рис. 8.

²⁰ М. И. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 126, рис. 64, 6—10, 12.

²¹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 87, рис. 28, 1.

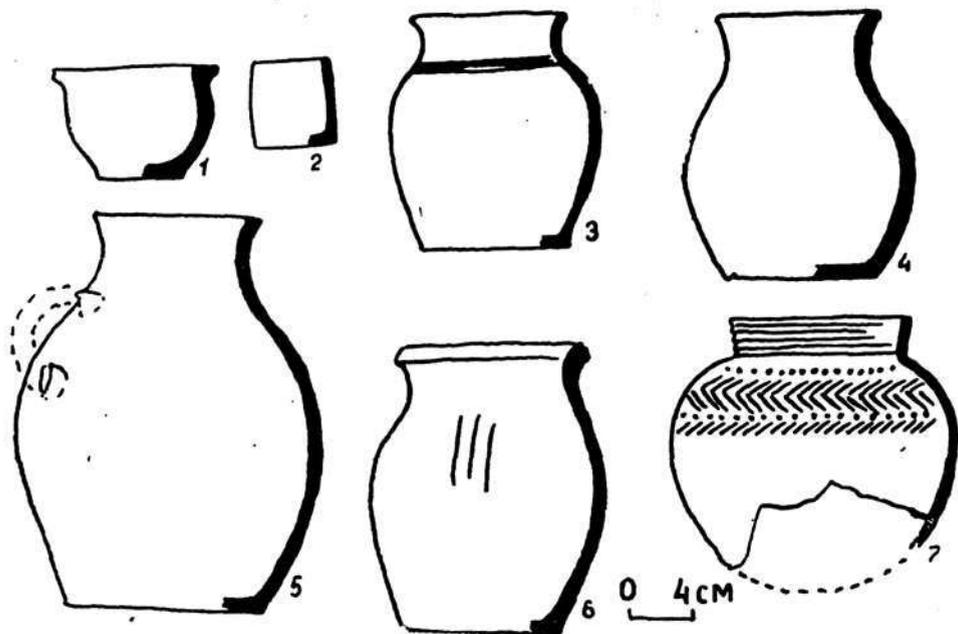

Табл. II. М-к Жаман-Тогай, глиняные сосуды: 1, 2, 4 — к. 21; 3 — к. 5; 5 — к. 12; 6 — к. 16; 7 — к. 14.

ском могильнике (I в. до н. э. — II в. н. э.)²², у с. Усатово²³ и в катакомбах первого типа Шаушукумского могильника (III—V вв. н. э.)²⁴.

К этому же времени относится медный котел из катакомбы 9. Край его отогнут наружу. С двух противоположных сторон на венчике расположены вертикальные, прямоугольные, в виде «домика», ручки. Поверхность сильно закопчена (табл. I, 1). Поддон прорезной. По форме ручек, венчику, поддону он идентичен известным котлам рубежа нашей эры²⁵

²² И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (По раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, 1960, № 78, стр. 45, рис. 16, 8.

²³ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, табл. IV, 3.

²⁴ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. IV, табл. XXIV, 5.

²⁵ С. И. Руденко. Указ. раб., стр. 36, рис. 29б; А. В. Давыдова. Указ. раб., стр. 287, рис. 18, 6; В. П. Левашова и Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее. КСИМК, 1952, вып. XLIII, стр. 134, рис. 45, 3; Ц. Доржсурэн. Указ. раб., стр. 43.

Кроме глиняной посуды обнаружены предметы вооружения (курган 21): меч, кинжал, наконечники стрел и накладки от сложного лука.

Меч длинный, железный, двулезвийный с черенком-стержнем для рукоятки и прямым перекрестием. На клинке сохранились остатки дерева и кожи от ножен. На стержне-черенке имелись штифты для крепления деревянной рукояти (табл. IV, 2). Подобные мечи встречены в Лявандакском и Кую-Мазарском могильниках (II в. до н. э. — I в. н. э.)²⁶, среднесарматских погребениях (I в. до н. э. — II в. н. э.)²⁷.

Кинжал железный, двулезвийный с черенком-стержнем для рукоятки. На клинке были отпечатки дерева от ножен (табл. IV, 1). Такие же кинжалы найдены в Кую-Мазарском²⁸, Шаушукумском²⁹ и гуннском могильниках Черемуховой пади³⁰.

Накладки от сложного лука концевые, костяные, длиной около 30 см. На концах сделан вырез для закрепления тетивы, на обратной стороне — косые насечки, наружная залощена (табл. III, 22). Такие же накладки выявлены в курганах с рубежа нашей эры³¹ и бытуют вплоть до V—VIII вв. н. э.³²

Наконечники стрел железные, трехлопастные, черешковые, с остатками дерева на черенках. Длина боевой части от 2,5 до 4 см (табл. III, 1—6). Подобные наконечники стрел известны с III в. до н. э.³³

Бытовые предметы представлены ножами, шильями, пряжками, щипчиками (табл. III, 20) из кургана 21 и каменным пряслицем (табл. III, 13) из кургана 16.

Ножи железные, с выделенной (табл. III, 9, 11) и невыделенной (табл. III, 10) рукоятью, однолезвийные, небольшие. Ножичек с выде-

²⁶ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 140, рис. 10, 17—21.

²⁷ И. В. Сидицын. Древние памятники в низовьях Еруслана..., стр. 102, рис. 39, 9.

²⁸ О. В. Обельченко. Указ раб., стр. 140, рис. 10, 14.

²⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 4, табл. XVI, 6—9, 11; табл. XXV, 5.

³⁰ Н. Н. Мамонова и Р. Ф. Тугутов. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади. «Археологический сборник», вып. 1. Улан-Удэ, 1959, стр. 77.

³¹ С. И. Руденко. Указ. раб., табл. IV, 3, 4.

³² Е. К. Максимова. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. «Труды Саратовского областного музея краеведения». Археологический сборник, вып. I, 1956, стр. 72, рис. 44, 1, 2, 3.

³³ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский могильник III—I вв. до н. э. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1949, вып. 2, стр. 119—121; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1949, вып. 2, стр. 71, рис. 3, 2; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 104.

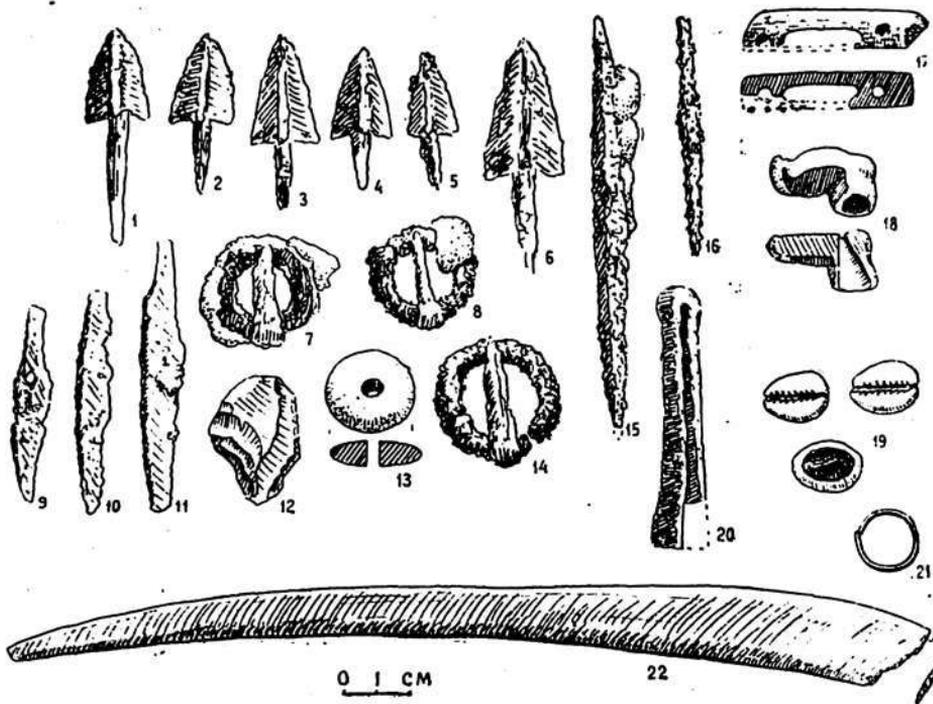

Табл. III. М-к Жаман-Тогай, инвентарь: 1—12, 15—20, 22 — к. 21; 13 — к. 16; 14, 21 — к. 14 (1—11, 14—16, 20 — железо, 12 — кремневый отщеп; 13 — камень; 21 — золото; 17—18, 22 — кость; 19 — каури).

ленной рукоятью, идентичный нашему, найден на Иволгинском городище³⁴.

Шилья железные, четырехгранные. Оба конца острые (табл. III, 15, 16). На одном из них (табл. III, 15) сохранились остатки кожи.

Пряжки железные и из смолы (?). Железные круглые, с подвижным язычком и остатками кожи от обуви (табл. III, 7, 8). Аналогичные по форме пряжки бытуют с I в. до н. э. — I в. н. э.³⁵ Пряжки из смолы (?) прямоугольной формы. На обратной стороне имеются следы из металлических заклепок для крепления к ремню. Внешняя сторона украшена прорезным орнаментом. На одной из них (рис. 5, а) сделаны овальные отверстия и железный штифт для крепления застёжки. Ор-

³⁴ С. И. Руденко. Указ. раб., стр. 38, рис. 30, в.

³⁵ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, табл. IV, 9.

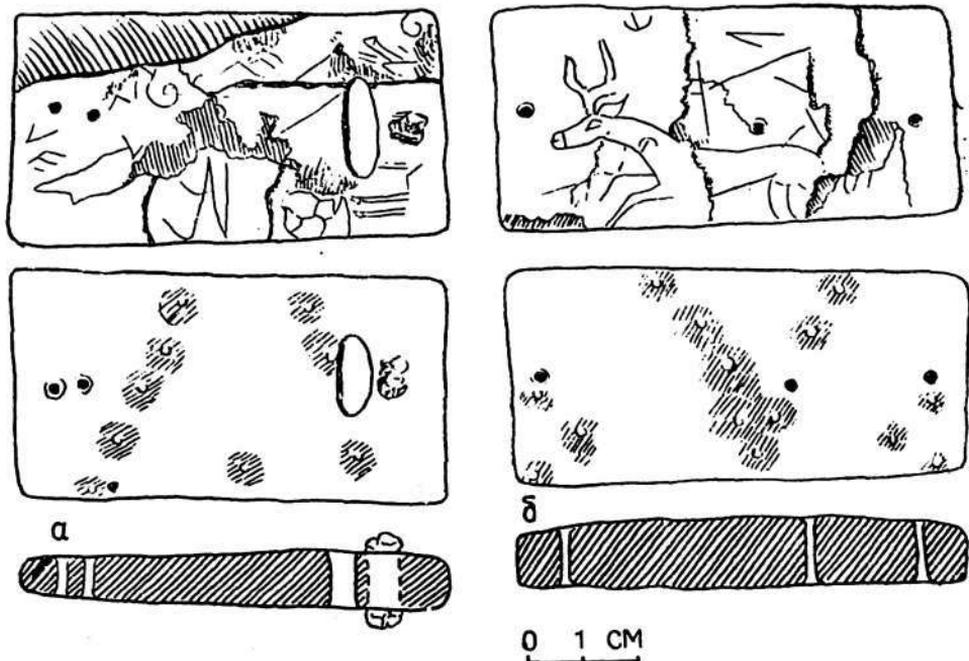

Рис. 5. М-к Жаман-Тогай, пряжки из кургана 21.

намент неясный. Довольно четко видны в правом нижнем углу ноги какого-то парнокопытного животного. На другой пряжке (рис. 5, б) изображен олень в движении, выше его головы знак Ω , на шее такой же знак, но только он перевернут.

Из украшений найдены раковины каури (курган 21), различной формы каменные и полосчатые бусы (курган 1, погребение 4). Одна из них удлинено призматическая (табл. VII, 18а), остальные бочонковидные (табл. VII, 18б). Идентичные удлинено призматические бусы встречены в Таксиле (Индия) в памятниках I в. н. э.³⁶

Кроме того, в кургане 21 обнаружена поделка из астрагала барана с просверленным конусовидным отверстием в срезанной в виде буквы «Г» боковой части (табл. III, 18). Такая же поделка зафиксирована в Суджинском могильнике, которую С. И. Руденко считает на-

³⁶ Н. С. В е с к. The beads from Taxila. Memoire of the Archaeological survey of India. № 65, Calcutta, 1941, Plate, XI, VI c, 2b.

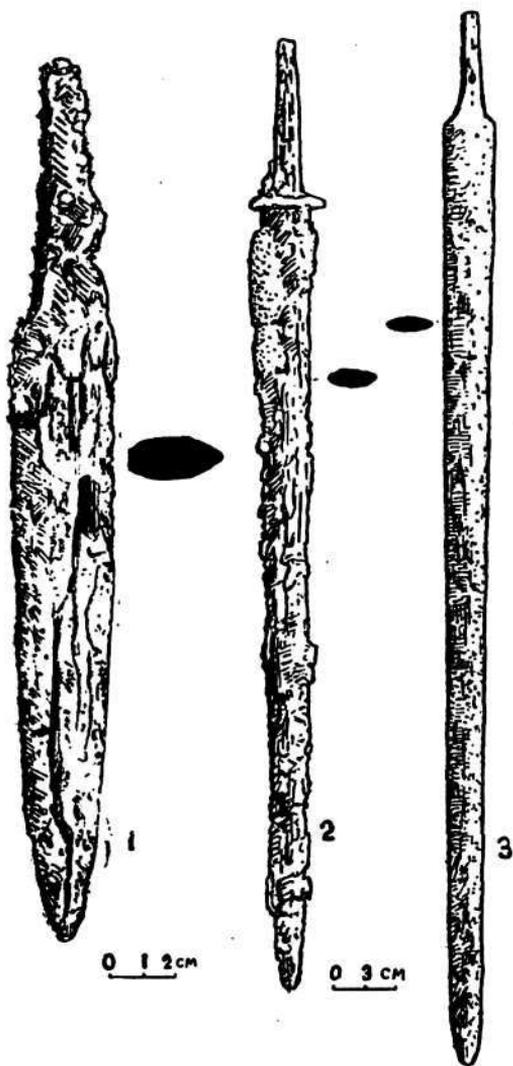

Табл. IV. М-к Жаман-Тогай, железные кинжалы и мечи: 1, 2 — к. 21; 3 — к. 14 (железо).

Рис. 6. М-к Жаман-Тогай, меч из кургана 1 (железо).

кладкой-упором на стержень при добывании огня³⁷. Серебряная зигзагообразная ажурная пластинка (табл. I, 4) из кургана 9, служившая для скрепления стенок деревянной шкатулки, близка найденной у с. Саргатка Омской обл. в кургане, датируемом рубежом нашей эры³⁸.

Весь инвентарь из курганов (катакомбы 5, 9, 12, яма с заплечиками 21), относящийся к рубежу нашей эры, находит аналогии в хуннских погребениях. Вопрос об историческом толковании подобных могильников, известных на территории Средней Азии и Казахстана, спорен. Известно, что первое движение хуннов на запад (в Кангюй) происходило в I в. до н. э.³⁹ Вероятно, какая-то часть хуннов на рубеже нашей эры достигла среднего течения Сыр-Дарьи. Мы в свою очередь можем говорить лишь о близости погребального инвентаря из могильника к хуннским. Однако важно отметить, что сходства в сооружениях погребальных камер не наблюдается.

Из исследованных нами курганов в трех (5, 9, 12) установлены погребения в катакомбах и в одном (21) в грунтовой яме с заплечиками. Оба типа сооружений не встречаются на территории, относимой к исконному расселению хуннов. Для них характерны погребения в грунтовой яме, нижняя часть которых обставлена каменными плитами или представляет собой бревенчатый сруб⁴⁰. Как сообщают восточные источники, хунны «покойников хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы...»⁴¹

Что касается захоронений в катакомбах, то в настоящее время по этому вопросу существует две точки зрения. Большинство ученых (Г. В. Григорьев, Т. Г. Оболдуева, М. Э. Воронец, С. С. Сорокин) придерживаются мнения, что это памятники коренного местного населения, другие же связывают их с проникновением в Среднюю Азию хуннов (А. Н. Бернштам)⁴², с приходом сюда населения из Приуралья и

³⁷ С. И. Руденко. Указ. раб., стр. 53, рис. 46, б.

³⁸ В. А. Могильников. Коконовские и Саргатские курганы в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья (в печати).

³⁹ К. Иностранцев. Хунну и гунны. «Труды туркологического семинария», т. I. Л., 1926, стр. 97; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 80, 83.

⁴⁰ Ц. Доржсурэн. Указ. раб., стр. 36—44; Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО», т. III, вып. 1. Иркутск, 1902, стр. 5—17, 49—53; вып. 2 и 3, стр. 15—31; его же. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Там же, т. IV, вып. 2. М., 1902, стр. 32—53; его же. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Там же, т. VI, вып. 2. СПб., 1904, стр. 9—11; Н. Н. Мамонова и Р. Ф. Тугутов. Указ. раб., стр. 74—77; С. И. Руденко. Указ. раб., стр. 3—124.

⁴¹ Н. Я. Вичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., стр. 50.

⁴² С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, 1956, XXVI, стр. 99.

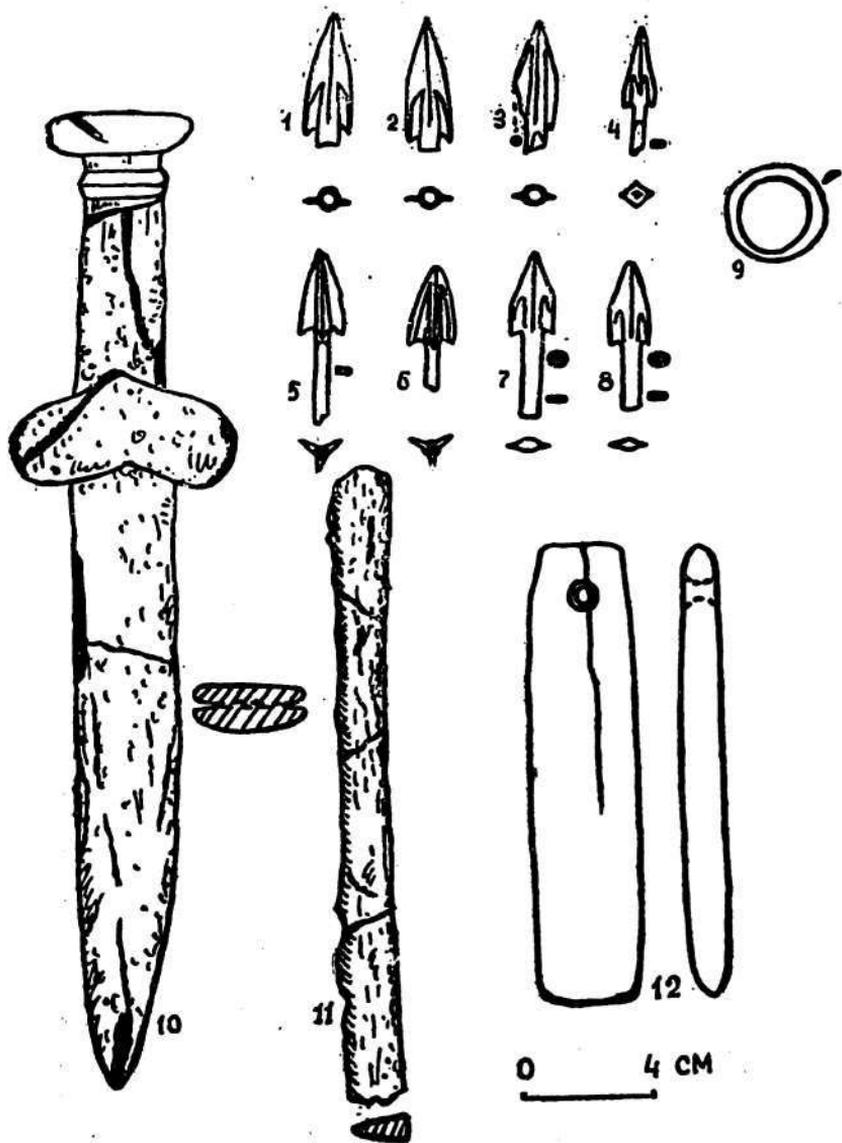

Табл. V. М-к Жаман-Тогай, курган 1, остатки тризны (1-9 — бронза; 10 — железо с бронзовым навершием; 11 — железо; 12 — камень).

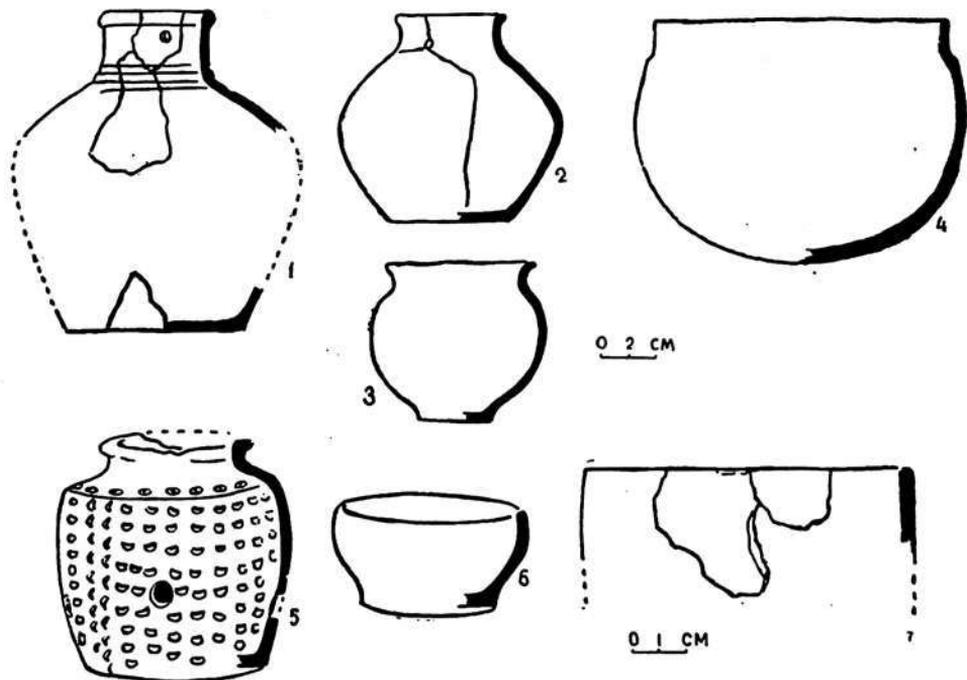

Табл. VI. М-к Жаман-Тогай, глиняные сосуды из кургана 1 (1 — погребение 6; 2 — на глуб. 1,5; 3 — погребение 1; 4 — погребение 3; 5 — на глуб. 1,9; 6 — погребение 2; 7 — на глуб. 1,7 м).

соседних с ним районов (О. В. Обельченко), движением юечжийских племен (Ю. А. Заднепровский)⁴³, что мало вероятно⁴⁴, так как в настоящее время в Средней Азии исследованы катакомбы эпохи бронзы⁴⁵. М. Е. Массон в подземной камере (видимо, катакомбе) под Той-тубе нашел скифский акинак (V—IV вв. до н. э.)⁴⁶. Данный вопрос сложен и требует дальнейшего всестороннего изучения.

Хотя погребения в грунтовых ямах с заплечиками характерны

⁴³ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 128—138.

⁴⁴ Происхождение и эволюция подбоя и катакомбы и культура подбойно-катакомбных захоронений — разные вопросы. На культуру повлиял и пришлый элемент, в частности хунны [Отв. ред.].

⁴⁵ А. Аскар-ов. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореферат. Л., 1962; А. М. Мандельштам. Памятники степного круга эпохи бронзы. В кн.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 250.

⁴⁶ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 56.

для сарматских племен I в. до н. э. — I в. н. э.⁴⁷, на территории Казахстан они известны с эпохи бронзы⁴⁸ и у ранних кочевников⁴⁹.

Глиняная посуда (горшки, кувшины), собранная в могильнике Жаман-Тогай, по форме и технике изготовления имеет сходство с кухонной посудой могильников Актобе и Шаушукумский.

Погребение 6 (курган 1) и катакомба 14 относятся к III—V вв. н. э. В первом случае не удалось выяснить контуров погребального сооружения, во втором скелет лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Это вторичное захоронение.

Инвентарь погребений представлен железными мечами, кинжалами, наконечниками стрел, накладками от сложного лука, пряжкой и кувшином.

Мечи железные, двулезвийные, длинные, с черенком-стержнем для рукояти. На клинке сохранились остатки дерева от ножен. У одного из них (табл. IV, 3) черенок-стержень образует в месте соединения с клинком тупой угол. Другой меч собран из обломков (рис. 6).

Кинжал (стержень рукояти с перекрестием) железный (табл. VII, 8).

Наконечники стрел железные, черешковые, трехлопастные. Длина боевой части 3,5 см (табл. VII, 6). На черешке имеются остатки дерева от древка.

Накладки от сложного лука концевые, костяные (обломки). Внешняя поверхность их залощена, обратная отделана косыми насечками (табл. VII, 14, 15).

Пряжки железные, круглые, с подвижным язычком, гораздо больших размеров, чем из кургана 21 (табл. III, 14; VII, 7).

Кувшин (обломки), по всей вероятности, был с узким горлом и округло-вытянутым туловом. Изготовлен на гончарном круге из серой глины, черепок плотный. Поверхность покрыта светлым ангобом. Край венчика подтреугольной формы и утолщен наружу. При переходе от горловины к тулову нанесен орнамент из двух параллельных канелюр и двух горизонтальных прочерченных линий. Дно плоское. В верхней части сохранились следы починки (табл. VI, 1).

Комплекс предметов III—V вв. н. э. находит близкие аналогии в Шаушукумском могильнике⁵⁰.

⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИМК, 1950, вып. XXXIV, стр. 107; В. Н. Гравков. Указ. раб., стр. 105.

⁴⁸ По сообщению М. К. Кадырбаева, могильные ямы с заплечиками отмечены им в могильнике Акмола (Павлодарская область), относящемся к эпохе бронзы.

⁴⁹ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, Археология, 1959, стр. 41, 42.

⁵⁰ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 4, табл. XVI, 2—4; XXXIV, 2; XVIII, 10, 26—30; XXVI, 8, 9; XXII, 11; XVII, 20, 21, 28, 29, 35; XXXI, 3.

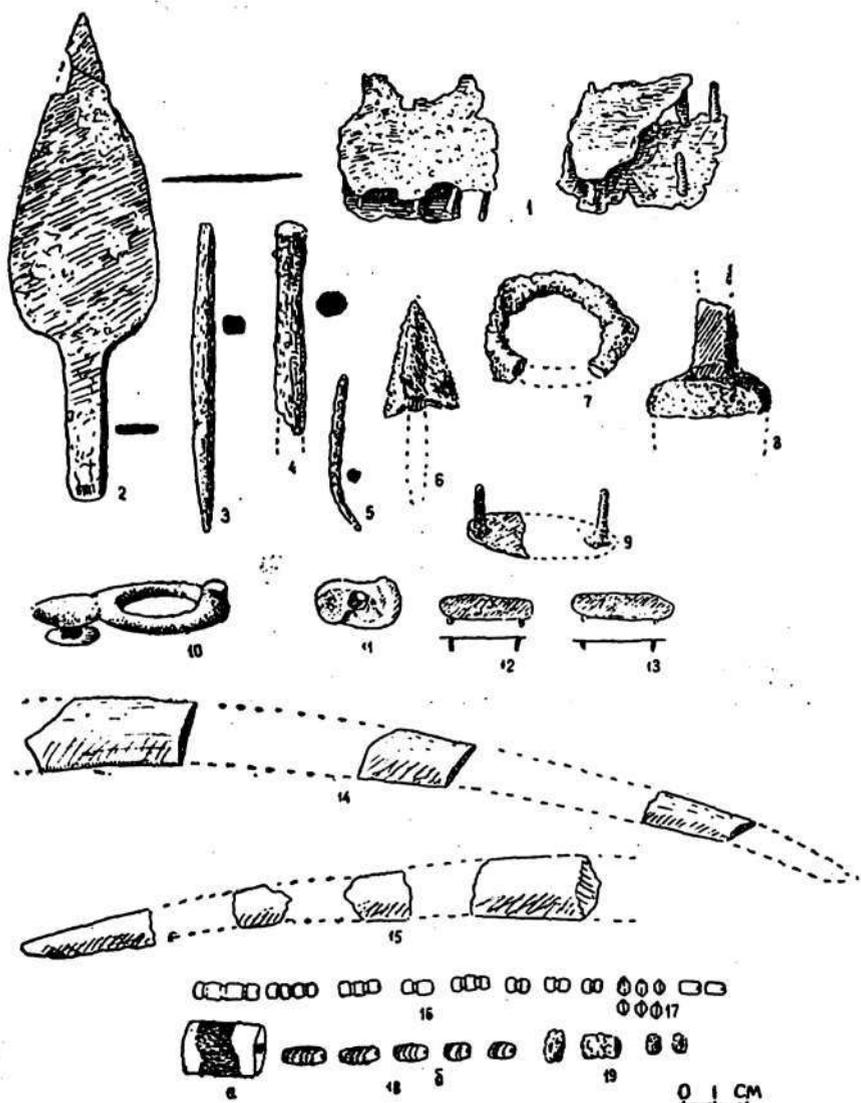

Табл. VII. М-к Жаман-Тогай, вещи из кургана 1 (1—3 — погребение 3; 4, 5 — на глуб. 1 ж; 6—9, 11—15 — погребение 6; 10 — на глуб. 0,5 ж; 16, 17, 19 — погребение 5; 18 — погребение 4; 1, 2, 3, 10, 19 — бронза; 4—9, 12, 13 — железо; 11, 14, 15 — кость; 16 — стекловидная масса; 17 — сурьма; 18 — камень).

2. Могильник Актобе

Актобинский могильник, находящийся на правом берегу р. Сыр-Дарьи, вблизи поселения Актобе 2, состоит из 247 земляных курганов, расположенных бессистемно. В первой группе (в 300 м к северу от поселения), насчитывающей 42 кургана, раскопано четыре (1, 14, 26, 40). Диаметры их 8—17 м, высота 0,05—0,3 м. Во второй группе (в 445 м на северо-восток от первой) имеется 50 курганов, из них раскопано семь (43, 59, 65, 69, 70, 74, 90). Диаметр их 10—20 м, высота 0,05—0,6 м. В третьей группе из 155 курганов (в 1 км на запад от второй группы) исследованы три кургана (94, 125, 126). Диаметр их 10—35 м, высота 0,05—1,5 м (рис. 7). Всего в трех группах раскопано 14 курганов⁵¹, в восьми погребальные сооружения представлены катакомбами первого типа. В двух курганах (69, 216) определить контуры могилы не удалось. В трех курганах (70, 94, 125) под насыпью ничего не обнаружено.

В кургане 59 в северо-восточной части на глубине 1,17 м найдена кружка (табл. X, 2). Все курганы с лёссовыми насыпями. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу, который представляет собой прямоугольную яму с чуть закругленными углами, ориентированную по длинной оси СЗ—ЮВ (1, 14, 43, 65, 74, 90), С—Ю (40) и ССЗ—ЮЮВ (26), с поперечными и продольными ступеньками. Размер дромоса от 1,3×0,8 м до 3,1×1,6 м, высота 0,6—1 м. Катакомбы расположены в северной, северо-западной и северо-северо-западной стенках дромоса и заложены сырцовым кирпичом размером 40×40×12 см, 35×22×7—8 см и 35×35×12 см. Пол катакомбы, как правило, ниже пола дромоса на 0,15—0,35 см. Катакомбы ориентированы по длинной оси СВ—ЮЗ (1, 14, 40, 43, 74), ВСВ—ЗЮЗ (26, 65, 90), размер их от 2,2×1,1 м до 2,8×1,9 м, высота 0,6—1 м.

В четырех катакомбах вскрыто по два скелета в каждой (рис. 8, 1—4; рис. 9, 1—5), а в одной — четыре (рис. 9, 6—9). Вероятно, это семейные усыпальницы. В катакомбах (14, 40, 43, 64, 90) парные захоронения явно разновременные (исключением может быть погребение 43; рис. 8, 5—8), где оказались женщина и ребенок 5—7 лет. В коллективных или парных погребениях при прихоронении останки ранее погребенного сдвигали в сторону или, если кости освободились от связей, их складывали в кучку, а недавно умершего опускали на освободившееся место. В катакомбах все костяки лежат вытянуто, на спине, головой на СВ (1, 14, 43, 74), ВСВ (65), В (26, 40, 90). Два последних незначительно отклонены к С. По своему устройству и обряду катакомбы Актобе сближаются с захоронениями культуры Каунчи II, датируемыми рube-

⁵¹ См. наст. раб., приложение «Могильник Актобе».

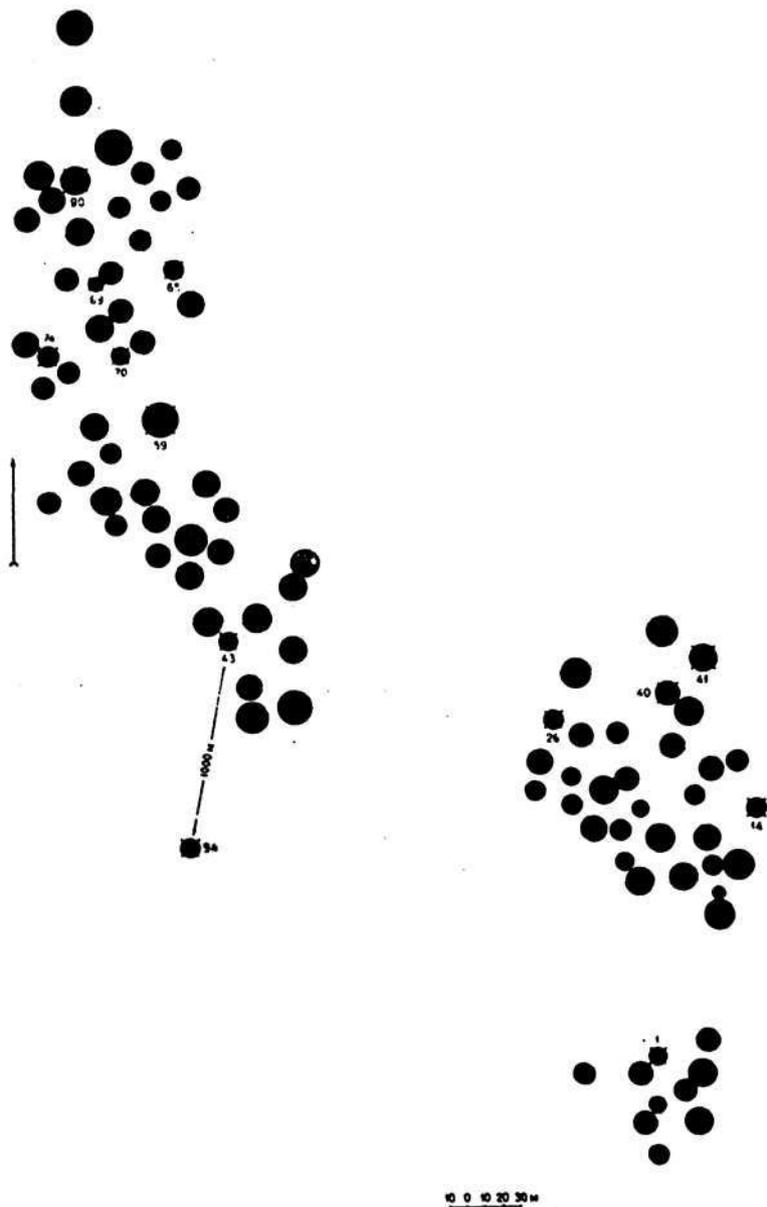

Рис. 7. План могильника Актобе.

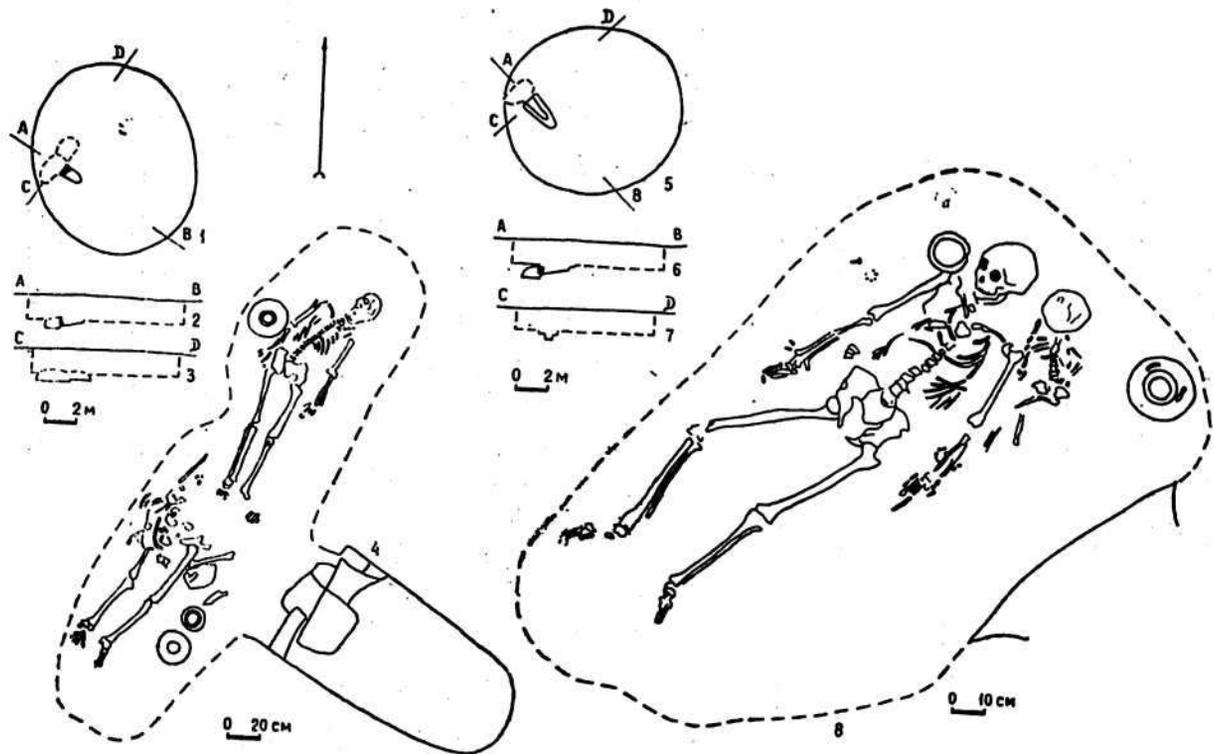

Рис. 8. М-к Актобе, 1—4 — к. 14; 5—8 — к. 43.

жом нашей эры, которые также являлись семейными погребениями в катакомбах в вытянутом положении, на спине⁵².

Погребальный инвентарь беден. Он представлен как в мужских, так и в женских захоронениях глиняной посудой. Найдено всего 25 сосудов, часть из них целые, часть в обломках. Некоторые обнаружены вне погребения. По форме их можно разделить на кувшины с ручкой и без ручки, кружки, горшки, миски (чашки), котлы. Вся посуда, кроме одной кружки (табл. X, 2), изготовлена ручной лепкой. Основная часть сделана из довольно плотного теста. Сосуды сохранили на себе следы довольно долгого употребления в быту. Не все они ставились погребенным с пищей. Так, кружка из кургана 1 (табл. VIII, 1) была наполнена золой и угольками, на боковине котла из кургана 26 лежали угли и зола.

Кувшины с ручками (табл. X, 6; IX, 7), вертикальной или горизонтальной, и без ручки (табл. VIII, 4—7; IX, 1, 5, 6; X, 6—8). Почти все они с широким низким горлом, округлым туловом и широким плоским дном, иногда подрезанным и со следами подсыпки. Внешняя, иногда и внутренняя, поверхность покрыта светлым или розоватым ангобом. Большинство из них орнаментировано крутоволнистой одной или несколькими прочерченными линиями. На поверхность двух кувшинов нанесен тамгообразный знак (табл. VIII, 4; IX, 1), один украшен красновато-коричневой росписью (табл. X, 6).

Кружки с ручкой (табл. VIII, 1, 2; IX, 4, 8—10; X, 1—3), вертикальной и овальной в сечении, с желобком по верху и без него, расположенной в средней части. Налеп на двух ручках (табл. IX, 9, 10) похож на голову животного. Изготовлены они, кроме одной (табл. X, 2), ручной лепкой. Дно плоское, у некоторых с подрезкой и сформовано на подсыпке. Поверхность большинства покрыта желтовато-розоватым или красноватым ангобом, некоторые украшены красной или темно-коричневой росписью с потеками. Одна из кружек (табл. VIII, 1) закопчена. Среди них следует отметить бокалообразные и с выделенной, иногда довольно высокой горловиной.

Горшки (табл. VIII, 3; X, 5) плоскодонные, поверхность затерта и закопчена, край около дна срезан.

Миски (чаши) со слегка отогнутым внутрь краем венчика и округлой закраиной (табл. IX, 2, 3; X, 4). Дно плоское, с подрезкой и следами подсыпки. Поверхность покрыта коричневатым, светлым или розоватым ангобом. На дне одной из них сделан знак в виде креста,

---

⁵² Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, 1948, вып. XXIII, стр. 101; А. И. Тереножкин. Согд и Чач КСИИМК, 1950, вып. XXXIII, стр. 158.

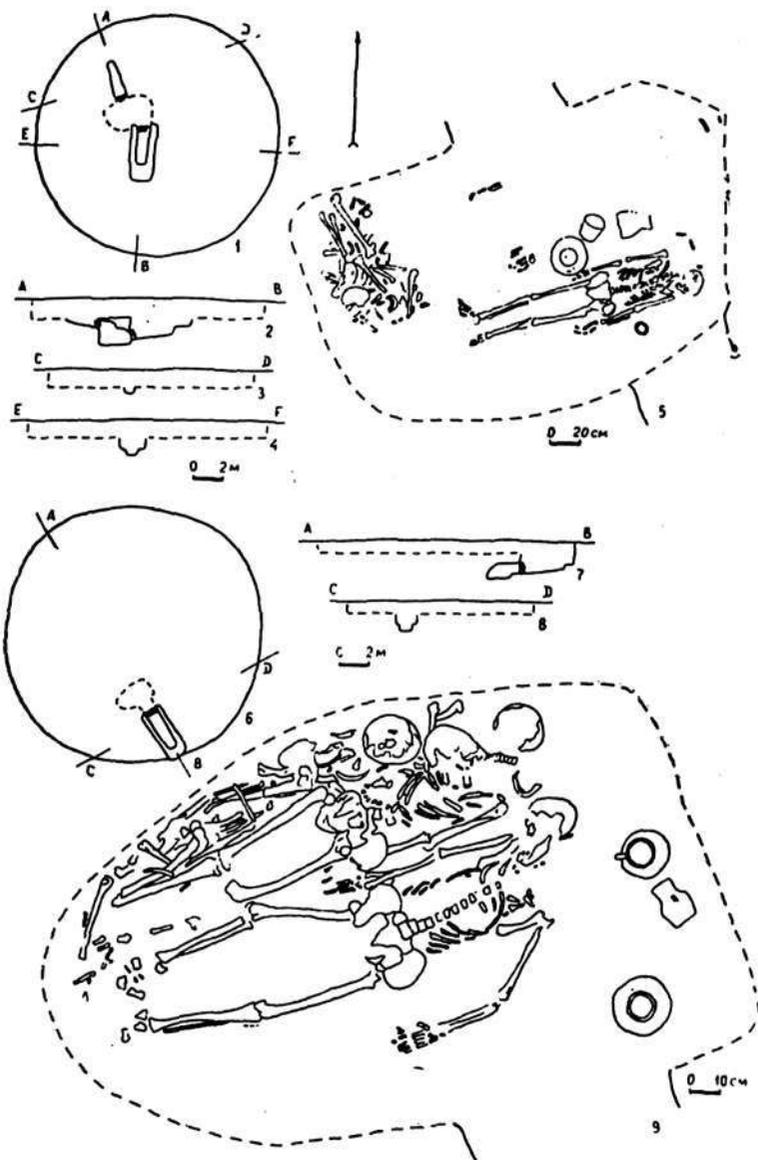

Рис. 9. М-к Актобе, 1—5 — к. 40; 6—9 — к. 90.

Табл. VIII. М-к Актобе, глиняные сосуды (1, 2 — к. 1; 3, 4, 7 — к. 14; 5, 6 — к. 26).

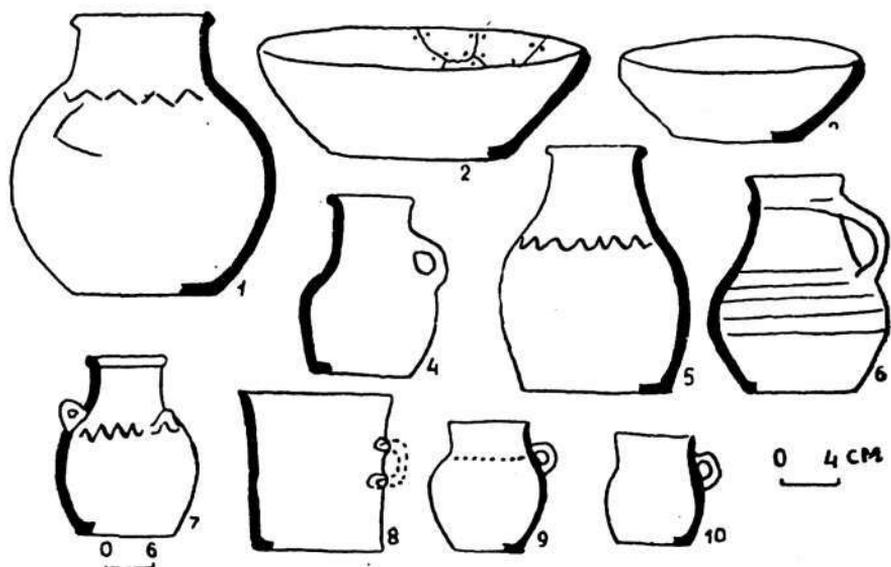

Табл. IX. М-к Актобе, глиняные сосуды (1 — к. 74; 2, 4, 5 — к. 65; 3, 6 — к. 69; 7, 8 — к. 43; 9, 10 — к. 216).

прочерченный пальцем. Подобный знак встречен на сосудах поселения Актобе 2⁵³.

Котел (табл. VIII, 5), сохранилась его боковина, изготовлен ручной лепкой из глины с примесью толченой раковины. В верхней части тулова расположены горизонтальные, уплощенно-овальные в сечении ручки. Поверхность тщательно затерта, с лощением и следами нагара.

Кувшины, кружки по форме, технике изготовления и орнаментации из погребений имеют аналогии в Ширинсайском могильнике⁵⁴, Каунчи II⁵⁵, Кенкольском⁵⁶, близ ст. Вревская⁵⁷. Бокалообразные кружки близки кружкам, найденным Н. П. Остроумовым близ Ташкента⁵⁸. Миски и котлы похожи на обнаруженные в Каунчи II⁵⁹.

Кроме сосудов в курганах были предметы быта и украшения.

Предметы быта представлены точильным камнем (табл. XI, 1), глиняным пряслицем (табл. XI, 2), костяной рукояткой ножа? (табл. XI, 16) и железными круглыми пряжками с подвижным язычком (табл. XI, 7, 8). Такие пряжки получили распространение, как уже отмечалось, с I в. до н. э. — I в. н. э.

---

⁵³ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 1, стр. 61, рис. 26, 6.

⁵⁴ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане. СА, 1952, XVI, стр. 338, рис. 7; стр. 339, рис. 8, 1; стр. 346, рис. 5, 2; рис. 14; его же. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, 1947, вып. XIV, стр. 96, рис. 49, 3.

⁵⁵ А. И. Тереножкин. Согд. и Чач..., таблица (Чач, XIX, 1, 3, 5, 8, 9); Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 64, табл. III, 24—26; стр. 69, табл. VIII, 57—59; его же. Каунчи-тепе (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 140, рис. 50; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики до мусульманского периода. КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, стр. 73, рис. 14, 1, 2.

⁵⁶ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 46, рис. 12, 1—4, 6.

⁵⁷ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1951, стр. 47, рис. 1, 1.

⁵⁸ См.: «Отчет императорской археологической комиссии за 1882—1888 годы». СПб., 1891, стр. СХСIII—СХСVIII.

⁵⁹ А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XIX, 11); Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 69, табл. VIII, 66.

Табл. X. М-к Актобе, глиняные сосуды (1, 6, 7 — к. 90; 2 — к. 59; 3—5, 8 — к. 40).

Из украшений обнаружены бусы из стекловидной массы с позолотой (табл. XI; 4), рифленые, окрашенные в голубой цвет (табл. XI, 5), пастовые (табл. XI, 3); две из них в виде клюва или когтя птицы, каменные (табл. XI, 6а, 13); железные перстни (табл. XI, 9, 10).

К туалетным принадлежностям следует причислить сурматаш — каменная палочка и грифель для окраски бровей и ресниц (табл. XI, 11). Сурматаш довольно часто встречается в женских погребениях первой половины первого тысячелетия нашей эры на территории Средней Азии; найден он и на поселении Актобе 2.

Сходство посуды (количество форм в могилах гораздо меньше, чем на поселении) и предметов быта из курганов с материалом, выявленным на поселении Актобе 2, позволяет предположить, что могильник был кладбищем жителей поселения, и его можно датировать I—III вв. н. э.

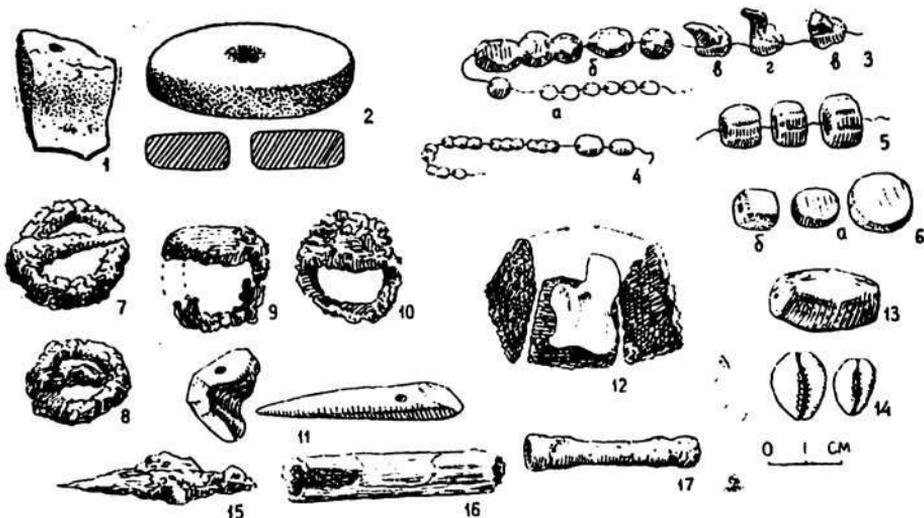

Табл. XI. М-к Актобе. Находки (2, 5, 9 — к. 26; 3, 4, 6, 10—14, 17 — к. 43; 1, 7, 8 — к. 90; 15, 16 — к. 40; 7—10, 15 — железо; 12 — кость между железными пластинками, 4, 5 — стекловидная масса; 3, 6б — паста; 1, 6а, 11, 13 — камень; 14 — каури; 16 — кость; 17 — бронза).

Весь комплекс материала, хотя и немногочисленного, устройство погребальных сооружений, а также обряд дают возможность отнести этот могильник к культуре Каунчи II.

3. Шаушукумский могильник

Шаушукумский могильник, находящийся на верхней террасе правого берега р. Сыр-Дарьи, около городища Шаушукумтобе, состоит из семи групп курганов общей протяженностью более 4 км. Самая многочисленная из них западная, она насчитывает 42 земляные насыпи, расположенные бессистемно. Два кургана (28, 30) опоясаны у основания камнями. Диаметр их 10—30 м, высота 0,1—3 м.

Наиболее крупные курганы сосредоточены почти в центральной части могильника. Диаметры их 26—42 м, высота 3—5 м. Они земляные, за исключением кургана 51, который имеет каменную рубашку и вокруг основания три каменных кольца.

Рис. 10. План Шаушу

Всего раскопано (во всех группах) 57 курганов. Из них в 29 зафиксированы 30 погребений в катакомбах (погребальная камера расположена перпендикулярно дромосу — тип I), в 7 — в катакомбах (погребальная камера является продолжением дромоса — тип II), в 12 — в подбоях, в 6 — в грунтовых ямах и в трех — не удалось выяснить форму погребальных сооружений. Следует отметить, что какой-либо закономерности распределения в могильнике различных типов погребальных сооружений не наблюдалось. Почти в каждой группе отмечены погребения в катакомбах и подбоях (рис. 10) ⁶⁰.

Погребения в катакомбах первого типа

Все изученные погребения подкурганые, насыпи чисто лёссовые, за исключением кургана 50, где была выкладка из камня (рис. 11). Катакомбы имели обычно один дромос (только в кургане 50 их два). Он бывает двух типов. Это либо прямоугольная, довольно широкая яма, иногда с закругленными углами (размер 3—6,6 м × 1,5—2,5 м), ориентированная С—Ю (36, 49, 62, 69, 80, 97, 98), с отклонением северной стенки к западу (15, 50, 54, 72, 94) или востоку (4, 5, 6, 12, 46, 60, 63, 66, 67, 71, 81, 84), с поперечными и продольными ступеньками, либо длинная, довольно узкая яма (размер 3,5—6 м × 0,5—0,8 м), ориентированная З—В (107, 109), СЗ—ЮВ (106), ЗЮЗ—ВСВ (56) и СВ—ЮЗ (110, рис. 12).

⁶⁰ См.: наст. раб., приложение «Шаушукумский могильник».

кумского могильника.

Катакомба, как правило, овальной формы, вырыта в северной стенке, как исключение в западной (107, 109), в юго-западной (110) и западно-юго-западной (56). Пол ее на 0,15—0,3 м ниже пола дромоса. Вход в камеру закладывали, по-видимому, камышовыми матами. Во всех погребениях, в которых прослежены скелеты или останки их, выявлены одиночные захоронения на спине, в вытянутом положении, головой на В (5, 49, 80, 81, 98), ЮВ (106, 109), ВЮВ (84), ВСВ (72), СВ (60), З (69) и ССЗ (110). Иногда ноги погребенных незначительно согнуты в коленях и раскинуты в стороны. Катакомбы обнаруживают сходство с памятниками Ташкентского оазиса первой половины первого тысячелетия нашей эры⁶¹, особенно с памятниками джунской культуры II—IV вв. н. э.⁶²

⁶¹ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры, стр. 101, 102; Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 223—235; М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 19—24; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР..., стр. 44—63; О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 58—62; е го же. Сазаганские курганы. Сб. «Известия материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 67—71, 80; Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 59, 60.

⁶² А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., стр. 159; М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в Узбекской ССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 335—337.

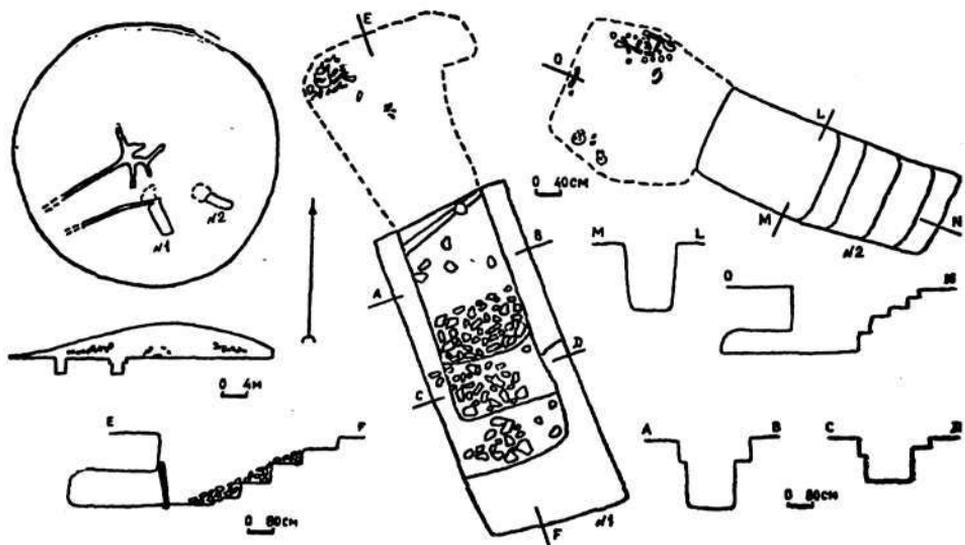

Рис. 11. Шаушукумский м-к, к. 50, катакомбы первого типа.

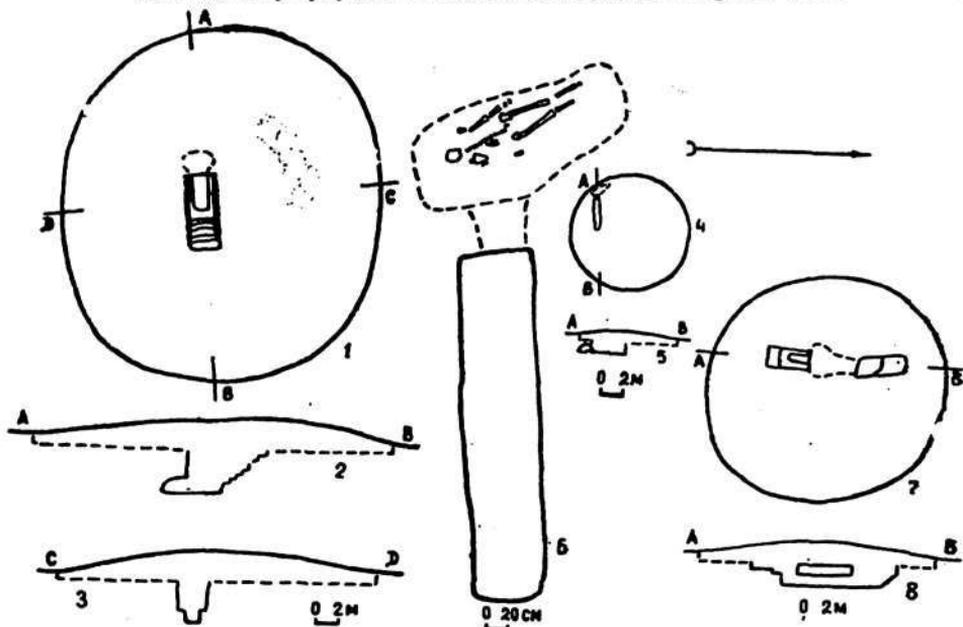

Рис. 12. Шаушукумский м-к, катакомбы первого типа (1-3 — к. 56; 4-6 — к. 109; 7-8 — к. 62).

Погребения в катакомбах второго типа

Катакомб второго типа в Шаушукумском могильнике вскрыто семь (9, 34, 44, 53, 83, 86, 93). В них погребальная камера-катакомба была продолжением входной ямы — дромоса (рис. 13).

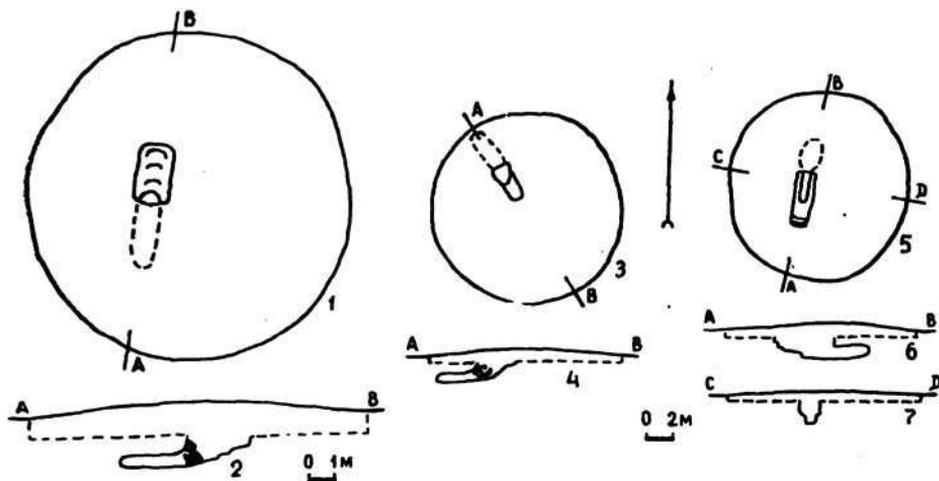

Рис. 13. Шаушукумский м-к, катакомбы второго типа (1, 2 — к. 86; 3—4 — к. 83; 5, 6, 7 — к. 93).

Погребения подкурганые. Под насыпью расположен один дромос (размер 2,4—4,2 м × 1,3—1,6 м), представляющий собой прямоугольную яму, ориентированную ССЗ—ЮЮВ (9, 34, 93), ССВ—ЮЮЗ (44, 86), С—Ю (53) и СЗ—ЮВ (83), иногда с поперечными и продольными ступеньками. Катакомба, как правило, является прямым продолжением дромоса, исключение составляют курганы 9 и 53, в них она отклонена к западу. Обычно катакомба вырыта в северной стенке и только в одном случае (86) — в южной. Пол ее находится на одном уровне со входом, который закладывался камнем или камышом. Преобладают одиночные захоронения, только в одном (93) — парное. Такого типа катакомбы встречаются как единичные в Фергане — Кара-Булакский могильник, курган 14⁶³, в Бухарском оази-

⁶³ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1955 г.). «Труды Ин-та истории АН КиргССР», вып. 3. Фрунзе, 1957, стр. 19; его же. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1954 г.). «Труды Ин-та истории АН КиргССР», вып. 2, 1956, стр. 59.

се — Лявандакский могильник, курган 14⁶⁴, в Южной Туркмении, в ур. Кызыл-Чешме — курган 1, в Хас-Кяризе — курган 3⁶⁵, на Тянь-Шане — Кызартский могильник, курган 9⁶⁶, в Поволжье у с. Калмыково — курганы 2,3 (погребение 2), 4 (погребение 4)⁶⁷. Ориентированы они, как и уже описанные, С—Ю с отклонением к западу или востоку, но отличаются тем, что вход в катакомбу находится под южной стенкой и положение скелета было несколько иным. Судя по кургану 86, погребенные в катакомбах лежали вытянуто, на спине, головой к входу, в то время как в изученных ранее — также вытянуто, на спине, но ногами к входу.

Погребения в подбоях

В 12 курганах зафиксировано 13 подбойных захоронений (10, 13, 16, 47, 48, 51, 52, 55, 70, 91, 95, 96; рис. 15; 16, 1—4). Насыпи лесовые, исключение составляет курган 51, у которого имеется еще каменная рубашка. Как правило, под насыпью расположена одна входная яма (в кургане 52 — две), довольно широкая, прямоугольная с чуть закругленными углами (размер 2,4—5,2 × 0,8 — 2,3 м), ориентированная С—Ю (47, 48, 70) с отклонением северной стенки к западу (51, 52, 55, 95) или востоку (10, 13, 16, 91, 96), с поперечными, часто переходящими в продольные ступеньками, в основном вдоль восточной стенки (10, 13, 47, 48, 52, погребение 1; 70, 91, 95), иногда вдоль западной (51, 52, погребение 2) и северной (96).

В курганах 10, 13 в грунтовых могильных ямах обнаружены впускные погребения, ориентированные СЗ—ЮВ (13) и ССВ—ЮЮЗ (10). В первом найден обломок железной пряжки, во втором — каменная краскотерка (рис. 14).

Подбои находятся под западной стенкой (10, 13, 16, 47, 48, 52, погребение 1; 70, 91, 95), восточной (51, 52, погребение 2; 55) и южной (96), обычно короче дромоса и на одном уровне, кроме курганов: 10, в котором пол подбоя ниже на 50 см, 52, погребение 1 — на 15 см и 91 — на 16 см. Вход закладывался камнем (51) или сырцовым кирпичом размером 39 × 39 × 12—15 см (52), или камышом (16). В остальных слу-

⁶⁴ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 99, 100.

⁶⁵ А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. «Труды ИИАЭ АН ТуркССР», т. V, 1959, стр. 112—115.

⁶⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 1952, № 26, стр. 62, 63.

⁶⁷ И. В. Силицын. Археологические исследования заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 1959, № 60, стр. 150—154.

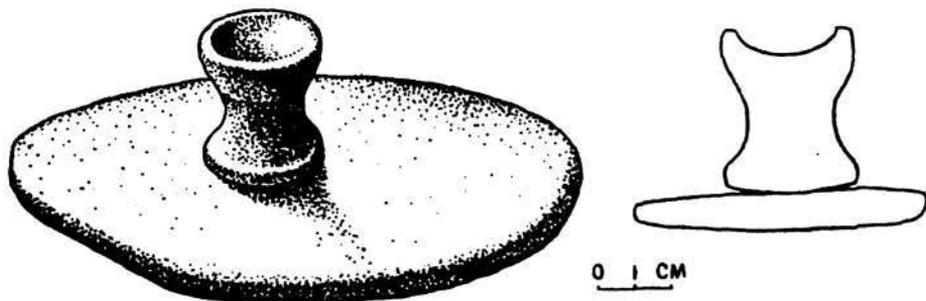

Рис. 14. Шашукумский м-к, каменная терка, к. 13 (впускное погреб.).

чаях перекрытия в подбой проследить не удалось, возможно, оно было камышовое. Во всех захоронениях обнаружено по одному скелету. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям человека, всех умерших хоронили на спине, в вытянутом положении, головой на С (70), СВ (13, 96), ССВ (10), возможно, и на СЗ.

Подбойные захоронения широко известны в Средней Азии со II в. до н. э. по V в. н. э. и в Поволжье. Исследованные нами подбой по ориентировке (С—Ю) и форме дромосов, устройству погребальных камер (преимущественно под западной стенкой) и ориентировке скелетов (северная, иногда с отклонениями) имеют сходство с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья II—IV вв. н. э., с одной стороны, а с другой — с памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов (керамика, инвентарь).

Погребения в грунтовых ямах

Всего в могильнике в простых грунтовых ямах исследовано шесть погребений (2, 24, 27, 28, 30, 45; рис. 16, 5, 6).

Грунтовые ямы, как катакомбы и подбой, все подкурганые, насыпи лёссовые. В двух случаях (28, 30) при снятии насыпи обнаружены каменные кольца диаметром 8 м, шириной около 1 м и высотой 0,3—0,5 м. Под насыпью обычно одна могильная яма размером 2,25—2,7×0,9—2 м, ориентирована С—Ю (2), СЗ—ЮВ (24, 30), ССВ—ЮЮЗ (45) и ЗСЗ—ВЮВ (27, 28). Две могилы имели ступеньки вдоль западной и восточной стенок. Погребения все ограблены и сказать что-либо определенное о положении скелетов трудно, хотя возможно, что все они лежали вытянуто, на спине, головой на С (2), СЗ (24, 30), ССВ (45), ЗСЗ (27, 28). В могиле было по одному погребенному. Грунтовые ямы

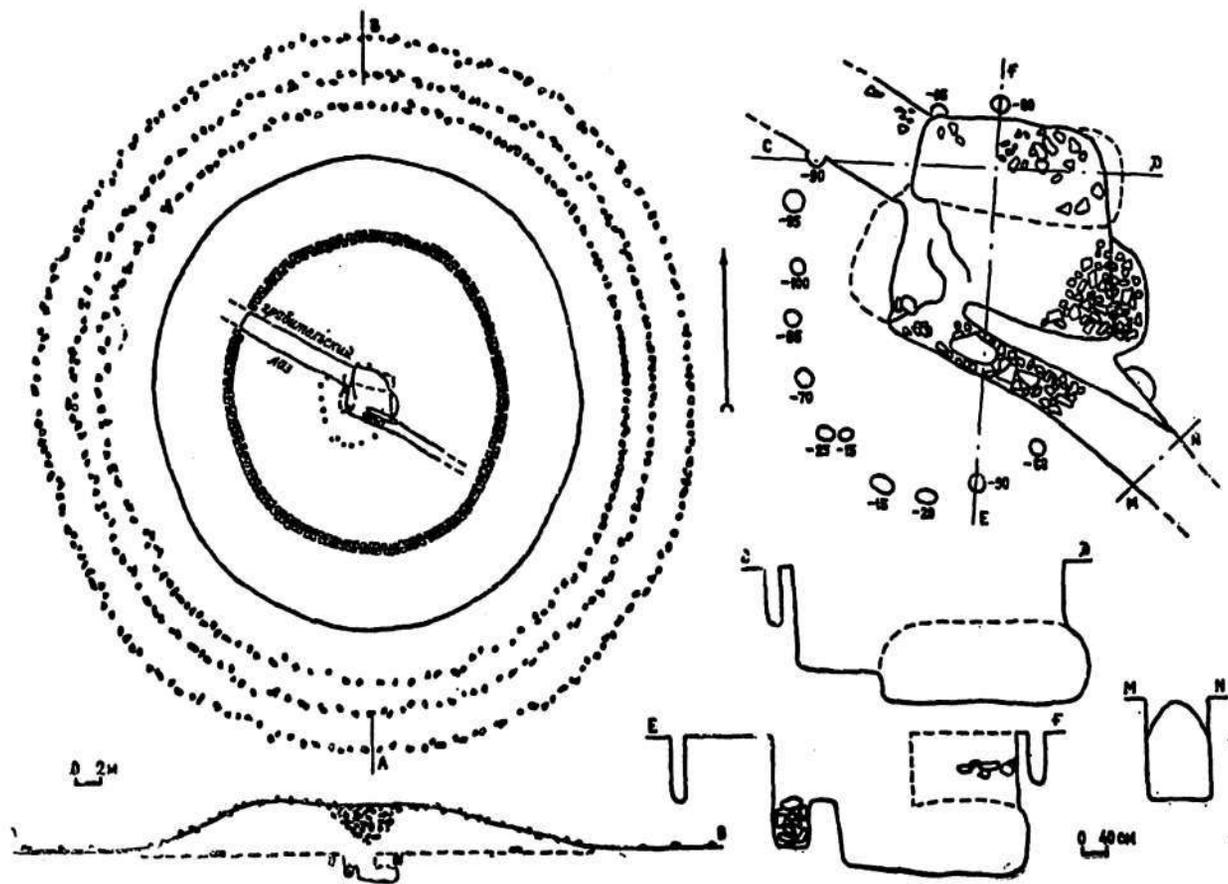

Рис. 15. Шаушукумский м-к, подбой, к. 51.

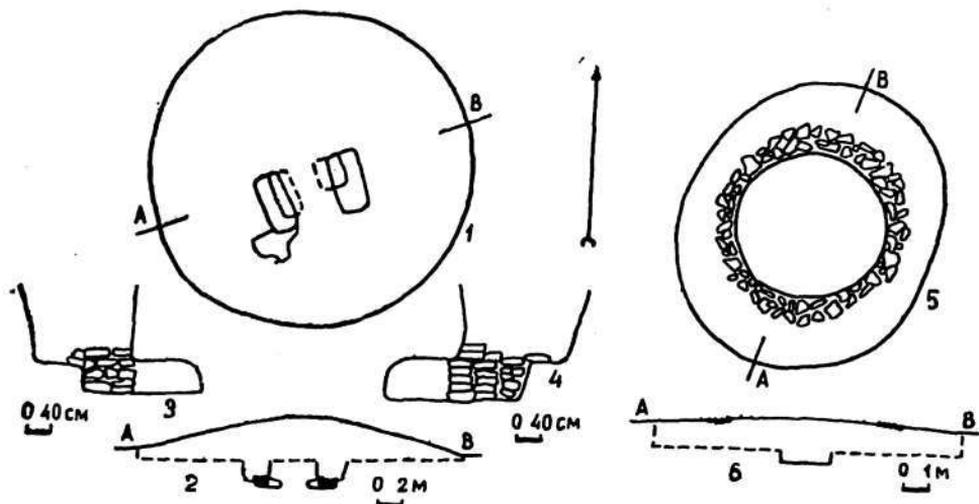

Рис. 16. Шаушукумский м-к, подбой (1—4 — к. 52), грунтовая яма (5—6 — к. 28).

по форме и ориентировке сходны с дромосами подбоев и катакомб могильника.

Захоронения в грунтовых ямах встречены вместе с подбоями и катакомбами в Кара-Булакском могильнике⁶⁸, на р. Торгун близ совхоза «Красный Октябрь»⁶⁹, в Ворухском могильнике, в котором имеются также курганы с кольцом из камня по основанию⁷⁰.

Описание погребального инвентаря. Датировка

Все погребальные сооружения носят следы ограбления. Тем не менее по инвентарю можно выделить мужские и женские захоронения. В мужских найдены предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел, накладки от сложного лука) и быта (ножи, пряжки, острога), а в женских — украшения и предметы туалета (серьги, бляшки-нашивки, бусы, зеркала). Как в женских захоронениях, так и в мужских встречены глиняные сосуды.

⁶⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Известия АН КиргССР, серия общественных наук», 1961, т. III, вып. 3 (История). Фрунзе, стр. 43.

⁶⁹ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 50—53.

⁷⁰ Е. А. Давидович и В. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XXXV, 1955, стр. 31—35.

Табл. XII. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды из катакомб первого типа (1, 5, 7 — к. 62; 2, 4, 6 — к. 80; 3 — к. 15; 8 — к. 12).

Знакомство с инвентарем начнем с глиняной посуды, которая представлена кувшинами с ручкой (8) и без ручки (20), кувшинообразными сосудами с ручкой (1) и без ручки (2), горшками (15), курильницами (5), кружками (4), мисками-чашками (3), флягами (2), плоской и воронкообразным сосудом.

Кувшины с ручкой (табл. XIV, 1; XV, 1; XXII, 5; XXVIII, 3—6; XXXIII, 3) изготовлены, за исключением двух (табл. XIV, 1; XV, 1), на гончарном круге. На дне одного из них (табл. XXVIII, 4) имелись отпечатки подставки в виде концентрических кругов. Дно со следами подсыпки и часто подрезано. Черепок плотный. Верхняя часть тулова округлая. Поверхность покрыта желтовато-розоватым, серым или коричневым ангобом, по которому часто нанесена роспись красной или коричневой краской с потеками. Ручка вертикальная, большей частью плоская, с желобком. Одним концом она прикреплена к венчику, другим к верхней части тулова. У основания ручки одного кувшина (табл.

Табл. XIII. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды из катакомб первого типа (1, 3, 4, 11 — к. 97; 2, 9 — к. 84; 5 — к. 54; 6 — к. 71; 7 — к. 94; 8, 10 — к. 60).

XV, 1) прочерчен знак «W». Некоторые сосуды в верхней части тулова украшены рядом крутоволнистых линий (табл. XIV, 1; XXXIII, 3), а у основания горловины (табл. XXII, 5; XXVIII, 4) или по горловине (табл. XV, 1) — линейным орнаментом.

Кувшины без ручки (табл. XII, 1, 3, 7; XIII, 5, 8; XIV, 6, 8; XXII, 8; XXIV, 3, 8, 9; XXVIII, 7, 8; XXIX, 6, 7; XXX, 1, 2; XXXII, 10; XXXIII, 4, 5) изготовлены, за исключением семи (табл. XII, 1; XXII, 8; XXIV, 3; XXVIII, 7; XXXII, 10; XXXIII, 4, 5), ручной лепкой, они плоскодонные. На дне одного (табл. XII, 1) сохранились отпечатки подставки. У некоторых дно со следами подсыпки и подрезки. Большая часть их имеет плотный черепок и покрыта светлым или желтовато-розоватым ангобом, по которому нанесена роспись красной или коричневой краской с потеками. Два сосуда (табл. XXXIII, 4, 5) украшены прочерченными линиями, а один (табл. XXVIII, 8) у основания горловины — налепным валиком. Кувшины (табл. XXIX, 6, 7) на внешней

Табл. XIV. Шашукумский м-к, глиняные сосуды из катакомб первого типа (1 — к. 109; 2 — к. 49; 3, 5, 8 — к. 72; 4 — к. 107; 6, 7 — к. 69).

поверхности со следами затирки и закопченности. В верхней части тулова кувшина (табл. XXIX, 6) прочерчен знак «ω».

Подобные кувшины встречаются в катакомбных захоронениях близ ст. Вревская⁷¹, около городища Каунчи⁷², в могильнике Акджартепе⁷³, у г. Янги-Юль⁷⁴, Кайрагач⁷⁵, Кенкол⁷⁶. Идентичный нашему кувшину (табл. XXVIII, 6) имеется в Кую-Мазарском могильнике⁷⁷. Особо выделяется кувшин (табл. XXVIII, 5) округлой формы, на поддоне, изготовленный на гончарном круге из плотной глины. Поверхность его по-

⁷¹ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 51, рис. 4, 3; Т. Агзамходжаев. Указ. раб., стр. 225, рис. 1, 2, 4.

⁷² Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 59, 77, табл. XVI, 130, а, б.

⁷³ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе..., стр. 67, рис. 5, 1, 3.

⁷⁴ А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 1).

⁷⁵ Ю. А. Заднепровский. Указ. раб., стр. 99, рис. 57, 1.

⁷⁶ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 9, рис. 1, 13.

⁷⁷ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков нашей эры и кенотафы Кую-Мазарского могильника. «Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Археология Средней Азии», вып. 4. Ташкент, 1957, стр. 124, рисунок правый.

крыта желтовато-розоватым ангобом и отделана красной росписью. Плечики украшены штампованным орнаментом в виде розеток. Ручка вертикальная. Близкие аналогии есть среди кувшинов X—XII вв. н. э.⁷⁸ По всей вероятности, эта форма зародилась в середине I тысячелетия нашей эры и дожила до X—XII вв.

Кувшины без ручек сходны по форме с кувшинами из Кара-Булакского и Боркорбазского могильников⁷⁹, а кувшин с наклепным валиком с кувшином из катакомбы 9 могильника Жаман-Тогай⁸⁰.

Кувшинообразный сосуд с ручкой (табл. XIII, 9) имеет широкое сужающееся кверху горло и покатые, почти прямые плечи, округлый корпус и плоское широкое дно. Изготовлен ручной лепкой из глины с примесью дресвы. Поверхность покрыта желтовато-розоватым ангобом. Ручка вертикальная, верхним концом прилеплена чуть ниже края венчика, нижним — к плечу.

Кувшинообразные сосуды без ручки (табл. XIII, 10; XIV, 7). Один из них (табл. XIV, 7) изготовлен на гончарном круге. Дно со следами подсыпки. Тулово в плане прямоугольной формы.

Аналогичные сосуды встречаются в катакомбных захоронениях в могильнике Ширинсай⁸¹, Хангиз⁸², в Чаткальской долине, курганах, датируемых первыми двумя-тремя веками нашей эры⁸³.

Горшки (табл. XII, 5, 6; XIII, 7; XIV, 3, 5; XXIV, 1, 2, 7; XXVIII, 1, 2; XXIX, 1, 2, 4, 5; XXXIII, 1) сделаны, за исключением одного (табл. XXXIII, 1), ручной лепкой, плоскодонные, с невысокой шейкой и округлой закраиной. В глине — примесь дресвы или шамота. Большая часть их имеет на внешней поверхности следы закопченности. У одного горшка (табл. XIV, 5) нижняя часть стенок с подрезом, а у двух других (табл. XXIV, 1; XXXIII, 1) внешняя поверхность покрыта желтовато-розоватым ангобом. Один горшок украшен прочерченным горизонтальным линейным узором (табл. XXXIII, 1).

Подобные горшки известны из могильников Ширинсай⁸⁴, Кайра-

⁷⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология, 1958, стр. 190, рис. 106.

⁷⁹ Ю. Д. Баруздин. Указ. раб., стр. 70, табл. IV, 4, 8; его же. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1954 г.), стр. 62, рис. 3; С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох). «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961, стр. 126, табл. VI, а, б.

⁸⁰ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 4, табл. I, 3.

⁸¹ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширинсай в Узбекистане, стр. 347, рис. 16, 2.

⁸² Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург. Могильник Хангиз. «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1957, вып. 14, стр. 36, рис. 2, 1.

⁸³ А. Кибиров. Археологические памятники Чаткалы. «Труды Ин-та языка и литературы и Ин-та истории АН КиргССР», вып. V. Фрунзе, 1956, стр. 7, рис. 2, 5.

⁸⁴ В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 347, рис. 16, 1, 3.

Табл. XV. Шаушукумский м-к, посуда из катакомб первого типа, к. 106 (1, 3, 4 — глина; 2 — бронза).

гач ⁸⁵, Боркорбазского ⁸⁶, Гур-Мирон ⁸⁷, Кара-Булакского ⁸⁸ и Нижнего Поволжья ⁸⁹.

Кружки (табл. XIV, 4; XV, 3; XXIX, 3, 8) изготовлены ручной лепкой. Обычно они с одной вертикальной ручкой, изредка (табл. XV, 3) с двумя, верхним концом прикрепленной к венчику, нижним — к верхней части тулова, и спиральными налепами наверху. У одной кружки ручка расположена в середине (табл. XXIX, 3). Дно плоское, подрезано. Внешняя поверхность, кроме кружки (табл. XXIX, 3), покрыта желтовато-розоватым ангобом, по которому нанесена роспись коричневой краской с потеками. У основания ручки одной из них (табл. XV, 3) прочерчен знак «W», а в верхней части ручки другой был «S»-образный налеп с загнутыми в спираль концами (табл. XIV, 4).

Близкие по форме и технике изготовления кружки найдены в мо-

⁸⁵ Ю. А. Заднапровский. Указ. раб., стр. 99, рис. 57, 4.

⁸⁶ С. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 128, табл. VIII, 8, 9.

⁸⁷ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 1954, XX, стр. 142, рис. 8, 15.

⁸⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1961, вып. 3 (История), стр. 79, табл. XIII, 1, 28, 39, 50.

⁸⁹ И. В. Синицын. Указ. раб., табл. I, 2.

гильнике у г. Янги-Юль, но без изображений на ручках⁹⁰, на городище Каунчи II со спиральными и «S»-образными налепами, которые Г. В. Григорьев рассматривает как остатки рогов, якобы заменяющих изображение барана⁹¹. Кружки, подобные нашим по форме и расположению ручки, встречены в подбойных захоронениях Боркорбазского⁹², Кара-Булакского⁹³ могильников (некоторые из них ангобированы) и в Нижнем Поволжье⁹⁴.

Миски (чашки) (табл. XIII, 6, 11; XXXIII, 2) отформованы вручную, с высокими стенками. Первая и вторая плоскодонные, со следами закопченности на стенках, последняя с округлым дном и ангобированной (светлой) поверхностью. В глине примеси шамота, крупной дресвы. Миски известны довольно широко в катакомбах первой половины I тысячелетия нашей эры, некоторые ангобированы и изготовлены на гончарном круге⁹⁵. Миски с округлым дном найдены в курганных могильниках Таласа, Чу, Ташкента, Ферганы, Тянь-Шаня⁹⁶ и Семиречья⁹⁷.

Фляг всего две, одна из них (табл. XII, 4) с широким горлом, ручной лепки. Поверхность ее покрыта розовато-желтоватым ангобом. На выпуклую сторону красной краской нанесена роспись в виде креста. Роспись имеется и на горловине. Другая фляга (XXIV, 4) представлена обломком. Фляги встречены в катакомбах у г. Янги-Юль⁹⁸, возле станции Вревская⁹⁹, городища Каунчи¹⁰⁰, в районе Коджа-Баши¹⁰¹, в

⁹⁰ А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 3, 4).

⁹¹ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 54, 75, табл. XIV, 96—98; его же. Каунчи-тепе. (Раскопки 1935 г.), стр. 16, рис. 17.

⁹² С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, стр. 123, табл. IV, 1; стр. 137, табл. XV, 6.

⁹³ Ю. Д. Баруздин. Указ. раб., стр. 78, табл. XII, 12, 18, 21, 22.

⁹⁴ И. В. Силицин. Указ. раб., стр. 58, рис. 33, табл. IV, 2.

⁹⁵ Н. Г. Горбунова и В. З. Гамбург. Указ. раб., стр. 39, рис. 4, 14, 15; Ю. А. Заднепровский. Указ. раб., стр. 96, рис. 55, 7; В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 334, рис. 3, 2; Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 64, табл. III, 27; М. Е. Массон. Указ. раб., стр. 20; А. И. Тереножкин. Памятники материнской культуры на Ташкентском канале. «Известия УзФАН СССР», 1940, вып. 9, стр. 32, рис. 4.

⁹⁶ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы..., стр. 142, рис. 8, 7, 13, 21, 26, 27, 33, 34.

⁹⁷ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. раб., табл. IV, V, 1—3.

⁹⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 337, рис. 15; А. И. Тереножкин. Согд и Чач..., таблица (Чач, XX, 10).

⁹⁹ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 51, рис. 4.

¹⁰⁰ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 77, рис. 129.

¹⁰¹ М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (Из работ ЮТАКЭ, 1951 г.). ВДИ, 1953, № 1, стр. 159, рис. 20, 3.

могильниках Ширинсай¹⁰², Кайрагач¹⁰³, Самаркандской области¹⁰⁴. Некоторые из них сделаны на гончарном круге, но, как и наша, ангобированы и покрыты росписью.

Курильницы изготовлены ручной лепкой из глины с примесью дресвы или шамота. Они представлены несколькими формами: в плане прямоугольная, с небольшими налестками по граням (табл. XII, 2); бокалообразная, с небольшими налестками с четырех сторон, по бокам которых просверлены круглые отверстия (табл. XXX, 3); прямоугольная, с вогнутыми внутрь длинными сторонами, имеющими по круглому отверстию (табл. XXIV, 6); в виде усеченного конуса с прямым и утолщенным наружу венчиком, орнаментированным волнистой линией (табл. XXIV, 5); цилиндрическая, с прямым, слегка утолщенным наружу венчиком (XXXII, 12). Все они с внутренней поверхности закопчены.

Подпрямоугольные курильницы известны в могильнике Акджартепе¹⁰⁵, около городища Каунчи¹⁰⁶, у г. Янги-Юль¹⁰⁷, в Джоон-тобе¹⁰⁸. Бокалообразные курильницы близки кенкольским¹⁰⁹, цилиндрические — поволжским из среднесарматских погребений¹¹⁰, прямоугольные с круглым отверстием — курильницам из могильников Кызыл-Чешме и Лявандакского¹¹². Курильница в виде усеченного конуса аналогична курильнице из второго Бережновского могильника, курган сарматского времени¹¹³.

Плошки (табл. XV, 4) глиняные, овальные, плоскодонные, с невысокими стенками и перегородками внутри (продольными и поперечными), изготовлены ручной лепкой. Такие плошки найдены на городище Каунчи¹¹⁴. Г. В. Григорьев считает их светильниками.

«Воронка» (табл. XIII, 3) сделана ручной лепкой. Поверхность и

¹⁰² В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 342, рис. 11, 1; его же. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане..., стр. 96, рис. 49, 1.

¹⁰³ Ю. А. Заднепровский. Указ. раб., стр. 97, рис. 56, 4.

¹⁰⁴ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы..., стр. 77, рис. 2, 2.

¹⁰⁵ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе..., стр. 68, рис. 7.

¹⁰⁶ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 60.

¹⁰⁷ А. И. Тереножкин. Указ. раб., стр. 152—169, таблица (Чач, XX, 6).

¹⁰⁸ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 47, рис. 13, 7.

¹⁰⁹ А. Н. Вернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XV.

¹¹⁰ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана..., стр. 53, рис. 19, 6.

¹¹¹ А. А. Марущенко. Указ. раб., стр. 118, табл. III, 5.

¹¹² О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 159, рис. 17.

¹¹³ И. В. Синицын. Указ. раб., стр. 45, рис. 16, 8; его же. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. IV, 3.

¹¹⁴ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 16, рис. 17; его же. Келесская степь..., табл. VII, 53.

внутренняя часть трубки закопчены. Вероятно, это верхняя часть светильника или курильницы, нижняя часть ее напоминает миску.

Глиняные сосуды из рассмотренных курганов имеют сходство с сосудами из нижнего слоя близрасположенного городища, датированного Г. И. Пацевичем III—V вв. н. э. и Е. И. Агеевой — IV—V вв. н. э., которое прослеживается в форме кружек, горшков, в способе изготовления венчика, его рифлении, орнаментации, а также манере украшать ручки сосудов спиралевидными налестками¹¹⁵. Кухонная посуда (горшки, кувшины, изготовленные ручной лепкой) близка к кухонной посуде из могильника и поселения Актобе 2 и посуде из могильника Жаман-Тогай, что, возможно, свидетельствует о преемственности этих памятников. Кухонная посуда из катакомб, подбоев и грунтовых ям по форме и технике изготовления имеет много общего, в то время как посуда, сделанная на гончарном круге, различна, видимо, она не местного производства. В целом наши глиняные сосуды находят близкие аналогии в памятниках Ташкентского оазиса и генетически связаны с сосудами предшествующей, каунчинской культуры.

Предметы вооружения представлены мечами, кинжалами, наконечниками стрел, накладками из сложного лука.

Мечи (табл. XVI, 1—5, 10; XX, 1; XXII, 12; XXV, 1, 6, 7; XXXIV, 1, 2) железные, двулезвийные (длина клинка 0,75—0,8 м), с черенком-стержнем (длина 10,5—14 см) для насаживания рукоятки, видимо, деревянной, без перекрестия и навершия. В одном случае у меча (табл. XX, 1) было напускное бронзовое прямое перекрестие. На клинках сохранились остатки ножен, которые сверху были деревянные, а внутри матерчатые (под остатками дерева прослеживается ткань). Деревянные ножны, вероятно, заканчивались втоком. Аналогичный нашему вток (обломок) найден в кургане около г. Бийска¹¹⁶. У одних мечей (табл. XVI, 1, 5) стержень в месте соединения с клинком образует прямой угол, что применительно для мечей шиповского времени (IV—V вв. н. э.)¹¹⁷, у других (табл. XVI, 2—4) — тупой угол, у третьих (табл. XXXIV, 1) — черенок плавно переходит к клинку, что характеризует позднесарматские мечи II—IV вв. н. э. По-видимому, второй тип — промежуточная форма мечей между шиповскими и позднесарматскими.

Подобные мечи найдены в катакомбных захоронениях около го-

---

¹¹⁵ А. Г. Максимова, М. С. Мерцнев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 2, стр. 115.

¹¹⁶ М. Завитухина. Второй Бийский могильник. «Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. XXII. Л., 1962, стр. 29, рис. 7.

¹¹⁷ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник», вып. 2. Л., 1961, стр. 152.

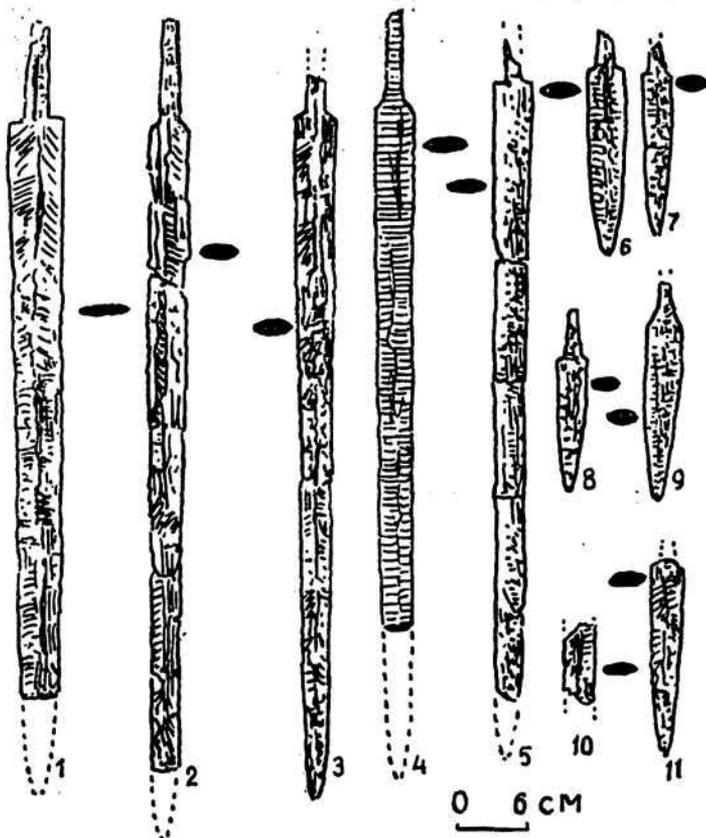

Табл. XVI. Шапукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа (1 — к. 107; 2, 9 — к. 72; 3, 8 — к. 60; 4, 7 — к. 5; 5, 11 — к. 80; 6 — к. 81; 10 — к. 15; 1—11 — железо).

родища Каунчи¹¹⁸, могильника Акджартепе¹¹⁹, у г. Янги-Юль¹²⁰, в Той-тюбинской группе «минг-тепе» второй четверти I тыс. н. э.¹²¹ и в Поволжье¹²².

¹¹⁸ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 77, табл. XVI, 119.

¹¹⁹ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе..., стр. 64, рис. 4, 1, 2.

¹²⁰ М. Э. Воронеж. Археологические исследования..., стр. 337; А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 9).

¹²¹ М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 24.

¹²² М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. (По материалам Нижнего Поволжья. Суслowski этап). СА, 1959, № 1, стр. 62, рис. 3, 3; В. Н. Г ра к о в. Указ. раб., стр. 105.

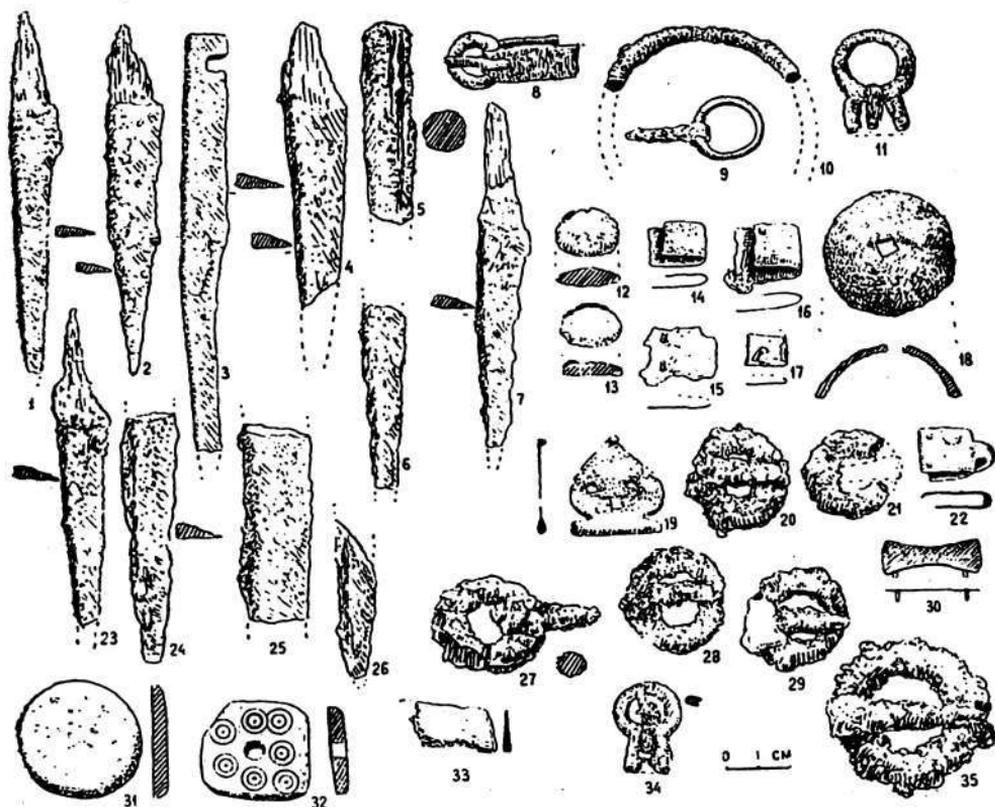

Табл. XVII. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа (1, 14, 16, 17, 20, 28, 29 — к. 80; 2, 11 — к. 62; 3 — к. 81; 4, 21 — к. 5; 5, 8, 27, 33 — к. 110; 6, 10, 19 — к. 71; 7 — к. 72; 9 — к. 49; 12, 13, 24 — к. 12; 15, 18 — к. 63; 22, 30 — к. 107; 23 — к. 15; 25 — к. 106, 26 — к. 66; 31, 32, 35 — к. 60; 34 — к. 46; 1—8, 10—16, 18—21, 23—29, 34, 35 — железо; 22, 30 — бронза; 17 — бронзовая обоймочка с железными штифтами; 31—33 — кость; 9 — бронзовая пряжка с железным язычком).

Кинжалы (табл. XVI, 6—9, 11; XXV, 4, 5; XXXI, 16; XXXIV, 3) железные, с черенком-стержнем для насаживания рукоятки. Длина клинка 0,15—0,25 м. Все они без перекрестия и наверхшия. У большинства из них, на клинке, как и у мечей, сохранились остатки дерева и ткани от ножен, а на некоторых (табл. XVI, 6; XXXI, 16) — кожи, окрашенной кинovarью. Интерес представляет кинжал (табл. XXXIV, 3) с долом по клинку, прямым перекрестием и серповидным наверхшием).

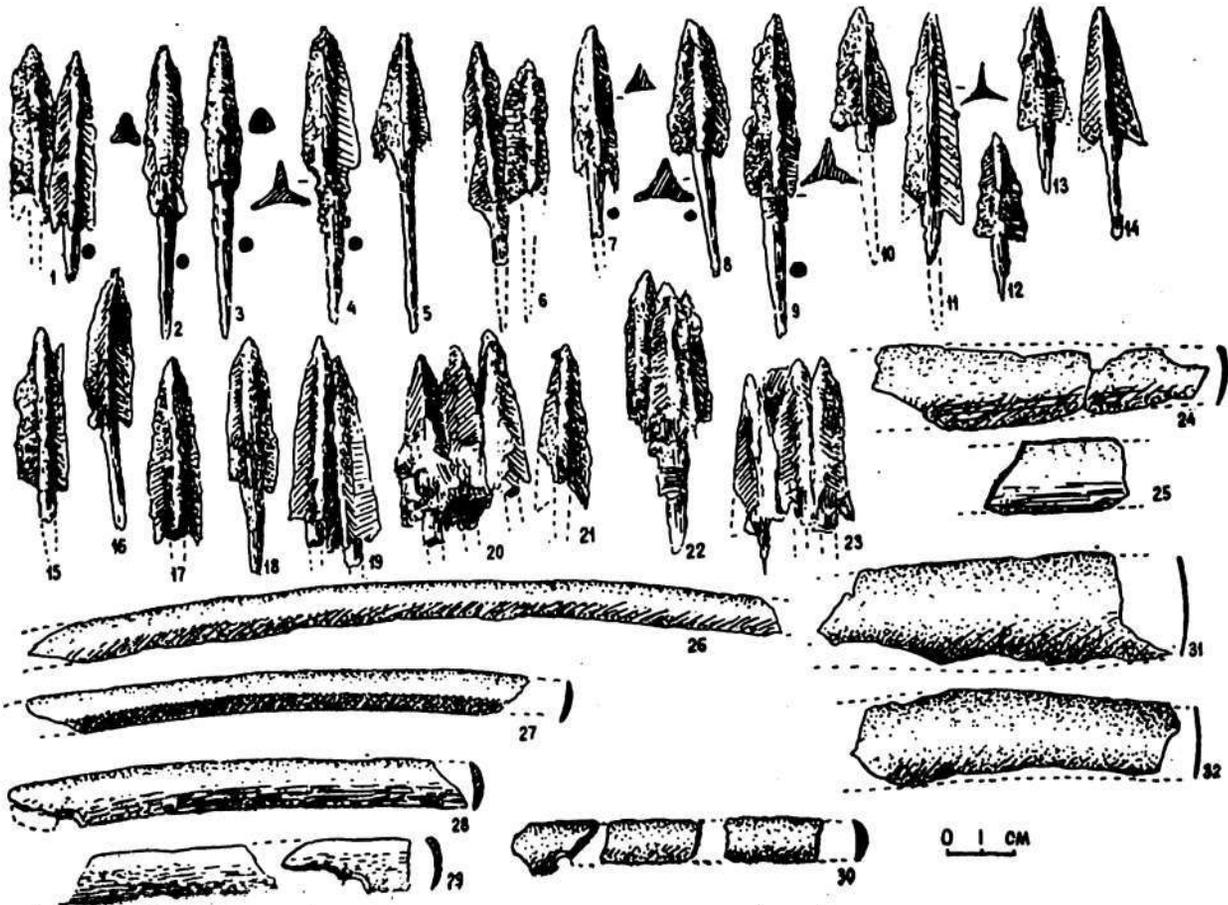

Табл. XVIII. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа (1, 6, 7 — к. 5; 2, 3, 4 — к. 110; 5, 24, 25, 28—30 — к. 72; 8, 9 — к. 80; 10—14 — к. 6; 15—19 — к. 62; 20—23, 26, 27, 31, 32 — к. 60; 1—23 — железо; 24—32 — кость).

ем, рукоятка овальная. Эта форма широко распространена с IV в. до н. э.¹²³ и доживает до II в. н. э.¹²⁴. Кинжалы без перекрестия и навершия найдены у г. Янги-Юль¹²⁵, городища Каунчи¹²⁶.

Наконечники стрел железные (табл. XVIII, 1—23; XX, 2, 3, 6; XXVI, 8—14; XXXI, 1—5; XXXII, 4; XXXIV, 4, 5) и костяной (табл. XXXIV, 10). Железные наконечники черешковые, за исключением одного трехгранного (табл. XVIII, 3), все трехлопастные. У одних перья у основания образуют с черешком прямой угол, у других они опущены в виде жальцев. На черешках некоторых стрел сохранились остатки древка и, видимо, сухожилий, которым оно закреплялось на черешке (табл. XVIII, 9, 22). Важно отметить, что в одном и том же погребении (курган 6) встречены стрелы с боевой частью разных размеров — от 2,5 до 6 см (табл. XVIII, 10—14; XXVI, 8—14). В кургане 60 наконечники стрел лежали компактно (спекшиеся) вблизи коленного сустава левой ноги. Вероятно, они были в колчане, от которого ничего не сохранилось. Костяной трехгранный наконечник стрелы с опущенными гранями, втульчатый, по форме подобен бронзовым скифским наконечникам¹²⁷.

Одинаковые с нашими наконечники стрел довольно широко распространены с III в. до н. э. по VI—VII вв. н. э. У наконечников стрел первой половины I тыс. н. э. боевая часть более узкая и удлиненная. Аналогичные наконечники найдены в Той-тюбинской группе «минг-тепе»¹²⁸, у станции Вревская¹²⁹, у г. Янги-Юль¹³⁰, городища Каунчи¹³¹, в Боркорбазском могильнике (курган 32)¹³², в районе Коджа-Баи¹³³, Кенкольском¹³⁴, Кара-Булакском¹³⁵, Кую-Мазар-

¹²³ В. Н. Граков. Указ. раб., стр. 104.

¹²⁴ Там же, стр. 105.

¹²⁵ М. Э. Воронец. Указ. раб., стр. 337; А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 11).

¹²⁶ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 77, табл. XVI, 120.

¹²⁷ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии». (По материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.), М., 1954, стр. 159—160.

¹²⁸ М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 23.

¹²⁹ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 59.

¹³⁰ М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 337; А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 12).

¹³¹ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 77, табл. XVI, 126.

¹³² С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник..., стр. 138, табл. XVI, д.; стр. 121, табл. II; стр. 137, табл. XV, к.

¹³³ М. Е. Массон. Новые археологические данные..., стр. 159.

¹³⁴ С. С. Сорокин. О датировке и толковании..., стр. 12, рис. 2; И. Комбердиев. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, 1960, вып. 80, стр. 73, рис. 15, 1—4.

¹³⁵ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1955 г.), стр. 25, рис. 4, 6, 7; его же. Кара-Булакский могильник. «Известия»..., стр. 63, рис. 12, 4, 13, 18, 20.

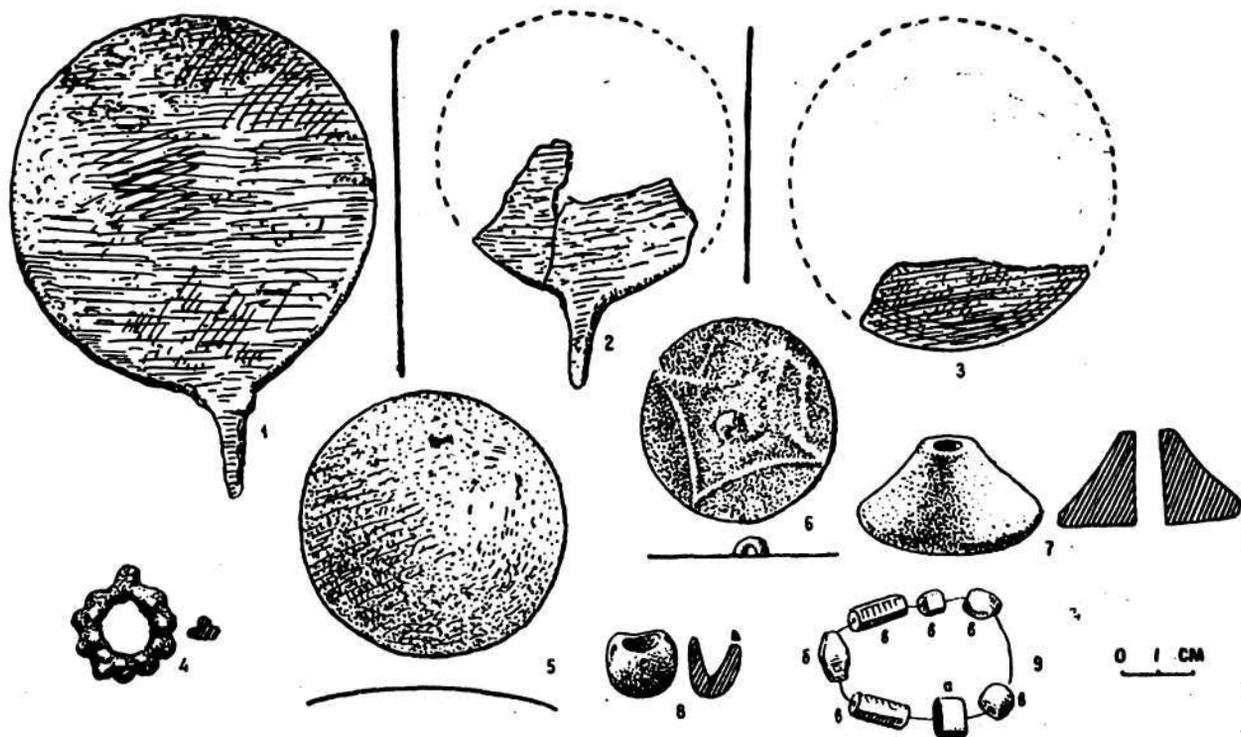

Табл. XIX. Шапукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа (1 — к. 4; 2, 4, 8 — к. 71; 5, 6, 9 — к. 109; 3 — к. 110; 7 — к. 97; 1-6—бронза; 7—глина; 8 — камень; 9а — халцедон; 9б — камень; 9в — стекловидная масса и паста).

ском ¹³⁶ могильниках и в Нижнем Поволжье ¹³⁷. Трехгранный наконечник стрелы встречает похожие в этом же круге памятников ¹³⁸.

От луков сохранились только накладки — концевые и центральные (табл. XVIII, 24—32; XX, 7; XXXII, 5—8). Концевые (по две на каждом конце) слегка изогнутые, длиной по 29 см, с вырезом на конце для закрепления тетивы. Центральные — длиной 16—20 см. С обратной стороны они имеют косые насечки для более прочного соединения костяных пластин с деревянной основой лука. Наружная сторона залощена. Судя по расположению накладок, высота лука достигала 1,5 м. Он лежал по левую сторону от погребенного.

Схожие с нашими накладками обнаружены в катакомбных захоронениях первой половины I тыс. н. э. Ташкентского оазиса ¹³⁹, Ферганской долины ¹⁴⁰, Таласской ¹⁴¹, Тянь-Шаня ¹⁴² и Поволжья ¹⁴³.

Булава (табл. XXXIV, 12) железная, со втулкой для древка. Аналогичные булавы нам не известны. Следует отметить, что одна булава выявлена в подбойном захоронении III—IV вв. н. э. на р. Курты ¹⁴⁴.

Острога (табл. XXV, 2, 3) железная, в виде двузубца, втульчатая, со втоком на противоположном конце древка. Она могла применяться и как оружие. Близкая по форме, но более позднего времени острога найдена у д. Пчельник, в 1 км от Илецкой Защиты ¹⁴⁵. Же-

¹³⁶ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. «Труды ИИА АН УзССР», вып. 8, 1956, стр. 222, рис. 18, 1—4.

¹³⁷ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья, стр. 83, рис. 27, 1; М. П. Абрамова. Указ. раб., стр. 62, рис. 3, 4.

¹³⁸ А. Н. Вернштам. Указ. раб., стр. 8; И. Кожомбердиев. Указ. раб., стр. 73; рис. 15, 5.

¹³⁹ М. Э. Воронец. Указ. раб., стр. 337; Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 60; А. И. Тереножкин. Указ. раб., таблица (Чач, XX, 2).

¹⁴⁰ Н. Г. Горбунова и В. З. Гамбург. Указ. раб., рис. 5, 18, 18а; О. В. Обельченко. Указ. раб., стр. 217, рис. 13; Ю. Д. Варуздин. Указ. раб., стр. 62, рис. 11; его же. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1955 г.), стр. 17; С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник..., стр. 150, 151.

¹⁴¹ А. Н. Вернштам. Указ. раб., табл. XXVII; И. Кожомбердиев. Указ. раб., стр. 74; его же. Катакомбные памятники..., стр. 45, рис. 11.

¹⁴² А. Н. Вернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 73, рис. 37, 1—7, 10, 13—15, 17.

¹⁴³ М. П. Абрамова. Указ. раб., стр. 62, рис. 3, 6; Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв..., стр. 72, рис. 44; В. Н. Граков. Указ. раб., стр. 105.

¹⁴⁴ Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 12, 1961, стр. 25, рис. 3, 4.

¹⁴⁵ См.: «Материалы по археологии восточных губерний», т. III. М., 1899, табл. III, 28.

лезные вилы со втоком, аналогичные остроге, зафиксированы в погребении начала I тыс. до н. э.¹⁴⁶

Предметы быта представлены ножами, пряжками, точильными камнями, щипчиками, крючком, пряслицем, металлической чашей.

Ножи железные, с черенком для рукояти. По форме их можно разделить на три группы. К первой следует отнести большинство из них (табл. XVII, 1, 2, 4, 6, 7, 23—26; XXI, 5, 6; XXVI, 1—4). Все они небольшие, однолезвийные, с вытянутым узким лезвием, спинка чуть выпуклая и является продолжением черенка рукояти. Вторую группу представляют ножи с выделенным уступами черенком (табл. XXI, 1—4), однолезвийные, массивные, а третью — нож со слегка изогнутой спинкой (табл. XVII, 3) и невыделенной рукояткой. На некоторых ножах сохранились остатки дерева и кожи от ножен. Ножны иногда покрыты красной краской — кинovarью (табл. XXXI, 11). В мужских погребениях ножи найдены на остатках погребальной пищи (костях барана). В женском погребении (курган 106) они лежали кучкой у правого колена, а один обнаружен среди игральные костей — астрагалов.

Железные ножи, имеющие толстый обушок, найденные в Шаушукумском могильнике к. 106 (табл. XXI, 2, 3), очень близки по форме к ножам небольшого размера (8—10 см) с таким же обушком, которые М. Э. Воронец датирует III—IV вв. н. э.¹⁴⁷ Ножи с выделенным

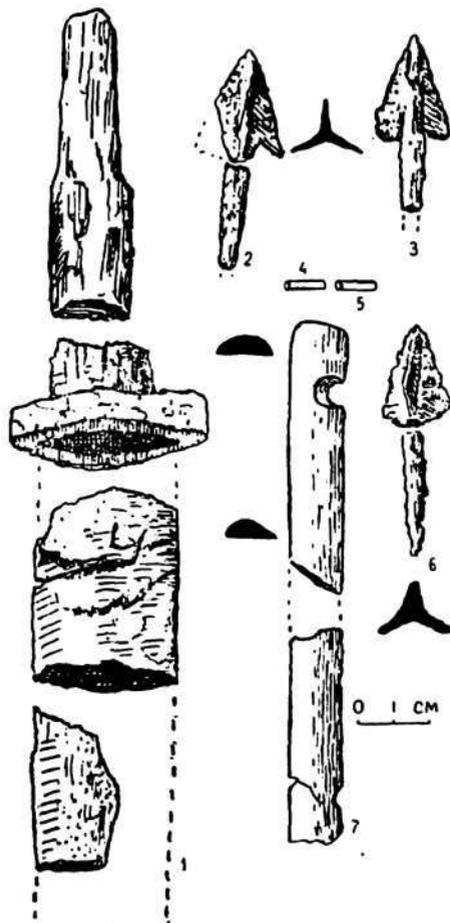

Табл. XX. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа, к. 56 (1 — железный меч с напускным бронзовым перекрестием; 2, 3, 6 — железо; 7 — кость; 4, 5 — золото).

¹⁴⁶ Г. П. Кесама н л ы. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулака (Азербайджанская ССР). СА, 1966, № 3, стр. 224, рис. 3, 5.

¹⁴⁷ М. Э. Вор о н е ц. Археологические исследования..., стр. 337.

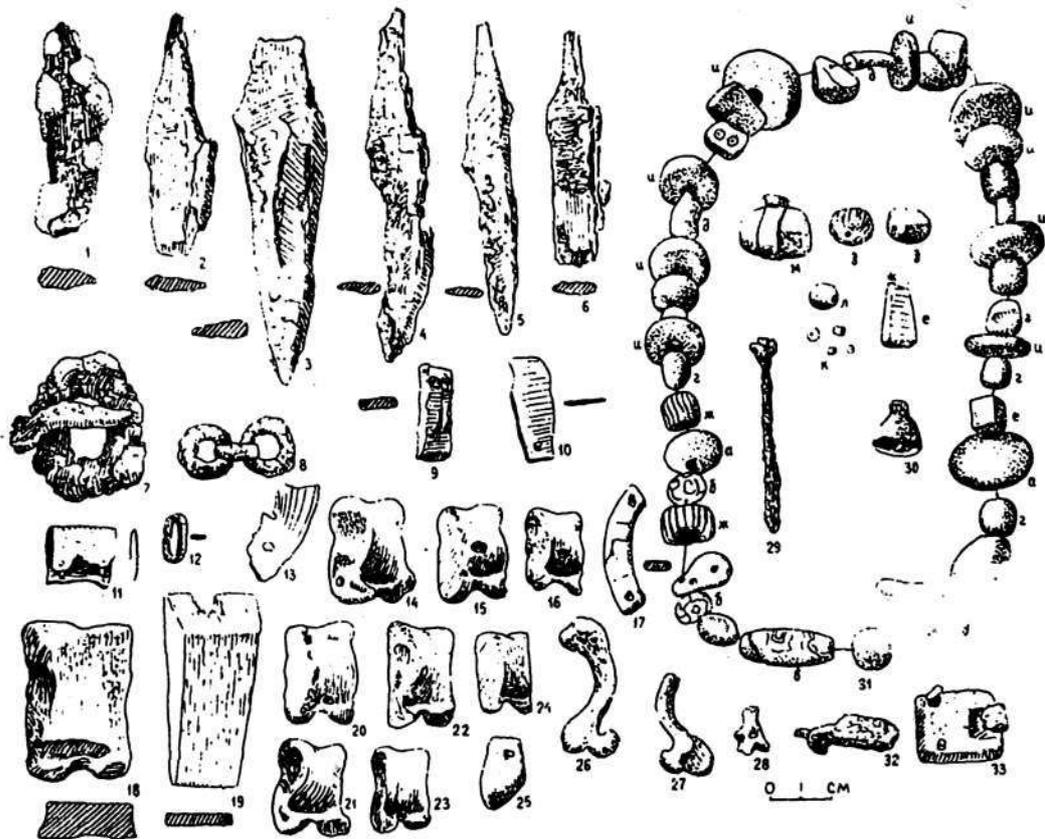

Табл. XXI. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа, к. 106 (1—10, 32, 33 — железо; 11, 12, 29, 30 — бронза; 13—16, 18—28 — кость; 17 — смола; 31 к — паста; 31 е — лазурит; 31 а — халцедон; 31 д — коралл; 31 б — халцедон, инкрустированный содой; 31 г — агат; 31 з — стекловидные; 31 с — медные; 31 г — перламутровые; 31 и — янтарные, золотисто-коричневые; 31 м — перламутровые, обернутые медной пластинкой).

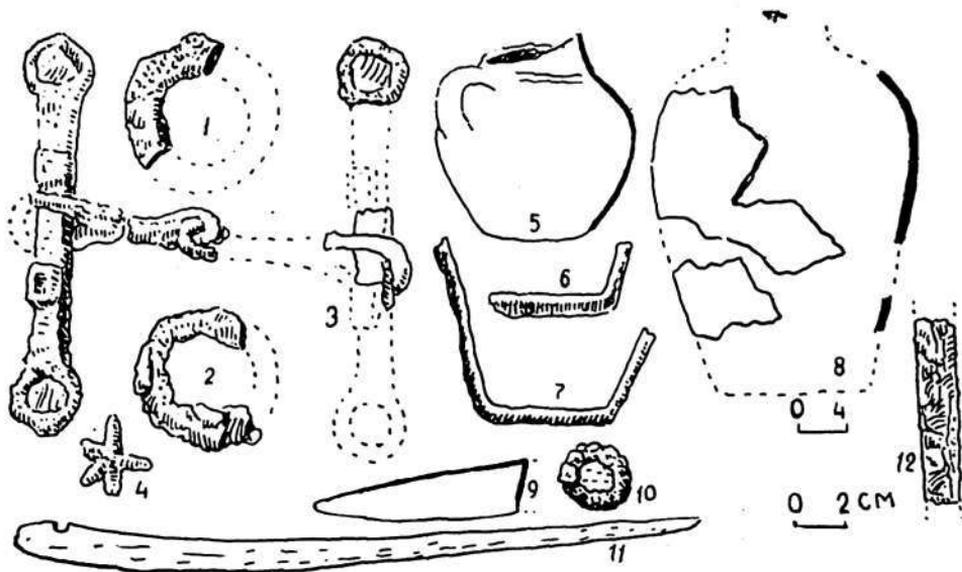

Табл. XXII. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа, к. 50 (1, 2, 4, 6, 7, 10, 12 — железо; 9, 11 — кость; 5, 8 — глина; 3 — железные удила, инкрустированные золотой фольгой).

черенком имеют большое сходство с ножами из катакомбных захоронений первой половины первого тысячелетия нашей эры¹⁴⁸.

Пряжки железные, бронзовые и костяная. Они встречаются как в мужских, так и в женских погребениях в области тазовых костей, в одном случае около коленного сустава. Железные пряжки различаются по форме: круглые с подвижным язычком (табл. XVII, 20, 21, 27—29, 35; XXII, 10; XXVII, 9, 10) разных размеров, от 3 до 5 см в диаметре; овальные с подвижным язычком (табл. XXI, 7); круглые с прямоугольным пряжкойобразным выступом и подвижным

¹⁴⁸ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 57; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. раб., стр. 25, 41; С. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 133; Ю. А. Заднепровский. Указ. раб., стр. 104, рис. 59, 14—19; В. Ф. Гайдукевич. Указ. раб., стр. 339; Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург. Указ. раб., рис. 5, 1—5; Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Археологические работы в Таджикистане. Вып. IV. «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XCI, 1959, стр. 79, рис. 4, 2, 3; А. Кибиров. Указ. раб., стр. 7; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., стр. 21; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 62; И. Кожомбердиев. Новые данные..., стр. 74; А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. СА, 1961, № 1, стр. 268; рис. 2, 5.

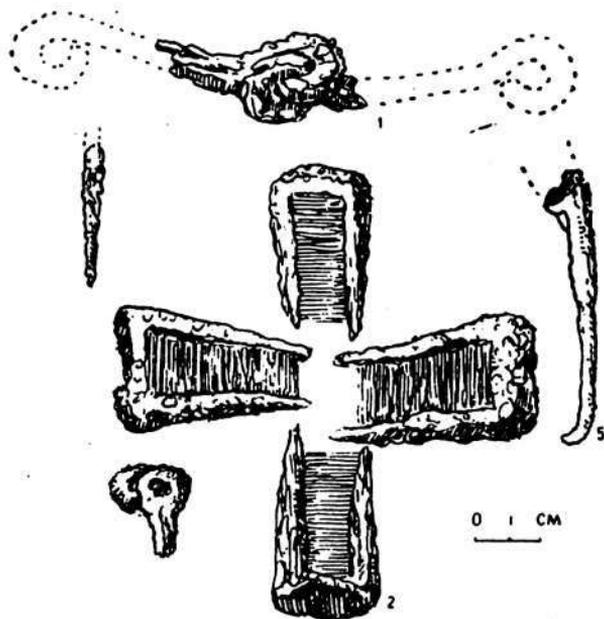

Табл. XXIII. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб первого типа, к. 110 (1, 3—5 — железо; 2 — железо с остатками дерева).

язычком (табл. XVII, 11, 34); округлые с прямым основанием, подвижным язычком и прямоугольной обоймой, которая крепилась заклепками на ремне (табл. XVII, 8), и прямоугольные (табл. XXXI, 6) с прорезью на одном конце для продевания ремня. Около коленного сустава с внутренней стороны берцовых костей обнаружены две пряжки, бронзовые, круглые, с подвижным железным язычком (табл. XVII, 8). Хотя погребение потревожено грабителями, кости ног лежали в анатомическом порядке. Это дает основание предположить, что пряжки — это застежки на голенищах сапог.

Круглые пряжки с подвижным железным язычком встречены в погребениях близ станции Вревская¹⁴⁹, около с. Ореховского¹⁵⁰, в

¹⁴⁹ Т. Агзамходжаев. Указ. раб., стр. 228, рис. 3, 4; М. Э. Воронеж. Указ. раб., стр. 57, 58, 60.

¹⁵⁰ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 35.

Кенкольском могильнике¹⁵¹, на р. Юцы¹⁵², в могильнике Чми¹⁵³, в Поволжье¹⁵⁴.

Пряжки с прямоугольной обоймой найдены близ ст. Вревская¹⁵⁵, в могильнике Кайрагач¹⁵⁶.

Пряжка с прямоугольным пряжкообразным выступом для крепления к ремню близка по форме к пряжке из Боркорбазского могильника¹⁵⁷.

Костяная пряжка (табл. XXVII, 13) прямоугольной формы с циркульным орнаментом, расположенным тремя параллельными рядами, которые разделены процарапанными прямыми линиями. На одном конце пряжки сделаны овальное отверстие и костяной шпенок для закрепления ремня. Большое сходство она имеет как по форме, так и по орнаменту с пряжкой из Кую-Мазарского могильника¹⁵⁸.

Точильные камни (табл. XXVI, 6, 7). Один прямоугольной формы, с круглым отверстием на конце для подвешивания, другой — в виде обломанной плитки.

Щипчики (табл. XXXI, 13) железные. Применялись, по-видимому, для выщипывания волос. Аналогичные найдены в могильной яме с заплечиками в ур. Жаман-Тогай, в кургане рубежа нашей эры¹⁵⁹.

Крючок (табл. XXVI, 15) железный, с петелькой для подвешивания.

Пряслице (табл. XIX, 7) глиняное, в виде усеченного конуса. Они довольно часто встречаются в женских погребениях — катакомбах и на поселениях.

Чаша (табл. XV, 2) бронзовая, с округлым дном (в центре дно слегка вогнуто) и высокими, чуть сведенными внутрь краями. Подобные чаши в известных нам катакомбных погребениях не обнаружены.

В кургане 50 выявлены скобы-накладки; они железные, со следами дерева на внутренних сторонах (табл. XXII, 6, 7). Возможно, это накладки на ножны. В кургане 4 около станции Вревская скобы лежали у пояса мужского скелета¹⁶⁰.

¹⁵¹ И. Кожомбердиев. Указ. раб., стр. 73, рис. 15, 10.

¹⁵² А. П. Рунич. Указ. раб., стр. 268, рис. 2, 3.

¹⁵³ В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 1963, № 114, стр. 126, рис. 1, 1.

¹⁵⁴ И. В. Синицын. Археологические исследования..., стр. 150.

¹⁵⁵ Т. Агзамходжаев. Указ. раб., стр. 228, рис. 3, 1, 2.

¹⁵⁶ Ю. А. Заднепровский. Указ. раб., стр. 104, рис. 59, 11.

¹⁵⁷ С. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 121, табл. II, д, е.

¹⁵⁸ О. В. Обельченко. Указ. раб., стр. 209, рис. 5.

¹⁵⁹ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. раб., гл. 4, табл. IV, 20.

¹⁶⁰ М. Э. Воронец. Указ. раб., стр. 59.

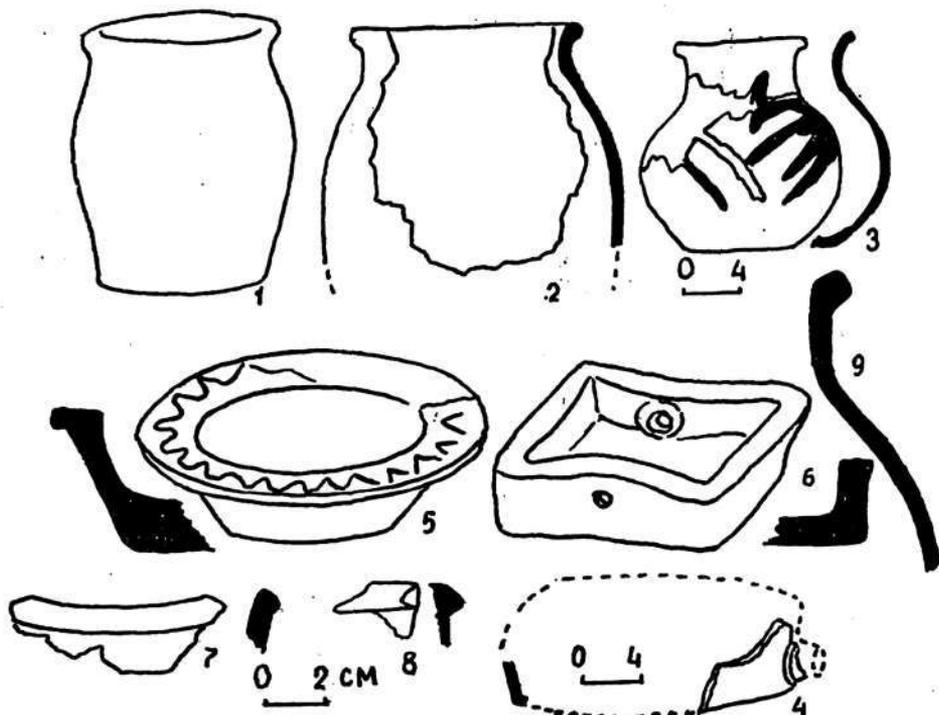

Табл. XXIV. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды и курильницы из катакомб второго типа (1, 6 — к. 83; 2 — к. 53; 3, 4 — к. 86; 5, 8 — к. 9; 7 — к. 34; 9 — к. 44).

Особую группу погребального инвентаря составляют удила, железные кольчатые (табл. XXII, 3; XXIII, 1). Некоторые из них с железными псалями. Псалии прямые, на концах имеют вид ложечки и инкрустированы золотой фольгой. Железные удила с «S»-образными псалями отмечены в катакомбных захоронениях Ташкентского оазиса и Шамсинском погребении. Обломок железных удил найден А. Кибировым в Чаткальской долине¹⁶¹.

Украшения, обнаруженные в погребениях могильника, представлены накладками на пояс, обоймочками, бусами, булавками (табл. XXI, 29), подвесками и серьгами, бляшками-нашивками, золотыми пронизками (табл. XX, 4, 5), золотыми нитями.

Накладки на пояс (табл. XXI, 8—10, 32, 33; XVII, 19, 30), за

¹⁶¹ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники..., стр. 72.

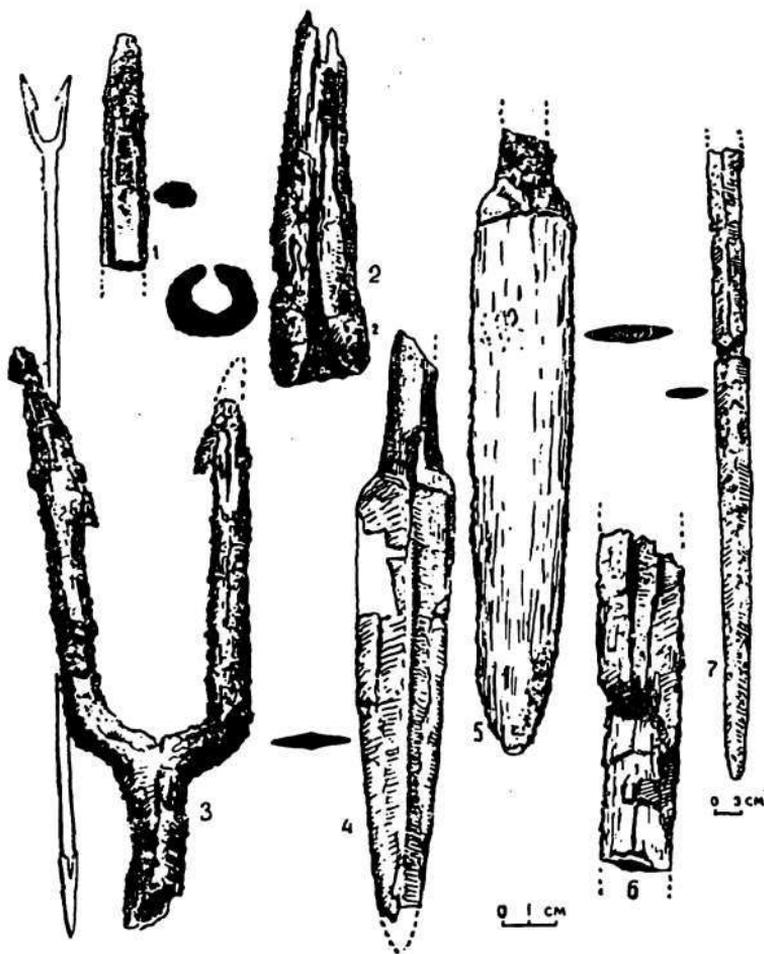

Табл. XXV. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб второго типа
(1, 4, 6, 7 — к. 44; 2, 3, 5 — к. 86; 1—7 — железо).

исключением одной (табл. XVII, 30) бронзовой, железные. Некоторые из них с железными штифтами для крепления к ремню.

Бусы встречены только в женских погребениях и самые различные: из лазурита, халцедона (некоторые инкрустированы содой), агата, коралла, перламутра, янтаря, камня (на одной — циркульный ор-

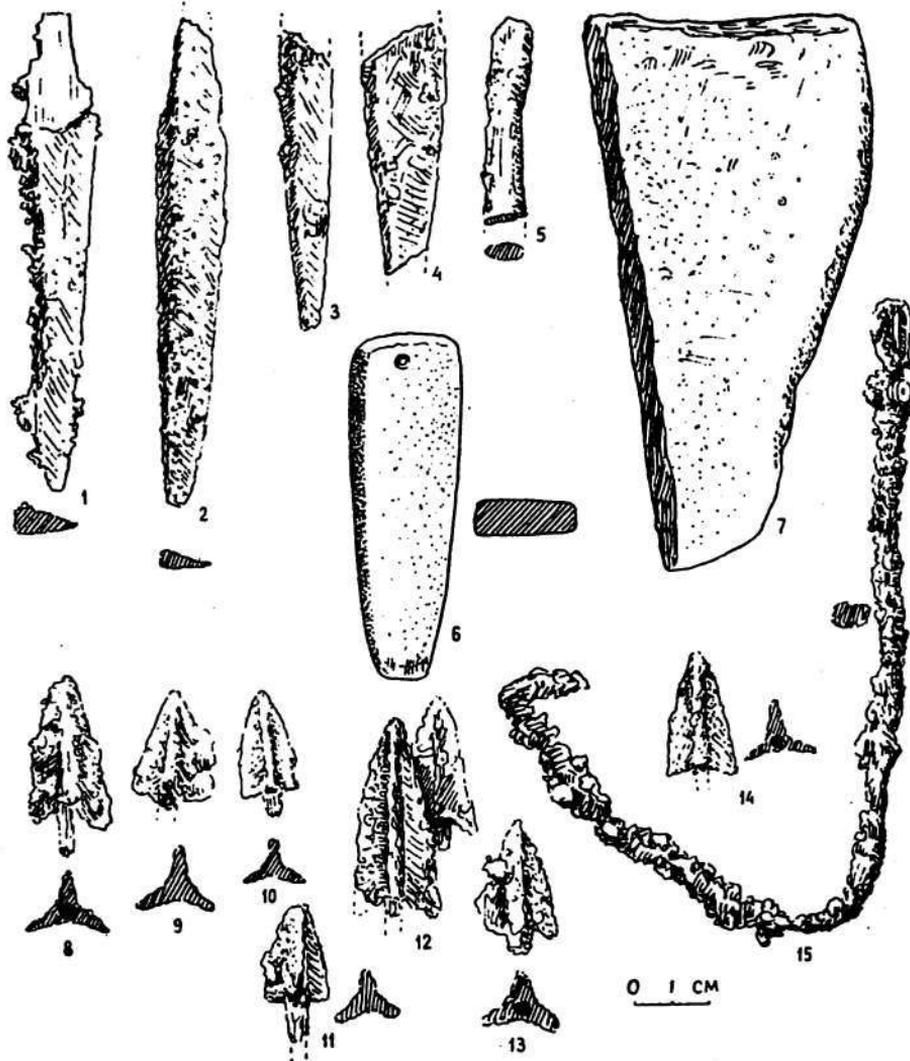

Табл. XXVI. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб второго типа (1, 11 — 15 — к. 44; 2, 6 — 10 — к. 86; 3 — к. 34; 4, 5 — к. 9; 1—5, 8—15 — железо; 6, 7 — камень).

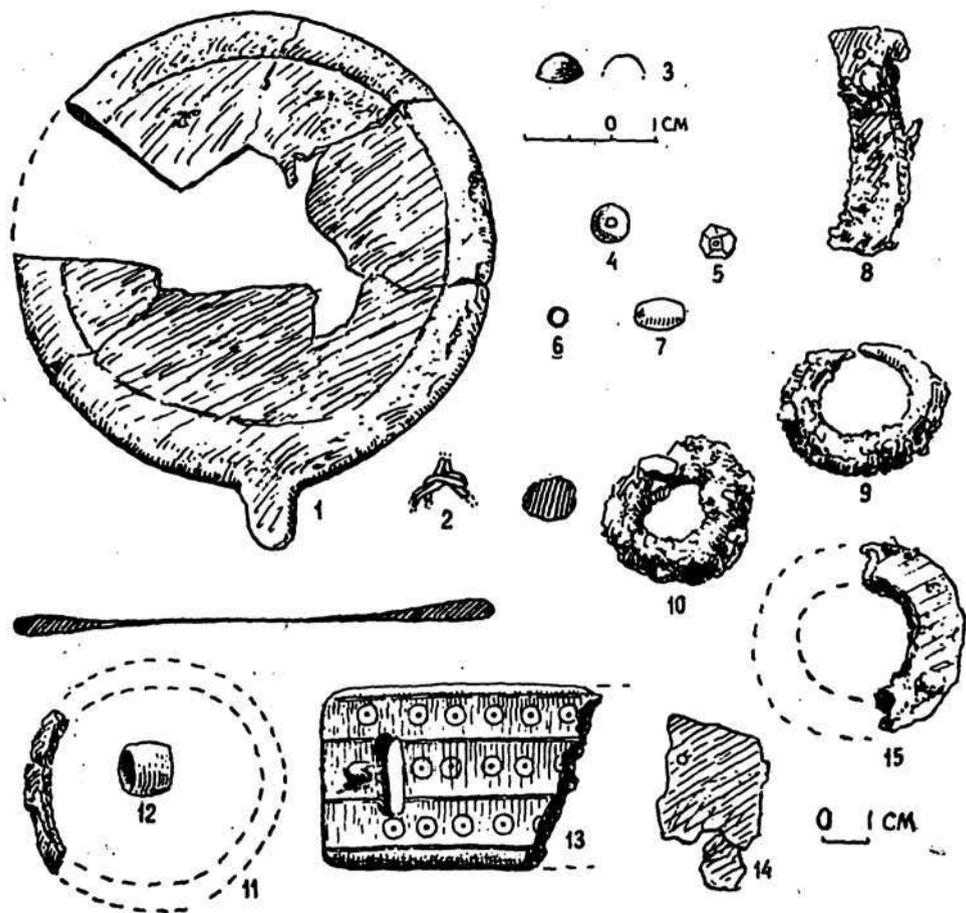

Табл. XXVII. Шаушукумский м-к, инвентарь из катакомб второго типа (1, 3—7, 9, 11, 12, 14 — к. 9; 2, 10 — к. 44; 8, 13, 15 — к. 86; 1, 2, 12, 14 — бронза; 8—11, 15 — железо; 13 — кость; 3 — золото).

намент), стекловидной массы, бронзовые, пастовые; три окрашены желтой краской, одна полосчатая (табл. XXI, 31; XIX, 9; XXVII, 4—7; XXXI, 10, 12). Аналогичные бусы зафиксированы в погребениях VI—IX вв. могильника Чми¹⁶².

Подвески бронзовые. Очень близкая к нашей (табл. XIX, 4) по форме и технике изготовления найдена в Нижнем Приобье, в погребении 6¹⁶³. Другая — каплевидной формы, с отверстием на одном конце (табл. XXXIV, 13), аналогична усуньским¹⁶⁴.

Обнаружена серьга (табл. XXXIV, 14), золотая из проволоки с подвеской из закрученной спиралью проволоки с двумя бусинками из жемчуга и одной между ними из альмандина, заканчивавшейся круглой выпуклой пластинкой. Близкие по форме серьги отмечены в Беркаринском¹⁶⁵ и Кара-Обинском¹⁶⁶ могильниках.

Бляшки нашивные. Одна (табл. XXVII, 3) из золотой фольги диаметром 3—3,5 мм, сферической формы, с круглыми отверстиями у основания. Всего найдено 69 шт. Такие же бляшки оказались в кургане, раскопанном у совхоза «Красный Октябрь» на р. Торгун¹⁶⁷. Другая бляшка (табл. XXXI, 10) также из золотой фольги, плоская, с отверстиями на противоположных сторонах для нашивки.

Предметы туалета состоят из зеркал, пуговиц, каменной подделки, видимо, для хранения краски (табл. XIX, 8).

Зеркала бронзовые, круглые, встречены целые и в обломках. Два из них (табл. XIX, 1, 2) с небольшой боковой ручкой, по краю слегка утолщенные. Схожие зеркала выявлены в катакомбных захоронениях у г. Янги-Юль¹⁶⁸, около городища Каунчи¹⁶⁹, в Нижнем Поволжье¹⁷⁰. Подобные зеркала обнаружены в памятниках Поволжья¹⁷¹, но они больше размером, валик у них шире и ручка в виде треугольного черенка. Зеркала с небольшой боковой ручкой и вали-

¹⁶² В. Б. Деопик. Указ. раб., стр. 137, рис. 5; стр. 141, рис. 6.

¹⁶³ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. МИА, 1957, № 58, стр. 167, табл. XII, 1, 2.

¹⁶⁴ Е. И. Агеева. Указ. раб., стр. 32, рис. 7; Г. Г. Бабанская. Беркаринский могильник. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. I, Археология, 1956, стр. 203, табл. VII, 8, 9.

¹⁶⁵ Г. Г. Бабанская. Указ. раб., стр. 203, табл. VII, 1, 2.

¹⁶⁶ И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, Археология, 1956, стр. 126, табл. X, 3.

¹⁶⁷ И. В. Синицын. Археологические находки..., стр. 54, рис. 28, 7.

¹⁶⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 336, рис. 14;

А. И. Тереножкин. Согд и Чач, таблица (Чач, XX, 8).

¹⁶⁹ Г. В. Григорьев. Указ. раб., стр. 77, табл. XVI, 124.

¹⁷⁰ М. П. Абрамова. Указ. раб., стр. 60, рис. 2, 1, 3.

¹⁷¹ И. В. Синицын. Древние памятники..., стр. 26, рис. 7, 8; стр. 58, рис. 21, 8; стр. 102, рис. 39, 11.

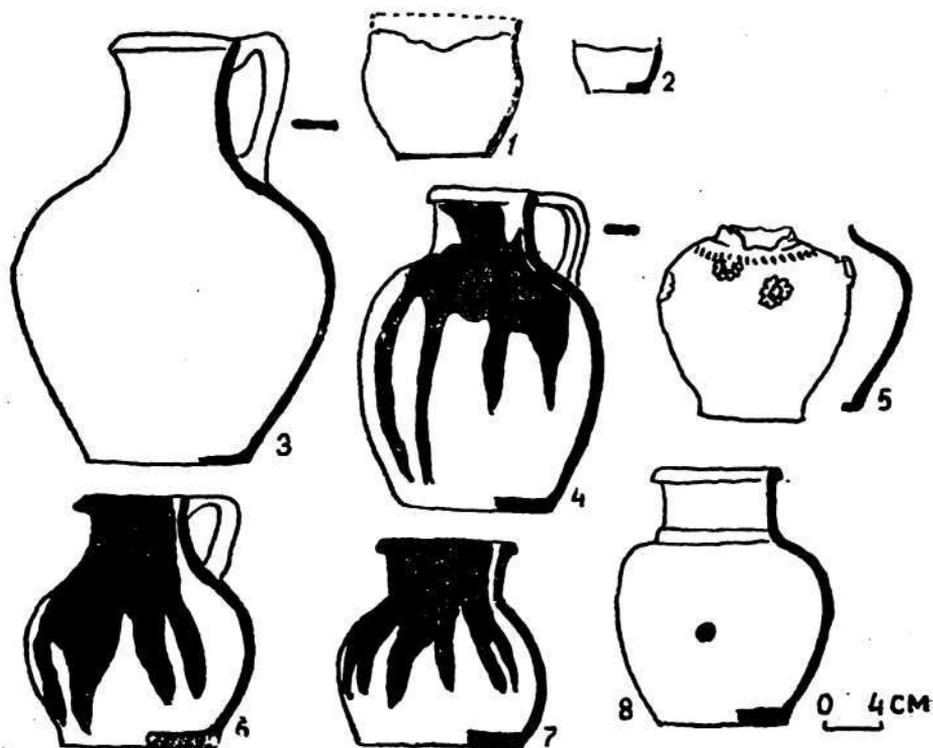

Табл. XXVIII. Шапукумский м-к, глиняные сосуды из подбоев (1, 2, 5 — к. 16; 3, 7 — к. 13; 4, 6 — к. 47; 8 — к. 10).

ком по краю бытуют в IV—II вв. до н. э. (прохоровская культура), встречаются еще и во II—IV вв. н. э. (шиповская эпоха)¹⁷².

Зеркало (табл. XIX, 6) круглое, с петлеобразной ручкой на обратной стороне и не очень четким звездчатым орнаментом, имеет сходство с зеркалом из Боркорбазского могильника (курган 4)¹⁷³. Зеркала в обломках довольно часты в могилах этого времени. М. Э. Воронец объясняет это тем, что зеркалам приписывались магические силы¹⁷⁴.

¹⁷² А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 59, рис. 1.

¹⁷³ С. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 126, табл. VI, в.

¹⁷⁴ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 55.

Табл. XXIX. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды из к. 96 (1—4, 6 — из насыпи, 5, 7, 8 — из подбоя).

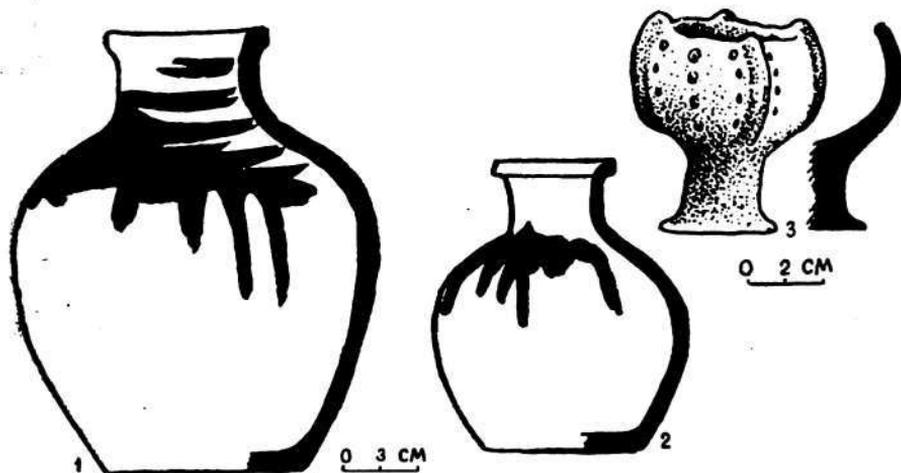

Табл. XXX. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды и курильница из к. 52 (2, 3 — из подбоя 1; 1 — из подбоя 2).

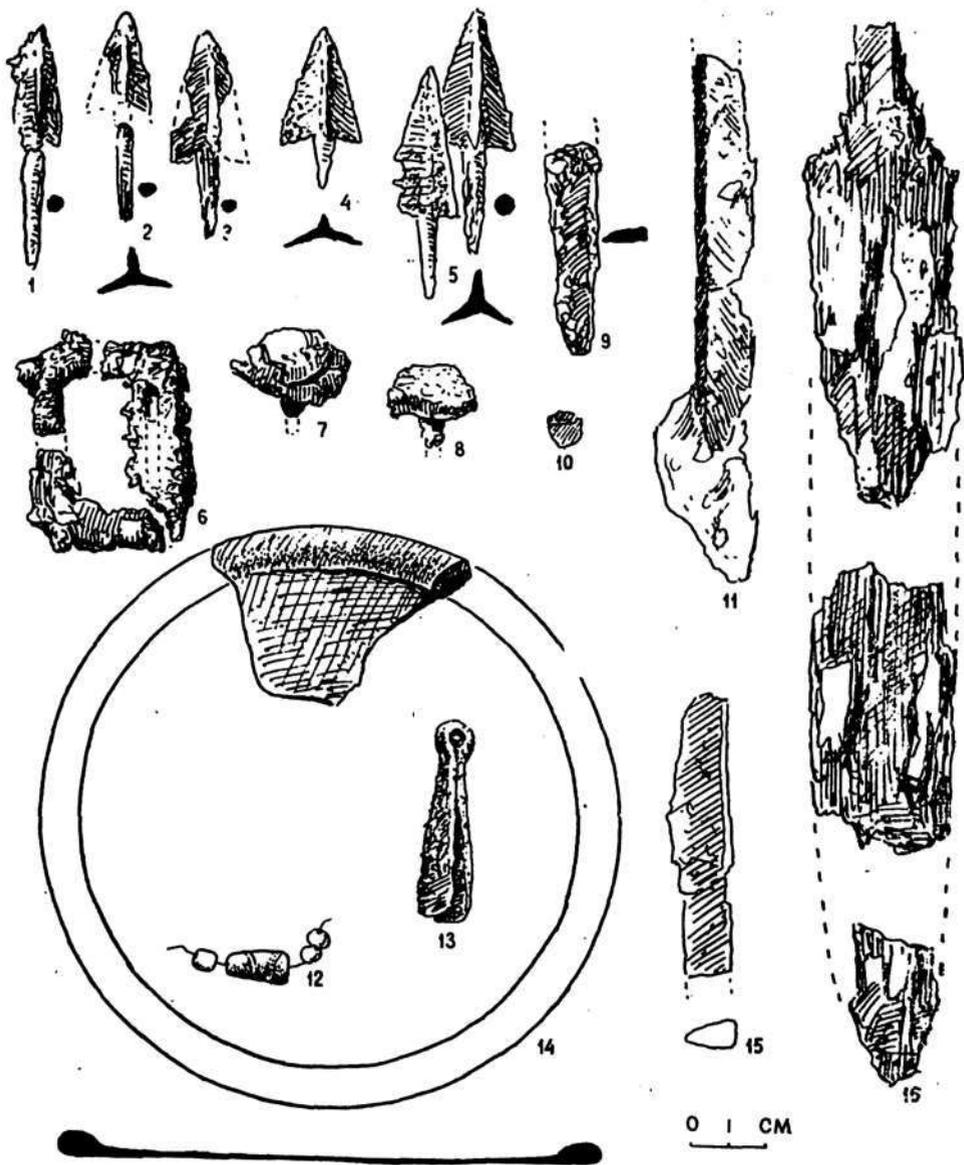

Табл. XXXI. Шаушукумский м-к, инвентарь из подбоев (1—8, 11, 16 — к. 13; 9 — к. 96; 10 — к. 47; 12, 14 — к. 91; 13, 15 — к. 16; 1—9, 11, 13, 15, 16 — железо; 10 — золото; 12 — паста; 14 — бронза).

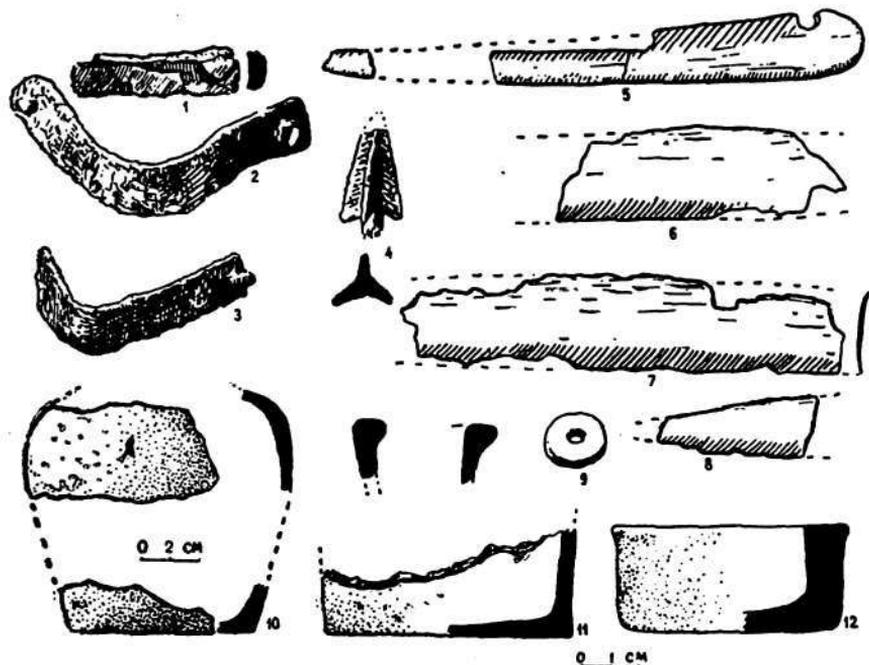

Табл. XXXII. Шаушукумский м-к, инвентарь из подбоя к. 51 (1—4 — железо; 5—8 — кость; 9 — известняк; 10—12 — глина).

Пуговицы найдены в курганах 63 и 60. Одна железная, выпуклая с подквадратным отверстием в центре (табл. XVII, 18), другая костяная, квадратная с закругленными углами и круглым отверстием в центре. На внешнюю поверхность ее нанесен циркульный орнамент (табл. XVII, 32), который широко распространен на костяных изделиях с рубежа нашей эры и до IX—XI вв. н. э.

Монета серебряная, содержит значительные примеси Ca, Mg, Cu, Au и незначительные Bi, Si, Mn¹⁷⁵, весом 4,2 г. На ней изображен жертвенник со стражами по сторонам, около языка пламени нарисо-

¹⁷⁵ Анализ произведен ст. инженером Б. П. Пашевным.

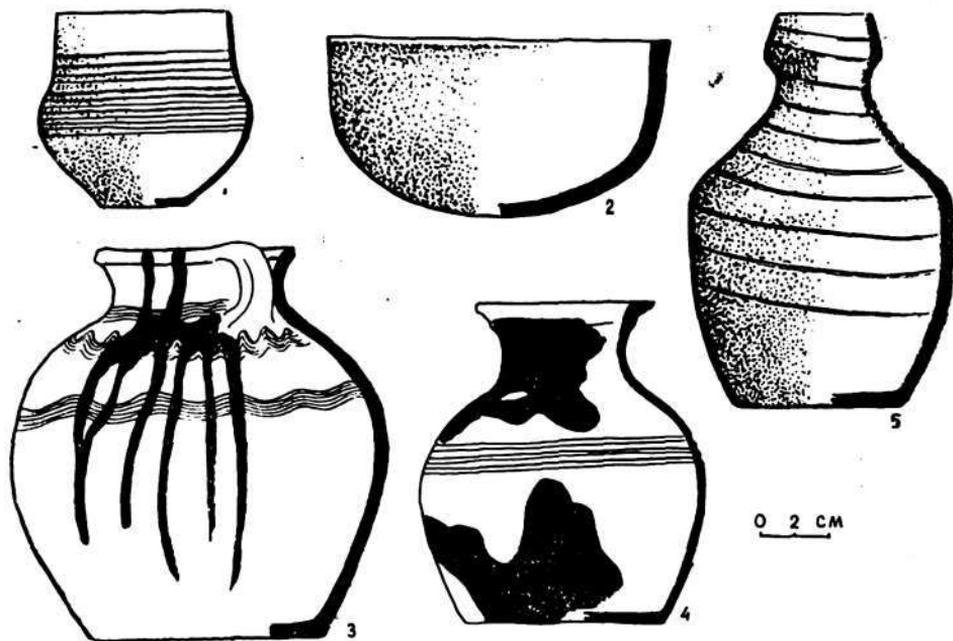

Табл. XXXIII. Шаушукумский м-к, глиняные сосуды из грунтовых ям (1, 2 — к. 28; 3 — к. 3; 4 — к. 2; 5 — к. 24).

ван полумесяц¹⁷⁶. Она является диргемом династии Сасанидов (1-е царствование Кавада, 488—497)¹⁷⁷.

Кроме того, в могильнике были предметы неизвестного назначения. Это железные кольца и их обломки (табл. XXII, 1, 2; XVII, 10), железное навершие (табл. XXII, 4), пластинка серповидной формы из смолы (?) с круглыми отверстиями на концах (табл. XXI, 17), небольшие круглые железные поделки (табл. XVII, 12, 13), четыре «П»-образные скобы, железные, с остатками дерева (табл. XXIII, 2), железные скобы-накладки (табл. XXXII, 1—3, XXII, 6, 7), некоторые с железными шпунтами на концах, остатками дерева на внутренней стороне и ткани на внешней, железные «гвоздики» (табл. XXXI, 7, 8).

¹⁷⁶ Изображение выявлено с помощью рентгеновских лучей ст. научным сотрудником Ин-та судебной экспертизы А. В. Кизнером.

¹⁷⁷ Определение профессора М. Е. Массона.

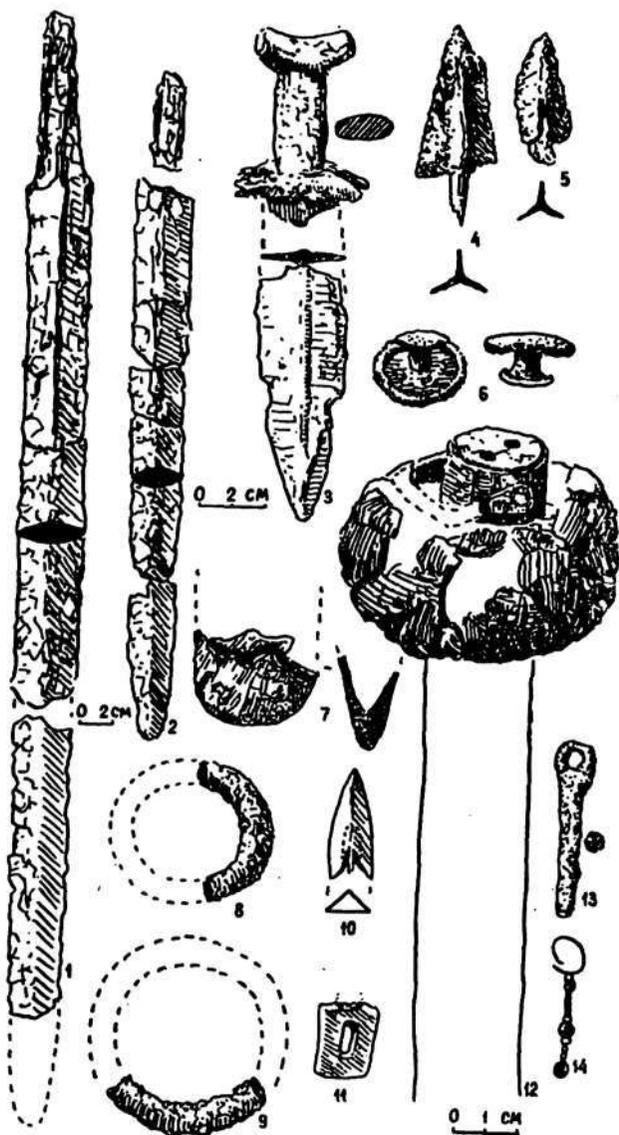

Табл. XXXIV. Шаушукумский м-к, инвентарь из грунтовых ям (1—5—к. 2; 6—9, 13 — к. 27; 10—12, 14 — к. 24; 10, 11 — кость; 1—5, 7—9, 12 — железо; 6, 13 — бронза; 14 — золото, бусы из жемчуга и алмадина).

Комплекс материалов позволяет в целом Шаушукумский могильник отнести к III—V вв. н. э. Верхнюю дату могильника можно определить по монете конца V в. Из-за малого количества добытого материала нам не удалось выделить ранние и поздние погребальные сооружения.

Анализ погребального инвентаря (кухонной керамики, оружия), расположение курганов с различными погребальными сооружениями позволяет предположить, что могильник состоит из синхронных погребений, является единым комплексом и входит в круг памятников Ташкентского оазиса. Различные виды погребальных сооружений в нем: катакомбы первого и второго типов, подбои, грунтовые могильные ямы — по-видимому, результат неоднородности племенного состава населения и сложности религиозных представлений.

Возможно, что в III—V вв. на территорию древнего Шаша переместились новые этнические группы населения, произошло смешение местного и пришлого элемента и синкретизация культур, что было связано с историческими событиями великого переселения народов.

4. Могильник Торебай-Тумсык

Курганный могильник находится в 1 км на восток от средневекового городища Актобе 1, в пойме р. Сыр-Дарьи, в ур. Торебай-Тумсык и состоит из 121 кургана, расположенного отдельными группами бессистемно (рис. 17). Все курганы с земляными насыпями диаметром от 10 до 30 м, высотой от 0,05 до 1 м. Всего раскопано 11 (5, 6, 21, 29, 37, 49, 63, 73, 84, 92, 103). Их копали на снос, в некоторых (5, 39, 37) углубились до 1,3—1,6 м, но ничего не обнаружили, остальные дали находки скребков, бусины (рис. 19б), наконечника стрелы (рис. 19а), бронзового, черешкового (курган 63), которые к погребению никакого отношения не имеют. В трех курганах (21, 63, 92) обнаружены остатки кострищ (зола и угольки кустарника). Считать их кострами, на которых сжигали умерших, нет оснований. Вероятно, они связаны с каким-то обрядом очищения огнем.

Курганы без захоронений, но с остатками кострищ из золы и угольков кустарника раскопаны в 4 км к юго-западу от пос. Чардара (28, 29) и около городища Узун-Ата (30)¹⁷⁸. Необходимо отметить, что по внешнему виду и планировке они не отличаются от исследованного нами могильника.

¹⁷⁸ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. раб., стр. 41.

Рис. 17. План м-ка Торбай-Тумсык.

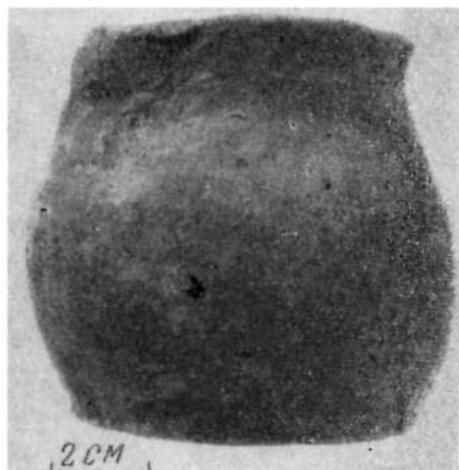

Рис. 18. М-к Торейбай-Тумсык, глиняный сосуд из к. 49.

Рис. 19. М-к Торейбай-Тумсык: а—бронзовый наконечник стрелы; б—каменная бусина (к. 63)

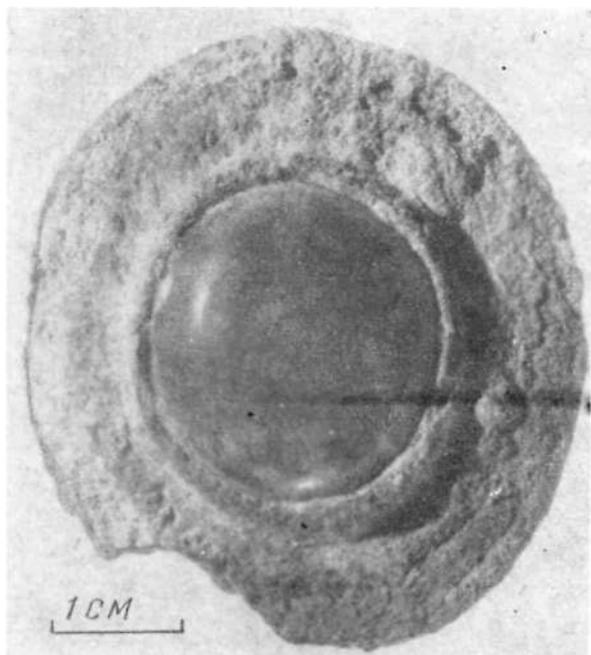

Рис. 20. М-к Торейбай-Тумсык, бляшка из к. 73.

Б

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Большинство исследованных памятников — поселение Актобе 2, городище Шаушукумтобе, примыкающие к ним могильники, а также могильник Жаман-Тогай — находятся на правом обрывистом берегу р. Сыр-Дарьи. С трех сторон их окружает холмистая возвышенность — часть «приташкентских Чулей»¹. Городище Актобе 1 и могильник Торейбай-Тумсык расположены на левом берегу Сыр-Дарьи, в пойме реки, которая представляет собой долину шириной около 5 км. С запада ее окаймляют песчаные барханы Кзыл-Кума, достигающие высоты 30 м и тянущиеся с севера на юг. В настоящее время пески шлейфами заходят в пойму почти на 1 км. Один такой шлейф засыпал северо-западную часть городища.

Значительная часть поймы реки, особенно вблизи современного русла, заросла гребенщиком, джигдой, талом и т. п.

Физико-географические условия местности определили основное направление развития хозяйства жителей, оставивших эти памятники. Окрестности, покрытые богатой степной и полупустынной растительностью, были хорошими пастбищными угодьями. Они простирались

¹ Ю. А. Скворцов и Л. Н. Бабушкин. Голодная степь. Физико-географический очерк. Ташкент, 1957, стр. 4.

на восток до гор (Угамский хребет и др.), на севере — до бассейна р. Арыси и ее притоков, а на юге — до Курук-Келеса и Келеса. Поймы рек Сыр-Дарьи, Келеса и Курук-Келеса, Арыси и пески левобережья являлись прекрасными выпасами для скота в зимнее время.

Географические и климатические условия создавали возможности для круглогодичного содержания скота на подножном корму, что практикуется в хозяйстве и в настоящее время. Пойменная равнина вдоль Сыр-Дарьи использовалась для земледелия, которое, по-видимому, было лиманным и богарным, а на левобережье с X в. распространилось поливное.

В древних письменных источниках сведения о Шаше, в частности о формах хозяйства жителей района, весьма ограничены. Но значение этих скудных данных для изучения истории оазиса велико. В Бейши и Суйши при списании событий начала VII в. дается краткая характеристика хозяйства населения Ташкентского оазиса. В них сказано: «Родятся просо и пшеница, много хороших лошадей»². В более поздних восточных источниках говорится, что «почва пригодна для ячменя, пшеницы, риса, гороха; пьют виноградное вино, водку ми (буквально: из кашицы) и кислое молоко (кумыс)»³. Значительно дополняют эти сведения археологические данные. Находки зерен проса, риса, семян хлопчатника (Актобе 2), выявление отпечатков проса на дне сосуда, которое подсыпали при формовке (Шаушукум, курган 51)⁴, остатков пригорелой растительной пищи, наличие каменных зернотерок, пестов на поселении и городищах, железного серпа (?) в Шаушукумтобе, соломы в кирпичах, чигирей, жерновов (Актобе 1) и больших глиняных сосудов — хумов для хранения, видимо, и зерновых запасов есть прямое доказательство занятия жителей описываемого района земледелием. Однако специфика природных условий района не позволяла земледелию стать основной формой хозяйства. Напротив, большое количество костей домашних животных, найденное при раскопках всех памятников, свидетельствует о развитом скотоводстве. Анализ костного материала дал возможность судить до некоторой степени о составе стада, в котором более 80% было баранов и коз, от 7 до 11% — лошадей и от 4,5 до 7% — крупного рогатого скота. Кроме того, встречено несколько костей верблюдов⁵. Такое соотношение костного материала да-

² Н. Я. В и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., стр. 275, 282.

³ Н. В. К ю н е р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 97.

⁴ В дальнейшем названия могильников и слово «курган» будут даны сокращенно: Шаушукумский могильник, курган (Ш., к.), могильник Актобе (А., к.), могильник Жаман-Тогай (Ж-Т., к.), могильник Торебай-Тумсык (Т-Т., к.).

⁵ Кости с городищ Шаушукумтобе, Актобе 1 и курганных могильников определяла В. С. Кожамкулова. (Ин-т зоологии АН КазССР).

ет основание говорить о преобладании в хозяйстве овцеводства, хотя заметную роль играл и крупный рогатый скот, который разводили не только для получения мяса, шерсти и шкур, но и молока. Наличие специфического «молочного» набора сосудов (Актобе 1, Актобе 2) говорит о переработке молока, причем, по-видимому, и от овец и кобыл.

Исходя из сказанного, можно заключить, что хозяйство насельников в целом было скотоводческо-земледельческим, в котором, однако, ведущая роль принадлежала скотоводству пастбищно-пастушеского характера.

Нахождение поблизости такой большой и обильной рыбой реки, как Сыр-Дарья, а также находки костей рыбы (сома; Ш., к. 97), железной остроги (Ш., к. 86), костей крупной рыбы (Шаушукумтобе, Актобе 1), каменных и керамических грузил (Актобе 1 и 2) свидетельствуют о занятии рыболовством.

Вероятно, в незначительной степени была распространена и охота на пушного зверя и птицу. Кости корсака и птицы обнаружены в Шаушукуме (к. 52).

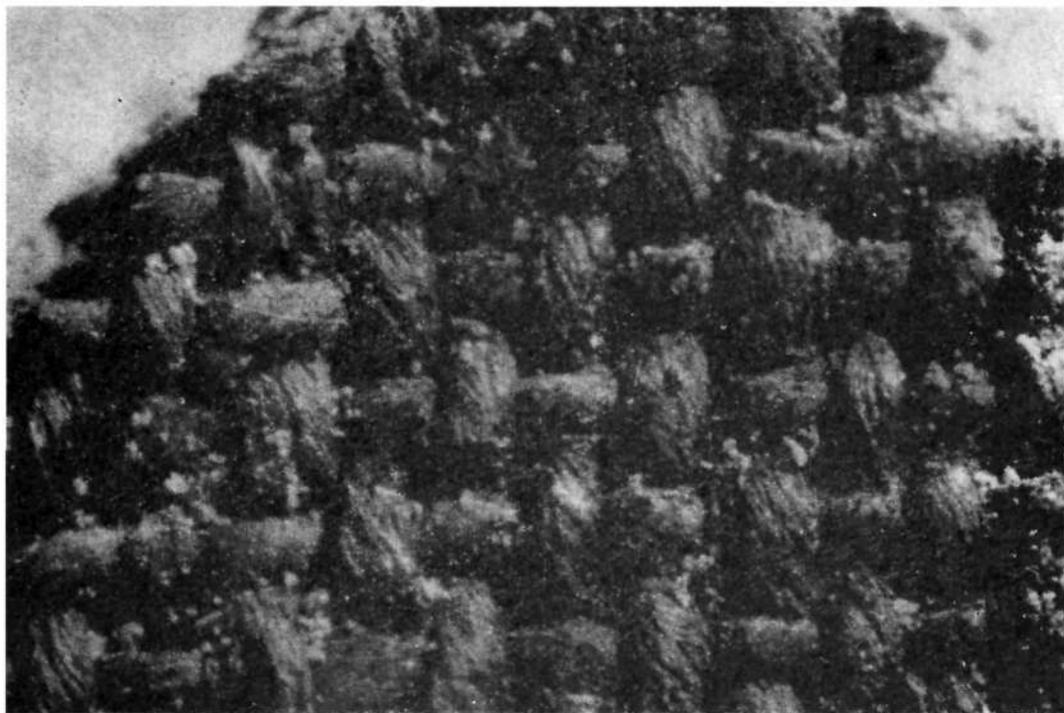
Большое развитие у местных жителей получила строительная техника (дворцовые конструкции, монументальные здания, сложные погребальные сооружения). Архитектурное решение их стоит примерно на уровне зодческого искусства крупнейших культурных центров Средней Азии того времени.

Как указывалось, глиняную посуду изготавливали без применения гончарного круга, ленточной техникой. Наличие выходов керамического шлака на холмах вблизи городища Шаушукумтобе, фрагментов керамических шлаков и довольно большого количества бракованных сосудов на поселении Актобе 2, городище Актобе 1 говорит о существовании печей для обжига и несомненном местном производстве посуды. Можно утверждать, что только с V в. на данной территории начали использовать гончарный круг. Поэтому керамика, изготовленная на круге, еще в V—VIII вв. составляла всего 8—12% по отношению ко всей выделанной посуде. Применение круга обусловило появление ремесленников — гончаров, которые делали посуду уже на продажу. Е. И. Вайнберг и Л. М. Левина считают, что хотя посуда на поселении Актобе 2 в основной массе сделана без гончарного круга, однако керамическое производство уже носило ремесленный характер, о чем свидетельствует в первую очередь разнообразие типов посуды и строгая регламентация техники ее изготовления⁶.

Скотоводческое хозяйство, и в первую очередь разведение овец

---

⁶ Аналогичная картина характерна для культур нижней и средней Сыр-Дарьи в первой половине I тыс. н. э. См.: Л. М. Левина и а. Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тыс. н. э. Автореферат. М., 1967, стр. 17.

Остатки ткани (увеличено в 25 раз).

и коз, давало большое количество шерсти и козьего пуха. Судя по многочисленным находкам глиняных и каменных пряслиц от веретен (некоторые из них могли служить грузиками для ткацкого станка) на поселениях, городищах и могильниках, шнура из нитей, на который наизаны бусы (III, к. 106), можно сказать, что значительная часть сырья перерабатывалась на месте. Было развито и ткачество. На днищах хумов, а также на клинках кинжалов и мечей в большом количестве встречены отпечатки тканей разного плетения (см. рис.). Фрагмент шерстяной ткани простого плетения найден на Актобе 2.

Высокого развития достигла обработка кости. Кость была сырьем для изготовления пряжек, пуговиц, наконечников стрел, накладок для сложного лука. Пуговицы и пряжки иногда покрывались циркульными орнаментами.

Основные орудия труда (ножи, крючки, серп, острога), оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел), предметы быта (пряжки, накладки на пояс, обоймочки), удила сделаны из железа, одна часть украшений (серьги, подвески, застежки, зеркала, бусы)—из бронзы, а другая (бляшки, серьги)—из золота. Можно предположить, что изделия из железа, меди, золота изготовлены на месте. Сырье, видимо, добывали на выработках на медь, железо, цинк, свинец и золото, находящихся на территории Южного Казахстана, в частности в районе Ташкентского оазиса⁷. При раскопках обнаружены следы меднолитейного и железоделательного производства (Актобе 2, Шаушукумтобе). Так, на дне одного из мелких кухонных сосудов сохранился прикипевший шлак. Здесь же выявлены небольшие ямки (диаметром до 15—18 см) с обожженными стенками и золой, а вблизи них — капли медного литья. Сосуд с остатками медного шлака встречен на городище Шаушукумтобе.

Торговля и обмен также получили развитие и играли немаловажную роль в хозяйстве. Об этом свидетельствуют находки бус из коралла, лазурита, перламутра, агата, халцедона (часто инкрустированные содой), золотых серег с подвесками из альмандина и жемчуга, привезенного, видимо, из Индии, раковин каури (обнаруженные нами добыты в Индийском океане), поливных чаш (вероятно, из Согда), сфероконических и стеклянных сосудов. Найденные монеты Кавада 488—497 гг. (III, к. 106), монеты IX — нач. XIII в. (Актобе 1) указывают на развитую денежную торговлю.

Заканчивая характеристику хозяйства этого района, необходимо подчеркнуть, что жители, оставившие изученные нами памятники, вели оседлый образ жизни. Дворцовые здания, монументальные постройки из сырцового кирпича, довольно сложные погребальные соору-

⁷ В. В. Б е р. Полезные ископаемые Туркестана. СПб., 1913, стр. 56—186.

жения, многочисленность и плоскодонность глиняной посуды служат этому доказательством. Но в летнее время, по всей вероятности, большая или меньшая часть населения (определеннее сказать трудно) жила в юртах. Возможно, что устройство некоторых катакомб (Ш., к. 50, 56) было воспроизведением формы юрты. Так, в кургане 50 (погребение 1) на западно-юго-западной стенке катакомбы, которая имеет округлую форму, на уровне 1 м от пола приблизительно до середины проходит неглубокий желобок. По своей форме эта часть напоминает юрту, а желобок — таңғыш (место соединения кереге с уыком). Стены и потолок оштукатурены. Даже в настоящее время население этого района около дома ставит юрту и проводит в ней лето.

Археологических данных, полученных в результате раскопок памятников, недостаточно для того, чтобы придти к единому мнению об уровне социально-экономических отношений населения этого района.

Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина, исходя из материалов с Актобе 2, считают, что в этом районе в первые века I тыс. н. э. было развитое многоотраслевое хозяйство, свидетельствующее о далеко зашедшем разделении труда. Свидетельством же большого социального неравенства, существовавшего в обществе того времени, является, по их мнению, постройка на поселении крупного архитектурного комплекса — дворца, выделяющегося своим масштабом и архитектурным оформлением, богатством инвентаря в помещениях. Они полагают, что основной ячейкой общества была малая семья, о чем говорит, во-первых, обряд захоронения — одиночные и преобладание разновременных парных захоронений в катакомбах могильника — и, во-вторых, небольшие размеры жилых комплексов и самих помещений на цитадели и в дворцовом здании. Они считают, что возведение на поселении мощных крепостных стен, монументальных зданий и т. п. было бы невозможным без широкого применения рабского труда.

Остальные авторы (А. Г. Максимова, М. С. Мершиев) придерживаются иной точки зрения. По их мнению, материал, полученный на городищах Шаушукумтобе, Актобе 1 и в могильниках, не дает основания говорить о применении рабского труда в хозяйстве. Но вместе с тем совершенно очевидно, что уже в первых веках нашей эры существовало значительное имущественное и социальное неравенство, а позднее сложились классовые отношения раннего феодального типа. Так, некоторые курганы как по внешнему виду, сооружению погребальной камеры, так и по инвентарю отличаются от основной массы (Ш., к. 50, 51, 52, 56; Ж-Т., к. 9). Диаметр их от 20 до 50 м, высота от 1 до 5 м; погребальные камеры довольно просторные, тщательно отделанные, инвентарь более богатый. Эти погребения, видимо, племенной или родовой знати, военачальников. В двух из них (Ш., к. 50, 52) под одной насыпью имелось по две погребальные камеры. Одна принадлежала

мужчине, другая — женщине. Этот, хотя и незначительный, материал позволяет утверждать, что у местных жителей далеко зашло имущественное и социальное неравенство.

Эти авторы также считают, что в изученном районе, в котором оседло-земледельческая культура тесно соприкасалась с кочевническо-скотоводческой, как и в Казахстане в целом, происходила смена первобытнообщинного строя непосредственно феодальным. Судя по материалам Актобе 1 и другим памятникам, она приходится на VI—VIII вв. Только к концу жизни памятника (XIII в.) феодальные производственные отношения достигли сравнительно высокого уровня развития, а вместе с тем обострились внутренние противоречия феодального строя.

Находки глиняных печатей на поселении Актобе 2 (в помещении 5 дворцового здания) и городище Актобе 1 (в замке) позволяют заключить, что исследованное поселение и городища несомненно являлись резиденциями местных правителей, вокруг которых концентрировалась жизнь. Территория этих владений была незначительной.

Верования насельников в первую очередь связаны с одухотворением окружающих сил природы, культом небесных светил, предков, идолопоклонством. Большая роль принадлежала солнцу — солнечному божеству. О поклонении солнцу свидетельствует изображение на глиняной печати из помещения 5 в дворцовом здании Актобе 2 (гл. 1, рис. 29, 27). Эта печать имела на обеих сторонах одинаковое изображение простейшего солярного знака — прямого креста, в углах которого прочерчены дополнительные линии в виде прямого угла⁸. Солярные знаки встречены на глиняных печатях из памятников каунчинской культуры⁹. Наибольший интерес представляет печать из раскопок Г. В. Григорьева с Каунчи-тепе, на которой внутри лучей солнца было примитивно изображено человеческое лицо.

Не меньшее значение в верованиях принадлежало культу огня, который, как и солнце, охранял от темноты, злых духов. С этой целью, по всей вероятности, погребенного посыпали угольками, ставили в такомбу сосуды с золой и угольками или курильницу.

Верили они и в загробную жизнь. Сородичи стремились обеспечить умершему в загробном мире хорошую жизнь, наделяли его всем необходимым: пищей, одеждой, орудиями труда, оружием, украшениями, сооружали сложные погребальные камеры, которые, видимо, являлись прообразом жилищ.

На кувшинах, кувшинчиках, кружках (Актобе 2) встречены руч-

⁸ О подобных знаках, существующих с глубокой древности в Средней Азии и на Ближнем и Среднем Востоке, см. статью: И. Х л о п и н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 91. Древние культуры юга СССР. М., 1962, стр. 14—21, рис. 4—8.

⁹ Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., стр. 55.

ки в виде барана, часто изображенного довольно схематично. Иногда вместо него на верху ручки делали спиралевидные налелы (Шаушукумтобе и могильник) или пальцами круглые вдавления со спиралевидной насечкой (Актобе 1, первый и второй периоды), напоминающие рога барана. Иногда наклепное изображение рогов барана помещали у основания ручки, при этом рога были с глубокими насечками, передающими витки на рогах, как и на подставке для вертела (Актобе 2).

Большое распространение получили знаки, символизировавшие барана. На сосудах встречено три типа знаков, имитирующих бараньи рога (гл. 1, рис. 26, 3, 4, 5). Изображение барана говорит, по-видимому, не только о большом значении овцеводства в хозяйстве Ташкентского оазиса I тыс. н. э., но и об особой культовой роли барана в их быту и идеологии. К. М. Скалон, изучая изображения животных, в том числе барана, на керамике сарматского периода, отмечала культовое назначение зооморфных ручек¹⁰. Немало внимания уделял развитию изображений барана Г. В. Григорьев. Он считал, что для населения Каунчи характерны пережитки тотемизма (баран, бык), и видел в жителях этого поселения представителей родов, тотемом которого был баран¹¹.

На городищах (Шаушукумтобе, Актобе 1, во втором периоде) встречены подставки для вертелов и котлов в виде голов быка. Они появляются в IV—V вв. и приходят на смену подставкам в виде барана, что с учетом вырождения и постепенного исчезновения зооморфных ручек барана указывает на изменения в культуре и верованиях населения. Причина, возможно, в том, что к IV—V вв. на территории Ташкентского оазиса оседает значительная масса других племен и народов. Вероятно, этим можно объяснить такое разнообразие погребальных сооружений в могильнике Шаушукум.

Большинство найденных сосудов имеет ручки. Судя по этнографическому материалу, они являлись как бы берегами от «сглаза» или охранителями содержимого сосудов от проникновения в них злых духов. Сосуд без ручки надо закрывать, а в сосуд с ручкой шайтан не войдет¹². Особенно большой силой, видимо, наделяли ручки в виде фигурки животного, голову которого в большинстве случаев лепили повернутой к сосуду¹³. В качестве берега от «сглаза» применялась роспись в виде пятен¹⁴. М. Э. Воронец рассматривает потеки по тулову сосуда как символ благополучия, «полной чаши». Эти потеки «напо-

¹⁰ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. «Труды отдела истории первобытной культуры», т. I. Л., 1941, стр. 216.

¹¹ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, стр. 26, 27, 29; е го ж е. Келесская степь..., стр. 54, 55.

¹² К. М. Скалон. Указ. раб., стр. 183.

¹³ Там же.

¹⁴ Е. М. Пещерев. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 80.

минают, — по его мнению, — струйки, льющиеся из переполненного сосуда»¹⁵. Видимо, этим можно объяснить потеки краски на тулове у хумов, в основном служивших для хранения запасов.

Насельники верили в чудодейственную силу амулетов и оберегов. Большой интерес представляют три амулета или оберега из пасты, которые были составной частью браслета, одетого на левую руку. Два из них — в виде клюва или когтя птицы (А., к. 43), а один — в виде головы, возможно, утки. В быту казахов и сейчас можно встретить «құс түмсік», что означает «птичий клюв». В качестве амулета и оберега носили раковины каури и бусы. До недавнего времени на Мангышлаке существовало поверье, что медные ожерелья помогают от язв на шее¹⁶, а у таджиков, что пестрые бусы охраняют от «сглаза»¹⁷. Найденное ожерелье из ног черепахи и пяточных костей каких-то мелких грызунов, которые были просверлены и нанизаны на шнурок или тесемку (Ш., к. 106), как любезно сообщил нам профессор М. Е. Массон, носили в качестве амулета долголетия.

Большинство зеркал, обнаруженных в погребениях, разбито. Сделано ли это специально или они пострадали во время ограбления, сказать трудно. Исходя из данных этнографии, целое зеркало отражает будущее, обладает свойством отгонять «злых духов», а разбитое влечет за собой несчастье, смерть¹⁸. Этим, пожалуй, и можно объяснить, что часто в погребениях встречаются разбитые зеркала.

Находка алебастровой женской статуэтки в верхнем строительном периоде цитадели (Актобе 2) указывает на поклонение женскому бо-жеству. Ее большое своеобразие и отсутствие находок в других районах Средней Азии и Казахстана не дает возможности провести аналогию с какой-либо богиней одного из известных пантеонов. На городище Актобе 1 (во втором и третьем периоде) обнаружены две алебастровые мужские статуэтки, но с каким конкретно культом они связаны, сказать также трудно, однако ясно, что они являются воплощением какого-то божества.

Найденные в поздних слоях Актобе 1 керамические чаши, монеты с благочестивыми изречениями из Корана, а также сведения письменных источников (ибн Хаукаль, X в.) говорят, что в этом районе в IX—X вв. стал распространяться ислам.

¹⁵ М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции..., стр. 52.

¹⁶ Э. А. Масанов. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 1, стр. 54.

¹⁷ Е. М. Пещерова. Указ. раб., стр. 80.

¹⁸ М. Э. Воронцов. Указ. раб., стр. 55.

МОГИЛЬНИК ЖАМАН-ТОГАЙ

Курган 1. Диаметр 31—32 м, высота 2 м.

В 1961 г. Б. И. Вайнберг нашла на поверхности насыпи бронзовый наконечник стрелы. Вскоре на ней заложили небольшой шурф. На глубине 1 м, в 1,5 м от центра к северу, обнаружили остатки тризны, бронзовые наконечники стрел, втульчатые и черешковые (табл. V, 1—8), железный акинак с бронзовым навершием (табл. V, 10), железный нож (табл. V, 11), бронзовое кольцо от удил (табл. V, 9) и два точильных камня с отверстием на одном из них для подвешивания (табл. V, 12). Предметы зафиксированы на тонком камышовом слое. На глубине 1,8 м от вершины открыто погребение человека, лежавшего вытянуто, на спине, головой на СЗ, без вещей.

В 1963 г. раскопки были продолжены А. Г. Максимовой. В насыпи встречены обломки сосудов и кости животных.

На глубине 0,4 м от вершины, к СВ от центра, выявлен круг (из древесных угольков) диаметром 3,4 м, шириной 0,4—0,6 м, толщина слоя 1,5 см (западная часть его разрушена работами 1961 г.). При расчистке круга на глубине 1 м прослежены остатки камышового тлена, на котором найдены обломок железного шила (табл. VII, 4) и железного предмета, слегка изогнутого — видимо, это иголка (табл. VII, 5). Под угольным кольцом ничего не обнаружено. В 0,5 м от вершины, в восточной части, оказалась бронзовая пряжка от сбруи (табл. VII, 10). На глубине 1,5 м от вершины, в западной части, оконтурились ямки от столбов диаметром 15—23 см, глубиной 19—33 см, с остатками дерева. Ямки расположены полукругом, почти на одинаковом расстоянии.

На этой же глубине, в северной части, стоял горшок (табл. VI, 2). На глубине 1,6 м от вершины, в северо-западной части, найдены разрозненные кости человека (№ 1), лежавшие в беспорядке (череп, ступни и обломки трубчатых костей), около них находился горшочек (табл. VI, 3). На глубине 1,7 м от вершины, в северной части, обнаружен сосуд (табл. VI, 7). В восточной части насыпи, на глубине 1,9 м, выявлена курильница с древесными угольками (табл. VI, 5).

На этой же глубине, к востоку от центра, были два обломка клинка двулезвийного железного меча с остатками дерева от ножен. На глубине 2,1 м, в северо-восточной, юго-восточной, юго-западной частях насыпи, лежали скелеты человека. Погребения расположены как бы кругом и сильно потревожены. В северо-восточной части скелет (№ 2) покоился вытянуто, на спине, головой на СЗ. Левая рука

¹ Приведено описание только тех курганов, которые даны в иллюстрациях.

была согнута в локте, кисть находилась на лобке. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть сжата. Череп отсутствовал. С левой стороны вблизи тазовых костей обнаружены остатки погребальной пищи (вероятно, ягненка) и небольшая плоская, изготовленная ручной лепкой из глины с примесью толченой раковины (табл. VI, 6).

В юго-восточной части кургана имелся неполный скелет человека (№ 3). В анатомическом порядке сохранились кости левой руки и несколько позвонков. Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. Выше черепа стоял глиняный сосуд (табл. VI, 4) с древесными угольками. За сосудом находились нож копьевидной формы (табл. VII, 2), шило (табл. VII, 3) и обоймочка, состоящая из двух пластинок, скрепленных бронзовыми гвоздиками (табл. VII, 1).

В юго-западной части кургана зафиксирован неполный скелет ребенка (№ 4). Ориентировку погребенного точно установить трудно, но, по всей вероятности, он лежал головой на ССВ. Около черепа найдены одна большая (табл. VII, 18а) и несколько небольших каменных бусин (табл. VII, 18б), а среди костей — камушки (цветная галка), всего 11 штук. На этой же глубине, в северо-западной части, обнаружена кучка обломков сырцового кирпича, а около нее — обломок правого рогового стержня марала (по определению Б. Кожамкуловой).

К северу от кучки, на глубине 1 м (3,1 м от вершины кургана), выявлены кости скелета человека (№ 5), находившиеся в беспорядке. Среди костей встречено большое количество бус из пасты, сурьмы (табл. VII, 16, 17) и бронзовых (табл. VII, 19). Скелет, видимо, лежал на подстилке, окрашенной в темно-красный цвет, о чем свидетельствуют остатки глена.

Контуров погребального сооружения установить не удалось. При расчистке костей встречались древесные угольки. В юго-восточной части, на глубине 4 м от вершины, оконтурилась могильная яма (длина 3,6 м, ширина 2,3 м) с закругленными углами. Она ориентирована почти точно С — Ю (с небольшим отклонением северной стенки к востоку); контуров высветить не удалось. На глубине 4,15 м от вершины, на дне ямы, имелись сложенные в кучку кости человека (№ 6). Среди костей были концевые костяные накладки от сложного лука (табл. VII, 14, 15), астрагал, обточенный и просверленный (табл. VII, 11), остатки погребальной пищи (кости ног барана).

В разных местах ямы встречены обломки железных предметов (бесформенные): железный наконечник стрелы (табл. VII, 6), половина пряжки (табл. VII, 7), железные накладки со шпунтами и остатками дерева от них, возможно, от ножен (табл. VII, 9, 12, 13), железный стержень рукоятки от кинжала (табл. VII, 8), обломок ребра со следами удара острым предметом, обломки кувшина (табл. VI, 1), железного меча (рис. 6) и остатки камышового глена.

Курган 9. Диаметр 18 м, высота 1,09 м. При снятии насыпи в разных местах ее и на разных глубинах выявлена жженная земля с древесными угольками, золой и жжеными косточками, обломки каменных терок и глиняных сосудов, большей частью от котлов. На глубине 1,8 м от вершины, в северо-западной части, оконтурился дромос, ориентированный С — Ю (с незначительным отклонением северной стенки к востоку), в виде неправильного четырехугольника (длина восточной стенки 6 м, западной 5,25 м, ширина южной 4 м, северной 3,5 м), в северной части которого были две ступеньки. Первая шириной 1,45 м, высотой 0,65 м; вторая шириной 0,9 м, высотой 1,65 м, переходящая в боковые уступы шириной 0,2—0,3 м.

На стенках дромоса сохранились следы орудия в виде шота (чёта), ширина лезвия 4 см. Пол дромоса постепенно понижался к входу в катакомбу, которая находилась в южной его части, она овальной формы (3×2,75 м, высота 2,48 м) и ориентирована по длинной оси СЗ — ЮВ. На уступах и полу дромоса имелся довольно толстый слой камыша от перекрытия (рис. 2, 1—4). В катакомбе найдены

медный котел на поддоне (табл. I, 1) с толстым слоем копоти, что свидетельствует о длительном применении его в быту, два больших кувшина (табл. I, 2, 3), обломок какого-то предмета в виде железного несомкнутого кольца и железной пластиночки с отпечатками дерева на ней (табл. I, 5), серебряные зигзагообразные пластинки с остатками дерева (табл. I, 4), серебряные обоймочки с остатками кожи (табл. I, 6, 7), золотые нити, бусина (половина) из стекловидной массы и разрозненные кости человека. При входе в катакомбу оказались остатки погребальной пищи (задняя нога барана и несколько ребер лошади).

Курган 12. Диаметр 15,4—16,8 м, высота 0,96 м. В центре кургана имелась воронка диаметром 2,1 м, глубиной 0,34 м. При снятии насыпи в разных местах встречены угольки, зола, обломки глиняных сосудов и обломок зернотерки. На глубине 1,55 м околонурился прямоугольный дромос (4,6×1,55—1,85 м), ориентированный С—Ю (почти точно), в южной части которого была ступенька шириной 1,7 м, высотой 0,65 м, переходящая в боковые уступы. Пол дромоса постепенно понижался к входу в катакомбу, расположенную в северной части и перпендикулярно к нему. Вход в виде арки высотой 1 м, шириной 0,7 м. Катакомба имеет форму не совсем правильного четырехугольника, ориентированного длинными сторонами В—В (2,6×1,7—1,4 м, высота 1 м; рис. 3, 5—8). Вдоль северной стенки на подстилке (о чем свидетельствуют остатки тлена) лежал скелет человека в вытянутом положении, головой на В; руки вытянуты вдоль туловища. Около восточной стенки стоял кувшин (табл. II, 5).

Курган 14. Диаметр 14,7 м, высота 0,46 м. На глубине 0,96 м от вершины, в северо-западной части, околонурился дромос (3,5×1,25 м), ориентированный ССЗ—ЮЮВ, с тремя ступеньками в юго-юго-восточной части. Первая шириной 0,43 м, высотой 0,54 м; вторая шириной 0,43 м, высотой 0,19 м; третья шириной 0,42 м, высотой 0,48 м, переходящая в боковой уступ вдоль восточной стенки шириной 0,42—0,62 м. Пол дромоса постепенно понижался к входу в катакомбу, расположенную в северо-северо-западной части и перпендикулярно к нему. Высота входа 0,79 м, ширина 0,62 м. Катакомба (3,03×1,33 м, высотой 0,65 м) ориентирована по длинной оси СВ—ЮЗ. На дне на камышовой подстилке лежал скелет человека на спине, в вытянутом положении, головой на СВ, руки вытянуты вдоль туловища (рис. 2, 5—8).

С левой стороны скелета найден железный меч. Длина клинка 0,86 м (табл. IV, 3). Чуть ниже тазовых костей находилась железная пряжка (табл. III, 14). Около тазовых костей с правой стороны обнаружены обломки черепа человека, а также большая и малая берцовые кости, возможно, это останки первоначального захоронения. При расчистке дромоса на разных глубинах и в разных местах встречались разрозненные кости человека, обломки глиняного сосуда (табл. II, 7). В южной части дромоса выявлено золотое кольцо (табл. III, 21). В заполнении катакомбы встречены древесные угольки.

Курган 21. Диаметр 14,4 м, высота 21,5 см. На глубине 0,3 м от вершины, в западно-северо-западной части, обнаружены остатки золы, мелких угольков и жженая земля, около них — астрагал барана. На глубине 0,55 м от вершины, в северо-западной части, околонурился могильная яма (4,07×1,75 м), ориентированная ССВ—ЮЮЗ. На глубине 1,6 м от края все стороны ямы имели выступы шириной от 32 до 54 см, на которых сохранились остатки камыша от перекрытия погребальной камеры (2,91×1,05 м, глубина 1 м). На дне лежал скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЮЗ; руки вытянуты вдоль туловища (рис. 3, 1—4).

Выше головы погребенного зафиксированы остатки погребальной пищи (передняя нога и несколько ребер барана), на которых находились железный ножичек (табл. III, 11) и чуть выше боковина сосуда. Около левого плечевого сустава стояла курильница (табл. II, 1) и небольшой закопченный сосудик (табл. II, 2). За ними

вдоль стенки располагались костяные концевые накладки от лука (табл. III, 22). У локтевого сустава левой руки, запястья обеих рук, в области поясничных позвонков и под ними находились раковины каури (более 30 штук), которыми был украшен, по всей вероятности, пояс (табл. III, 19). Под кистью левой руки обнаружены железные шпички для выдергивания волос (табл. III, 20), а у кисти правой руки — обработанный астрагал барана (табл. III, 18). По обе стороны тазовых костей лежали пряжки из смолы? (рис. 5, а и б), а у кисти левой руки — железный меч (табл. IV, 2), железное шило (табл. III, 15), кусок желтой охры, в которой был воткнут кремневый скол (табл. III, 12) и костяная пронизка на ремень (табл. III, 17). У кисти правой руки находился железный кинжал (табл. IV, 1). На черенках меча и кинжала имеются железные штифты для крепления рукоятки. Чуть выше коленного сустава левой ноги, между мечом и бедренной костью, выявлены железные наконечники стрел (табл. III, 1—6), железные ножички (табл. III, 9, 10) и железное шильце (табл. III, 16). Около пяточных костей, с внутренней стороны, лежали две железные пряжки, которые, вероятно, служили для застёжки обуви (табл. III, 7, 8). В ногах стоял горшок (табл. II, 4).

МОГИЛЬНИК АКТОБЕ 2

Курган 14. Диаметр 10—11,5 м, высота 0,07 м. На глубине 1,6 м от вершины, в северо-западной части, околтурился дромос (1,3×0,8 м), ориентированный СЗ — ЮВ. Пол постепенно понижался ко входу в катакомбу, находившуюся в северо-западной части. Вход заложен сырцовым кирпичом размером 35×35×12 см. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу и ориентирована СВ — ЮЗ (размер 2,2×1,1 м, высоту установить не удалось). Пол ее ниже пола дромоса на 0,15 м. На дне оказался скелет человека. В анатомическом порядке сохранились только кости таза и ног, судя по которым можно сказать, что погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Остальные кости сдвинуты во время сооружения второй погребальной камеры, которая являлась продолжением первой, пол ее на 0,1 м выше пола первой. Остается неясным, как ее сооружали. Вряд ли копали. По-видимому, пользовались тем же дромосом (этим объясняется то, что кирпич лежал в беспорядке). На полу находился второй скелет, на спине, в вытянутом положении, головой на ВСВ. Кости ног покоились на подсыпке из земли толщиной 0,1 м (рис. 8, 1—4). Около локтевого сустава правой руки стоял кувшин без ручки. В верхней части тулова имелся знак «V» (табл. VIII, 4). Около коленного сустава левой ноги первого погребенного находились кувшин (табл. VIII, 7) и горшочек (табл. VIII, 3).

Курган 40. Диаметр 16 м, высота 0,5 м. На глубине 1,65 м от вершины, в центре, околтурился дромос (3,7×1,33—1,75 м), ориентированный С — Ю, в южной части со ступенькой шириной 1 м, высотой 0,5 м, переходящей в боковые уступы шириной 0,37—0,5 м. Пол постепенно понижался ко входу в катакомбу, он находился в северной части дромоса, перпендикулярно к нему. Ширина входа 0,8 м, высота 0,5 м. Пол катакомбы на 0,25 м ниже пола дромоса. Вход заложен сырцовым кирпичом размером 35×22×7—8 см.

С противоположной стороны к этой же катакомбе подходит второй дромос (2,3×0,3—0,8 м), видимо, сделанный позднее, ориентированный ССЗ — ЮЮВ. Пол его также понижался ко входу в катакомбу и обрывался ступенькой высотой 1,15 м. Высота входа 0,5 м, ширина 0,8 м; он также заложен сырцовым кирпичом размером 34—35×22×8—7 см (рис. 9, 1—5). На дне обнаружены остатки двух скелетов, погребенных в разное время. Кости скелета № 1, видимо, связанные с первоначальной погребальной камерой, сложены в кучку в северо-западном углу. В анатомическом порядке сохранились кисти рук, лежащие в северной части катакомбы. Судя по расположению костей, погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на В, с незначительным отклонением к С.

Около кисти левой руки имелась трубочка из кости с остатками железа в ней, возможно рукоятка ножа (табл. XI, 16), и сильно коррозированный обломок какого-то предмета (табл. XI, 15). В северо-восточном углу обнаружены остатки погребальной пищи (ребра барана). Позднее через дромос 2 внесли второго покойника и положили вдоль южной стенки, вытянуто, на спине, головой на В. С правой стороны черепа, чуть выше плечевых костей, оказались остатки погребальной пищи (ребра барана). Вдоль правой руки находились кувшин (табл. X, 8), кружка (табл. X, 3) и миска (табл. X, 4). У локтевого сустава левой руки обнаружена нижняя часть сосуда, изготовленного ручной лепкой из глины с примесью шамота (табл. X, 5).

Курган 43. Диаметр 10—11 м, высота 0,11 м. На глубине 1,5 м, в северо-западной части ооконтурился дромос (2,3×1,2×0,6 м), ориентированный СЗ — ЮВ, в юго-восточной части которого располагалась ступенька шириной 0,6 м, высотой 0,2 м, переходящая в боковые уступы шириной 0,3—0,4 м. Пол постепенно понижался ко входу в катакомбу, который находился в северо-западной части и был заложен сырцовым кирпичом размером 0,4×0,4×0,1—0,12 м. Вход имеет вид арочки шириной 0,6 м, высотой 0,4 м, длиной 0,15 м. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу, ориентирована ЮЗ — СВ, пол ее ниже дромоса на 0,35 м (рис. 8, 5—8).

На дне выявлены останки двух скелетов. Скелет взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СВ; руки вытянуты вдоль туловища и немного раскинуты в стороны. Правая нога чуть согнута в колене. На шейных позвонках имелись бусы из стекловидной массы, литые по две-три вместе, на некоторых сохранилась позолота (табл. XI, 4). Чуть выше локтя правой руки лежали пастовые бусы (табл. XI, 3, а), каменная палочка (сурматаш) и графит (табл. XI, 11). На палец левой руки надето кольцо, железное, со щитком (табл. XI, 10), у запястья правой руки — браслет из бус и ракушек каури (табл. XI, 14). Две бусины, каменные, плоские (табл. XI, 6, а), одна бочонковидная, каменная (табл. XI, 13) и две пастовые, из которых одна кубическая (табл. XI, 6, б), другая круглая.

У запястья левой руки лежал браслет из пастовых бус (табл. XI, 3, б, в, г). Две бусины в виде клюва или когтя птицы и одна — в виде фигурки птицы. С правой стороны тазовых костей найден предмет неизвестного назначения, состоящий из трех железных пластинок и обработанного астрагала барана, находящегося между ними (табл. XI, 12). Под поясничными позвонками обнаружена подвеска, бронзовая, полая (табл. XI, 17). Около плечевых костей с правой стороны стояла кружка (табл. IX, 8). С левой стороны плечевой кости выявлен детский скелет, лежавший на спине, головой на С. Левая рука согнута в локте, а кисть покоится на тазовых костях, правая рука вытянута вдоль туловища. К востоку от него стоял кувшин (табл. IX, 7).

Курган 90. Диаметр 17 м, высота 0,65 м. На глубине 1,4 м от вершины, в юго-восточной части, ооконтурился дромос (3,55×1,25 м), ориентированный СЗ — ЮВ, в юго-восточной части которого имелась ступенька шириной 0,65 м, высотой 0,25 м, переходящая в боковые уступы шириной 0,2—0,35 м. Пол дромоса постепенно понижался ко входу в катакомбу, расположенную в северо-западной части. Вход в виде арочки длиной 0,7 м, шириной 0,7 м, высотой 0,68 м. Вход заложен сырцовым кирпичом. Катакомба перпендикулярна дромосу (2,2×1,4 м, высота 1,05 м), пол ее ниже на 0,3 м, она имеет форму неправильного четырехугольника и ориентирована ВСВ — ЗЮЗ. На дне находились четыре скелета, захороненные не одновременно.

Первоначально похоронили одного, при погребении второго его сдвинули к северной стенке, при погребении третьего второй, еще не разложившийся (сохранилась в анатомическом порядке левая нога), был подвинут также к северной стенке. При погребении четвертого третьего чуть сдвинули ко второму. Все они, видимо, первоначально лежали на спине, вытянуто, головой на В, с небольшим отклонением к С. Правая нога у четвертого скелета чуть согнута в колене, а левая слегка откинута в сторону (рис. 9, 6—9). Около тазовой кости его найден обломок точильного кам-

ня (табл. XI, 1), на тазовых костях имелись пряжки, железные, круглые, с подвижным язычком (табл. XI, 7, 8), а выше головы с левой стороны стояли два кувшина (табл. X, 6, 7) и кружка (табл. X, 1).

ШАУШУКУМСКИЙ МОГИЛЬНИК

Погребения в катакомбах первого типа

Курган 50. Диаметр 42 м, высота 5 м. При снятии насыпи на глубине 2,5 м обнаружено кольцо из камня диаметром 14 м, уходящего наклонно вниз (в основании диаметр его 28 м), внутри которого имелось подобное кольцо с диаметром поверху 1,5 м, в основании 5 м. На дневной поверхности второго кольца сделана выкладка из камней диаметром 2 м. В юго-западной части кургана остались два грабительских лаза, идущих от основания кургана к центру и вырытых в материковом слое. Один из них подходил к катакомбе 1; при расчистке его найдены обломки кувшинов (табл. XXII, 5, 8). Обломки большого кувшина встречены и в самой катакомбе. В южной части кургана оконтурилось два дромоса (рис. 11).

Погребение 1. Дромос прямоугольной формы, ориентирован ССЗ—ЮЮВ (5,8×2,3 м), в юго-юго-восточной части его имелось пять ступеней. Первая (ширина 1,1 м, высота 0,45 м) переходила с восточной стороны в боковой уступ длиной 1,8 м, вторая (ширина 1 м, высота 0,8 м) — в уступы шириной от 0,5 до 1,2 м, третья шириной 1 м, высотой 0,6 м, четвертая шириной 0,6 м и высотой 0,1 м и пятая шириной 0,25 м и высотой 0,2 м. Начиная со второй ступеньки встречены камни и гуаляки.

Катакомба расположена в северо-северо-западной части перпендикулярно дромосу и ориентирована ВСВ—ЗЮЗ (размер ее 2,8×1 м, высота 1,3 м). Вход в погребальную камеру был, видимо, заставлен камышовыми матами, о чем свидетельствует канавка при входе глубиной 0,2 м, шириной 0,15—0,18 м с остатками камыша. Следы камышового тлена прослежены и на боковых уступах. Катакомба соединяется с дромосом коридором длиной 2 м, шириной 1,4 м, высотой 1 м. На западной стенке катакомбы, которая имеет округлую форму, вверх на 1 м от пола приблизительно до середины идет неглубокий желобок. По форме эта часть катакомбы напоминает юрту, а желобок — таңғыш (место соединения кереге с уыком). Стены и потолок оштукатурены. Она почти свободна от земли. В северо-западном углу находились кости мужчины типа среднеазиатского междуречья, сложенные в кучку.

Среди костей найдены обломки железного меча (табл. XXII, 12), железные удила (табл. XXII, 3), обломки костяных накладок от сложного лука (табл. XXII, 9, 11), железные накладки — скобы со следами дерева на внутренних сторонах (табл. XXII, 6, 7), железное навершие с черенком со следами дерева (табл. XXII, 4), железные кольца (два в обломках, табл. XXII, 1, 2) со следами окиси бронзы, на одном из них — остатки золотой нити, железная пряжка (табл. XXII, 10). По всей площади погребальной камеры разбросаны древесные угольки и остатки темного тлена.

Погребение 2. Дромос прямоугольной формы, ориентирован СЗ—ЮВ (размер 4×1,6 м), с юго-восточной стороны было четыре ступеньки. Первая шириной 0,4 м, высотой 0,4 м, вторая шириной 0,6 м, высотой 0,3 м, третья шириной 0,6 м, высотой 0,6 м и четвертая шириной 0,4 м, высотой 0,7 м. Катакомба в северо-западной части дромоса почти квадратной формы (2,5×2,5 м, высотой 0,85 м), расположена перпендикулярно к нему. Пол погребальной камеры на 0,1 м ниже пола входной ямы. Она была свободна от земли. В северном углу находились кости жен-

щины типа среднеазиатского междуречья (?)², сложенные в кучку, а в юго-западном — череп и тазовая кость. При расчистке дромоса найдена жженая косточка и зубы барана. На стенках катакомбы прослежены следы шота (чёта), ширина лезвия 0,04 м.

Курган 56. Диаметр 27—30 м, высота 1,9 м. На глубине 2,7 м от вершины кургана, к югу от центра, ооконтурился дромос, ориентированный ЗЮЗ—ВСВ (6,6×2,6 м), в восточно-северо-восточной части его расположено шесть ступенек. Первая шириной 0,65 м, высотой 0,4 м, вторая шириной 0,5 м, высотой 0,65 м, третья шириной 0,5 м, высотой 0,4 м, четвертая шириной 0,4 м, высотой 0,35 м, пятая шириной 0,4 м, высотой 0,25 м и шестая шириной 0,9 м, высотой 0,8 м, переходящая в боковые уступы шириной 0,4—0,5 м (рис. 12, 1, 2, 3). Пол дромоса постепенно понижался ко входу в катакомбу, расположенную в западно-юго-западной части перпендикулярно к нему (2,6×1,4 м, высота 1,25 м). Она ориентирована ССЗ—ЮЮВ. Катакомба и дромос соединяются арочным проходом длиной 0,5 м, шириной 1,2 м, высотой 1,15 м. На северной стенке катакомбы, которая имеет округлую форму, в 0,86 м от основания проходит небольшой желобок. По своей форме эта часть напоминает юрту, а желобок — таггыш. На стенках и потолке прослежены следы орудия типа шота (чёта). Ширина лезвия 0,04 м.

В дромосе находились разрозненные кости человека, обломки железного меча, золотые пронизки (две) из фольги, свернутой в трубочку (табл. XX, 4, 5), железные наконечники стрел (табл. XX, 2, 3, 6) с остатками древка, древесные угли. При входе и в самой камере обнаружен обломок железного меча; в северной части зафиксированы обломки концевых костяных накладок от сложного лука (табл. XX, 7).

Курган 62. Диаметр 20 м, высота 1,2 м. На глубине 2 м от вершины кургана, в юго-восточной части, ооконтурился дромос, ориентированный С—Ю (4×2 м), в южной части имелись две ступеньки. Первая шириной 1,8 м, высотой 0,3 м, вторая шириной 0,6 м, высотой 1 м, переходящая в боковые уступы шириной 0,4—0,8 м. Катакомба (3×1,8 м) в северной части расположена перпендикулярно к дромосу и ориентирована З—В (почти точно). Здесь же она переходит в коридор длиной 2,8 м, шириной 1,6 м, высотой 0,9 м, к которому примыкает второй дромос (4,2×1,6 м), и через 2,46 м от начала небольшими уступами поднимается вверх. Общая длина погребального сооружения 12,8 м (рис. 12, 7, 8). На полу катакомбы найдены железные наконечники стрел (табл. XVIII, 15—19), обломки железного меча, железная пряжка (табл. XVII, 11), остатки камышового тлена, кости барана (остатки погребальной пищи), горшок (табл. XII, 5) и кости мужчины европеоидного, андроновского типа. В коридоре обнаружены железный нож (табл. XVII, 2) и два кувшина (табл. XII, 1, 7).

Курган 106. Диаметр 10—12 м, высота 0,38 м. При снятии насыпи выявлены обломки плошки (табл. XV, 4). На глубине 2 м от вершины кургана, в северо-восточной части, ооконтурился дромос, ориентированный ЗЮЗ—ВСВ (3,5×0,5 м), в восточно-северо-восточной части имелись небольшие уступы. Приблизительно с середины шли три ступеньки. Первая шириной 0,4 м, высотой 0,5 м, вторая шириной 0,5 м, высотой 0,15 м и третья шириной 0,95 м, высотой 0,45 м. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу в западно-юго-западной части и ориентирована СЗ—ЮВ (1,5×1 м). Пол ее ниже дромоса на 0,3 м. На полу катакомбы находился скелет ребенка 7—8 лет, близкий к средиземноморскому типу, вытянуто, на спине, головой на ЮВ; руки лежали вдоль туловища.

Выше черепа найдены бронзовые обоймочки (табл. XXI, 11, 12), обломок бронзовой серьги из проволоки, бронзовая шпилька (табл. XXI, 29), бронзовая чаша (табл. XV, 2). С правой стороны черепа стоял кувшин (табл. XV, 1), а чуть ниже

² Антропологическое определение всех черепов сделано антропологом О. Исмагуловым (Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР).

правого плечевого сустава — кружка (табл. XV, 3). Тут же обнаружено ожерелье из костей ног черепахи (табл. XXI, 25—27) и пяточных костей мелких грызунов (табл. XXI, 28) с отверстиями для подвешивания, бусы пастовые (табл. XXI, 31 к), бронзовая подвеска с остатками ниток (табл. XXI, 31 л), железное кольцо, пластинка серповидной формы из смолы (?) с круглыми отверстиями на концах (табл. XXI, 17). Все это, видимо, лежало в каком-то мешочке. На шейных позвонках оказались бусы (табл. XXI, 31) из халцедона (а), халцедона, инкрустированного содой (б), агата (в), лазурита (е), коралла (д), янтара — золотисто-коричневатые (и), рифленые (ж), медные, литые (з), перламутровые (г) и перламутровая, обернутая бронзовой пластинкой (м)³.

С левой стороны плечевого сустава выявлены бронзовые колокольчики. Один круглый, другой в виде усеченного конуса и петелькой для подвешивания (табл. XXI, 30). Около кисти правой и левой рук лежало по железному ножу с черенком (табл. XXI, 6). Чуть выше газовых костей обнаружена железная пряжка (табл. XXI, 7), а под поясничными позвонками — железные накладки на пояс (табл. XXI, 8—10, 32, 33). Вблизи голеностопного сустава левой ноги найден астрагал барана, а с правой стороны в небольшом углублении встречено 32 астрагала барана, некоторые из них просверлены (табл. XXI, 14—24), среди них были два сточенных астрагала коровы или лошади (табл. XXI, 18, 19) и просверленная кость (рыбья?; табл. XXI, 13).

Здесь же находился железный ножичек с черенком (табл. XXI, 5). На уровне правого колена лежали спекшиеся железные ножи и обломки ножей (табл. XXI, 1—4). Во рту погребенной найдена монета — диргем династии Сасанидов (1-е царствование Кавада, 488—497 гг.). Монета серебряная, содержит примеси Са, Mg, Cu, Au и немного Si, Bi, Mn⁴, весом 4,2 г. На ней изображен жертвенник со стражами по сторонам, около языка пламени нанесен полумесяц. Вероятно, в данном случае эта монета служила, как и у греков, платой за перевоз через «реку смерти». Известно, что греки клали покойнику в рот монету — обол, чтобы тот мог уплатить перевозчику за свой переезд на лодке на тот свет⁵.

Курган 109. Диаметр 12 м, высота 0,46 м. При снятии насыпи найден кувшин (табл. XIV, 1). На глубине 1,1 м от вершины, в южной части, околонурился дромос, ориентированный 3—В (3,6×0,4 м). Катакомба расположена в западной части дромоса, перпендикулярно к нему, ориентирована ССЗ—ЮЮВ (2,15×1,1 м, высота 0,9 м). Катакомба соединяется с дромосом арочным проходом шириной 0,45 м, длиной 0,5 м, высотой 0,55 м, который внизу имеет порог высотой 0,15 м со стороны дромоса и 0,26 м со стороны катакомбы. Вход заставлен каменной плитой (рис. 12, 4—6). На полу камеры лежал скелет на спине, вытянуто, головой на ЮВ. Около плечевого сустава левой руки обнаружены две округлые бронзовые бляхи. Одна имеет с обратной стороны петлеобразную ручку (табл. XIX, 6), другая — несколько выпуклую поверхность (табл. XIX, 5). У шейных позвонков находились бусы (табл. XIX, 9) из камня (а), халцедона (б), стекловидной массы и пасты (в).

Погребения в катакомбах второго типа

Курган 9. Диаметр 13—15 м, высота 0,6 м. На глубине 0,9 м от вершины, в юго-западной части его, околонурился дромос (4×1,6 м), ориентированный ССЗ—ЮЮВ, в юго-юго-восточной части было две ступеньки. Первая шириной 2,3 м, высо-

³ Определение Т. Б. Александровской (Ин-т геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР).

⁴ Анализ произведен ст. инженером Б. П. Пашевным.

⁵ Д. Н. А н и ч и н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. Древности. «Труды Императорского Московского археологического общества», т. XIV, М., 1890, стр. 182, 184.

той 0,6 м, вторая шириной 1,1 м, высотой 0,15 м. Пол дромоса слегка понижался ко входу в катакомбу, расположенную в его северо-северо-западной части. Катакомба, являясь продолжением дромоса, незначительно отклонена к западу, т. е. ориентирована СЗ—ЮВ (2,4×1,2 м, высота 0,65 м). Вход заложен камнем.

При расчистке дромоса найдены кости человека, обломки курьницы (табл. XXIV, 5), обломок бронзовой пластинки с отверстием для прикрепления (табл. XXVII, 14), обломок железного ножа (табл. XXVI, 4), обломок железной поделки почти круглой формы, слегка изогнутой (табл. XXVI, 5), бляшки-нашивки из золотой фольги (табл. XXVII, 3), обломки бронзового зеркала (табл. XXVII, 1), две бусины из халцедона и каменные (табл. XXVII, 4—7). На дне катакомбы выявлены разрозненные кости человека, бронзовая пронизка (табл. XXVII, 12), обломки бронзового зеркала, железная пряжка (табл. XXVII, 9), обломок железного кольца (табл. XXVII, 11) и обломок кувшина (табл. XXIV, 8).

Курган 34. Диаметр 14—15 м, высота 0,3 м. На глубине 1,2 м от вершины, в западной части, околонулся дромос (5,6×1,3 м), ориентированный ССЗ—ЮЮВ, в юго-юго-восточной части которого имелись две ступеньки. Первая шириной 1,4 м, высотой 0,15 м, вторая шириной 1,2 м, высотой 0,3 м. Погребальная камера (катакомба) была продолжением дромоса. При расчистке дромоса и катакомбы встречены разрозненные кости человека, обломки горшка (табл. XXIV, 7), железный ножище (обломок, табл. XXVI, 3) и угольки.

Курган 44. Диаметр 14 м, высота 0,55 м. На глубине 1,35 м от вершины, в юго-западной части, околонулся дромос (3,4×1,4 м), ориентированный ССВ—ЮЮЗ, в юго-юго-западной части его было две ступеньки. Первая шириной 0,75 м, высотой 0,35 м, вторая шириной 0,95 м, высотой 0,7 м, переходящая в боковые уступы длиной 0,5 м, шириной 0,3—0,4 м. Пол постепенно понижался ко входу в катакомбу, расположенную в северо-северо-восточной его части. Вход, по всей вероятности, заложен камнем. Катакомба является продолжением дромоса (2×1,2 м, высота 0,65 м). При расчистке его найдены кости человека, среди которых обнаружены обломок бронзовой серьги (табл. XXVII, 2), железный меч (табл. XXV, 1, 6, 7), железный кинжал и обломок железного кинжала (табл. XXV, 4), железный крючок (табл. XXVI, 15), видимо, для подвешивания колчана, железный нож (табл. XXVI, 1), железная пряжка (табл. XXVII, 10), железные наконечники стрел (табл. XXVI, 11—14) и обломки кувшина (табл. XXIV, 9). При расчистке катакомбы, кроме отдельных костей скелета человека, ничего не обнаружено.

Курган 86. Диаметр 12,25—13,5 м, высота 0,58 м. На глубине 1,5 м от вершины, к северо-западу от центра, околонулся дромос (2,4×1,5 м), ориентированный ССВ—ЮЮЗ, в северо-северо-восточной части которого было три ступеньки. Первая шириной 0,8 м, высотой 0,2 м, вторая шириной 0,5 м, высотой 0,1 м, третья пока что спускалась ко входу в катакомбу, расположенную в юго-юго-западной части, и являясь продолжением дромоса. Вход плотно заложено камнем. На полу катакомбы (2,8×1 м, высота 0,55 м) находился неполный скелет человека. В анатомическом порядке сохранились кости таза и ног. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на ССВ, т. е. ко входу в дромос (рис. 13, 1, 2).

Около тазовых костей, с левой стороны, найдены обломок костяной пряжки (табл. XXVII, 13), у колена левой ноги — железный нож (табл. XXVI, 2), точильный камень (табл. XXVI, 6), у ступни — железные наконечники стрел (табл. XXVI, 8, 9). Около руки, с правой стороны, выявлены обломок железной накладкой (табл. XXVII, 8), у бедренной кости — железный кинжал (табл. XXV, 5), чуть ниже стоял кувшин (табл. XXIV, 3). Около ступни находился обломок фляги (табл. XXIV, 4). В юго-западном углу катакомбы обнаружены обломок каменной плитки, видимо, от точила (табл. XXVI, 7), железная острога (табл. XXV, 3) и железный вток от ее древка (табл. XXV, 2), здесь же были железный наконечник стрелы (табл. XXVI, 10) и обломок железного кольца (табл. XXVII, 15).

Погребения в подбоях

Курган 51. Диаметр 34—36 м, высота 3,2 м. В центре имелась воронка. Вокруг основания кургана сделано три кольца из камней, положенных на поверхность. Первое кольцо находится в 4 м от основания, второе — в 2 м от первого, третье — в 4 м от второго. Насыпь земляная, сверху обложена камнями, образующими как бы рубашку. В центре кургана был завал из камней. В 9 м от центра по радиусу на глубине 3,5 м от вершины обнаружен сырцовый кирпич размером $40 \times 40 \times 12$ —15 см, в середине круга площадь покрыта камышом. В некоторых местах камыш сохранился толщиной до 5 см. В центре кургана оконтурилась яма, в заполнении которой имелся также камень. В верхней части ее найдены обломок сосуда с отпечатками проса на дне⁶ от подсыпки (табл. XXXII, 11), кости барана (остатки от погребальной пищи).

После расчистки ямы удалось выяснить контуры погребального сооружения (сильно разрушенного грабителями). Это оказался дромос (3,3—2,3 м), ориентированный СЗ—ЮВ. В юго-восточной его части была ступенька шириной 0,6 м, высотой 1,2 м, на которой лежали камни. Вдоль восточной стенки сделан подбой ($2,7 \times 1,7$ м, высота около 1 м), заложённый, видимо, камнем. Дно ямы слегка понижается ко входу в подбой. С юго-восточной стороны в дромос вел подземный коридор (ширина 1 м, высота 1,4 м) с арочным потолком, который более чем на 4 м (начиная от дромоса) заложён камнем. Он сооружён, по всей вероятности, одновременно с погребальной камерой. При расчистке его ничего не найдено.

С северо-западной стороны прямо в подбой от основания кургана вел грабительский лаз шириной 1,5 м, который постепенно понижался ко входу в погребальное сооружение. На глубине 3,5 м от вершины, с трех сторон погребального сооружения обнаружены ямки от столбов (диаметр 0,2—0,3 м, глубина до 0,9 м), расположенные не совсем правильным кругом, но на одинаковом расстоянии друг от друга. Были ли ямки от столбов с восточной стороны, сказать трудно, так как в этом месте она разрушена.

При расчистке ямок выявлен тлен от камыша. Возможно, в ямки вставляли камышовые снопы и промежутки между ними также заполняли камышом (остатки его прослежены во всей центральной части кургана). Это сооружение как бы напоминает юрту со входом с востока; возможно, поэтому ямки на восточной стороне отсутствовали. С внешней стороны стены, видимо, были обложены камнем, чем можно объяснить завал из камней в центральной части кургана (рис. 15).

В разных местах грабительского лаза встречены кости человека, железные накладки-скобы со следами дерева на внутренней стороне и отпечатками ткани на внешней (табл. XXXII, 1—3). При расчистке дромоса найдены обломки кувшина (табл. XXXII, 10), обломок курильницы (табл. XXXII, 12), обломки костяных накладок от сложного лука — центральные (табл. XXXII, 6, 7) и концевые (табл. XXXII, 5—8). При расчистке подбоя обнаружены железный наконечник стрелы (табл. XXXII, 4) и пряслице или пуговица из известняка с круглым отверстием в центре (табл. XXXII, 9).

Курган 52. Диаметр 26 м, высота 3,5 м. На глубине 3,75 м от вершины, в южной части, оконтурилось два дромоса (рис. 16, 1—4).

Погребение 1. Дромос ($5 \times 2,2$ м) ориентирован ССЗ—ЮЮВ, в южной части имеет три ступеньки. Первая шириной 0,4 м, высотой 0,12 м, вторая шириной 1,1 м, высотой 0,15 м, третья шириной 0,6 м, высотой 0,7 м, переходящая в боковую вдоль восточной стенки. Подбой ($2,6 \times 0,85$ м, высота 0,7 м) расположен под западной стенкой. Пол его ниже пола дромоса на 0,15 м. Вход заложён сырцовым кир-

⁶ Определено кандидатом биологических наук В. П. Голоскоковым (Ин-т ботаники АН КазССР).

пичом размером $39 \times 39 \times 12$ —15 см, лежавшим плашмя. Встречены кирпичи другого размера — $39 \times 16,5 \times 10$ см и $39 \times 21,5 \times 11,5$ см. Они сложены, по-видимому, на глиняном растворе. Между кладкой и северной стенкой плотно уложен ряд из камней. Потолок, пол и стены подбоя обмазаны глиной. При расчистке дромоса найдены кости человека (обломки черепа мужчины типа, близкого к средиземноморскому, ребра и ключица), среди костей обнаружена курильница (табл. XXX, 3). Внутри нее были мелкие угольки каких-то растений. На дне подбоя в беспорядке лежали кости человека. Здесь же выявлены кости ног корсака⁷ и кувшин (табл. XXX, 2).

Погребение 2. Дромос расположен в 3,5 м на запад от дромоса 1 и ориентирован ССЗ—ЮЮВ ($5,2 \times 1,8$ м), в южной части к нему примыкает грабительский ход, в котором найдены обломки глиняного сосуда и косточки человека. Вдоль южной стенки шла ступенька шириной 0,8 м, высотой 0,4 м, переходящая в боковую вдоль западной стенки. Подбой (4×1 м, высота 0,65 м) расположен под восточной стенкой. Вход в него заложен сырцовым кирпичом того же размера, что и в погребении 1. Пол дромоса слегка понижается ко входу в подбой. При расчистке дромоса и подбоя обнаружены кости человека, обломки кувшина (табл. XXX, 1) и череп какой-то птицы.

Погребения в грунтовых ямах

Курган 28. Диаметр 10—12 м, высота 0,22 м. При снятии насыпи обнаружено кольцо из камня диаметром 8 м, шириной 1 м, высотой 0,3 м. На глубине 1,25 м от вершины, в центре кольца, оконтурилась яма ($2,7 \times 1,9$ м, глубина 0,5 м), ориентированная ЗСЗ—ВЮВ. На дне, у западной стенки, находились кости человека, сложенные в кучку (рис. 16, 5, 6). У северной стенки стояло два сосуда (табл. XXXIII, 1, 2). Здесь же найдены обломок бронзовой серьги, обломок железного меча или кинжала.

⁷ Определение произведено в Ин-те зоологии АН КазССР Б. Кожамкуловой.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Введение	5
ПОСЕЛЕНИЕ АКТОВЕ 2. (I — начало IV в. н. э.)	11
1. Описание памятника	—
2. Оборонительные сооружения	13
3. Жилые постройки	17
4. Дворцовое здание	21
5. Находки	36
6. Захоронение в купольном помещении	71
Время гибели памятника	71
ГОРОДИЩЕ ШАУШУКУМТОБЕ	80
1. Описание раскопок	—
2. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка	92
ГОРОДИЩЕ АКТОВЕ 1 (IV — нач. XIII в.)	120
1. Раскопки в цитадели	121
2. Раскопки в шахристане	140
3. Материальная культура городища и этапы ее развития	150
КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ	174
1. Могильник Жаман-Тогай	—
2. Могильник Актобе	193
3. Шаушукумский могильник	201
4. Могильник Торебай-Тумсык	240
НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ	243
Приложение	252

**Максимова Анна Георгиевна,
Мерциев Михаил Сергеевич,
Вайнберг Бэла Ильинична,
Левина Лариса Михайловна.**

ЦРЕВНОСТИ ЧАРДАРЫ

*Утверждено к печати ученым советом
Института истории, археологии
и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

**Редактор Н. Н. Королева
Худож. редактор И. Д. Сущих
Техн. редактор П. Ф. Алферова
Корректор Л. Ф. Любенко**

Художник И. Д. Сущих

* * *

Сдано в набор 16/IX 1968 г. Под-
писано к печати 21/XI 1968 г. Фор-
мат 70×90^{1/16}. Бумага № 2. Усл.
печ. л. 18,63 (4 вклейки). Уч.-изд.
л. 20. Тираж 1250. УГ05624. Це-
на 1 р. 46 к.

* * *

Типография издательства «Наука»
КазССР, г. Алма-Ата, ул. Шевчен-
ко, 28. Зак. 145.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	17 сверху	от 0,6 и 1.2 ж	от 0,6 до 1,2 ж
33	8 снизу	По ней	Под ней
48	19 *	(рис. 18, 1—4, 12, 20, 23)	(рис. 18, 1—4, 12; рис. 20, 2, 3)
—	1 *	стр. 338	стр. 338
52	10 сверху	рис. 10, 1—13;	рис. 19, 1—13;
—	17-18 снизу	т. I, стр. 25;	табл. I, рис. 25, 8;
57	9 сверху	Меньшая часть сосудов снару- жи либо полностью пок- рыта красным... ангобом..., либо прочерченным... ор- наментом. (рис. 26,2).	Меньшая часть сосудов снару- жи полностью покрыта красным... ангобом, а часть прочерченным... орнамен- том. (рис. 27, 2).
62	12 снизу	И. П. Берхиным	И. П. Берхиным
69	10 сверху	к клингу	к клингу
75	15 снизу	∞	∞
166	19 сверху	∞	∞
167	3 *	∞	∞
186	4 *	Ω	Ω
212	4 *	Ω	∞

Заказ 145

Α Λ Μ Α - Α Τ Α 1 9 6 8